

Родная ДАДОГА

№ 2(40)' 2017

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); Громов А. В. (Самара); Казин А. Л. (Санкт-Петербург); Коняев Н. М. (Санкт-Петербург); Корольков А. А. (Санкт-Петербург); Корытин С. Н. (Санкт-Петербург); Орлов Б. А. (Санкт-Петербург); Сдобняков В. В. (Нижний Новгород); Семёнов В. Е. (Санкт-Петербург); Смолькин И. А. (Псков); Швечиков А. Н. (Москва); Ясенов В. А. (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Владимир Крупин. Вначале победа, потом сражение	5
Михаил Смолин. Начала и концы революции. Либералы и социалисты	91
Александр Казин. Православный социализм как будущее России	96

История и современность

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов) . Современники: святой праведный Иоанн Кронштадтский и революционный священник Георгий Гапон. Становление их личностей и влияние каждого на мировоззрение русского народа	8
Павел Крнев . Мятеж, которого не было	50
Алексей Сергеев . Парламентское измерение. К 25-летию Межпарламентской Ассамблеи СНГ	130
Грачъя Погосян . Жизнь за Отечество	137
Валерий Павлов . Муж доблести и чести	145

Связь времён

Сергей Некрасов . Конец Императорского Александровского Лицея	78
--	----

Речь

Состоялась встреча митрополита Константина и исполняющего обязанности Главы Республики Карелия Артура Олеговича Парфенчикова. <i>Информационный отдел Петрозаводской и Карельской епархии</i>	88
---	----

Проза

Сергей Шаргунов . Мой батюшка	102
Михаил Зарубин . Кредит. Глава из романа	211
Игорь Изборцев . Пасхальный сон старика Василия Ивановича. Рассказы	277

Поэзия

Зоран Костиц	113
Наталья Харлампьева	118
Борис Орлов	123
Виктор Пеленягрэ	187
Григорий Блехман	192
Станислав Думин	229
Сергей Корытин	234
Татьяна Маругова	262
Антон Беляев	265
Вячеслав Ар-Серги	268

Пути познания

Вячеслав Никонов. Выбор будущего: образование в современном мире. <i>Выступление перед участниками форума «Поколение мира»</i>	126
Владимир Мясников. Китайский чай в России	238
Владимир Хавинсон. Лекарство от старости	249

Русские судьбы

Тамара Николаева. Совесть памяти	149
Дарья Правдюк. По следам Солоневича	157
Наталья Голубева-Монаткина. «Сделать русского человека...». <i>Заметки об эмигрантской русской школе 1920–1930-х гг.</i>	165

Памятослов

Николай Бурляев. Витязь русской культуры	152
---	-----

Искусство

Виктор Захарченко. Слово о Г. М. Концевиче.....	174
--	-----

Доспехи

Леонид Ивашов. Внешние причины революций	194
---	-----

Точка зрения

Леонид Савин. Либерализм умирает, приближается многополярность.....	199
Николай Стариков. Два актуальных вопроса	203
Александр Дугин. Экстерриториализация Болота. Миссия Дональда Трампа	208

Национальная безопасность

Виктор Пархимович. Безопасность полетов гражданской авиации	255
--	-----

Лестница

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инок Владимира, Важеозерского чудотворца	272
---	-----

Критика, литературоведение

Вячеслав Лютый. Птица с перебитым крылом. <i>Отчаяние и надежда в поэзии</i> <i>Анатолия Аврутина</i>	284
Василий Дворцов. Тридневие от Гончарова.....	300
Андрей Тимофеев. «Новые традиционалисты» как будущее русской литературы.....	311

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Разрушенный памятник вечной любви.....	293
---	-----

Владимир КРУПИН

ВНАЧАЛЕ ПОБЕДА, ПОТОМ СРАЖЕНИЕ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Гремят пасхальные колокола русских церквей, и вспоминается строчка поэта: «Золотое сердце России мерно бьется в груди моей». Именно в Пасху особенно ощущается непобедимость России.

Православие, а значит, и Россию, можно понять только тогда, когда уверишься в том, что смерти нет. Как нет? А что же тогда такое — российские кладбища? Но что такое Гроб Господень? Иисус Христос был положен в него умершим на Кресте. Но «воскрес в третий день по Писанию». Точно то же будет и с нами со всеми. Да, все умрем, но все и воскреснем.

В том-то и есть главный смысл Пасхи Христовой, он в победе жизни над смертью. Да и как может Начальник жизни Христос быть Богом для мертвых? Нет, только для живых. Умерев на Кресте, как человек, Он, как Бог, сошел в ад, разрушил адские двери. И Адама, и многих праведных, давно и недавно умерших, встречали люди на улицах Иерусалима.

«Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» — это одно из главных пасхальных возгласаний. Уничтожена смерть, стонет и рыдает ад.

И дарована нам вечная жизнь. Свершилась «Пасха верных, Пасха, двери райския нам отверзающая». Царь царей и Господь господствующих сделал наши души бессмертными.

В день Великого Воскресения, вслед за сошедшим в Великую Суботу Благодатным Огнем, служится Пасхальный Канон святого Иоанна Дамаскина. «Воскресения день, просветимся, людие; Пасха, Господня Пасха, от смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе...».

С Богослужения Святой Пасхи начинаются новые счастливые дни обновления души и тела. Всю Светлую Седмицу будут открыты Царские врата. Это знак того, что Спаситель открыл райские двери, показав путь спасения. Так почему же мы не идем этим путем?

От нашего предательства Христа еще при Его земной жизни. Спаситель сказал: «Верующий в Меня будет иметь жизнь вечную». Что ж не поверили? А кому поверили? Иудеям, которые требовали Его смерти? И крики их превозмогли робкое желание римского наместника Понтия Пилата освободить Христа. Хотя иудеи знали, что приход Христа сбылся точно в предвещенное время. Но принес Он не то, что ждали они, не власть их над миром, не золото для них, а учение о том, что не надо копить себе тленного богатства на земле, на которой даже и золото изоржавеет, а призывал к праведной жизни ради других.

Но ведь у Креста были не только иудеи, кричавшие: «Распни Его!», были и те, кто знал Христа при жизни, свидетели исцелений и сами исцеленные. Те же Вартимей и Закхей из Иерихона. И из десяти очищенных от проказы был тут хотя бы один, тот, кто вернулся благодарить Христа. А Лазарь, друг Христа, а сестры его Марфа и Мария? А гости на свадьбе в Кане Галилейской, где Спаситель явил Свое первое чудо? И почтенные мужи еврейские Иосиф и Никодим.

И сотни, и многие тысячи других. Что говорить — ученики разбежались. Только Иоанн остался. Именно ему поручил Иисус заботиться о Своей Матери. О Ней были Его последние земные мысли.

Да, предали Христа. Испугались. И римляне испугались. И, особенно, первосвященников. «Страха иудейского ради» предали Спасителя. О, бессмысленные иудеи, кого вы судили? Того, Кто будет судить Вселенную? Того, Кто способен отрясти звезды с небес, как яблоки с яблони? Того, кто колеблет горы и расплескивает моря и океаны? И Его судили земнородные твари? Творца жизни!

Вот если бы любили Христа, не боялись бы, ибо «совершенная любовь изгоняет страх». И как же не любить нетленного Бога? Вечного и Бесконечного, Всеведущего и Всемоущего?

Но честно скажем себе: своими грехами мы снова возводим Его на Крест? И опять распинаем. Он даровал нам время, мы распинаем этот Его главный дар, швыряем его в пасть удовольствиям, разврату, чему угодно, только не спасению души. Небесные силы ужасаются, видя наше предательство.

Уж теперь-то, после всех уроков истории, можно было прийти с покаянной головой ко Престолу Божию, понимая, что все золото мира не стоит одной спасенной души.

И если смерти нет, то что бояться перехода из времени в вечность? Чем сильнее человек верит в Бога, тем с большей радостью желает он окончания отведенного ему земного срока. Потому что не только земные времена каждого отдельного человека кончатся, но и вообще наступит конец Света. Но прежде — Страшный суд. Неизбежный, справедливый. Окончательный. А до него, вспомним пророка Иезекииля, останки людей вернутся туда, где родились, чтобы воскреснуть. О, сколько сухих костей прилетит в Россию отовсюду, из всех материков. То явится миру Святая Русь в своей полноте.

Миру вечному, в котором она будет главной. Главной, потому что была самой преданной Христу и более других возлюбила Его.

Святая Русь — главное воинство Христово. Закаленное веками страданий, пролитием крови оно в сражении Христа с Велиаром, света с тьмой, будет непобедимо. Это сражение началось в вечности, в ней и закончится. Фактически мы уже выиграли его. Потому что вступаем в него полные веры и мужества. Ибо одна только есть настоящая вера, Вера Православная. Почему? Потому что на землю ее принес Господь, Сын Божий. Остальные религии, верования созидались гордыней падшего человека.

Страшась этого сражения, враги Христа торопятся — всегдашняя их надежда — завладеть способностью Бога созидать жизнь. И что доказали? Что мы с дерева спрыгнули вместе с Дарвином и обезьянами? Если вам приятно считать шерстяных животных своими предками — воля ваша, но нас, православных, Господь сотворил.

ВЫШЛА КНИГА

Соколов А. Р.

Николай I и Краковская республика.
СПб.: Алетейя, 2016. — 304 с.

Представленная вниманию читателей монография не может закрыть все лакуны по сложным вопросам российско-польских отношений. Однако, избрав сравнительно локальную тему и опираясь практически исключительно на российские источники, автор хотел бы максимально объемно представить позицию исторического деятеля, несправедливо представляемого последовательным противником всего польского, а также исследовать важный, но полузабытый сюжет из прошлого двух народов. Сюжет, актуальность которого, возможно, и не лежит на поверхности, но вполне может проявиться в проблемах и событиях дня сегодняшнего, в нашей современности, которая может преподносить самые неожиданные сюрпризы.

История и современность

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

**СОВРЕМЕННОСТИ:
СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ
ИОАНН
КРОНШТАДТСКИЙ
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
СВЯЩЕННИК
ГЕОРГИЙ ГАПОН.
СТАНОВЛЕНИЕ
ИХ ЛИЧНОСТЕЙ
И ВЛИЯНИЕ КАЖДОГО
НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ
РУССКОГО НАРОДА**

Самое неистовое и разрушительное зло — это бывшее добро — падший ангел, становящийся демоном. Мировые трагедии тоталитаризма не обходятся без змия-искусителя, предпочитающего играть не на худших, а на лучших чувствах. Заполучать худших — не большая заслуга «профессионала» зла. Настоящий азарт мифистифицированной игры состоит в том, чтобы свратить лучших. Худшие по природе никогда не будут так неистовы, так вдохновенны и талантливы в злобе, как лучшие, свращенные духом максимализма.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире

Введение

История, как стихийный, непрерывный процесс, на первый взгляд, не имеет внутреннего смысла. Кажется, не существует законов, с помощью которых можно было бы описать, а тем более, спрогнозировать историческое движение, кажущееся

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

набором случайных событий, подвластных как человеку, так и человеческому сообществу. Если взять во внимание одну человеческую личность и рассмотреть ее существование вне зависимости от других, то покажется, что она абсолютно свободна и может руководствоваться лишь своей волей. Если же эту личность рассматривать в связи с другими такими же личностями, то становится очевидным действие непреложных законов, ограничивающих ее свободу, влияющих на формирование самой личности.

Особенно гармонично происходит становление личности в христианстве, где человек понимается не как случайный росток слепой хаотичной природы, а как носитель Божественного образа — образа Того, Кто Сам является Личностью и позволяет наследовать это свойство человеку. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность.

В человеке есть безусловное, надприродное начало: разум, самосознание, свобода и нравственность — значит безусловное начало есть и вне человека: ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. Эту мысль развивает известный христианский богослов и философ, профессор Казанской Духовной академии Виктор Иванович Несмелов (1863—1937). В своем фундаментальном труде «Наука о человеке» он выдвинул идею, что человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самым изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»¹. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Эта мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности — продолжается в православной концепции «богословия образа»².

Как рассуждали Святые Отцы, «можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей Природе. Но этот зов требует свободного ответа. Бог хочет, чтобы порыв этот был порывом любви. Соединение без любви было бы механическим, а любовь предполагает свободу, возможность выбора и отказа»³. Таким образом, наличие и возможность свободы предполагает и возможность бунта. «Только сопротивление свободы придает смысл согласию...»⁴.

Для понимания существа личности определяющее значение имеет **выбор**, принятие и исполнение человеком определенных социальных действий, внутреннее отношение к ним. Человек, как индивидуум, свободно

¹ Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1905. С. 270.

² Константин (Горянов), епископ. Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Журнал Московской патриархии. 1996. № 7. С. 55—62.

³ Лосский В. Догматическое богословие // Богословские труды. Сб. 8. М.: Издание Московской Патриархии, 1972. С. 156.

⁴ Там же.

и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознает возможные последствия своих действий по ее осуществлению и принимает всю полноту ответственности за свои поступки: «человек должен сам заложить основу своего будущего явления как человека; он должен сам, через “духовные упражнения” соткать ткань, в которую облечется в будущем»¹. Процесс становления личности осуществляется в многообразных социальных связях и отношениях на протяжении всей жизни человека.

Особенную роль в развитии личности имеют, по слову святителя Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека в основном на всю оставшуюся жизнь. К чему в процессе формирования личности приводит различие целевых установок, можно видеть на примере судеб священников Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Юношеские годы, этот ответственный период становления характера, пришелся у обоих на бытность в русских Духовных школах: училище, семинария, Санкт-Петербургская Духовная академия. Несмотря на схожие обстоятельства жизни, целевые установки у них оказались коренным образом различны.

В переломный предреволюционный период истории России складывались характеры, системы жизненных ценностей этих двух конкретных людей — святого праведного Иоанна Кронштадтского (1828—1909), всероссийского пастыря, великого молитвенника и чудотворца, предсказавшего трагические события русской истории XX в., и Георгия Гапона (1870—1906), известного своим участием в революционном движении. Как утверждает исследователь жизни и деятельности последнего: «Можно с уверенностью сказать, что в 1905—1906 гг. ни одно русское имя не вызывало во всей Европе столь же жгучего интереса, как имя Георгия Гапона. Его превозносили, его низвергали, на него клеветали»².

Велика нравственная бездна, разделяющая святого батюшку Иоанна Кронштадтского и священника Георгия Гапона (лишенного сана в 1905 г.), ставшего провокатором и одним из растлителей народного духа. Базовые условия жизни этих двух людей подобны, но не схожи личности. «Свободное испытание границ области Христа и антихриста и есть смысл личной жизни каждого из нас — на земле, и после земли. Однако все лучшее в глубине имеет личный характер. Вера, надежда, любовь, счастье — равно как и неверие, безнадежность, ненависть, горе — сугубо личные качества/энергии человека»³. Почему один стал светочем Церкви, а другой был лишен священнического сана? Почему сформировались противоположные друг другу характеры? Как известно, своего рода «ключ» к пониманию мировоззрения человека — его жизненный путь. Поэтому для начала необходимо кратко, в сравнительном аспекте, изложить основные вехи биографий святого Иоанна Кронштадтского и отца Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности.

¹ Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. М., 2000. С. 17.

² Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 227.

³ Казин А. Л. Homo Russicus: Маленькая национальная энциклопедия. СПб.: Алетей, 2014. С. 123—124.

І. Начало премудрости

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии 19 декабря 1828 г. в семье бедного причетника Ильи Михайловича Сергиева (1808—1851)¹. Позже о. Иоанн в автобиографии напишет:

«С самого раннего детства родители приучили меня к молитве... Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем...». Грамота давалась тяжело, «но, будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неудачах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище»². Училище будущий «всероссийский батюшка» окончил в 1845 г. уже в числе успевающих и был «назначен к поступлению в Архангельскую семинарию»³.

Обучение в семинарии длилось 6 лет, оно было также разделено на три двухгодичных цикла или отделения. В низшем отделении больший упор делался на изучении риторики и поэзии, а потому обучающиеся на нем студенты назывались «учениками словесности». В среднем — «философском» отделении курс наук дополнялся патристикой, философией, в высшем — «богословском» отделении, помимо продолжения изучения многих уже названных дисциплин, уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков (французского, немецкого или еврейского)⁴. В отдельные периоды преподавалась медицина, так как врачи и фельдшеры располагались в более крупных населенных пунктах и требовали за визит значительных гонораров, а у крестьян не всегда на это находились средства. Поэтому священникам часто приходилось выполнять функции врача. Семинарская программа была высочайше утверждена и обязательна для выполнения.

Обучение в семинарии не было бесплатным: частично оно оплачивалось государством, а частично — родителями. В столичных семинариях была также распространена практика именных стипендий, когда обучение лучших или беднейших учеников оплачивалось каким-либо значительным и состоятельным лицом. В Архангельской Духовной семинарии была учреждена только архиерейская стипендия. Иван Сергиев стал ее стипендиатом в 1850/1851 учебном году. Спустя полвека, в 1900-е гг., получив уже всероссийскую известность, отец Иоанн смог материально помогать таким же бедным студентам, каким когда-то был он сам, и учредил ряд стипендий в

¹ Наиболее полную биографию см.: *Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский*. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000.

² Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев / сост. и комм. А. Н. Стрижев. М.: Отчий дом, 1997. С. 14. *Примечание*: цитируемая автобиография незначительно отличается от автобиографии, помещенной в издании: Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М.: Отчий дом, 2004. С. 8—9.

³ *Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский*. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 56.

⁴ *Балакина Ю. В. Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских Духовных школах (1838—1851) // Альманах «Кронштадтский пастыррь»*. Вып. 2. М.: Отчий дом. 2010.

различных Духовных учреждениях страны, в том числе и в Архангельской семинарии.

В архиве сохранились прошения отца будущего пастыря Иоанна Кронштадтского — Ильи Сергиева, и самого семинариста, — к семинарскому начальству о предоставлении последнему казенного содержания. Начальство всегда отказывало под тем предлогом, что Иван Сергиев имеет пономарское место, как источник дополнительного дохода, которого, однако, не хватало на учебу, что видно из «покорнейшего» прошения самого Ивана: «Отец мой Илья Сергиев, проживающий в Сурском приходе Пинежского уезда дьячком, имеет кроме меня и брата моего Ивана Сергиева, обучающегося в первом приходском классе, в семействе четыре человека. По бедности своей он не только не в состоянии мне доставлять приличного для ученика одеяния, но и с величайшею трудностью пропитывает меньшего брата моего, который содержится на его собственном иждивении уже третий год. По сему покорнейше прошу Семинарское правление, не соблаговолено ли будет меня принять на полное казенное содержание, и тем избавить отца моего от крайней бедности. О чем учинить милостивейшее благорассмотрение и решение.

К сему прошению вышеозначенный ученик Низшего класса Иван Сергиев руку приложил.

1842 года

Сентября 11 дня»¹.

Тем не менее Иван Сергиев в 1845 г. успешно оканчивает Высшее отделение Архангельского Духовного уездного училища и поступает в Низшее отделение семинарии. И в июле этого же года епископ Архангельский и Холмогорский Георгий (Ящуржинский)² утвердил Ивана Сергиева, студента семинарии, писцом уездного училища с положением скромного жалования по 17 рублей 16 копеек в год, то есть по 1 рублю 43 копейки в месяц, что уже было большим успехом. Но обязанности письмоводителя Иван Сергиев исполнял очень недолго. 30 июля 1845 г. на Архангельской кафедре сменился епископ. Место преосвященного Георгия, утверждавшего Ивана в должности писца, занял преосвященный Варлаам (Успенский)³. И уже в январе 1846 г. епископ Варлаам устно предложил Семинарскому правле-

¹ ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 237. Л. 698.

² Епископ Георгий (Ящуржинский) (1778-1852) возглавлял Архангельскую и Холмогорскую епархии с 1830 по 1845 г. Примечательно, что в 1832 г. получил выговор от Святейшего Синода за участие в церемонии открытия памятника М. В. Ломоносову, поскольку в это время Церковь негативно относилась к возведению памятников в честь людей. См.: *Пивоваров Б., прот.* Архиепископ Георгий (Ящуржинский) // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 40.

³ Епископ Варлаам (Успенский) (1801–1876) возглавлял Архангельскую и Холмогорскую епархии с 1845 по 1854 г. Причем поводом для его перевода в 1854 г. на Tobольскую кафедру послужило следующее обстоятельство. Во время Крымской войны Владыка обвинил архангельского военного губернатора вице-адмирала Р. П. Бойля, англичанина по происхождению, в покровительстве английскому флоту, вошедшему в Белое море и грабившему монастыри и храмы на островах. Святейший Синод провел расследование по данному делу и вынес приговор не в пользу архиерея. В сентябре 1854 г. Владыка Варлаам докладывал дело Императору Николаю I, после чего был оправдан. Правда, тогда же последовал его перевод на Пензенскую кафедру. См. *Артоболевский А.* Вице-адмирал Бойль и преосвященный Варлаам, епископ Архангельский (Эпизод из истории русско-турецкой войны 1853–1856 гг.) // Русская старина. 1905. № 6. С. 671–680.

нию найти на должность писца нового ученика. Истинные причины такого решения неизвестны.

Однако, несмотря на все трудности, за годы обучения в семинарии Иван Сергиев зарекомендовал себя весьма способным и примерным воспитанником, в результате чего он был даже назначен «старшим над архиерейскими певчими». Правда, по воспоминаниям отца Иоанна, эта должность «над самой некультурной, пьяной и распущенной в прежнее время частью бурсы» едва не сгубила его.

Претерпевая всевозможные испытания и искушения, Иван Сергиев в 1851 г. оканчивает семинарию первым учеником выпуска. И именно ему выпала честь от лица выпускников произнести речь. Как подчеркивает митрополит Вениамин: «В его речи уже виден будущий человек “опыта”, а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов, не так было у Ивана Сергиева... Благодарит сначала архиерея, как высокого отца за “неоцененные блага образования”. Кто читал творения отца Иоанна, особенно его “Дневник”, тот знает, как высоко всегда отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его... А потом будущий всероссийский молитвенник и чудотворец обещает — от лица всех окончивших курс — молиться перед престолом Божиим за архипастыря своего, зная, что почти все они, хоть не все в одно время, будут служителями алтарей. Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20 %, а в академии даже и менее: во время же отца Иоанна “почти все” ... И — Правдою Божиею — были наши школы закрыты потом, как “малоплодные смоковницы”»¹.

Отец Ивана Сергиева, Илья Михайлович, скончался, когда юноша оканчивал семинарию. Его мать, Феодора Власьевна (1808—1871), осталась вдовой с двумя дочерьми, поэтому Иван сразу же хотел пойти на приход псаломщиком, чтобы содержать семью. Однако решительная мать настояла, чтобы ее сын, первый ученик, по направлению ехал на учебу в Санкт-Петербургскую Духовную академию. И 28 июля того же года будущий пастырь выехал из Архангельска в Санкт-Петербург²...

Теперь обратимся к жизненному пути Георгия Гапона.

Он родился 5 февраля 1870 г. на Полтавщине в селе Беляки. Отец — Аполлон Федорович — казак, мать — крестьянка. Семья верующая, православная, и Георгий с детства был весьма религиозен. Дед часто рассказывал ему жития святых, которые на семилетнего мальчика оказывали такое влияние, что он, молясь, часами простаивал со слезами на глазах перед иконами.

Его отца 35 лет подряд выбирали волостным писарем, но он никогда не брал взяток и, окончив службу, оказался беднее, чем был раньше. Честность унаследовал и сын. Позже, когда Г. Гапон стал известным священником, увлекшимся революцией, через него проходили значительные фи-

¹ Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 24—25. *Примечание:* митрополит Вениамин сравнивает со временем своего обучения в Тамбовской Духовной семинарии (1897—1901), а затем в Санкт-Петербургской Духовной академии (1903—1907); в 1911 г. он был назначен на должность инспектора Санкт-Петербургской Духовной семинарии.

² Более подробно об учебе в Архангельских Духовных школах см.: Балакшина Ю. В. Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских Духовных школах (1838—1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М.: Отчий дом. 2010.

нансовые суммы, но никто из соратников не мог его упрекнуть в воровстве. Последние месяцы жизни Гапон проживал в бедности.

Гапон в мемуарах с гордостью пишет о своем отце и с болью о своей Родине: «Вопреки крестьянскому обыкновению, отец никогда не бил детей. Из его разговоров я узнал о всех несправедливостях, сделанных властью по отношению крестьян, узнал о том, как каждый вершок Украины, теперь отданный правительством разным туеядцам, был полит кровью казаков, сражавшихся за свободу и народное благо и служивших оплотом западному христианству против турок и татар с Востока»¹.

Мы видим, что Георгий Гапон, как и Иоанн Кронштадтский, тоже был выходцем из провинциальной глубинки, из бедной семьи. Как и Иоанн Кронштадтский, он окончит Духовное училище, семинарию, а потом и Санкт-Петербургскую Духовную академию, и примет сан священника. Базовые условия жизни этих двух людей подобны. Но возникает вопрос, почему сформировались противоположные друг другу характеры?

Попробуем изложить в сравнительном аспекте основные вехи биографии святого Иоанна Кронштадтского и отца Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности, повторяя и подчеркивая, что особенную роль в развитии личности имеют, по слову святителя Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека в основном на всю оставшуюся жизнь².

Уже первые события биографий Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духовное развитие личности будущего светила праведности — Иоанна Кронштадтского с раннего детства было сопряжено с Богом-Творцом через молитвенное обращение к Нему. В то время как на маленького Георгия Гапона особо экзальтированное впечатление производили жития святых, а также разговоры о несправедливости, которые пробуждали в нем бунтарский дух. Страстной, склонной в некоторой степени к театрализации натуры будущего народного агитатора более близкими были жанровые житийные эпизоды. Особо его привлекали в некоторых житиях апокрифические мотивы:

«Помню, как меня поразил случай из жизни святого Иоанна, епископа Новгородского, когда он усердно молился, а злой дух, всеми способами стараясь смутить его, прыгнул в чан с водою, стоявший в келии, а святой муж поспешил перекрестить чан и тем закабалил черта. Черт взмолился, чтобы его выпустили, и обещал сделать все, что пожелает святой Иоанн. Епископ

¹ *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 4. *Примечание:* мемуары написаны в мае-июне 1905 г. в Лондоне. Это практически единственный источник, повествующий о детских и юношеских годах Г. Гапона. Следует иметь в виду, что писал мемуары не Гапон, а Давид Соскис (1866–1941), родившийся в Бердичеве в семье еврейского купца Вольфа Соскиса и его жены Баси Либы. Соскис получил юридическое образование, стал революционером, в 1898 г. иммигрировал в Англию. После Кровавого воскресенья Гапон некоторое время скрывался в доме Соскиса в лондонском районе Хаммерсмит. В это время Соскис, знавший русский язык, совместно с Дж. Перрисом по рассказам Гапона написал его биографию «История моей жизни», вышедшую под именем Гапона. В 1917 г. Соскис приехал в Россию и стал личным секретарем А. Ф. Керенского.

² Епископ Феофан (Говоров), затворник Вышенский, бывший ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1857–1859), причислен к лику святых.

пожелал быть немедленно перенесенным в Иерусалим, и в ту же ночь они съездили туда и обратно, и святой освободил черта. Рассказ этот произвел на меня большое впечатление: я заплакал, но в то же время желал, чтобы мне представился такой же случай поймать черта»¹.

Это поразившее воображение Гапона событие ясно обозначает некие самые яркие черты его характера, врожденные и сформировавшиеся в детстве, а затем проросшие у взрослого — авантюризм и желание поиграть со злом. Отец Георгий Гапон без особых на то причин и особых духовных трудов был уверен в своей нравственной, духовной силе, верил в легкую победу над злом, с которым не боялся заигрывать, и об истинной мощи которого имел, вероятно, весьма смутные представления. Амбициозность и убежденность в собственном могуществе свидетельствуют о том, что в душу Гапона с детства не было заложено понятие священного страха Божия, который есть начало премудрости.

Душу Гапона рано поразила бацилла бунта, и отчасти виной тому был его отец, который враждебно относился к существующим на Полтавщине порядкам. На всю жизнь Гапон запомнил сцену, когда при виде проезжающей мимо коляски помещика отец сказал: «Смотри, как он гордо глядит, а ведь его коляска и все, что он имеет, досталось ему нашим трудом». Гапон тогда схватил с земли камень и швырнул вслед проехавшей коляске²... Таким был первый практический урок из «революционной теории», усвоенный Георгием Гапоном еще в детстве.

Следует заметить, что с Полтавщиной связаны также родовые корни Гоголя и Мазепы. Николай Васильевич Гоголь, гениальный русский писатель, мистический и одновременно молитвенный, тоже заглянул в демонические бездны и в ужасе отпрянул от них, выбрав мучительный, трагический путь ко Христу. Иван Мазепа, взяв на вооружение методы «совратителя человечества», попытался использовать в личных целях две великие державы, предавал то одну, то другую, но в гордыне переоценил свои человеческие возможности на поприще зла и обмана и проиграл Премудрости. Кстати, в свое время в Полтавской семинарии учился и Симон Петлюра.

Здесь просматривается некая загадочная параллель с судьбой Гапона, тоже желавшего поймать и оседлать черта и заглянуть в бездну. Не подозревая о существовании третьего закона Ньютона о том, что *взаимодействия двух тел друг на друга равны между собой и направлены в противоположные стороны*, не зная мысль Фридриха Ницше: «кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем, и если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя», Гапон засмотрелся в эту бездну, из которой неимоверными усилиями удалось вырваться его земляку Гоголю. И был ею поглощен... Но с чего же началось падение?

Вероятно, в детстве следует искать условия возникновения столь различной степени почитания родителей у святого Иоанна Кронштадтского и Гапона. Отец Иоанн всегда крайне уважительно, послушно и с любовью относился к матери и отцу. Достаточно упомянуть его отказ от употребления непостной пищи в Великом Посту, когда врачи настаивали на этом ввиду

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 5.

² Там же. С. 4.

серьезности болезни юноши. Причина отказа была — отсутствие благословения матери.

Позже, будучи знаменитым священником, отец Иоанн, несмотря на огромный поток посещающих его людей, не забывал навестить родное село Суру, где жила его мать, а когда не мог приехать сам, вызывал ее к себе в Кронштадт. С сыновней нежностью он всегда целовал ее руку на ночь, в сыновнем неутолимом горе проводил мать в последний путь, похоронив на городском кладбище Кронштадта.

Отношения с родителями Георгия Гапона вызывают к ним сострадание. В своих мемуарах он говорит, что в детстве любил отца и мать, но тут же признается, что «восставал против деспотизма своей матери», «нарочно бросался в реку, чтобы не идти с ней в церковь», бывал «пойман в пятницу за поедание хлеба с молоком». О матери своей он впоследствии писал как о «запутавшейся в текстах религиозного формализма», а в конце жизни признавался, что даже не знает, как и где она поживает. И отец Гапона, «не способный убить даже муху», якобы имел хорошее влияние на сына, но непонятно, какое именно, если в зрелом возрасте священник признавал, что необходимо «с оружием в руках сбросить самодержавие... не останавливаясь перед жертвами».

Родители отправили Георгия Гапона в Полтавское Духовное училище, где по результатам вступительных экзаменов его приняли сразу во второй класс. В училище один из педагогов Иван Михайлович Трегубов давал ему почитать некоторые из запрещенных тогда сочинений Л. Н. Толстого, которые, как признает сам Гапон, «оказали громадное влияние на мое мышление... Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи, в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций»¹.

Желанием поделиться с односельчанами «новыми идеями» или же самоутверждением и самолюбованием была продиктована эта сформировавшаяся потребность покритиковать и позлословить? Вероятнее всего — и тем и другим.

После Духовного училища Г. Гапон поступил в Полтавскую семинарию. Там произошло уже более тесное соприкосновение молодого семинариста с учением графа Л. Н. Толстого: двое из семинарских преподавателей оказались его последователями: это упомянутый выше Трегубов и Исаак Борисович Фейнерман. Гапон толстовцем не стал, но наставления подобных «учителей», вовлекавших в социальные столкновения, изранили душу не закаленного в подобных сражениях семинариста.

Как отмечает биограф Гапона Д. Сверчков, он «под влиянием толстовца Фейнермана продолжал открыто порицать лицемерие служителей Церкви. За это Гапон был лишен стипендии и стал добывать средства к жизни, давая уроки в богатых домах...»². А вот что сам несостоявшийся пастырь пишет о своем увлечении: «Когда я поступил в семинарию, то и там, под влиянием

¹ *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6. Трегубов Иван Михайлович, кандидат богословия, в одной из своих заметок пишет: «Я давал ему (Гапону) разные книги, которые имелись в училищной библиотеке, и, между прочим, запрещенные сочинения Льва Толстого, ходившие тогда в рукописях, которые я усердно распространял, несмотря на запрещение, среди моих учеников и семинаристов, посещавших меня». Источник: журнал «Освобождение», Париж, № 66, 1905 г., заметка о Г. Гапоне его учителя, толстовца И. М. Трегубова.

² *Сверчков Д.* Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1920. С. 11.

одного толстовца — Фейермана, я продолжал открыто порицать окружающее меня лицемерие, пока один из священников и один из наставников не донесли на меня семинарскому начальству, что я развращаю товарищей, насаждая семена ересей»¹.

Конечно, еретические увлечения предусматривали «двойную жизнь». Трегубов вспоминает об этом так: «...Я не верил уже в православие, но, тем не менее, я ходил с учениками в церковь, говел и причащался. То же самое делали и мои молодые друзья, которые тоже уже не верили в православие. Некоторые из них, не переставая в душе отрицать православие, поделались потом даже священниками для того, чтобы, под прикрытием священнического сана, успешнее разрушать православие и проповедовать усвоенный ими христианский идеал. Я уверен, что этот самый идеал и соединенный с ним иезуитский принцип были усвоены и Гапоном, и эта-то смесь божеского с дьявольским и погубила его»².

Увлечение толстовством оставило след в развитии мировоззрения Гапона, оно подготавливало его к будущему разрыву с Православной Церковью, которую Л. Толстой обвинял в лицемерии. Именно в это время Гапон, как он сам пишет, «все яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядностями и догматами Церкви»³.

Учение графа Л. Толстого было известно и отцу Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, что оно оставило след и в его душе, но не сочувственный, как у Гапона, а ожоговый. Всероссийский батюшка не побоялся, защищая святую Русскую Православную Церковь, растлеваемый русский народ, открыто опровергнуть заблуждения всемирно известного писателя, причем здесь он был как никогда строг и непреклонен: «Господи, сколько (о ужас) ругается над Тобой и Церковью Твоею, над учением Твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся так называемая интеллигенция».

Святой Иоанн пророчески заметил: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. И смерть Толстого будет ужасом для всего мира».

Небезосновательно граф Толстой Лениным был назван «зеркалом русской революции», поскольку его религиозное учение способствовало подрыву авторитета Православной Церкви в российском обществе и подготавливало почву для построения богоборческого режима. Поэтому в духовно-нравственной эволюции Гапона увлечение толстовством является далеко не случайным эпизодом. Как известно, после Кровавого воскресенья Гапон так сформулировал свои новые взгляды, возможно, навязанные западной философией: «Бога больше нет!», и очевидно, что к этой мысли он пришел не сразу, а в результате своего духовного падения, окончившегося гибелью.

Современный выдающийся философ А. С. Панарин отмечает, что в XX в. тоталитарное зло выступает в превращенной форме искушения: «Метафизика зла здесь на порядок усложняется, ибо зло теряет свою природную изначальность в качестве особой никчемной субстанции и становится ре-

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6. Гапон пишет «Фейерман», но это явная описка.

² Цит. по: Шубинский В. И. Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2014. С. 15.

³ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6.

зультатом инверсии. Самое неистовое и разрушительное зло — это бывшее добро — падший ангел, становящийся демоном. Мировые трагедии тоталитаризма не обходятся без змия-искусителя, предпочитающего играть не на худших, а на лучших чувствах. Заполучать худших — не большая заслуга “профессионала” зла. Настоящий азарт мефистофельской игры состоит в том, чтобы совратить лучших. Худшие по природе никогда не будут так неистовы, так вдохновенны и талантливы в злобе, как лучшие, совращенные духом максимализма»¹.

Поэтому, наверное, так охотно, бахвалясь, что идут на смерть во имя своих идей, примкнули к радикальным партиям и взялись за террор молодые люди, юноши и девушки 20–25 лет. Немало ушло в революцию и семинаристов. С 1860-х гг. слово «семинарист» приобрело смысл революционера-разночинца. Достоевский под впечатлением деятельности Добролюбова и особенно Чернышевского, который заявлял «я — семинарист», записал в своем дневнике: «Я обнаружу врага России — это семинарист». Действительно, некоторые молодые воспитанники Духовных школ открыто заявляли, что Бога нет и Царство Божие им придется устанавливать на земле без Бога. И как народу было не поверить им, ближе других знавшим о духовном мире. Эта примета времени была следствием навязанного извне столкновения «православно-лютеранского исповедания» со святоотеческим, происходившего во многих академиях и семинариях, особенно столичных. Именно в Духовных школах тайно действовали и укоренялись пропагандистские силы, призывавшие изменить православные убеждения на революционные, что являлось следствием попыток приспособления Православия к духу европейского гуманизма — «по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Некоторые учащиеся пропаганде поддавались.

Очевидны выводы, которые можно сделать на первом этапе сравнительного анализа жизни двух современников — святого Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Эти выводы подтвердятся и дальнейшим ходом сопоставления мировоззрений и поступков двух исторических деятелей. А состоят они в том, что личность формируется в первую очередь в процессе отношения с другими себе подобными личностями. В служении на поприще любви и благодати формировалась личность Иоанна Кронштадтского. Личность Георгия Гапона, человека, бесспорно, незаурядного, ищущего, разрушалась самоуверенным пренебрежением государственными законами и осуждением священных основ жизни. Закономерным следствием стала ее нравственная и физическая гибель.

В 1893 г. Гапон окончил семинарию и собирался поступать в Томский университет на медицинский факультет. Однако этот путь для Гапона оказался закрыт. Из документов, хранившихся в Синодальном архиве, стало известно, что причиной получения Гапоном диплома второй степени, помешавшей ему поступить в университет, была грубая выходка по отношению к преподавателю Догматического богословия В. П. Щеглову. «Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни, — вспоминает Гапон. — Некоторое время я жил уроками и занимался статистикой в земстве... Теперь я увидел бедноту в цифрах и

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 209–210.

данных, собранных с больших площадей... и это еще более укрепило во мне желание посвятить свою жизнь служению рабочему классу и, первым делом, крестьянам»¹.

Очевидно, что уже на первом этапе пастырского служения Гапон утратил уважение к большинству православных священнослужителей, архиереев, да и к самой Православной Церкви, а естественным и последовательным изменением его личности стало отвержение Самого Бога. Это произошло через десять лет после принятия сана священника, якобы «ради верных Христу».

Гапон не хотел быть священником, а мечтал стать врачом. Когда он подрабатывал уроками, то познакомился с дочерью полтавского купца. «Я часто разговаривал с нею, и, когда она узнала о моих планах на будущее, она высказала свое мнение, что положение священника далеко лучше положения доктора для осуществления тех целей, которые были мне дороги... Когда я возразил ей, что *мои принципы противоречат* (выделено мной. — Авт.) учению Православной Церкви, она ответила, что этого мало, так как главное дело — быть верным не Православной Церкви, а Христу, Который есть идеал служения человечеству... Это убедило меня, и я решил сделаться священником»². Налицо толстовское противопоставление Христа и Его Церкви, которая является мистическим Телом Христа, а Христос — ее Главою.

В 1894 г. Гапон женится и через два года принимает сан священника. Добрый, снисходительный епископ Иларион³ определил его на хорошее, доходное место при кладбищенской церкви в Полтаве. Там молодой проповедник учредил братство для бедных и развернул активную социальную деятельность. Народ его полюбил. Часть духовенства осуждала неординарного коллегу, но архиерей продолжал относиться доброжелательно и покровительствовал ему.

Вспоминая свой полтавский период жизни, Гапон напишет: «Женат я был четыре года, а священником был два года. У нас было двое детей — девочка и мальчик. После рождения мальчика жена моя серьезно заболела... И она умерла на моих руках... мне казалось, что все светлое отлетело из моей священнической жизни... Я был так удручен, что стал опасаться за свои мозги»⁴.

В 1898 г. Гапон покинул ставшую ему постылой Полтаву и на следующий год по ходатайству епископа Илариона и при содействии обер-прокурора К. П. Победоносцева поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию.

II. Духовная лестница Иоанна Кронштадтского

Иван Сергиев по окончании Архангельской Духовной семинарии был принят в Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1851 г. на казенный

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Епископ Иларион (Юшенев) (1824—1904) возглавлял Полтавскую и Переяславскую епархию в 1887—1904 гг.

⁴ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 7—8.

счет. Следует отметить, что ректором академии был епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, известный своими фундаментальными богословскими и церковно-историческими трудами и строгостью, которая являлась неотъемлемой частью всего учебного процесса в академии, и особенно дисциплины. Владыка Макарий, будучи ректором академии с 1850 по 1857 гг., очень внимательно относился ко всем сторонам академической жизни, но больше всего к воспитательной, поскольку до этого, с 1844 по 1850 гг., являлся инспектором столичной же академии. Примечательно, что уже через месяц после своего назначения на пост ректора Владыка Макарий предложил усилить инспекторский надзор за студентами даже в учебное время: «Было, что для постоянного наблюдения за воспитанниками полезно было бы, если бы они находились под надзором инспектора и его помощников не только в жилых комнатах во время свободное от классических занятий, но в самых классах при слушании наставнических лекций, которые продолжаются шесть часов ежедневно»¹.

«Нынешней свободы в академических стенах тогда не было и в зародыше. За студенческим поведением строго следили даже в классах во время профессорских лекций. Инспектор и помощники его, согласно “представлению” “Внутреннего академического правления” (от 6 февраля 1851 г., № 43) на имя С.-Петербургского митрополита Никанора (8 февраля подписавшего: “согласен”), обязаны были и в аудиториях наблюдать за студентами, как последние вели себя в присутствии профессоров. Нарушения академических правил поведения карались внушительно и непопустительно. Когда, напр., инспектор архим. Иоанн сообщил (1 сентября 1854 г.) о студенте Викторе Никольском, что последний был им замечен “в беспорядочном препровождении времени, соединенном с нетрезвостью”, то академическое правление распорядилось посадить взрослого человека просто-напросто “в карцер на два дня” и об его проступке вписать “в книгу поведения”... Времена были “серьезные”»².

Впоследствии отец Иоанн, сравнивая начало XX в. со своими временами обучения в Духовных школах, писал: «...теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и все пошло не так»³.

Вероятно, это «не так», это послабление порядка, академических правил обучения, произошедшие в поздние времена, когда семинаристом был Г. Гапон, тоже поспособствовало изменению личности будущего священника, не проявлявшего должного почтения не только к образовательному процессу, но и к самим преподавателям.

Отец Иоанн Кронштадтский всегда с неизменным уважением отзывался о духовном образовании. Так, в проповеди в день памяти своего небесного покровителя преподобного Иоанна Рыльского он подчеркнул: «При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы:

¹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2227. Журналы заседаний членов внутреннего Академического правления. Л. 2.

² *Бронзов А. А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. С. 390–391.

³ *Духонина Е.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. М., 1998. С. 163.

низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души»¹.

Сразу бросается в глаза разница в оценке духовного образования, которую давали отец Иоанн Кронштадтский и отец Георгий Гапон.

«Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной академии, имела на меня особое благоприятное влияние, — писал отец Иоанн. — Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое мирозерцание, и я, Божиею благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благодати Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым, жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин. 1:29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божиим в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, стгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана»².

Учебу Иван Сергиев совмещал с работой: за гроши переписывал в канцелярии по ночам бумаги. После смерти отца он остался единственным кормильцем в семье. Скудное жалование Иван пересылал матери. Но первый заработок за переписку сочинений старшего товарища он употребил на покупку толкования святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался этой покупке как сокровищу из сокровищ³.

В связи с тем, что творения святителя Иоанна Златоуста окажут большое влияние на о. Иоанна Сергиева, о чем будет сказано ниже, можно обратить внимание на следующий факт. Данная покупка была совсем не случайной. Дело в том, что именно в 1840—1850 гг. Санкт-Петербургская Духовная академия переводила в систематическом порядке творения святителя Иоанна Златоуста, тогда как остальные три академии поделили между собой творения других Святых Отцов и учителей Церкви. Впоследствии, в 1895—1906 гг. столичная академия издаст уже полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста в 12 томах. И в 1907 г., когда весь христиан-

¹ *Иоанн Кронштадтский*. Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / сост.: Т. И. Орнатская и др. М.: Отчий дом, 2004. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников / сост. С. М. Шемякина, Т. Н. Шпякина. М.: Издательский совет РПЦ, 2002. С. 10.

ский мир отмечал 1500-летие со дня кончины святителя, Иоанн преподнесет свое издание Императору Николаю II, за что тот через правящего митрополита ответит: «Академию благодарить»¹. Примечательно, что второе издание выходило как раз в период обучения в академии священника Георгия Гапона, но на него труды святителя Иоанна, если он вообще их читал, не оказали никакого влияния.

Уединенное помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту Ивану Сергиеву еще бóльшую возможность заниматься своим образованием и в особенности чтением трудов Святых Отцов. В студенческие годы он отличался в учебе особым прилежанием. Кроме добросовестного изучения обязательных предметов Иван читал и великих богословов, особенно любил творения святого Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг начинал хлопать в ладоши святому Златоусту, до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Вселенского учителя. Такое творческое проникновение в труды Великого святителя, вероятно, определяется не только художественной и духоносной их гениальностью, но особым талантом восприимчивости души неравнодушного читателя этих трудов — будущего отца Иоанна Кронштадтского, который от уважения и благоговения к людям, его окружавшим и послужившим ему, постоянно возрастал в благоговении к Самому Творцу и Спасителю мира.

В связи с этим хочется повторить, что, согласно святоотеческому учению и на примере служения самого Иоанна Кронштадтского, — личность формируется в правильном направлении, если в ближнем мы видим образ Божий, и общение с подобными нам людьми должно научать нас верному отношению к Богу.

Иван Сергиев в разрядных списках занимал по возрастанью места под номерами: 18, 25, 26, 29, 33, 35, 36... (из 39-ти)... Академический курс он окончил под № 35 (из 39-ти)². В аттестате было отмечено, что Иван Сергиев «в августе 1851-го года поступив из Архангельской Духовной семинарии в Санкт-Петербургскую Духовную академию, обучался в ней, при способностях хороших, прилежании и поведении очень хороших...»³.

Такой авторитетный исследователь жизни и трудов святого праведного Иоанна Кронштадтского, как митрополит Вениамин полагает, что «с товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему святому Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание»⁴.

¹ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1907/1908 учебный год. СПб., 1908. С. 93.

² Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-и курсов С.-Петербургской Духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. LXV. Вместе с отцом Иоанном академию в 1855 г. окончил такой выдающийся в будущем профессор Санкт-Петербургской академии, как М. О. Коялович, доктор церковной истории и крупнейший специалист по истории Западной Руси и Брестской унии.

³ Бронзов А. К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. С. 393.

⁴ Вениамин (Федченков), митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.-Кронштадт: Воскресение, 2000. С. 27.

Однако воспоминания самого отца Иоанна вносят некоторые коррективы в эту характеристику, словно иллюстрируя известную мысль В. Лосского о том, что любовь предполагает свободу, то есть возможность выбора бунта или отказа от него. Запись в дневнике от 15 ноября 1906 г. позволяет увидеть отца Иоанна обыкновенным живым студентом:

«Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству академии и не был выгнан из нее, как был выгнан студент Метельников (Вас. Иванович, из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отмороживший себе руки за стенами академии. (Ворота были закрыты на ночь, и он не мог попасть в академию.) Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то еще был случай: в один двенадцатый праздник было приказано мне за всю ночь стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора академии, а я <митру> не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: “Сам снимет”. Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное богословие и был родственник ректора академии епископа Макария Винницкого. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника»¹.

Вместе с Иваном Сергиевым на этом курсе обучался А. И. Предтеченский, будущий блестящий и талантливый профессор академии и первый редактор академического журнала «Церковный Вестник», окончивший курс под 2-м номером.

В академии у Ивана Сергиева появилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Подтверждением этого является тот факт, что «студент Сергиев в числе семи состоял еще слушателем на (не обязательном) “миссионерском” отделении (или “классе”»².

В 1855 г. отец Иоанн окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия, представив работу «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев». Однако, пожив в столице четыре года и осмотревшись, он решил, что полезнее будет заняться пастырско-духовной работой. «Размышляя однажды о предстоящем служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадт-

¹ *Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 172–173.*

² *Бронзов А. К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива С.-Петербургской Духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. С. 392.*

ском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был»¹.

В этом же 1855 г. ключарь Кронштадтского Свято-Андреевского собора протоиерей Константин Несвицкий овдовел и по болезни ушел на покой. На его место 12 декабря того же года был назначен священник Иоанн Ильич Сергиев, женившийся на дочери своего предшественника Елизавете Константиновне², с которой они ранее познакомились на академическом вечере. Диаконскую хиротонию 10 декабря (по ст. стилю) совершил ректор академии, епископ Винницкий Макарий (Булгаков), а через два дня, 12 декабря была хиротония во пресвитера, которую совершил Христофор, епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургского митрополита.

III. Карьерные ступени Георгия Гапона

Священнику Георгию Гапону поступить в Санкт-Петербургскую Духовную академию было непросто из-за плохих семинарских документов. Не особо помогло и хорошее рекомендательное письмо епископа Илариона. Но его выручила дерзкая настойчивость в сочетании с вкрадчивостью и удивительной способностью находить в разговоре неожиданные, но точные ходы. Практически получив отказ при аудиенции у обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, соискатель понял, что все его надежды рушатся, и это вызвало в нем негодование и протест: «“Но, Ваше превосходительство, — крикнул я, — вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается — это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу, я не могу примириться с отказом”. Очевидно, в моем голосе было что-то, что остановило его. Он повернулся ко мне, с удивлением слушая меня, и, пристально глядя мне в глаза, вдруг сделался милостив ко мне. — “Да, епископ Иларион говорил мне о вас; хорошо, идите к отцу Смирнову на дом — он живет теперь в Царском Селе — и скажите ему от меня, что он должен прислать благоприятный доклад в Святейший Синод”»³.

В итоге получилось так, что Победоносцев — имперский охранитель и воспитатель Царя — четверть века положивший на то, чтобы остановить, предотвратить, задержать революцию, сам способствовал переселению в столицу человека, которому суждено было нажать спусковой крючок⁴. Кстати, Гапон одновременно воспользовался помощью своей покровительницы — богатой полтавской дамы, владевшей домом на Адмиралтейской набережной в Петербурге, где он и поселился. Все современники отмечали обаятельность отца Георгия Гапона и его умение устраиваться. Следует подчеркнуть, что поступление в Санкт-Петербургскую Духовную академию для священника Георгия Гапона было единственной возможностью перебраться из провинции в столицу.

¹ *Пантелеимон, архимандрит.* Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Б. м. 1976. С. 4.

² О семье Иоанна Кронштадтского подробно см.: *Шемякина С. М.* Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып. 1. СПб.: Изд-во Леушинского подворья, 2001. С. 38–41.

³ *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 10.

⁴ *Шубинский В. И.* Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2014. С. 29.

Великий пастырь Иоанн Кронштадтский не кричал, как Гапон, о необоримом желании овладеть наукой, чтобы «помогать народу». Он владел ею в совершенстве с юных лет, с тех лет, когда на всю жизнь взял за образец слово Божие и подвиг Христов.

Непримиримый Гапон очень быстро остыл к духовной науке, если вообще когда-нибудь у него был искренний к ней интерес. «Я думал, — пишет несостоявшийся богослов, оправдывая свое небрежное отношение к учебе, — что в этом святилище науки, тем или другим путем, я приобрету то, что поможет мне служить правде и народу, но надежды мои совсем не оправдались... Только профессор истории Церкви Болотов составлял исключение. Это был серьезный и очень умный человек; остальные вовсе не соответствовали своему назначению»¹. Действительно, профессор по кафедре истории Древней Церкви Василий Васильевич Болотов (31 декабря 1853 (12 января 1854) — 5 (18) апреля 1900) являлся самым выдающимся профессором Санкт-Петербургской Духовной академии синодального периода².

Однако приведенное критическое отношение Гапона к профессорско-преподавательской корпорации столичной высшей богословской школы совершенно не соответствует действительности, поскольку в те времена в Санкт-Петербургской Духовной академии преподавали и другие известные не только в России, но и за ее пределами профессора. Особого внимания заслуживает научно-исследовательская и педагогическая деятельность таких профессоров, как Николай Никанорович Глубоковский³ — по кафедре Но-

¹ *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 10.

² В научных трудах Болотов следовал изначально принятому правилу публиковать всегда только исключительно что-либо новое. Василий Васильевич знал около 20 языков. В 1896 г. за многочисленные капитальные труды Болотов получил степень доктора церковной истории *honoris causa*. Современники на этот счет говорили следующее: «Да и что могла прибавить докторская степень к его ученой славе. И без этой степени он давно уже был и для академии, и для всех ученых кругов — как бы прирожденный доктор. Но сама докторская степень как бы принижалась тем, что ее не имел Василий Васильевич». Болотов оказал большое влияние на развитие богословской науки в России. К началу XX в. сложилась так называемая «болотовская» церковно-историческая школа, к которой принадлежали его последователи и ученики (прот. М. И. Орлов, прот. П. И. Лепорский, прот. Д. А. Лебедев, академик Б. А. Тураев и др.). Его последними словами были: «Как прекрасны последние минуты! Христос идет, Бог идет. Иду ко Христу». См.: *Уберский И. А.* Памяти проф. В. В. Болотова // Христианское чтение. 1903. Ч. 1. № 6. С. 821–849; Ч. 2. № 7. С. 3–26; № 9. С. 265–277; № 10. С. 399–406; *Бриллиантов А. И.* Проф. В. В. Болотов: Биографический очерк // Христианское чтение. 1910. № 4. С. 421–442; № 5/6. С. 563–590; № 7/8. С. 830–854; *Константин (Горянов), архиепископ Курганский и Шадринский.* «Сторичный плод». К 100-летию со дня кончины В. В. Болотова // Родная Ладога. 2014. № 4. С. 66.

³ Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — занял кафедру Нового Завета в столичной академии, с которой связал свою жизнь на весь последующий период вплоть до 1918 г. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование». С 1904 г. и вплоть до 1911 г. состоял редактором «Православной богословской энциклопедии» (1900–1911). В 1909 г. был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. После закрытия академии Глубоковский эмигрировал в Болгарию, где и скончался в 1937 г., оставив после себя колоссальное наследие в области библеистики и церковной истории. Был избран членом-корреспондентом Болгарской академии наук, почетным членом Библейского общества в Лондоне. Н. Н. Глубоковский, ставший гордостью духовной школы России, был одним из самых выдающихся православных богословов своего времени, соединившим христианскую ортодоксальность с научными методами европейского просвещения. См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1008 с.

вого Завета, «ипат византологов» Иван Егорович Троицкий¹ — по кафедре общей церковной истории, Николай Васильевич Покровский² — по кафедре литургики и церковной археологии, Александр Александрович Бронзов³ — по кафедре нравственного богословия, Александр Павлович Лопухин⁴ и Николай Афанасьевич Скабаланович⁵ — по кафедрам всеобщей и новой гражданской истории, Иван Саввич Пальмов⁶ — по кафедре истории славянских

¹ Троицкий Иван Егорович (1834–1901) — доктор богословия. Вот что пишет о нем профессор СПбДА И. И. Соколов: «Имя этого ученого окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания. ... И вообще, сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда будет стоять в первом ряду византологов востока и запада» См.: *Соколов И. И.* Иван Егорович Троицкий — «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // *Христианское чтение*. 1904. Т. 1. Февраль. С. 314–315. Троицкий придавал самое серьезное значение первому настоящему научному опыту студента — кандидатской диссертации. В своем духовном завещании он предоставил Санкт-Петербургской академии две тысячи рублей с тем, чтобы проценты с них ежегодно выдавались за лучшее кандидатское сочинение по «Истории Восточной Церкви после Седьмого Вселенского Собора».

² Покровский Николай Васильевич (1848–1917) — ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургии, директор Императорского Археологического института; основатель церковно-археологического музея при Духовной академии. См.: *Пивоварова Н. В.* Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // *Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004. С. 41–118.

³ Бронзов Александр Александрович (1858–1936/37) — богослов, церковный историк, духовный писатель, публицист, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре нравственного богословия в 1894–1918 гг. См.: *Бовкало А. А., Богданова Т. А.* Бронзов А. А. // *Православная энциклопедия*. Т. VI. М., 2003. С. 262–263.

⁴ Лопухин Александр Павлович (1852–1904) — профессор, известный своей более чем активной научной, публицистической и издательской деятельностью. Чтобы по достоинству оценить творческий потенциал и колоссальную работоспособность А. П. Лопухина, достаточно упомянуть, что помимо преподавательской деятельности он с 1893 г. был еще редактором одновременно двух академических журналов «Церковный Вестник» и «Христианское чтение» (до этого для редактирования каждого журнала назначался отдельный человек), а с 1899-го еще и журнала «Странник». Особо следует упомянуть, что в связи с изданием современной «Православной энциклопедии», где задействованы лучшие и довольно многочисленные ученые силы Православной Церкви, в самом начале XX в. первая попытка издания подобной энциклопедии принадлежала именно Александру Павловичу, который приступил к реализации проекта без посторонней помощи и используя свои собственные средства. Первые пять томов энциклопедии вышли под редакцией А. П. Лопухина в 1900–1904 гг. в качестве ежегодного бесплатного приложения к журналу «Странник». См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 249–303.

⁵ Скабаланович Николай Афанасьевич (1848–1918) — профессор по кафедре новой общей церковной гражданской истории, известный также своими трудами по истории Византии в послесоборный период. Особое место среди работ Н. А. Скабалановича занимает фундаментальное сочинение «Византийское государство и Церковь в XI в.». Скабаланович был также редактором академического журнала «Церковный Вестник» с 1886 по 1892 г., где поместил большое число научных и публицистических статей и заметок. См.: *Лебедева Г. Е.* К истории изучения творческой биографии Н. А. Скабалановича // *Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI в. от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2-х кн. Кн. 1.* СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. С. 5–22.

⁶ Пальмов Иван Саввич (1855–1920) — заслуженный ординарный профессор, крупнейший знаток истории славянских народов. См.: Профессор И. С. Пальмов (К 30-летию его профессорской деятельности) // *Церковный вестник*. 1911. № 36. Стлб. 1117–1120.

церквей. И это далеко не полный перечень выдающихся ученых, успешно подвизавшихся в столичной академии на рубеже веков.

Ректором академии после епископа Бориса (Плотникова) с 1901 г. стал епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, который уже в то время зарекомендовал себя весьма неординарной личностью, выдающимся богословом и иерархом.

Достаточно упомянуть, что именно в период своего ректорства епископ Сергей был председателем Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, которые стали «встречей» русской богоискательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским вопросам⁷. Эти собрания были очень популярны и вызвали большой интерес в обществе⁸. «И когда правительство в 1903 г. запретило Религиозно-философские собрания в Петербурге, это запрещение, как ни странно, усилило традиционную заинтересованность интеллигенции в дискуссиях по вопросам общерусской важности»⁹. Эти собрания посещал и отец Георгий Гапон.

Что же касается деятельности студентов помимо учебы, то при академии действовали Общество студентов-проповедников (с 1887 г. под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви») и Студенческое Психологическое общество (с 1900 г.). Посильно продвигались студенты под руководством наставников в деле распространения религиозно-нравственного просвещения. Немногие из них пошли на революционные баррикады в 1905 г. и кричали о бедственном положении Церкви, а большинство скромно и молитвенно исполняли свое предназначение.

Профессор Н. Н. Глубоковский так вспоминал об этих временах: «Студенты ограничивались своими специальными академическими кружками (пастырским, проповедническим) и вели скромную работу, видимо, столь благовидную и памятную, что уже при большевиках, когда разрушались чтимые часовни и осквернялись чудотворные иконы, один из них, потом митрополит Петроградский Вениамин ((Казанский), мученически убиенный в 1922 г.), получил дорогую митру и всегда при обозрении приходов был провожаем целыми толпами народа с пением и горящими свечами, пока ему не запретили угрожающе даже переезд за Неву на Охту...»¹⁰.

Таким образом, Санкт-Петербургская Духовная академия в конце XIX — начале XX вв. переживала свой небывалый расцвет не только в научной, но и в общественной деятельности, который в силу малой духовной чуткости и потери интереса к богословию (если вообще этот интерес был) не увидел или не захотел увидеть отец Г. Гапон.

⁷ Половинкин С. М. На изломе веков. О Религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 490.

⁸ См.: Константин (Горянов), епископ. Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // Журнал Московской патриархии. № 1. 2003. С. 64–71.

⁹ Богачевская-Хомяк М. Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей / под ред. Н. П. Полторацкого. Отдел славянских языков и литературы Питтсбургского университета. Питтсбург, 1975. С. 87 (машинопись).

¹⁰ Глубоковский Н. Н. С.-Петербургская Духовная академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. Сремски Карловци, 1936. С. 58.

О пребывании Гапона в Петербургской Духовной академии (1898—1903) сохранились воспоминания священника М. С. Попова, на основании которых И. А. Бухбиндером написана статья «Из жизни Г. Гапона». Попов близко знал Гапона, они вместе учились в академии и одновременно служили в детском приюте. Что же касается обучения и поведения Гапона в академии, то есть свидетельства, что «Гапона студенты сразу невзлюбили. Он отличался большой практичностью, неприятно бросавшейся в глаза. Так, например, в общежитии студенты жили по 10—15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для этого он выселил служителя канцелярии, сообщив начальству академии о том, что тот не имеет права жить в академии. В другой раз он заявил, что болен, и поселился в отдельной комнате в больнице. Он занимал ее долгое время, и врачу — заведующему больницей — пришлось вести с Гапоном долгую борьбу. Лекции Гапон посещал очень редко»¹.

Да и сам о. Георгий Гапон, вспоминая об этом времени, оправдываясь, признается, что: «постепенно я потерял всякий интерес к лекциям и понял, что никаких серьезных познаний от профессоров я не получу»². Очевидно, что интересы и устремления Гапона были уже совсем другими.

На радость Гапона викарный епископ Вениамин приглашает его участвовать в миссии для рабочих, созданной при церкви на Боровой улице. Работа в миссии дала ему возможность определиться со своим мировоззрением в области социального служения. «На собрании миссионеров, где обсуждался дальнейший ход работы, я высказал свое мнение, что для укрепления работы миссии необходимо организовать рабочих для взаимной поддержки и кооперации, чтобы они могли улучшить экономический быт своей жизни, что я и считал необходимой предварительной стадией для их нравственного и религиозного воспитания»³.

Таким образом, отец Георгий Гапон приходит к выводам, диаметрально противоположным тем, которые сделал в свое время отец Иоанн Кронштадтский. Гапон принимает примат внешнего делания над духовным и необходимость вначале накормить рабочего, а затем уже требовать от него духовной жизни. Соблазном социализма, материалистической идеологией проникся священнослужитель. Это ли не трагедия личности, призванной владеть своей природой и природой мира, но вместо этого подчиняющей себя и ближних требованиям природы и ставящей свою нравственность в прямую зависимость от материальных нужд? Вскоре Гапон оставляет миссионерство ввиду невозможности распространения своего мировоззрения.

Гапон жалуется на ухудшение здоровья, и администрация Духовной академии, о которой он неоднократно отзывался так пренебрежительно, отправляет своего студента в Крым на поправку. Там молодой священник был любезно приглашен епископом Таврическим Николаем провести время лечения в Георгиевском монастыре, где неудавшемуся миссионеру был оказан почет и уважение. Однако вместо чувства благодарности поправившийся священник Гапон потом напишет в своей биографии: «Всюду заброшенные

¹ Бухбиндер И. А. Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. С. 101—102.

² Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 11.

³ Там же. С. 11.

богатства и праздная, даже непорядочная жизнь. С каждым днем я убеждался, что все эти тысячи монастырей только питомники порока и рассадники народного суеверия»¹.

Хорошее впечатление на Гапона произвели только художник Василий Верещагин, писатель Янчин, дворянин Михайлов, искренне советовавшие пастырю душ человеческих навсегда снять рясу, чтобы стать более свободным в грядущем служении народу².

Очевидно, что этот кризис личности Гапона, выразившийся в переоценке исконных ценностей, стал закономерным результатом начавшегося с юности духовного разрушения. Гапон был отравлен классовой ненавистью, соблазнен идеями толстовцев. Это под влиянием толстовцев (вирус, который вызывает уродливую мутацию даже в здоровом организме, если нет иммунитета) Гапон начал отходить от истинного Православия.

И именно в это время начинает нарастать в нем стремление как-то проявить себя, свое «я». Истероидные черты личности (холерик по темпераменту), очевидно, присущие Гапону, провоцировали в нем тщеславие, гордыню, демонстративно показное поведение.

IV. В рабочих кварталах: священник-монархист и священник-революционер

Вернувшись в Петербург, священник Гапон продолжил свою проповедь в рабочей среде. Позже товарищем обер-прокурора Святейшего Синода Владимиром Карловичем Саблером он был привлечен к постоянной миссионерской деятельности в рабочих районах. Замечательно, что сначала Победоносцев, потом Саблер — верные служители монархии, не предвидя последствий, оказались покровителями будущего борца с самодержавием. Надо сказать, что государство задолго до Гапона озаботилось религиозно-нравственным просвещением рабочих, проводимым под патронатом Церкви. По предложению Саблера Гапон стал вести нравственные беседы в церкви Всех Скорбящих Радость в Галерной гавани. В этой западной приморской части города, страдавшей от наводнений, находились судоверфи и множество других промышленных предприятий. Беседы организовывало Общество религиозно-нравственного просвещения, возглавляемое протоиереем Философом Орнатским, будущим священномучеником (убит в 1918 г. во время «красного террора»). Конечно, такой представительский уровень льстил самолюбию Гапона. Он был очень увлечен своей деятельностью, понимая, что его сан во многом помогает проповеднику проявить себя в массах. На проповеди Гапона собиралось (по его сведениям) до 2 тыс. человек. Беседы страстного молодого священника приходил послушать даже отец инспектор Сергей (Страгородский), будущий борец с обновленчеством и Патриарх в советской России. Однако Гапон быстро терял интерес только к дидактическим нравоучениям. Его темперамент требовал организационной работы, ему хотелось руководить массами.

Георгий Гапон становится своим человеком в рабочих кварталах, там его знают и любят. Эффектная, красивая внешность, незаурядный оратор-

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 13.

² Там же. С. 12.

ский талант, умение производить впечатление на духовных и светских начальников обеспечили ему популярность среди прихожан и сравнительно неплохие места службы. «Меня стали приглашать в салоны титулованных особ, близких к придворным сферам, где я вскоре совсем освоился. В это время я познакомился с различными представителями придворной знати... В обществе этом была женщина, которую я глубоко уважал. Это была Елизавета Нарышкина, старшая гофмейстерина при императрице, дама высшего аристократического круга, весьма любимая царем и императорской фамилией. Женщина добрая и умная, она была основательницей многочисленных благотворительных учреждений, вполне удовлетворявших своему назначению»¹.

Когда еще Гапон учился на втором курсе академии, ему предложили место главного священника во втором приюте Синего Креста — отделении Общества попечения о бедных и больных детях. Вторым священником в приютской церкви был однокашник Гапона священник М. Попов, по воспоминаниям которого мы можем составить себе представление о не совсем обычном «демократичном» поведении Гапона на этих должностях. С детьми Гапон охотно играл в лапту, в церкви организовал вокальное трио, к бедным прихожанам ходил пить чай со своим чаем и сахаром, отдал бедняку сапоги, а сам ходил в каких-то женских туфлях. Неудивительно, что паства столь необычного батюшки быстро увеличивалась. «Видя успех его проповедей, начальство души в нем не чаяло, он всех словно околдовал, ему приносили корзины фруктов и вин, — сообщает М. Попов, — в приюте не предлагалось квартиры для духовенства, но для Гапона сделали исключение»². Биограф Гапона В. Шубинский приходит к выводу, что «отец Георгий не был оратором в обычном смысле слова. Скорее, он обладал талантом режиссера. Важны были не слова, которые он говорит, а особые приемы, безошибочно воздействовавшие именно на этих, в этот час, в этом месте собравшихся людей... Сам Гапон тоже любил их — не только девочек, но и того бедняка, которому жертвовал сапоги, и того, с кем пил чай, и всю свою паству... На лицемерии далеко не уедешь, даже в соединении с талантом. Он любил, и его любили»³.

Св. Иоанн много раньше о. Георгия Гапона пошел в народ, он проводил благотворительную работу со своею паствою не на словах, а на деле и имел в столице не меньшую популярность. Следует отметить, что о. Иоанн начинал свою социальную деятельность в середине XIX в. в гораздо худших условиях, чем Гапон в начале XX в., когда Россия находилась на пике экономического развития. Отец Иоанн служил в Кронштадте, который был в его время местом административной ссылки мелких преступников (воришек, пьяниц, бродяг и т. д.): «Кронштадт переполнен неимущим людом. Подвалы и чердаки, наполненные бедняками, представляют явление, не поддающееся описанию, но в них ютятся дети, иногда круглые сироты. И в этих-то смрадных трущобах зачинается их первый детский нравственный рассвет, а порок во всей наготе и дикости является главным, если не единственным

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 15

² Бухбиндер И. А. Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. С. 104.

³ Шубинский В. И. Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия. 2014. С. 42–43.

их воспитателем»¹. И о. Иоанн пошел с действительной, а не с пропагандистской помощью к этим падшим, несчастным, отринутым людям. Он стал посещать их убогие жилища, беседовал с бедняками, утешал, ухаживал за больными, оказывал им материальную поддержку, зачастую раздавая им все свои деньги, так что епархиальное начальство принуждено было выдавать жалование его супруге. Вначале окружающие не понимали подвига св. Иоанна, смеялись над ним, даже преследовали, но он все превозмог своим подвигом веры и любви². Его непоколебимым убеждением была уверенность, что «нужно любить всякого человека и в грехе, и в позоре его». «Не смешивай человека — это образ Божий — со злом, которое в нем,

Св. праведный Иоанн Кронштадтский

потому что зло есть только болезнь, мечта бесовская, но существо его — образ Божий — все-таки в нем остается»³. Постепенно кронштадтцы прониклись уважением к благотворительной деятельности о. Иоанна и стали откликаться на его призывы соучаствовать в ней. Так, в 1872 г. значительный отклик вызвало опубликованное в «Кронштадтском вестнике» обращение батюшки Иоанна «ко всем жителям, имеющим какое-либо состояние»: «Братья мои, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество, и будем посвящать свои досуги и собирать нравственные и материальные силы сограждан на приискание дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, также и на устройство ремесленного училища». В результате инициативы о. Иоанна и содействия кронштадтцев в 1874 г. было создано при Андреевском соборе приходское попечительство для помощи бедным. С большими трудами создавался первый в России «Дом трудолюбия», который был открыт 12 декабря 1882 года. В нем о. Иоанн устроил рабочие мастерские, где в течение года работало 25 000 человек, женские мастерские, вечерние курсы ручного труда, школу на 300 детей, детский сад, сиротский приют, загородный дом для детей, бесплатное призрение для бедных женщин, народную столовую с небольшой платой и благотворительными обедами, бесплатную лечебницу, воскресную школу⁴.

¹ Михаил (Семенов), иеромонах. Отец Иоанн Кронштадтский. Полная биография. СПб., 1903. С. 34.

² Александр (Семенов Тянь-Шанский), еп. Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. С. 34.

³ О. Иоанн (Сергиев). Полное собрание сочинений. Т. II. Полный годовой круг слов, поучений и бесед. СПб., 1892. С. 135.

⁴ Александр (Семенов Тянь-Шанский), еп. Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. С. 39–43.

В 1888 г. благодаря заботам о. Иоанна был выстроен ночлежный дом, а в 1891 г. — странноприимный. Ежедневно перед домом о. Иоанна собирались до тысячи нищих, которым он раздавал деньги, достаточные для того, чтобы купить 4 килограмма хлеба на каждого. Социальная работа о. Иоанна доказывает несостоятельность мнения тех, кто считает, что Церковь должна заниматься только духовной работой и не заботиться о материальных нуждах своих чад. Как и его современники — радетели народного просвещения К. П. Победоносцев и С. А. Рачинский, св. Иоанн Кронштадтский придавал огромное духовное и социальное значение христианскому образованию и воспитанию, особенно детей. Он писал: «При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, — на сердце больше всего нужно обращать внимание; сердце — жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, зажечь в нем чистый пламень жизни так, чтобы он горел и не угасал и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни. Общество растленно именно от недостатка воспитания христианского». С 1857 г. св. Иоанн преподавал Закон Божий в городском училище, затем с 1862 г. также и в классической гимназии Кронштадта. У него не было неспособных учеников, все любили его и ждали. Любовью и вниманием к детям он добивался того, чего нельзя было достичь угрозами и наказаниями.

Впоследствии уже при Доме трудолюбия была устроена продуманная и дифференцированная система образования как для взрослых, так и для детей из малоимущих и нуждающихся семей. В 1890 г. были открыты воскресная школа для взрослых, в которой обучалось более 250 человек в год в возрасте от 14 до 45 лет, бесплатная начальная школа для детей, которую посещали более 250 человек в год, 2 бесплатных начальных училища — для мальчиков (на 200 человек в год) и девочек (на 150 человек). Причем обучение в последних велось по программе Министерства народного просвещения и было рассчитано на 3 года¹.

Св. Иоанн Кронштадтский своей жизнью показал, что возможен путь спасения, что источник спасения — Церковь Христова, единое тело, которого Глава Сам Иисус Христос, а душа — Святой Дух. Для Гапона это понимание было недоступно, главная его идея была противоположна Нагорной проповеди, где заповедано искать прежде Царствия Божия, а о земных благах сказано, что они сами тогда уже «приложатся» нам. Гапоновская установка на материальный быт, как первейшее условие духовной жизни человека, была для России не нова. Достоевский не устал предупреждать, что идея, лежащая в существе социализма, есть дьяволово искушение — превратить камни в хлебы. По мысли митрополита Иоанна (Снычева) подлинное «новаторство» Гапона заключалось в том, что он стал оправдывать дьяволово искушение от имени Церкви. «Христианство в пределах только падшего естества» в лице Гапона, сумевшего идеалы безбожного социализма привить христианству, достигает высшей точки.

Естественно, что он стал охладевать к богослужениям, прежнего самоотвержения как не бывало. «Гапон теперь стал хорошо одеваться, купил

¹ Сурский И. К., псевд. [Ильяшевич Я. В.] О. Иоанн Кронштадтский. М., 1994. Т. 1. С. 32.

зачем-то *бурку казацкую* (выделено мной. — *Авт.*). Однако в деньгах он постоянно нуждался. У него стали частыми недоразумения из-за неплатежей по счетам. Далее, часто брал он займы у знакомых и не спешил возвращать. С начальством приюта у него выходили часто споры. Фруктов, вин и подарков от дам-патронесс приюта уже не появлялось»¹. Задумаемся, почему Гапон купил казацкую бурку? Не потому ли, что под священнической рясой стала бурлить немирная кровь казацкой вольницы?

Его деятельность быстро политизируется, и в этом он представляет резкий контраст св. Иоанну Кронштадтскому, который при всем своем всероссийском значении и огромной общественной деятельности принципиально уходил от всякой политики и, будучи членом Святейшего Синода в последний год своей жизни, уклонялся от участия в его заседаниях.

А Гапон вскоре оказался замешанным в скандале, заставившем его покинуть приют. «Вдруг матери девочек, воспитанниц этого приюта, стали усиленно брать своих детей из него... — пишет биограф Гапона, — было проведено расследование. Оказалось, что Гапон так “своеобразно” держал себя с воспитанницами старших классов, что пребывание их в этом приюте становилось положительно неудобным»².

Когда об этой истории узнал викарный епископ Иннокентий, он тотчас исключил Гапона из Духовной академии и запретил ему служить. Отношения Гапона с попечительским советом приюта настолько обострились, что 2 июля 1902 г. он произнес перед многочисленной паствой речь, направленную против начальства приюта. Разрыву с детским приютом способствовал тот факт, что в 1902 г. его воспитанница, старшекласница Александра Уздалева, стала гражданской женой Гапона. Православный священник не имеет права вступать в брак повторно.

Впрочем, свое неблагоприятное увольнение с прихода Гапон сумел обставить как гонение и произнес горячую, обличающую руководство проповедь. Громко хлопнув дверью, он уехал в Полтаву с Уздалевой, которая оставалась его гражданской женой до самой смерти Гапона. Но судьба опять ему дает удивительно редкий шанс. Вернувшийся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) принял Гапона и восстановил в звании священника и студента академии³. Гапон снова стал принимать у себя своих друзей рабочих и разговаривать с ними об их нуждах, о благе народа.

Надо сказать, что далеко не весь пролетариат бедствовал, многие рабочие, особенно высококвалифицированные, были обеспечены. Например, классный слесарь получал в среднем от 80 до 100 рублей в месяц, что в четыре-пять раз превышало зарплату земского учителя, или соответствовало зарплате офицера в чине капитана или ротмистра. Такой рабочий жил по стандартам «среднего класса», мог себе позволить снимать квартиру из нескольких комнат или купить собственный домик. Заработки некоторых специалистов — электриков, наборщиков, машинистов-железнодорожников были еще выше. Именно эти, не самые бедные рабочие, составляли ядро «революционного пролетариата». Почти все они были грамотными, начитан-

¹ Бухбиндер И. А. Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. С. 104.

² Феликс Г. А. Гапон и его общественная роль. СПб., 1906. С. 20.

³ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 16.

ными, хотя времени на углубленное самообразование столичным рабочим, конечно, не хватало. Но тяга к знаниям у русских фабричных была порой даже жадной. При больших заводах обычно были школы и библиотеки. На многочисленных фотографиях того времени рабочие упитаны и хорошо одеты, на них мы видим белые рубашки, хорошие костюмы, галстуки, их жены в модных платьях.

Когда был утвержден Петербургский союз рабочих, ректор академии епископ Сергей (Страгородский) произнес речь, в которой, напомнив о коммуне первых христиан, увещал рабочих не завидовать чужому богатству, а стараться честным трудом, трезвостью и взаимной помощью улучшить условия своей жизни. Однако этот христианский совет разочаровал Гапона, так как он ожидал более радикальных призывов. На этом собрании Гапон был уже не в рясе, а в костюме, что тогда, в присутствии своего ректора, архиерея, было просто вызывающе.

Весной 1903 г. перед выпускными экзаменами в Духовной академии отец Г. Гапон наконец-то стал заниматься наукой и задумался о своей будущей жизни. Ректор, епископ Сергей, предложил ему принять монашество, но Гапон, находившийся в гражданском браке с молодой Александрой Уздалевой, понятно, категорически отказался. Свой отказ он, однако же, мотивировал в свойственной ему критической манере следующим образом: «Среди монахов, с которыми я сталкивался в академии, был только один, нравившийся мне. Это был инспектор (архимандрит Феофан Быстров), которого любили все студенты, но и он мне казался сухим и ограниченным человеком. Меня тогда тревожили религиозные сомнения, но, когда я ему о них сказал, он пришел в ужас и, заявив, что меня искушает сатана, посоветовал читать жития святых»¹.

Летом 1903 г. Гапон оканчивает Санкт-Петербургскую Духовную академию, написав кандидатскую диссертацию «Современное положение прихода в православных церквях греческой и русской». В отзыве на сочинение Г. Гапона было отмечено, что работа по объему небольшая — 70 страниц. Это лишний раз подтверждает свидетельство современников о том, что священнику Георгию Гапону было не до учебы ввиду его активной деятельности среди рабочих. Сочинение «состоит из трех отделов — изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр. 6—23) “О приходе в греческой церкви”. Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах не оригинальна: она повторяет нашу книгу “Собрание уставов Константинопольского Патриархата” (Казань, 1902). Работа Г. Гапона в этой части ограничилась простым перифразом»². Примечательно, что кандидатский диплом, несмотря на просьбу священника Георгия Гапона, не был вообще выдан ему на руки, так как он не сдал в фундаментальную академическую библиотеку казенные книги: «1) Гомера “Илиада”, в переводе Кречмера, ч. II-я — 1 руб. 25 коп.; 2) Кюнера “Греческая грамматика”, в переводе Носова — 1 руб. 25 коп. и 3) Носова “Греческая Хрестоматия” — 1 р. 25 к.»³.

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 19.

² См.: Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб., 1903. С. 341.

³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 430. Л. 9.

Любопытно обратить внимание на то, кого Гапон избрал своим научным руководителем, словно почуял родственную душу. Это был переведенный в 1902 г. из Воронежа выпускник Казанской духовной академии иеромонах Михаил (Семенов), к этому времени уже магистр богословия. Гапон стал его первым диссертантом. В 1905—1906 гг. тогда уже архимандрит Михаил станет довольно активно выступать с проповедями социалистического толка. Более того, в 1906 г. он вступил в Трудовую народно-социалистическую партию. Безусловно, такая активная общественная и публицистическая деятельность не могла не привести к серьезным последствиям. В конце 1906 г. он был уволен из академии, а в 1907 г. перешел к старообрядцам. Дело в том, что многие старообрядцы тогда активно боролись с самодержавием, а некоторые состоятельные купцы и промышленники типа Саввы Морозова финансировали революционное движение. Однако в последующие годы он больше всего занимался именно литературной деятельностью¹. Когда Михаил трагически скончался, в 1916 г., Религиозно-философское общество даже посвятило ему отдельное заседание. Сложно сказать, оказал ли какое-нибудь влияние профессор иеромонах Михаил на взгляды Гапона. А учитывая, что руководство научной работой зачастую в академии сводилось к двум встречам, когда во время первой предполагаемым научным руководителем и студентом обсуждается тема, а во время второй — предоставляется итоговый текст, скорее всего, что нет. Но однозначно утверждать это нельзя.

Главный недостаток образованного духовенства Гапон видел в том, «что оно так поглощено обрядностью и догматами, что не может понять настоящую сущность религии»². Автор данной статьи, бывший в течение 18 лет ректором Минской Духовной семинарии и Санкт-Петербургской Духовной академии, знает, что в духовных школах существует такой психологический тип студентов, у которых Догматическое богословие — это самый нелюбимый предмет, и эти студенты склонны к бунту. Но ведь и они потом становятся священниками!? И у Гапона догматы всегда вызывали только раздражение, и слово это он использовал как ругательное. Дело в том, что догматы всегда проводят четкую границу между истиной и ложью, а священник, любитель вольницы/свободы, не переносил никаких рамок. Гапон не понимал духовной сути того величайшего и труднейшего священнического служения, которое в тиши храмов несли его современники и соотечественники. По-видимому, у Гапона вообще атрофировалось возвышенное чувство священного и таинственного.

По месту направления он не поехал и, отказавшись от места преподавателя в провинциальной семинарии, целиком ушел в рабочее движение. Озабоченный поиском организаторского поприща, Гапон обдумывал цель — создать легальную, но независимую рабочую организацию под полицейским прикрытием, но без полицейского контроля. Поэтому он охотно принял предложение властей сформировать и возглавить такую организацию — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга». По замыслу, членство в этом собрании должно было быть открыто только лицам «рус-

¹ См.: *Боченков В.* Несколько штрихов к биографии епископа Михаила (Семенова) // Михаил (Семенов), еп. Собрание сочинений: Т. 1: Статьи из старообрядческой периодики 1906—1908 гг.; «Беседы против сектантов» (1908); «О вере и неверии» (1908—1909). М.-Ржев, 2011. С. 6—23.

² *Гапон Г.* История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 20.

ского происхождения и православного вероисповедания». Тогда под русскими понимали также и украинцев, и белорусов. Гапон взялся за дело, как всегда вдохновенно, но почти сразу по распоряжению устроителей Собрания к молодому батюшке для обмена опытом были прикреплены еврейские революционные лидеры — Вильбушевич, Шаевич и другие¹. В результате этого внедрения рабочее движение начало постепенно мутировать.

На этой должности Гапону приходилось изворачиваться, чтобы и социалисты видели в нем своего, и верноподданные старые рабочие, поклоняющиеся царским портретам, не сомневались в благонамеренности батюшки. Уже на стадии формирования организации среди ее руководителей начали возникать разногласия. Например, при разработке макета печати нового общества возник спор о необходимости изображения креста наряду с изображением молота с наковальней. Были противники такого соседства, выступавшие против креста. И только пламенная речь Гапона в защиту православной символики поспособствовала принятию решения в пользу изображения христианского символа.

Другой спор касался приглашения на церемонию открытия Собрания о. Иоанна Кронштадтского. Это предложение исходило от старых рабочих. Сам Гапон к прославленному батюшке относился сдержанно, несмотря на то, что знал о. Иоанна, видел его, когда был студентом Духовной академии, позже вместе с ним служил, но осуждал. Гапон осуждал Иоанна Кронштадтского за то, что тот ему казался орудием в руках власти. Были предложения о приглашении на открытие Собрания Сергия Страгородского. Но «левые» члены общества на открытии Собрания присутствия духовных лиц категорически не захотели. Зато для чтения пролетариату лекций по вопросам культуры и общим экономическим вопросам был приглашен помощник присяжного поверенного Марк Александрович (по паспорту Мордехай Айзикович) Финкель, он же был юристом Собрания². Финкель в своих лекциях касался вопросов особенно важных для рабочих: о заработной плате, о профессиональных болезнях. Этот лектор был явных социалистических взглядов.

Впоследствии Гапон вступил в конфликт с Финкелем, агитировавшим за скорейшее вступление членов Собрания в открытую борьбу с властью. Но механизм уже действовал, и было поздно, Гапон не мог нейтрализовать агитацию Финкеля, пытавшегося использовать рабочих в нужных ему целях. Тогда о. Георгий стал разъяснять рабочим, «что интеллигенты вроде Финкеля хотят использовать рабочих в своих целях, “а после и сядут на нашу шею и на мужика; он уверял, что это будет хуже самодержавия”»³. Конфликт с Финкелем не носил национального характера, известно, что Гапон мог самоотверженно вступить за обиженного полицейским старика-еврея. Год спустя Гапон, много за это время повидавший и узнавший, так говорил своему приятелю Грибовскому: «Для них рабочий служит как пушечное мясо для их целей... Им всем хотелось бы поднимать и опускать рабочую массу по своему усмотрению»⁴.

¹ Шубинский В. И. Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2014. С. 70–71.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 113.

Очевидно, Гапон мечтал о славе о. Иоанна Кронштадского, в чем-то ему подражал. В «Истории моей жизни» отец Г. Гапон упоминает о нескольких встречах с протоиереем Иоанном Кронштадтским, где дает свою оценку маститому пастырю, который уже имел всероссийскую известность и почитание. Очевидно, что отец Иоанн произвел большое впечатление силой своей проповеди и неподдельной искренностью на молодого священника и студента академии о. Г. Гапона.

«Не могу не сказать несколько слов о моих встречах с этим замечательным священником. Его манера раздавать на улице большие суммы денег привлекала в Кронштадт массу нищих, которая только и жила подаванием и все более и более теряла охоту к честному труду. Первый раз я встретился с ним на освящении церкви в Ольгинском приюте.

Отец Иоанн был приглашен совершить богослужение вместе со мною и еще одним священником. Я внимательно всматривался в него. Он небольшого роста; глаза его пронизательны, борода короткая, седая; движения резкие, нервные; одет он был в великолепную рясу... Вскоре я встретил его в доме одного купца, где он также совершал богослужение. Его сопровождала одна из 12 его постоянных спутниц, одетая в белое, поведение которой было скорее кривлянием, чем поклонением... Когда новая церковь Красного Креста была окончена, княгиня Лобанова-Ростовская пригласила меня и отца Иоанна совершить богослужение. Там был и третий священник, молодой студент академии. Нас с отцом Иоанном затем пригласили к столу, но студента почему-то демонстративно не позвали... Однако в другой раз, проповедуя в техническом училище, отец Иоанн произвел на меня сильное впечатление силою своей проповеди и очевидной искренностью. Он говорил о смерти и воскресении и сказал, что каждый человек ежедневно умирает и воскресает и что каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет его славой новой жизни. Иногда он приезжал в академию, где студенты прямо обожали его»¹.

Не о такой ли славе мечтал Г. Гапон, не осознавший своего предназначения, растративший данные ему Богом дары — пылливый ум, чистую совесть, физическое здоровье и энергию. Он, как блудный сын, прожил все свои духовные богатства в том возрасте, в котором студент Иван Сергиев тихо, спокойно и внешне незаметно созидал на Святых Отцах и догматике Православной Церкви фундамент для здания своего великого будущего пастырства. Гапон к Догматическому богословию относился изначально пренебрежительно, об изучении трудов Святых Отцов не вспоминал вообще ничего. В священники он пошел не по призванию, хотя изначально тяга к Богу у него была. На таком фундаменте невозможно выстроить свое здание служения народу.

V. Расстрелять веру

При сопоставлении личностей, к которым прислушивался и которым верил народ предреволюционной России, и, говоря об их влиянии на общество, следует сказать, что первостепенным здесь является вопрос идеологи-

¹ Гапон Г. История моей жизни // Русский летописец. М.: Книга, 1990. С. 22–23.

ческий, вопрос об отношении к царской власти. Будучи ключевым вопросом национального русского мировоззрения, он дает возможность оценить истинное значение для России тех взглядов, которые высказывали св. Иоанн Кронштадтский и о. Георгий Гапон, и может стать своеобразной «лакмусовой бумагой», показывающей истинное отношение человека к России и Православной Церкви.

Св. Иоанн относился к царской власти как к проявлению Промысла Божия, как к некоему дару свыше, тесно связанному с божественным даром веры. Царское служение, по мысли святого Иоанна Кронштадтского, неотделимо от подвига христианской жизни вообще, оно базируется на христианских бытийственных и нравственных основаниях и есть постоянная жертва собой ради ближних, общества и, прежде всего, ради Бога.

«Царь земной есть образ Царя Небесного, Бог един и Царь един», — пишет святой батюшка. «Как разум наш обобщает все явления в мире и возводит их к единству так и Царь... Многообразная земная служба наша Царю и Отечеству есть образ главного, долженствующего продолжаться вечно, служения нашего Царю Небесному». Однако подобная консервативная лояльность, базирующаяся на символическом миропонимании, не мешала св. Иоанну Кронштадтскому видеть беды и грехи России, в том числе и социальные. В 1905 г. он сурово обличает: «Настоящая кровопролитная война наша с язычниками есть праведный суд Божий за грехи наши».

Одним из интуитивных убеждений св. Иоанна Кронштадтского была уверенность в том, что только Царствие Божие непоколебимо, а земные царства преходящи и погибают в зависимости от силы действующего в них греха, и причиной их крушения является материалистическая, языческая жизнь народа, а прежде всего — безбожие (часто активное) элиты.

Св. Иоанн ясно видел ложь русской революции и понимал ее как следствие отступничества (апостасии) от Бога и Церкви. Он отмечал, что пропаганда правого, якобы черносотенного, террора развязана для дискредитации консервативной, монархической государственной идеи. Наоборот, будучи свидетелем террора против правых, верных законной власти сил, св. Иоанна называл революцию разливом греховности и безумия, духовным умопомрачением, грехопадением. Нелишне напомнить, что «в 1906—1907 гг. были совершены покушения на видных деятелей Союза русского народа: руководителя Одесского отдела графа Алексея Коновицына; председателя Почаевского отдела, настоятеля Почаевской Лавры архимандрита (впоследствии архиепископа) Виталия (Максименко); почетного председателя Тифлисского патриотического общества священника Сергия Городцева (будущий митрополит Варфоломей получил семь пуль от убийцы, чудом выжил, стал архиереем, прошел впоследствии советские лагеря и умер уже после Великой Отечественной войны) и др. Однако главным объектом революционного террора были не руководители, а простые рабочие и крестьяне, которые чаще всего становились жертвами убийц. На этот факт как-то не обращается должного внимания до сих пор. А между тем, по данным, которые приводил в своей книге «Борьба за правду» присяжный поверенный П. Ф. Булацель (расстрелянный ЧК в 1919 г. как заложник), только с февраля 1905 г. по ноябрь 1906 г., то есть меньше чем за два года, были убиты

и тяжело ранены 32 706 (!) человек. Можно представить размах революционного террора в то время»¹.

Отношение о. Гапона к власти оставалось прагматическим и беспринципным. Об этом прекрасно говорит известный публицист и беллетрист Николай Симбирский (Насакин): «Получалась такая психология: сидит Гапон у всесильного и грозного министра фон Плеве, беседует с ним, и министру кажется, что пред ним преданнейший слуга режима, который за деньги готов служить ему до конца дней своих. Гапон оставляет министра в этом блаженном неведении, ибо ему нужно сделать дело через этого министра, и ему глубоко безразлично, что в данную минуту министр о нем думает. Важно, чтобы он сделал то, что нужно Гапону и рабочим в настоящее время»². Впрочем, по-видимому, не более искренно он относился и к революционерам, судя по всему, его эсеровские друзья были для него такими же пешками, как ему казалось, в его личной игре, а революционные «спонсоры» — такими же дойными коровами, как и власти предержащие. Гапон провоцировал и использовал тех и других и заигрался... Другое дело, что грубо эгоистическая мотивация в его деятельности отсутствовала: деньги он тратил не на себя, а на рабочих, точнее — на рабочее движение, и все-таки в отношении ряда людей у Гапона отчетливо проявлялась явно нехристианская установка.

В нем жил авантюрист, игрок, лихой казак. Его священство еще сохранялось, но уже отступило на второй план. Гапон понимал, что должен самолично возглавить уже ставшее политизированным рабочее движение, постараться вовлечь в него как можно больше народа, чтобы властям было действительно трудно с ним справиться. Во-первых, так он надеялся заставить власть пойти на уступки, во-вторых, считал, что это может стать отсрочкой его неизбежного поражения. Гапон с опозданием стал осознавать грядущий проигрыш своей политики, но особого выбора у него уже не

Фотография праведного Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью «Благословенному Харьковскому Союзу Русского Народа благословение. Протоиерей Кронштадтского Собора Иоанн Сергеев. 28 янв. 1907»

¹ Степанов А. Д. Монархия рушилась, а где же были монархисты? К 100-летию Февральской революции // Родная Ладога. 2017. № 1. С. 78.

² Симбирский Н. Правда о Гапоне и 9 января. СПб., 1906.

было. Он следовал в русле событий, которые вышли из-под его контроля и развивались уже по своим объективным законам. Можно было выйти из игры, но для Гапона это было бы унижительным провалом и позором. Вместе с тем он, будучи священником, чувствовал свою ответственность за доверившихся ему людей. Он не мог их оставить на полпути, и сознательно, давший клятву на служение народу, вместе с ним пошел к Зимнему дворцу под пули — за обещанной «головой» Помазанника Божия, которую впоследствии в буквальном смысле получили алчные враги России. Было в этом саморазрушающем поступке Гапона что-то от царя Ирода, который, дав клятву, не смог не выполнить ее, даже осознавая весь ужас своего положения. Ради обещания, произнесенного прилюдно, Ирод даже не пожалел Иоанна Крестителя, *зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его* (Марк 6:20). Даже осознавая, что исполнение клятвы приведет к исторической трагедии, *но ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать* (Марк 6:26). Гапон был поставлен в положение царя Ирода, и клятва, данная людям (твари), оказалась для него предпочтительней клятвы, данной Творцу. Наверное, потому, что исполнение клятвы, данной Богу, требует сил особенных и выполнение ее намного сложнее. У о. Иоанна Кронштадтского священническое служение Троице Богу было на первом месте, а все остальное вытекало из этого служения.

9 января 1905 г., в условиях всеобщей забастовки, Гапон встал во главе 150-тысячной процессии демонстрантов, шедших к Зимнему дворцу вручать петицию Царю. Наверное, он чувствовал себя подобным великому пророку Моисею, который выводил Израиль из египетского рабства. Гапон горделиво представлял себе, что выводит рабочий класс из «самодержавного рабства». При этом он знал, что Царя в Зимнем дворце нет, но не мог повернуть вспять, так как ядро его организации уже находилось под властью революционеров. Основная масса многотысячной демонстрации не знала о революционных целях, а текст петиции от народа скрывался. К Гапону был приставлен в качестве «комиссара» Пинхас Моисеевич Рутенберг [в партии социал-революционеров (эсеров) кличка Мартын или Мартын Иванович]¹.

¹ Из: «Электронной Еврейской энциклопедии»: КЕЭ. Т. 7. Кол. 552–555. Опубликовано в 1994 г. <http://www.eleven.co.il/article/13626>.

Рутенберг Пинхас (Петр Моисеевич; 1878, Ромны, Полтавская губерния, — 1942, Иерусалим), деятель революционного движения в России, сионист, один из лидеров ишува и создателей современной промышленности в Эрец-Исраэль. Родился в традиционной еврейской семье, отец — купец 2-й гильдии, мать — дочь раввина Пинхаса Марголина из Кременчуга. Рутенберг учился в хедере, реальном училище, а затем в Петербургском технологическом институте (весной 1899 г. исключен за участие в студенческих беспорядках, выслан в Екатеринбург, осенью 1900 г. восстановлен), который окончил с отличием. В студенческие годы Рутенберг активно участвовал в революционном движении, вначале в социал-демократическом, а с возникновением партии социалистов-революционеров (эсеров) стал членом этой партии (партийный псевдоним Мартын) и был связан с ее Боевой организацией. Для вступления в брак с Ольгой Хоменко (с которой впоследствии имел троих детей) принял православие.

В 1904 г. работал начальником инструментальной мастерской Путиловского завода и сблизился со священником Г. Гапоном, возглавлявшим организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга». Во время событий так называемого Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) Рутенберг сопровождал Г. Гапона в шествии к Зимнему дворцу, спас его во время расстрела

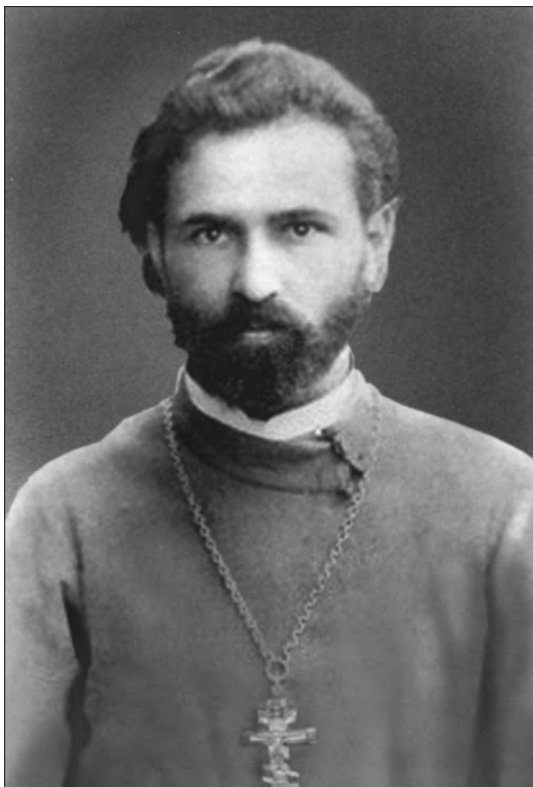
Революционерам необходимо было разрушить связь в триаде: Православие — Самодержавие — Народность. Для этого им обязательно нужна была кровь (вспомним «Бесов» Ф. М. Достоевского) и расстрел демонстрации. Они умело вели дело к этому. Приказ о расстреле демонстрации никто из властей не давал. Был выполнен Устав караульной службы по охране особо значимых государственных объектов. Такой Устав действует во всех странах мира. Один из соратников Гапона, революционер Варнашев, прямо говорил: «Будут стрелять, расстреляют идею царя! А жертвы — так и этак неизбежны»... Полтора года спустя Матюшинский, бывший сотрудник газеты «Новости», в своей исповеди, напечатанной в парижском журнале «Красное знамя», признавался: «Я ее (прокламацию) написал по предложению Гапона в твердой уверенности, что она объединит полусознательную массу, подведет ее к царскому дворцу, и тут, под штыками и под пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется»¹.

Гапон, будучи в прелести, мечтал, собрав огромную массу народа, что заставит Царя быть народным царем, принудит его быть царем-батюшкой. Вот что он напишет позднее в письме министру внутренних дел Святополку-Мирскому: «Пусть он выйдет как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию, иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским царем и русским народом».

Гапон в слепой гордыне не понимал, что стал марионеткой закулисных сил. Шествие 9 января носило явно провокационный характер со стороны его организаторов (мы не касаемся здесь мотивации действий простых рабочих, которые были обмануты своими вождями и явились жертвой провокации). Текст петиции не распространялся умышленно, ибо требования петиции были принципиально неприемлемы, тем более во время Русско-японской войны, и носили демагогический характер в силу их невыполнимости.

демонстрации, а затем помог бежать за границу. По решению ЦК партии эсеров Рутенберг был назначен руководителем военной организации, занимавшейся боевой подготовкой масс и приобретением оружия.

¹ Шубинский В. И. Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия. 2014. С. 136—137.

Священник Г. А. Гапон

Революционные организации рассчитывали использовать мирное хоровое шествие рабочих в своих интересах. На совещании большевиков 7 января было решено предложить выступить «организованным рабочим собраться и иметь при себе заготовленные знамена», естественно, красного цвета и с революционными надписями, чтобы, как пишет жандармский полковник Кременецкий в своей записке от 8 января, «в случае замешательства выкинуть флаги с преступными надписями, чтобы создать обстановку, что рабочие идут под флагами революционных организаций». Замыслы революционеров шли и далее: согласно мемуарам Кржижановского в толпе рабочих находились революционные боевики с оружием.

Самое отвратительное в этой истории состояло в том, что политическая провокация прикрывалась псевдоцерковными и псевдонародными ризами. Кто мог бы повести за собой невиданную дотоле толпу питерских рабочих, в большинстве вчерашних крестьян, как не любимый ими священник? И женщины, и старики пошли за батюшкой, умножая собою массовость народного шествия. В пользу революционных источников этой провокации говорит и та, позже растиражированная ложь, что Гапон якобы был сотрудником охраны. Распространенные в позднейшей историографии утверждения, будто Гапон был корыстолюбив и ради денег продан Тайной полиции Российской империи, никакими документами не подтверждаются и серьезными историками отвергнуты. Выгодна эта версия была только революционным кругам, пытавшимся, используя Гапона, скомпрометировать русское правительство и Церковь.

Трагедия 9 января достаточно полно исследована и многократно описана. Стоит добавить лишь несколько деталей. По распоряжению митрополита Антония накануне был наложен запрет на любые церковные шествия.

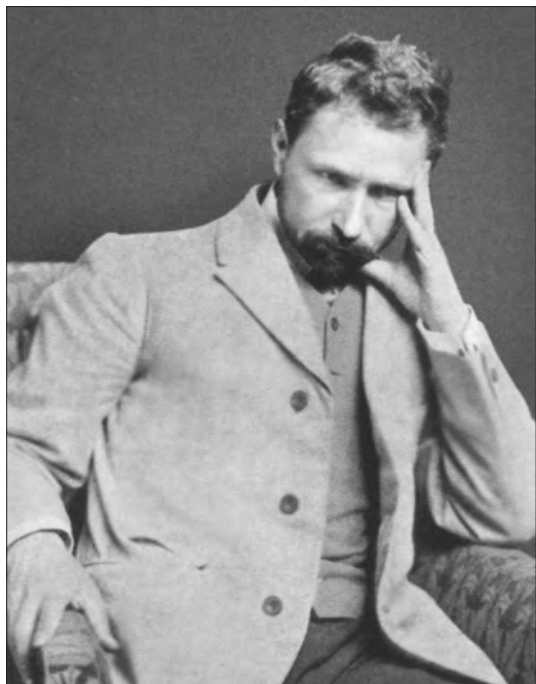
Вследствие этого староста церкви Казанской иконы Божией Матери отказался выдавать рабочим иконы и хоругви, однако рабочие отобрали их силой, совершив таким образом грех святотатства. Шествие возглавлял священник Георгий Гапон. Рядом с ним слева шел опытный эсер-боевик Рутенберг Пинхас Моисеевич. Если бы передача петиции все же из рук в руки состоялась, последний должен был выстрелить в Царя.

Сбежавший после трагедии 9 января в Лондон Гапон, пообщавшись с профессиональными революционерами, понял, что он никакой не «пророк Моисей» рабочего класса, а революционеры в темную использовали его в своих целях, что он всего лишь винтик в хорошо отлаженной машине по разрушению

*Пинхас Моисеевич Рутенберг
(тов. Мартын Иванович)*

России. Вот подтверждение существования заговора против России со слов Ленина и доказательство ошибочности господствующей сегодня точки зрения, что Февральская революция была спонтанной и не имела организаторов. «Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное “самоопределение” всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры”

Гапон в Лондоне, 1906 г.

знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия. Но если первая, великая революция 1905 года... через 12 лет привела к “блестящей”, “славной” революции 1917 года, которую Гучковы и Милоковы объявляют “«славной”, ибо она (пока) дала им власть, — то необходим был еще великий, могучий, всесильный “режиссер”... Этим всесильным “режиссером”, этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война... Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-первых, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и **со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов** (выделено мной. — *Авт.*), с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»¹.

Не понимал возомнивший себя спасителем трудового народа, уже лишенный сана Гапон, чьи интересы он отстаивает, и не знал, что «во время волнений 1905—1906 гг. к Министру Двора графу Фредериксу дважды являлась депутация видных евреев — барона Гинсбурга и Полякова, которые просили доложить государю, что если он дарует евреям равноправие, все

¹ Ленин В. И. Письма из далека. 1917. ПСС. Т. 31. С. 12—14.

народные беспорядки мигом прекратятся и не нужно будет учреждать никакой Государственной Думы»¹.

Много шума наделал приезд Гапона в Женеву. Он побывал во всех революционных организациях, приходил и к социал-демократам (большевикам). Между тем Гапона активно обхаживал Владимир Ильич Ульянов, который находился в эмиграции с краденым паспортом на имя Николая Ленина. Ленин и Крупская приняли бывшего священника, так как он был живым свидетелем событий в Петербурге. Крупская в своих воспоминаниях дала меткую и неприглядную характеристику «этому сыну богатого крестьянина в поповской рясе, человеку беспринципному, хитрому, не способному воспринять новое, не могущему вести ежедневную кропотливую работу». Как она выразилась, «поповская психология застилала ему глаза»². Но через получившего европейскую известность Гапона шли большие финансовые средства на революцию, и Ленину не претило брать деньги у этого «чертова попа». «В дверь постучали; в комнату вошел Ленин. Он отозвал Гапона вглубь комнаты и пошептался с ним; затем Гапон на глазах О. С. Минора вынул из бумажника пачку ассигнаций и передал ее Ленину, который тотчас удалился очень довольный»³. Да, Ленин деньги брал, но это не помешало потом вождю мировой революции объявить Гапона провокатором и агентом царской охранки, кем тот на самом деле не являлся.

В эмиграции, в мире революции, где жизнь человека стоила очень мало, где привычные нравственные нормы отменялись ради высоких целей, где конспирация и поиски провокаторов были частью каждодневного быта, бесславный конец Гапона был предreshен. И у самого Гапона понимание своей роли в русской революции начало постепенно меняться. За границей вся политическая интрига была обнажена, и своих враждебных по отношению к России планов никто особо не скрывал. Следует отметить, что революционеры отлично понимали, что на откровенных европейских политических сборищах Гапон узнает много лишнего и неизвестно как потом себя поведет. Но даже из того малого, что успел услышать Гапон, он понял всю неблагоприятность и временность своей роли в этой политической игре. Но лишенный сана и благодати Божией, бывший священник оказался теперь беззащитным и бесильным перед новыми испытаниями, он шел к своей закономерной гибели.

Последние месяцы жизни Гапона и последовавшие за его смертью события полны тайн, которые не раскрыты до сих пор. После царской амнистии Гапон возвратился в Россию и жил довольно бедно. У Гапона были какие-то весьма важные документы, которым он сам придавал исключительное значение. Что содержалось в этих документах, остается только предполагать. Возможно, это были финансовые бумаги, расписки о получении революционерами денег от японского Генштаба, американских банков Якова Шиффа и английских спонсоров. Гапон прятал их у доверенных лиц, но, в конце концов, вручил своему адвокату Марголину. После убийства Гапона Марголин исчез за границей, где при загадочных обстоятельствах внезапно умер, пропали бесследно и документы. Добытые Гапоном сведения, его разочарование

¹ Воейков В. Н. С Царем и без Царя. Воспоминания. М.: Родник. 1994. С. 65. (Текст печатается по 1936 г., Гельсингфорс).

² Коммунисты. Сборник. М.: Молодая гвардия. 1976. С. 45.

³ Шубинский В. И. Гапон (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия. 2014. С. 256.

своей ролью в революционном деле, по мнению лиц, стоявших в тени революционных событий 1905–1906 гг., могли нанести непоправимый вред революции. Поэтому Рутенбергу поручается ликвидация Гапона, сделавшего свое дело.

Казалось логичным, что 28 марта (10 апреля) 1906 г. прозревшего Гапона «сознательные рабочие» повесили уже как провокатора. Он был убит на даче г-жи Звержинской в Озерках, в близком пригороде Петербурга, дача была снята на подставное лицо. Убийство организовал и руководил им соратник Гапона революционер Пинхас Рутенберг. Позже Л. Д. Троцкий (Бронштейн) в своих воспоминаниях напишет: «Нам невольно вспоминаются пронизательные слова Виктора Адлера, вождя Австрийской социал-демократии, который, после получения первой телеграммы о прибытии Гапона за границу сказал: „Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если бы он также таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции“ ... „Есть люди, — прибавил он с той тонкой иронией, которая так характерна для этого замечательного человека, — которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии“»¹.

Но все тайное становится явным, тем более что среди убийц Гапона оказался один член партии, впоследствии советский писатель, Дикгоф-Деренталь, а тогда студент Военно-медицинской академии, участник боевой дружины, возглавляемой в 1905 г. Рутенбергом. Он оставил мемуары, но его воспоминания об убийстве Гапона отличаются от воспоминаний Рутенберга.

Как следует оценить деятельность Гапона? Помимо прямой и непосредственной ответственности за пролитую кровь (130 убитых, столько же серьезно раненных в Кровавое воскресенье), Гапон также ответственен за растление народного духа: он не только способствовал расстрелу веры в доброго Царя, на которой много держалось в русской жизни, он нанес тяжелейший удар по народной совести и нравственности. По сути дела, он явился одним из творцов мифа о «Николае Кровавом».

Безусловно, Гапон не единственный виновник событий 9 января, значительная доля ответственности за нее лежит и на тех царских слугах, ко-

А. А. Дикгоф-Деренталь

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2-х томах. М., 1990. С. 97.

Труп Гапона, повешенного «сознательными рабочими» под руководством Рутенберга

которые в силу ленивого благодушия, близорукости, трусости и страха за свое положение, а некоторые — может, и в силу преступного сговора с закулисой, не сумели предотвратить трагедию — арестовать Гапона с вожаками, разъяснить рабочим истинное положение вещей или, по крайней мере, вместо Царя вступить с ними в переговоры и направить движение в более лояльное русло. К сожалению, царская администрация в начале века не умела предупреждать возможные угрозы престолу, даже их прогнозировать, а лишь со значительным опозданием отвечать на них часто достаточно неуклюже.

Однако все это нисколько не извиняет Гапона; из всех участников трагедии 9 января, как православный священник, традиционный носитель нравственного начала и государствообразующих ценностей, в том числе — царелюбия, он должен

был «ведать, что творил», ибо горе тому человеку, через которого соблазн приходит (Мф. 18:7).

Гапон в детстве мечтал оседлать черта и на нем съездить в Иерусалим, как в житии святого Иоанна Новгородского. Но черт революции сбросил лихого седока в пропасть... А в Иерусалиме в последние годы своей жизни жил «човекоубийца» (Иоанн 8:44) Пинхас Моисеевич Рутенберг, будучи весьма состоятельным человеком¹.

¹ Из: Электронной Еврейской энциклопедии: КЕЭ. Т. 7, Кол. 552–555. Опубликовано в 1994 г. <http://www.eleven.co.il/article/13626>.

С середины 1906 г. Рутенберг жил в Германии, а в 1907–1915 гг. — в Италии (одно время у М. Горького на Капри). Он работал в Северной Италии инженером и специализировался в области ирригации и гидротехники, изобрел новую систему строительства плотин для гидроэлектростанций (запатентовал в 1914 г.). В эмиграции у Рутенберга произошла переоценка ценностей, он вернулся к иудаизму (выполнил по собственной инициативе средневековый суровый обряд покаяния отступника), стал интересоваться еврейскими национальными проблемами и безоговорочно принял сионизм. В июле 1917 г. (после Февральской революции) Рутенберг вернулся в Россию, где А. Керенский назначил его заместителем губернского комиссара (введена вместо должности губернатора) Петрограда по гражданским делам. В середине 1919 г. Рутенберг навсегда оставил Россию и уехал в Палестину в Эрец-Исраэль. Свое весьма значительное состояние он завещал на создание Фонда Рутенберга и на строительство Хайфского университета. Пинхас Моисеевич закончил свою жизнь в 1942 году в Иерусалиме.

VI. Путь спасения

Апофеозом краткосрочной славы Гапона стало Кровавое воскресенье. Гапон оказался спусковым курком революции, оружием в чужих руках. Революцию 1905 г. готовили; было выбрано время Русско-японской войны, в обществе царили пораженческие настроения, общество было революционизировано, поэтому так легко и возникла революция. Бог по Своей милости к России противопоставил Гапону святого Иоанна Кронштадтского, который сумел своим авторитетом переломить общественное сознание народа. Революция не распространилась, потому что народ прислушался к голосу Всероссийского пастыря, благословившего создание Союза русского народа. Этим объясняется жгучая ненависть революционеров к Иоанну Кронштадтскому.

Первая революция пресеклась Божией волей и священническим подвигом о. Иоанна. Почти десять лет было дано Царю и его верноподданным для того, чтобы смести революционную почву. Много было сделано, но невозможно оказалось противостоять мировому заговору, ради свержения самодержавия втянувшему Россию в мировую войну. Как позже вспоминал Дворцовый комендант Государя Николая II генерал-майор Свиты Владимир Николаевич Воейков, «мнения многих дипломатов совпадали с выраженной Его Величеством мыслью: говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников. Сбылось то, чему трудно было верить, но что мне в 1912 г. выдавалось за факт: говорили, что в 1911 г. в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские державы в войну с целью свержения тронов»¹. По мнению В. Н. Воейкова, популярность войны тоже была на руку внешним силам и внутренним врагам России. Патриотическое настроение подогревалось ими с пониманием, что для нанесения удара по России необходимо ослабление кадрового элемента войск, которое возможно лишь при том условии, если Россия будет втянута в войну. С началом войны было внесено изменение в существовавший до того закон о черте еврейской оседлости: семьям призванных из запаса евреев-ремесленников разрешено было повсеместное жительство.

Апофеозом вечной славы Иоанна Кронштадтского стала его вера и служение Отечеству. Приобщая людей Телу Христову, он, вдохновленный Духом Святым, видел значение Церкви и всю жизнь боролся с современными ему лжеучениями, против еретиков и раскольников, совершающих тягчайший грех, нарушающих заповеди Христа. Св. Иоанн не создал никаких систем православной догматики, но именно у него современники находили решение сложных вопросов веры. Целью жизни о. Иоанна Кронштадтского было вхождение в полноту христианского совершенства через покаяние, через стяжание благодати Святого Духа. Опытом всей своей подвижнической жизни св. Иоанн выносил мысль, что лишь человеческими усилиями совершенства достигнуть невозможно, необходимо принадлежать к Церкви Христовой. «Христианину православному нужна сильная поддержка свыше от Бога и от святых воинов Христовых, победивших врагов силою благодати Христовой, и от Церкви земной, Православной, от пастырей и учителей,

¹ Воейков В. Н. С Царем и без Царя. М.: Родник 1994. С. 61. (Текст печатается по 1936 г., Гельсингфорс).

потом — общественной молитвы и таинств. Вот такая-то помощница человека-христианина в борьбе с невидимыми и видимыми врагами есть именно Церковь Христова, к которой милостью Божией мы и принадлежим»¹.

Сила молитвы и веры св. Иоанна Кронштадтского подтверждена не только его прижизненной деятельностью и свидетельствами его современников, но и событиями нашего времени. Когда, в конце злополучного XX в., Россия вновь оказалась у революционной пропасти, пышущей пламенем гражданской войны, великий молитвенник и заступник русского народа у Престола Господня Иоанн Кронштадтский был причислен к лику святых. Это произошло 8 июня 1990 г. на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, на котором также был избран на Патриарший престол митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер), ставший Патриархом всея Руси Алексием II, много сделавшим для примирения народа в смутные 90-е. Нет сомнения, что о. Иоанн Кронштадтский молитвенно сопровождал и духовно помогал Патриарху в его подвиге спасения России. Кронштадтский батюшка был свечой, освещающей путь для многих людей в те трагические и во все предыдущие и последующие времена.

Его молитвами наш народ в наше время постепенно выздоравливает от тяжких и отвратительных болезней безбожия и предательства. И мы должны быть бдительны, не допустить развития рецидивов этих болезней. Несмотря на возрождение России, на ее очевидные геополитические успехи, нельзя успокаиваться, ведь так отчетливо прослеживаются взаимосвязи и аналогии в данном наблюдении профессора-философа А. Л. Казина, говорящего о старых вызовах и новейших технологиях их достижения. И нельзя не согласиться здесь с ученым: «Что касается XIX столетия, то все оно прошло под знаком возрастающей агрессии демократических сетей против миропорядка Священного Союза, от коронованного революцией генерала Бонапарта с его буржуазным кодексом до февральской (масонской) революции 1917 г. в России, свергнувшей последнюю великую христианскую корону в мире. Относительно интернационала-коммунизма отметим только, что первый съезд РСДРП в Минске собрал всего 9 делегатов — это ли не пример тайного могущества сети в новейшей истории? Вершиной сетевой политики, на мой взгляд, является разрушение СССР — сверхдержавы середины XX в., сокрушившей фашизм, вышедшей в космос, но оказавшейся совершенно беззащитной перед скрытой работой внутренних сетевых сообществ (собственной “закулисы”, как сказал бы И. А. Ильин)»².

Эта «закулиса» и в наше время, спустя век, не унимается, выпестовала немало «гапонов-березовских-ходорковских». Некоторые из них, так же как революционный священник, тешили себя поддержкой Туманного Альбиона и в гордыне разума не понимали истинной своей роли обыкновенных провокаторов. А когда начинали осознавать свое унижительное положение и пытались вырваться, то хозяева навеки усмиряли их удавкой. Не похожа ли на судьбу Гапона судьба и кончина небезызвестного Бориса Абрамовича Березовского? А ведь тоже был опытен и хитер... Повесился ли он сам? Или, решивший повиниться, подготовивший письмо Президенту России,

¹ Цит. по Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред. Митрополит Иоанн (Снычев). СПб. Андреев и сыновья. 1994. С. 202.

² Казин А. Л. Homo Russicus. СПб.: Алетейя, 2014. С. 183.

он вовремя от своих «благодетелей» получил удушающий шарфик, дабы не стал полезным Родине? Это неизвестно. Хотя известно, что предателю — кары не миновать.

Но праведнику путь спасения известен — это наша вера, «победившая мир» (1 Ин. 5:4), которая спасительна только в единстве с Церковью. Истинная же Церковь, пребывающая единою, неразделенною, единоспасающею — только Восточно-Православная. «Ни одно исповедание Христианской веры кроме Православия, — пишет Иоанн Кронштадтский, — не может привести христианина к совершенству христианской жизни или святости и к совершенному очищению от грехов, и к нетлению, потому что другие исповедания содержат “истину в неправде” (1 Ин. 1:18), примешали суемудрие и ложь к истине и не обладают теми благодарованными средствами к очищению, освящению, возрождению, обновлению, коими обладает Православная Церковь»¹. Звучит очень актуально и предостерегающе от вызовов XXI века. Воистину нет временных границ предвидения св. Иоанна Кронштадтского, который является и нашим современником, и мудрым пастырем на века.

¹ Цит. по Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред. Митрополит Иоанн (Снычев). СПб. Андреев и сыновья. 1994. С. 204.

ВЫШАА КНИГА

Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В.

Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с.

В монографии на обширном материале представлено фундаментальное исследование социально-экономического и культурологического феномена русской артели, дается подробная историография и сравнительный анализ подходов авторов, изучавших артель, излагаются вехи истории артели в России, дается типология и сводная описательная модель классической русской артели. Авторы не обходят стороной такие дискуссионные темы как: этимология артели, истоки происхождения артели, ее соотношение с другими формами народной самоорганизации, с кооперацией, капиталистическими формами и др. Одна из главных задач работы — дать обстоятельную и глубокую картину специфичности артельной жизни как особого способа взаимодействия русских людей. Данный труд носит не только исторический характер, но исходит также из поиска и реконструкции ценных элементов национального опыта, которые были утрачены и которых не хватает сегодня России для ее полноценного развития как самостоятельной цивилизации.

История и современность

Павел КРЕНЕВ

МЯТЕЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Павел Григорьевичу Кренев (Поздеев) — родился в д. Лопшеньга. Окончил Ленинградское Суворовское училище, затем факультет журналистики ЛГУ. Служил в ленинградских властных структурах. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Союза писателей России. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий. Кандидат юридических наук. **Живет в Москве.**

С сожалением надо признать, что современная историография до сих пор грешит тенденциозностью. Уж не знаю, беда это историков, или их вина, но они всегда, во все времена — сыны и дочери своих эпох. К сожалению, каждое время заставляет своих современников — исследователей отражать себя в нужном ему ракурсе. Надо согласиться, что эпоха, в которой довелось нам жить, совсем не рождала историков объективных, да и не могла их рождать: царство социалистического реализма и партийного подхода ко всем без исключения событиям относилось или односторонне, или комплементарно. Являлось необходимым подавать исторические события в тонах и красках, любимых властью. Другой подход исключался: историки были в системе приводных ремней к государственным жерновам, в которых перемалывались правда, судьбы людей, кости героев, пытавшихся остановить молохи социального террора.

При всем уважении к советским временам, когда наш народ, пережив невыносимые испытания, достиг небывалых высот в технике и искусстве, нельзя не признать, что степень вульгарного обращения с историей достигла тогда невероятного уровня. Особенно это может касаться событий Октябрьского переворота, Гражданской войны, коллективизации, «красного террора», других переломных моментов новейшей истории, потому что в такие периоды ничего не опиралось на закон, а значит, требовало соответственной для власти исторической трактовки.

Незаконным было все или почти все. Благо, что мы признаем это хотя бы сейчас. И сталинский «Краткий курс истории партии» является для нас лишь источником знаний о датах тех или иных событий, но никак об их сущности.

Хочу показать это на конкретном примере.

Осмелюсь утверждать, что вряд ли найдется хотя бы один мало-мальски осведомленный в истории человек, который бы не знал, что в июле месяце 1918 года партия левых социалистов-революционеров — интернационалистов, традиционно именуемых левыми эсерами, совершила чудовищное преступление — мятеж против советского правительства с целью захвата власти. Для этого эсеры убили германского посла Мирбаха в надежде, что Германия ответит на это возобновлением войны с Россией, прерванной заключением Брестского мира, и все это поможет левоэсеровской партии захватить вожделенную власть. Ситуацию спасли, как это подается в традиционной интерпретации, славная ВЧК, а также ее председатель «железный рыцарь революции» Феликс Дзержинский.

Как человек, много профессионально занимавшийся историей, возьму на себя смелость заявить, что практически вся утвердившаяся в нашей историографии схема тех событий, их истоки, течение и последствия никак не соотносятся с реальностью. Они умышленно искажены, а то и сфальсифицированы от начала и до конца.

Более того, я утверждаю:

1. Мятежа левых эсеров, якобы состоявшегося 6—7 июля 1918 года, вообще не было.

2. Все это было грандиозной провокацией, продуманной и осуществленной группой лиц под руководством Л. Д. Троцкого.

Для того чтобы это доказать, необходимо для начала рассмотреть военно-политическую обстановку, сложившуюся в стране на тот исторический момент.

Большевики во главе с Лениным еле-еле держались у власти. Поставившая их к руководству Россией Германия заставила Ленина и его ближайших сподвижников подписать в Брест-Литовске «похабный» мирный договор и в соответствии с ним получила во владение огромные территории и право нераздельно выкачивать из страны несметные богатства. Не повезло ей лишь в одном: все это было не ко времени — она несла тяжелые поражения на фронтах и с трудом сдерживала последние сокрушительные удары войск Антанты и присоединившихся к ним Соединенных Штатов Америки. И все же надежды ее не покидали: Германия маневрировала и на фронтах, и в политике и очень рассчитывала на поддержку «своего человека» Ленина, вскормленного из стальных ее ладоней.

Ленин стоял в авангарде германских интересов в России. Он делал все, что от него требовали, и у Германии не было оснований упрекнуть его в неблагонадежности за оказанные ему услуги в продвижении к власти.

Разворачивалась последняя фаза Мировой войны, все очевиднее становилось, кто победит, кому делить трофеи.

Ленин через определенных людей просил у немцев финансовой и моральной помощи, требовал усилить его позиции, насколько это было возможно. И тем действительно надо было спасать ситуацию.

И вот, в конце апреля 1918 года в Москву прибывает германское посольство. Его возглавляет сорокасемилетний опытный дипломат, уже несколько лет работавший ранее на различных должностях в германском посольстве в Петрограде, граф Вильгельм фон Мирбах Горд.

Его задача — всячески поддержать большевиков. Конечно, известна ему и неискренность его правительства по отношению к большевикам, и реальное отношение к ним.

«Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще могут что-то дать».

Это слова статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии адмирала фон Хинтца. Как видно, они не содержат большой симпатии к кремлевским хозяевам. Зато искренние. Ровно как и следующие слова того же весьма крупного чиновника:

«Большевики — крайне плохие и несимпатичные люди; это не помешало нам навязать Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и людей еще сверх того. Мы выбили из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжили, пока они еще находятся у руля... Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательнее, чем любая другая российская партия».

Следуя этой циничной, но железной логике, граф Мирбах направляет главные свои усилия на поддержку явно шатающегося большевистского режима. Он лично вникает во все детали катастрофической ситуации, встречается с лидерами большевистской партии, имеет в результате объективную картину положения дел и скоро переходит к конкретным шагам по укреплению ленинской власти в интересах Германии.

3 июня 1918 года он делает своему правительству первый запрос относительно срочной финансовой помощи правительству России в размере 3 миллионов марок ежемесячно.

«При сильной конкуренции Антанты требуется около трех миллионов марок ежемесячно. В случае возможно неизбежного в скором времени изменения нашей политической линии следует считаться с более высокими потребностями. Мирбах».

Несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, деньги Германия нашла. 27 июня из ее Министерства иностранных дел последовал ответ:

«Запрошенная месячная сумма предоставляется впредь до особого распоряжения. Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами. Более подробное указание об отчетности последует».

В скором времени сумма, выделенная на поддержку нужного Германии режима в России, была увеличена и достигла 40 миллионов марок.

Таким образом, германский посол Мирбах добился финансирования большевиков во главе с Лениным, и «германская партия» укрепила свои позиции в руководстве Россией.

Безусловно, это произошло в противовес другой не менее сильной, не менее циничной и агрессивной в достижении своих целей — прозападной партии, работавшей на интересы Англии, Франции и США. Возглавлял ее изощренно-коварный мастер закулисных интриг, вечный соперник Ленина, член Правительства, военный Нарком Л. Д. Троцкий (Бронштейн). Этот деятель, российский революционер с большим стажем, приехавший в Россию из США, где он находился в эмиграции, и имевший американский паспорт, выданный ему лично президентом Соединенных Штатов Вудро Вильсоном, практически откровенно работал на эту страну и активно взаимодействовал с представителями Антанты в России.

Мирбах, укрепляя позиции Германии в России, объективно сильно мешал Троцкому и прозападникам во властных структурах. Презрительно именуемый Свердловым «денежный посол» (по названию Денежный переулок, на котором располагалось посольство), он, с точки зрения Антанты и США, перешел границы дозволенного и своей активностью подписал себе смертный приговор.

Его убийство явилось составной частью провокации, известной в советской историографии как «мятеж левых эсеров».

Нужно было только найти повод и выбрать подходящую дату.

К 6 июля отношения между США, Антантой и Германией в российском вопросе стали критическими, а фигура немецкого посла в России Мирбаха стала очень значительной. Представители стран-союзниц рассматривали его как «теневого диктатора», который подмял под себя российское правительство. Он и в самом деле решительным образом поддерживал большевиков. Мирбах докладывал в Берлин: «Реализация наших интересов требует поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте»...

В свою очередь союзники выражались в адрес Германии не менее определенно. 4 июля 1918 года, когда в США отмечался День Независимости, американский посол в России Фрэнсис обратился к народу России:

«Мы никогда не согласимся, чтобы Россия превратилась в германскую провинцию, мы не будем безучастно наблюдать, как немцы эксплуатируют русский народ, как они будут стремиться обратить к своей выгоде огромные ресурсы России».

За очевидной демагогией относительно заботы о русском народе в послании отчетливо высвечивается угроза, нависшая над немецким послом.

Мирбах стал настоящим препятствием для стран-союзниц еще и потому, что именно в это время они начали массированную интервенцию войск Антанты на Севере и на Юге России. Именно в эти дни президент США В. Вильсон благословил еще одну интервенцию — наступление чехословацкого корпуса. Союзники явно готовились потеснить немцев, нейтрализовать их влияние и захватить всю Россию. Мирбах, используя свои рычаги, прямо воздействовал на Ленина, и тот принимал решения, нужные Германии.

Безусловно, столь очевидное и опасное противостояние долго продолжаться не могло. Мирбах тем или иным способом должен был быть нейтрализован. Он сильно мешал не только на российском, но и на межгосударственном уровне.

Сведения о готовящемся покушении на германского посла стали поступать в ВЧК задолго до самого этого события.

Еще в апреле работавший в Москве французский военный разведчик капитан Жак Садуль передал Дзержинскому и Троцкому информацию о подготовке провокации с покушением на Мирбаха. Он сам пишет в своей книге «Записки о большевистской революции», что никаких мер по этому поводу принято не было.

Странно: идет подготовка к убийству посла страны-союзницы, а меры по предотвращению этого не принимаются.

Дальше — больше.

В середине июня заместитель Наркома иностранных дел России Л. М. Карахан представил Дзержинскому сведения, полученные из немец-

кого посольства, о подготовке покушения на посла Германии и других работников посольства. Был также передан список конкретных лиц, готовящих заговор, и их адреса. ВЧК снова не предприняла предупредительных мер.

28 июня Дзержинскому опять передали новые данные, что на квартире № 35 по адресу Петровка, дом 19 проживает англичанин Ф. М. Уайбер, который возглавляет подготовку заговора против Германского посольства. В результате проведенного чекистами обыска по данному адресу был задержан сам Уайбер и изъяты документы, в самом деле свидетельствующие о подготовке покушения, а также секретные коды для составления шифрованных текстов. Однако на допросе англичанин заявил, что не знает, как эти документы попали к нему на квартиру, и поэтому он был из ВЧК почему-то отпущен на свободу и немедленно покинул Россию.

Далее события с точки зрения нормальной логики разворачивались совсем уж нелепо.

Карахан устроил встречу Дзержинского с сотрудниками немецкого посольства Рицлером и Миллером, отвечающими за безопасность посольства. Те рассказали главному чекисту еще много интересных фактов, однозначно свидетельствующих о готовящейся провокации, назвали даже имена своих тайных осведомителей, организовали встречи Дзержинского с этими осведомителями (Бендерской и Гинчем), но по странной логике руководитель ВЧК не придавал этому должного значения и сделал единственный вывод: германское посольство кто-то шантажирует. И никаких мер почему-то не принял, хотя полученная им информация была более чем конкретна. Единственное, что он совершил, — арестовал потом того и другого осведомителя. Есть основания полагать, что дальнейшая судьба и Гинча, и Бендерской весьма и весьма печальна: они слишком много знали.

Когда Дзержинский после убийства графа Мирбаха пришел для разбирательства в Германское посольство, лейтенант Миллер встретил его горьким упреком: «Что Вы теперь скажете, господин Дзержинский?»

Само покушение, которое, согласно российской и зарубежной историографии, явилось сигналом для начала грандиозного восстания партии левых эсеров против советской власти, подробно описано во множестве литературно-исторических источников, и нет большого смысла останавливаться на детальном о нем рассказе. Однако следует, вероятно, указать на основное содержание тех событий.

Итак, в середине дня 6 июля 1918 года сотрудники Всероссийской чрезвычайной комиссии Яков Блюмкин и Николай Андреев, члены партии левых эсеров, явились в германское посольство и предъявили якобы липовый мандат, подписанный Председателем ВЧК Ф. Дзержинским и его заместителем Ксенофонтовым и содержащий просьбу встречи с послом. Предлогом для встречи явилось решение дальнейшей судьбы племянника Мирбаха, воевавшего на стороне Австрии и попавшего в русский плен. Во время состоявшихся переговоров германский посол граф Мирбах был убит. Его убийцы Блюмкин и Андреев укрылись в Боевом полку ВЧК, которым командовал Дмитрий Попов, также левый эсер. Затем, как повествуется в нашей истории, полк ВЧК восстал и вместе с ним восстала партия левых эсеров, желавшая разорвать мирные отношения с Германией и возобновить с ней войну. И только благодаря слаженным и умелым действиям чекистов и Красной гвардии, объединенных боевым руководством ленинской комму-

нистической партии, коварные замыслы буржуазных недобитков — левых эсеров были разоблачены и предотвращены. По-другому сказать не умею, так как совсем недавно именно так нам всем это и вдалбливалось.

Хочу выступить категорическим оппонентом такой вот точки зрения, и постараюсь сделать это аргументированно.

Во всей исторической литературе говорится одно и то же: на мандате, выданном Блюмкину и Андрееву, стоит подпись Ф. Дзержинского, однако эта подпись поддельная, и подделал ее не кто иной, как заместитель Дзержинского В. А. Александрович (Дмитриевский), тоже левый эсер, за что он и был немедленно расстрелян.

Смею утверждать: подпись Дзержинского никто не подделывал, это реальная подпись. Я хорошо знаю эту его подпись, так как много раз видел ее на подлинных документах в Центральном и других областных архивах управлений Комитета Государственной безопасности нашей страны.

Чтобы это доказать, нужно всего лишь внимательно изучить уже опубликованные в открытых источниках документы того времени и сопоставить некоторые изложенные в них факты.

Нам известно, что в 1918—1919 годах Яков Блюмкин находился на подпольной работе на Украине. В апреле 1919 года он явился в Киевскую ВЧК и сдался советским властям. Там он дал письменные показания, касающиеся деталей убийства Мирбаха и событий 6—7 июля 1918 года в целом. Понятно, что из Киева ему было трудно согласовать с руководством ВЧК, находящимся в Москве, все детали того, что следовало указывать в своих показаниях, а что нет. Поэтому этот молодой человек (ему на тот момент было всего восемнадцать с половиной лет) письменно сообщил то, чего ему, с точки зрения того же Дзержинского, совсем не следовало бы указывать. Например, в показаниях от 17—19 апреля он описывает весь процесс подготовки того самого мандата, под которым злокозненный заместитель Дзержинского Александрович якобы подделал подпись своего начальника. Он пишет:

«До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и приготавливались психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в Комиссию (в ВЧК. — *Прим. авт.*); кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк Комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: “Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии Ф. Дзержинский
Секретарь Ксенофонтов”».

Далее Блюмкин сообщает казалось бы верные детали, но, не зная в точности, что можно теперь говорить, а что нет, он ненароком дает показания, которые, я в этом уверен, навсегда скомпрометируют личность «рыцаря революции»:

«Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись Председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел **ничего не знавший** (выделено мной. — *Авт.*) товарищ Председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать Комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убью графа Мирбаха».

Вот теперь разберемся, как эта информация стыкуется (или не стыкуется) с нашей общеизвестной историографией, из которой следует, что Александрович подделал подпись Дзержинского.

Никак не стыкуется.

Согласитесь: Блюмкин говорит, что подпись Дзержинского подделал некий член ЦК партии эсеров. Но ведь известно любому школьнику, член ЦК эсеровской партии В. Александрович как раз за эту подделку и был расстрелян. Значит, это преступление он и совершил. А чекист Яков Блюмкин утверждает, что В. А. Александрович ничего и не подделывал и даже ничего не подписывал. Он только «поставил на мандате печать».

И потом, это явное ощущение страшной спешки и нервной обстановки («мы почти не спали и приготавливались психологически»)… Разве можно в такой обстановке подделывать какие-то подписи. Да еще такие сложные, как у Дзержинского. Чтобы качественно подделать такую подпись, надо неделю тренироваться. Кроме того, как утверждает Блюмкин, Александрович был вообще не в курсе, что от имени его партии готовится политическое убийство, ведь Блюмкин только в конце их встречи сообщил, что идет убивать Мирбаха. Помните его слова: «пришел ничего не знавший Александрович». И, посудите сами, разве стал бы совершенно разумный и авторитетный человек Вячеслав Александрович, пользующийся доверием Дзержинского, хранивший в своем сейфе гербовую печать ВЧК и абсолютно не посвященный в подготовку убийства германского посла (а это я докажу в дальнейшем своем рассказе), стал бы вдруг что-то спешно и тайно подделывать и втравливать своего шефа в международную кровавую провокацию?

Верю твердо: он бы не пошел на такую грязную акцию. Тем более, что его партия на это не уполномочивала (и это тоже мы в дальнейшем рассказе покажем), а делу своей крестьянской партии совсем еще молодой человек Александрович (ему на тот период было всего 32 года) был беззаветно предан до конца своих дней.

Теперь давайте спросим любого канцелярского работника, при каких условиях на документе ставится печать? И он вам ответит: печать ставится только тогда, когда под текстом документа стоят подписи соответствующих ответственных работников. Нетрудно теперь нам с вами сообразить, что реальные подписи Дзержинского и Ксенофонтова под текстом мандата, представленного Блюмкиным Александровичу, уже стояли, и тот смело поставил печать.

Значит, перед тем, как в страшной спешке прибежать к Александровичу (ведь уже идет 6 июля и надо было еще так много успеть), Блюмкин заходил в кабинеты Дзержинского и Ксенофонтова…

Почему же в нашей историографии до сих пор скрывалась эта несущественная, казалось бы, но правдивая деталь? Потому что в отношении левых эсеров осуществлялась провокация, в результате которой эта партия должна была быть изгнана из всех органов государственной власти. Разве мог бы славный «железный» большевик Дзержинский в советской истории

быть замешан в такое вот грязное дело? Нет, конечно. Как коммунист он должен был остаться для потомков «рыцарем революции с чистыми руками и горячим сердцем». В белых одеждах. История терпеть не может другого цвета. Поэтому пришлось все свалить на невинного человека — на эсера Александровича. Он оказался на свою беду в ненужное время на ненужном месте...

А получилась глупая закавыка, совсем, казалось бы, маленькая оплошность...

В полдень, 6 июля Дзержинскому позвонил Ленин, сообщил, что убит Мирбах, и дал указание во всем лично разобраться. Феликс Эдмундович «вместе с Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами», как он сам укажет в своих показаниях, поехал в немецкое посольство. Там он с ужасом узнал, что подписанный им мандат находится в посольстве. Блюмкин и Андреев должны были предъявить его сотрудникам посольства и затем забрать с собой и, безусловно, уничтожить или вернуть Дзержинскому. Но в страшной суматохе своего преступления молодые чекисты забыли его в посольстве на столе. Теперь этот документ предстал перед множеством людей, пришедших с Дзержинским. Все они теперь стали свидетелями ужасной для него ситуации.

Дзержинский забрал бумагу и какое-то время обдумывал создавшееся положение.

Понятно, что его подпись должна быть дезавуирована. Ее кто-то подделал. Но кто? Об этой бумаге знали всего несколько человек: он сам, Ксенофонтов, Блюмкин с Андреевым и Александрович. Первые четверо отпадают — это ясно, значит, остается только его заместитель — Вячеслав Александрович. Немного жалко его, конечно, парень неплохой, да и работник хороший. Но что поделаешь, ради большого всегда приходится жертвовать малым... А потом придется организовать проведение экспертизы, которая подтвердит, что подпись Дзержинского подделана.

И он все сделал так, как задумал. Полагаю, что согласовал свои решения с человеком, которому всегда неформально подчинялся и которому верен был до конца, — с Львом Троцким.

А человек с богатым революционным стажем, прошедший тюрьмы, казни, побег и эмиграцию, имевший партийный псевдоним Пьер Оранж, член Центрального Комитета партии левых социалистов — революционеров-интернационалистов, занимавший важный пост заместителя Председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии Вячеслав Александрович Дмитриевский (Александрович) уже через сутки, в ночь с 8 на 9 июля 1918 года был расстрелян. Перед расстрелом его никто ни о чем не расспрашивал, никто его не допрашивал. Он был расстрелян в спешке, без суда и следствия. Да и о чем бы мог рассказать человек, который ничего не совершал?

Свидетели рассказывали, что свою смерть он принял достойно и никого ни о чем не просил. Наверно, он понимал, что это бесполезно.

Такова вот цена забытой на столе бумажки.

Кстати, через несколько лет, когда Блюмкин жил на квартире Наркома просвещения Луначарского, что на Денежном переулке в Москве, в беседе с женой Наркома Наталией Розенель и ее двоюродной сестрой Татьяной Сац он, рассказывая им об обстоятельствах убийства Мирбаха, заявил, что «Дзержинский обо всем знал».

Нам теперь об этом тоже известно...

Летом 1918 года в правительственных кругах России сложилась крайне тяжелая ситуация. Она усугублялась мало внешне заметным, но отчаянным противостоянием двух смертельно воюющих друг с другом группировок в самом правительстве: ленинской и другой, во главе с Троцким. Суть этого противостояния заключалась в обыденной вещи, характерной и для нынешних времен: они отрабатывали интересы противоборствующих геополитических финансово-олигархических группировок. Группа Ленина, как широко известно, работала на германо-австрийский капитал, группа Троцкого — на частные финансовые и государственные круги США и стран Антанты. Мы ведь уже упоминали, что господина Бронштейна-Троцкого, прибывшего в Россию из Америки, там тепло провожали и напутствовали люди Морган и Рокфеллера, а президент США Вильсон лично (!) выхлопотал ему американский паспорт. Так на кого же после этого должен был работать Бронштейн? Не на Россию же. И уж точно не на Германию. Когда-нибудь мы расскажем и о том, что это коренное противостояние внешних капиталов едва не привело к гибели Ленина. Опубликовано уже достаточно материалов, прямо свидетельствующих, что покушение Фаины Каплан на вождя организовал ближайший сподвижник Троцкого Яков Свердлов, величайший и хитроумнейший интриган.

В ближний круг Троцкого, кроме Свердлова, входили также Н. Бухарин, К. Радек, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ф. Дзержинский, многие высшие военные.

Чтобы убедиться в отношении Дзержинского, что это так, обратимся к мнению весьма авторитетного человека — И. Сталина, который, чего уж там, совсем неплохо знал истинные взгляды своих соратников. Выступая 2 июня 1937 года на Военном Совете Наркомата обороны, он сказал:

«Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось».

Сталин знал, о чем говорил. Может быть, в этом и кроется загадка внезапной смерти Дзержинского летом 1926 года. Сразу после его смерти началось уничтожение троцкистов, а потом и самого Троцкого.

Рассмотрим теперь глубокий смысл событий, связанных с покушением на германского посла.

К июлю 1918 года влияние немцев на главу правительства России В. И. Ленина объективно ослабевало в связи с явным грядущим поражением Германии в Мировой войне. Остатки этого влияния, с точки зрения стран-союзниц, необходимо было свести к нулю какой-то крупной акцией. Германия, конечно, могла бы огрызнуться на нее своими слабыми уже силами, но остатки ее войск и так уже с трудом сдерживали натиск союзников.

Убийство германского посла Мирбаха и должно было стать такой акцией. Германия после этого прервала бы брестские договоренности, вступила бы в новую войну с Россией. Тем самым ослабились бы ее позиции на английском и французском фронтах. Однако ее наступление на Москву было бы смято многотысячной армией чехословаков, которых Троцкий искусственно сдерживал на территории России, а также войсками интервентов,

уже высадившихся на российских окраинах. Это означало бы конец войны и наступление новой эры владычества Соединенных Штатов над Россией.

Попробуем теперь реконструировать ход последующих событий.

Итак, необходимо было убить Мирбаха. Полагаю, что эту задачу Троцкий и Свердлов поставили перед Дзержинским. Ему надлежало через свою агентуру обеспечить выполнение этой задачи.

Одновременно стал прорабатываться вопрос избавления от левых эсеров. Председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов убеждал: «с ними невозможно принять ни одно решение. А впереди у нашей партии грандиозные задачи. По любому пустяку устраивают говорильню. Пора их гнать из Советов. Думаю, что вопрос о Мирбахе должен быть соединен с вопросом об эсерах... Убьем двух зайцев. Полагаю, что в отношении эсеров и Владимир Ильич не станет возражать...»

Левые эсеры в последнее время и впрямь стали непредсказуемо агрессивны. Совсем недавно, 24 июня, их ЦК принял постановление об организации террористических актов. Надо было принимать превентивные меры.

Свердлов предложил сделать так: коли уж эсеры подставились с этим постановлением, надо ситуацию развить и сделать имитацию крупной антисоветской акции. Начав с покушения на посла, укрупнить все до масштабов мятежа.

Троцкий, Свердлов и Дзержинский совещались долго. Главным был вопрос: через кого все это организовывать? Но всех успокоил Троцкий. Он сказал, что в руководстве левоэсеровской партии достаточно своих, вполне надежных людей, которые помогали большевикам «делать революцию», и обещал дать этих людей для выполнения намеченного.

Троцкий в очередной раз удивил Дзержинского своим феноменальным умением быстро разбираться в кадрах. Он предложил ему обратить внимание на молодого человека, который совсем недавно пришел к Дзержинскому в аппарат. По фамилии Блюмкин.

— Приглядишься к нему. Мне кажется, это очень способный паренек. Тем более, что состоит в партии левых эсеров. С него можно все и начать. Думаю, он справится.

И Дзержинский начал действовать. Он понимал главное: надо убить Мирбаха руками левых эсеров, затем инициировать левоэсеровское восстание, все на них свалить и выгнать отовсюду.

Согласно инструкции Троцкого, он повстречался с Яковом Блюмкиным из контрразведывательного отдела ВЧК — начальником отделения, работавшего в отношении дипломатических представительств. Совсем молодой парень, в апреле приехавший из Одессы, в прошлом — приятель легендарного преступного авторитета Моисея Винницкого (Мишки Япончика), действительно оказался очень толковым, мгновенно все схватывающим. Когда он услышал, что его рекомендует для сложной чекистской операции сам товарищ Троцкий, он засучил ногами, словно горячий рысак. За товарища Троцкого он был готов в огонь и в воду.

Дзержинский поставил перед ним задачу: подготовить подробный план операции и дал на обдумывание сутки.

На следующий день вновь была встреча. Блюмкин представил толковый план проникновения в посольство (он практически совпадал с тем, что и было осуществлено) и выдвинул встречную просьбу: необходимо изго-

товить две бомбы для гарантированного убийства посла и для того, чтобы наделать как можно больше шума. Блюмкин считал, что это будет полезно.

Троцкий и Свердлов дали Дзержинскому своего человека, способного изготовить бомбы. Это был Фишман Яков Моисеевич, член ЦК партии левых эсеров и член ВЦИК, возглавляемого Свердловым. Троцкий знал его еще по совместной работе в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, который Лев Давидович и возглавлял. С Фишманом Троцкий дружил, несмотря на некоторые партийные разногласия. Ассистировать Фишману в подготовке бомб и их транспортировке Свердлов предложил Анастасию Биценко, также члена ВЦИК, руководителя Московского отделения партии левых эсеров. Ее хорошо знал и был с ней в добрых отношениях и Троцкий. Биценко была членом российской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске. Как известно, этой делегацией руководил сам Лев Давидович. Он любил слушать ее рассказ о том, как она, эсерка-террористка, в доме Столыпина застрелила в былые времена царского генерал-адъютанта Сахарова.

6 июля 1918 года рано утром Биценко забрала бомбы у Фишмана, доставила их в свой номер в гостинице «Националь» и там передала Блюмкину и Андрееву. Это было впоследствии установлено следствием.

Как потом был убит Мирбах, мы с вами уже знаем.

Вполне возможно и очень даже закономерно, что у кого-то из читателей могут возникнуть сомнения: не слишком ли смело мы привязываем к убийству Мирбаха таких известных и «бесконечно славных» исторических персон, как Троцкий, Свердлов и Дзержинский?

Полагаю, что мы стоим на правильном пути. Достаточно подвергнуть простейшему анализу судьбы тех же только что упомянутых Блюмкина, Фишмана и Биценко.

Следуя элементарной логике, с такими, как они, кровавыми убийцами, да еще представителями враждебной партии, поставившими страну на грань новой войны, руководителям ленинской коммунистической партии и страны совсем не по пути.

Но это, если следовать человеческой логике. Нельзя забывать, друзья мои, что мы судим из другой эпохи, в которой действуют совсем другие нравственные ориентиры и шкала моральных ценностей находится совсем в другой плоскости. Времена не сопоставимы. Тогда, как в любые переломные моменты истории, исходили из революционной целесообразности. «Морально все, что приносит пользу революции», — утверждали лучшие люди страны. Тех, кто это оспаривал, ставили к стенке. По революционной шкале ценностей они никак не могли считаться лучшими. Поэтому времена революций, когда все перевернуто с ног на голову, считаются самыми отвратительными.

Великий режиссер коммунистической вакханалии Лев Троцкий поставил на советской сцене спектакль под придуманным им названием «Мятеж левых эсеров» и написал роли для артистов. Те, кто хорошо сыграл, получили награды и звания, и аплодисменты зрителей. И, как хорошие артисты, стали уважаемы в народе и почитаемы партией. Правда, ненадолго, потому что в перевернутые эпохи шкала ценностей тоже перевернута и слава там долго не живет. Так же как не живут долго и сами люди. Их уносят за горизонты событий революционные ветры, пахнущие человеческой кровью.

Самый что ни на есть кровавый убийца, молодой человек по имени Яков Блюмкин вместо того, чтобы понести наказание и быть расстрелянным (ведь Вячеслава Александровича расстреляли вообще ни за что), после покушения на Мирбаха оказывается вдруг на Украине и занимается «подпольной партизанской работой» против Махно и других врагов советской власти. По странному совпадению именно в это время организацией этой самой партизанской работы на Украине занимается Ф. Э. Дзержинский. То есть Блюмкин служит в подчинении Дзержинского в то самое время, когда ВЧК его «активно разыскивает».

Нельзя также не упомянуть, что перед этим смертная казнь Блюмкина, по личному указанию Троцкого была заменена «на искупление вины в боях по защите революции».

Удивительный этот пройдоха Блюмкин умудрился в тот же период по заданию ВЦИК (то есть Свердлова) поучаствовать вместе с махновцами (!) в подготовке покушения на адмирала Колчака.

Наконец, в апреле 1918 года он, как мы уже говорили, приходит в Киевскую ЧК, сдается ее председателю М. Лацису и заявляет, что готов понести заслуженное возмездие, от которого он целый год скрывался. Все это нельзя назвать иначе как лицемерием по договоренности. Какое уж тут возмездие со стороны ВЧК, если он все это время выполнял задания этой самой ВЧК?

Уже в мае 1919 года Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИК (Я. М. Свердлов) и с одобрения Ф. Э. Дзержинского принимает решение об амнистии Я. Блюмкина («ввиду его добровольной явки в ВЧК»).

Иначе как клоунадой все это не назовешь.

Дальнейшая жизнь Якова Блюмкина — сплошной детектив. И везде и всюду он служит в структурах, возглавляемых Л. Троцким и Ф. Дзержинским.

Вскоре по личной рекомендации Дзержинского он вступает в РКП(б), принимает участие в чекистских операциях на Украине, организует партизанское движение в тылу Деникина. Затем он переходит на службу в Красную армию и как подчиненный Троцкого воюет на Южном фронте в качестве командира 79-й бригады. В 1920–1921 годах по направлению Троцкого учится в Военной академии РККА и после ее окончания работает не кем иным, как начальником охраны Народного Комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, является его ближайшим доверенным человеком.

А далее, когда карьера Троцкого пошла на спад, Блюмкина опять переводят под покровительство Дзержинского. И он трудится на генеральских должностях в советской разведке на территориях Закавказья, Монголии, Палестины, Афганистана, Индии, Турции... (Кстати, в это же время примерно в этих же странах в советской разведке служил также на генеральских должностях другой известный авантюрист, тоже бывший одессит — Лев Натанович Зиньковский, имевший партийный псевдоним Лев Задов, который у Нестора Махно был начальником контрразведки. Он известен, в том числе, по роману Алексея Толстого «Хождение по мукам».) Конец фантастической карьере Блюмкина пришел в 1929 году, когда он в Константинополе нелегально повстречался со своим покровителем Львом Троцким и получил от него инструкции по организации подрывной работы в СССР.

Тайная встреча с личным врагом Сталина — это вам не бирюльки вроде убийства какого-то там иностранного посла. Это куда как посерьезнее. Блюмкина, конечно же, немедленно арестовали и сразу же расстреляли.

Говорят, он умер как герой, крикнув перед смертью: «Да здравствует вождь мировой революции Лев Давыдович Троцкий!»

И запел «Интернационал».

Песню он не допел...

Ну, убедил я вас, дорогие читатели, кто послал Блюмкина убивать графа Мирбаха? И кто подписал тот мандат?

Не левые же эсеры, никому не нужные и бесполезные маргиналы. Нет, Блюмкин прославил перед смертью реальных своих хозяев.

Чтобы убедить вас окончательно, что к убийству немецкого посла партия левых эсеров не имеет никакого отношения, напомним еще двоих персонажей — прямых участников преступления.

Один из них — Яков Моисеевич Фишман. Именно он самолично изготовил бомбы, которыми Блюмкин и Андреев убивали Мирбаха.

Фишман с дореволюционных времен был близким человеком Льву Давидовичу. Достаточно сказать, что они рука об руку работали в Петроградском Совете рабочих депутатов, который возглавлял Троцкий, и оба были членами его Военно-революционного комитета, вместе готовили и совершали октябрьский переворот. И хотя Фишман состоял в партии левых эсеров, он всегда был в дружеских отношениях с Троцким, что нам ясно продемонстрирует ход дальнейших событий.

Фишман еще до революции, находясь в эмиграции, закончил химический факультет Неаполитанского университета (Италия), был специалистом подрывного дела. Кроме того, летом 1918 года он являлся не просто рядовым партийцем, а состоял членом ЦК левоэсеровской партии. Кому, как не ему, Троцкий и Дзержинский могли доверить изготовление бомб? Это ведь тоже решало две проблемы — и подготовку оружия, и возможность потом все свалить на левых эсеров. Что и было сделано.

И все получилось удачно. Бомбы сработали и наделали много шума, эсеры были скомпрометированы, а Фишман сразу после этого, вместо того, чтобы сесть в тюрьму, резко пошел в гору. Естественно, при поддержке своего друга Троцкого.

Дальнейшая его судьба поразительно напоминает судьбу Якова Блюмкина. Это, впрочем, естественно, ведь у них были одни и те же кураторы.

Фишман, как и Блюмкин, «за участие в мятеже» был заочно приговорен к трем годам тюрьмы. Как и Блюмкин, осенью 1918 года бежал на Украину и работал по организации подполья и партизанского движения против белых и Махно в структурах, курируемых Ф. Дзержинским. Как и Блюмкин, был в одно с ним время амнистирован, и, как Блюмкин, с победой вернулся в Москву. Здесь он, как и Блюмкин, поступает на службу в Красную армию в ведомство Троцкого, а потом, как и его молодой товарищ, по рекомендации Дзержинского попадает на работу в разведку. Как и Блюмкин, Фишман долго работает за границей и, наконец, в 1925 году становится непосредственным подчиненным Л. Троцкого — назначается начальником Военно-химического управления Рабоче-Крестьянской Красной армии. И так далее и так далее, вплоть до получения генеральского звания.

Согласитесь, неплохая карьера для бывшего одного из руководителей российской левоэсеровской партии, так называемого «участника мятежа левых эсеров», чья бомба убила германского посла в России.

Думаю, и этот исторический персонаж неплохо дополняет наше предположение о том, что никакого «восстания» левых эсеров в июле 1918 года в Москве не было.

И третий участник подготовки покушения — Анастасия Алексеевна Биценко (Камористая). Именно она утром 6 июля получила изготовленные Фишманом бомбы и передала их в своем номере гостиницы «Националь» Блюмкину и Андрееву.

Эта женщина с простым русским лицом в свое время бросила ради революции своего мужа и, вступив в боевое крыло партии социалистов-революционеров, стала террористкой, участвовала в убийствах видных российских деятелей.

Близко познакомилась и подружилась с Л. Троцким и Я. Фишманом в октябрьские дни 1917 года, когда в составе районного Военно-революционного комитета Петросовета действовала на улицах города.

В июле 1918 года Биценко была членом ВЦИК от партии левых эсеров, и ее ценил председатель Я. М. Свердлов. Вероятно, кандидатура Биценко для участия в теракте в отношении Мирбаха была Троцким и Дзержинским с ним согласована. В ноябре того же года Биценко по рекомендации Свердлова была принята в члены Коммунистической партии и окончательно, уже легально, порвала с левыми эсерами.

Нельзя не упомянуть еще раз, что под руководством Троцкого Анастасия Биценко принимала участие в Брест-Литовских мирных переговорах и добросовестно исполняла все его указания.

В дальнейшем бывшая эсерка и террористка закончила институт Красной профессуры и состояла на государственной и преподавательской работе. За непосредственное участие в подготовке убийства Мирбаха она советской властью никак не преследовалась.

Согласитесь, что рассказ об этой участнице тех событий также красноречиво свидетельствует о том, кто же реально стоял за покушением на немецкого посла графа Мирбаха.

Полагаю, что приведенные мною доводы достаточно объективны и вполне обоснованы.

А как же само восстание левых социалистов-революционеров, состоявшееся, как нам утверждает советская историография, шестого и седьмого июля 1918 года сразу после убийства германского посла? Как оно началось, как проходило? О нем ведь написано столько книг и статей, столько фильмов о нем снято. В этих советских произведениях левые социалисты-революционеры выглядят очень некрасиво. Ведь они, организовав кровавый и подлый антисоветский мятеж, посягнули на самое что ни на есть святое — на советскую власть.

Анализируя различные источники, исследуя детали тех событий, начинаешь понимать, что в этой мешанине информации трудно найти правду. Как и в описании каждого политически значимого события, здесь много конъюнктуры, партийного подхода, споров честных и нечестных историков. Главное и однозначное, что я вынес из всего этого: восстания в классическом его понимании, как крайней меры выражения недоволь-

ства одной партии или социальной группы против другой, конечно же, не было.

И вот здесь хотелось бы порассуждать, полистать документы, рассмотреть аргументы «за» и «против» этой версии.

Начнем с аргументов, свидетельствующих о том, что политического мятежа левых эсеров против большевистской партии не было.

Сначала пусть выскажутся сами свидетели тех событий.

Вот слова Председателя ЦК партии левых эсеров М. А. Спиридоновой.

«...как они ловко устроили. Сами изобрели “заговор», сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают... Как их убедить, что заговора не было, свержения не было... Я начинаю думать, они убедили себя сами, и, если раньше знали, что раздувают и муссируют слухи, теперь они верят сами, что заговор был. Они ведь маньяки. У них правозесеровские заговоры пеклись, как блины».

И я верю этим словам этой фанатичной женщины. Посвятившая свою жизнь революции, абсолютно честная перед ней, она любила ее больше, чем могла бы любить свою мать. Я никогда не читал и не слышал от нее слов, которые можно было бы назвать враньем.

Все ее слова и мысли прямые и честные, как направленная на врага шпага.

Свидетельство Петра Смидовича, большевика, Председателя Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, непосредственного участника всех событий:

«Полагаю, что люди эти (бойцы отряда Д. Попова. — *Прим. авт.*) не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета о том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было».

Центральный комитет партии левых эсеров выпустил в те дни воззвание «Ко всем рабочим и красноармейцам», в котором, в частности, заявлялось: «ЦК ПЛСР категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремился, а произвел убийство Мирбаха исключительно в целях прекратить дальнейшее завоевание трудовой России германским капитализмом».

Член ЦК партии левых эсеров Ю. Саблин подтверждает: «В ответ на все поступавшие в ЦК предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом. Таким образом, совершенно неиспользованным остался караул на телефоне, телеграфе и во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Также неиспользованными остались предложения о захвате Кремля и центра города».

В своих показаниях на следствии самый главный провокатор всех событий Яков Блюмкин заявил однозначно: «Восстания не было».

Когда вникаешь в очень непростой ход и смысл тех событий, возникает множество вопросов, связанных с их оценкой. Отсюда появляется большая ответственность перед историей, перед людьми: как бы чего не напутать такого, в результате чего пострадает память о тех временах, о персоналиях, действующих в них. Очень хочется быть справедливым и объективным.

Например, мы, основываясь на свидетельствах исторических лиц, да и на самом ходе событий, говорим: мятежа партии левых эсеров 6 и 7 июля

1918 года не было вовсе. Похоже, что так, но тогда как быть с давно опубликованным протоколом заседания ЦК этой партии от 24 июня того же года. Там ведь сказано куда как прямо:

«Центральный комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддерживали партию в этом выступлении»...

Заметим, что указанное заседание ЦК состоялось совсем незадолго до известной исторической даты «мятежа».

Кроме того, широко опубликованные отечественные источники приводят и конкретные данные о подготовке и отправке в Москву из разных городов России вооруженных боевых дружинников в большом количестве в распоряжение штаба отряда боевой организации партии левых эсеров.

Все это воспринимается как нашими, так и зарубежными исследователями как реальная подготовка к восстанию против большевистской партии.

Думаю, в таком подходе существует некоторая традиционная заданность и привычная с советских времен тенденциозность.

Давайте же наконец-то обратим внимание на слова Марии Спиридоновой, прямо заявленные в том же Протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня:

«Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров (то есть Правительства. — *Прим. авт.*) и ни в коем случае как борьбу против большевиков.

Однако ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций».

Подчеркиваю: «к вооруженной обороне», а не к вооруженному восстанию. То есть левые эсеры не собирались наступать, они желали лишь обороняться.

Полагаю, и это очень важно: Троцкий, Дзержинский и Свердлов очень грамотно и своевременно воспользовались словесной казуистикой, и сами первыми пошли в наступление, очень верно выбрав момент.

Если внимательно взглянуть в обстановку тех дней, нетрудно увидеть: левые эсеры их громкой трескотней страшно подставились. Они открыто, на весь мир заявили, что будут убивать немецких граждан, чтобы сорвать Брестский мир, и начали готовить для этого силы и оружие. Я представляю неожиданную радость и Ленина, и Троцкого, и Дзержинского, и Свердлова: вот он, вожделенный, долгожданный момент для расправы с давними закадычными врагами большевиков — эсерами, никчемными фразерами с их глупыми требованиями, с их отрицанием «красного террора», с их опорой на серую, бестолковую крестьянскую массу, с их надменным выпячиванием своей якобы ведущей роли как старейшей социалистической партии России.

Теперь они опять прибегают к излюбленной бессмысленной тактике индивидуального террора, с которой можно и не считаться. Они так и не поняли, что террором нельзя победить, террором можно лишь спастись от возмездия. И чем кровавее террор, там легче спастись. Свердлов потирал

руки и ехидно распевал: «Так хочется расцеловать эту страшилую Спиридонову». И смачно сплевывал в сторону.

Из этого протокола совсем не следовало, что эсеры вот-вот собираются наступать. Проглядывало, что это пустая декларация, плюс реальное желание отгородиться от большевиков штыками и уже вооруженными поджидать агрессии от них. Полагаю, у них были на это основания.

Думаю также, что у левых эсеров на тот момент хватало чувства реальности и понимания бессмысленности любых наступательных действий против правящей партии: и армия, и карательные органы были у большевиков, а не у них. Еще никогда и нигде восставшая толпа не победила регулярную армию, обученную и хорошо вооруженную.

В общем и целом, по здравом размышлении, получается, что тот протокол ЦК партии левых эсеров от 24 июня 1918 года больше был нужен большевикам, а не эсерам. И по странному стечению обстоятельств появился он на свет именно в тот момент, когда Ленину, Троцкому и Свердлову как воздух нужны были основания для разгрома ненавистных конкурентов.

Кстати, это еще одна загадка того нелепейшего «мятежа». К ней мы еще вернемся.

Так или иначе, ЦК левых эсеров высказало много лишнего, и из этого можно было шить любую рубашку.

Первое лицо государства сказала: надо воспользоваться моментом и эсеров опередить. Надо сделать так, чтобы их рядом с нами больше не было. И исполнители взялись за дело.

Дальнейшие события разворачивались в следующем порядке.

После покушения на Мирбаха его убийцы Блюмкин и Андреев спрятались в чекистском боевом отряде, которым командовал бывший матрос Балтийского флота, член Коллегии ВЧК Дмитрий Попов. При этом Блюмкин, получивший во время покушения травму ноги и нуждавшийся в лечении, был помещен в санчасть этого отряда. Там он находился под другой фамилией.

Тем временем никаких событий больше не происходило. Никто из эсеров ни в отряде Попова, ни в Москве не начинал каких-либо боевых действий.

Так продолжалось, пока в этот отряд не прибыл Председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Он начал создавать обстановку паники, тревоги и нервозности, требовал выдачи Блюмкина и Андреева, грозил всем арестами и расстрелами, утверждал, что за голову Мирбаха со стороны левых эсеров будет принесена «искупительная жертва» и т. д.

Попов и его подчиненные какое-то время терпеливо переносили эти угрозы, а затем Дзержинского, Лациса и еще нескольких товарищей разместили под охраной в одном из помещений.

Надо отметить, что с задержанными обходились учтиво и через непродолжительное время вообще отпустили. При этом положительную роль сыграли эсеровские руководители Вячеслав Александрович и Юрий Саблин, просившие солдат никого не трогать.

Не преминем напомнить, что Александрович и Саблин, в равной степени ничего преступного не совершившие, были наказаны, мягко говоря, не одинаково. Саблин был амнистирован, а Александрович по приказу Дзержинского — расстрелян. Но об этом немного позже.

Не могу не задать вопрос, который сам по себе напрашивается: разве бывают мятежи против государственной власти, в которых с руководителями государства обходятся столь мягко?

Конечно же нет! Победивший революционный народ вешает сверженных вождей на первом же суку, ставит их к стенке или сажает в железные клетки и волочит эти клетки по городским улицам, и разъяренная толпа бросает в них камни. И правда заключается в том, что во время событий 6–7 июля не пострадал ни один большевистский вождь!

Тогда это не восстание, а маскарад какой-то.

Находясь в отряде Попова, Дзержинский своими угрозами и агрессивным поведением, скорее всего искусственно разыгранным, возбудил часть отряда. В отряде вдруг оказалось большое количество спирта, и некоторые крепко выпившие моряки и солдаты разбрелись по улицам, стали палить из винтовок и револьверов в воздух, терроризировать население и вообще производить сильный шум.

Правда и то, что в результате этого пьяного разгула никто из населения также не пострадал.

Это тоже совсем не похоже на кровавый переворот.

Из классики захвата власти мы еще знаем, что в такие моменты революционеры (мятежники, восставшие) первым делом захватывают наиболее важные стратегические объекты, то есть такие, без которых любая власть не сможет функционировать: телеграф, телефон, почтамт, мосты, вокзалы, электростанции, воинские гарнизоны, основные производства...

Что же было захвачено «восставшими» левыми эсерами 6–7 июля 1918 года? Давайте перечислим эти объекты.

1. В нашей историографии утверждается, что левыми эсерами было захвачено здание ВЧК.

Это не так. Оно вообще не было захвачено. Туда приходили люди из штаба Попова, которые арестовали только заместителя Дзержинского М. Лациса, который вскоре был ими же освобожден. А ВЧК продолжало работать в обычном режиме.

2. Якобы была занята телефонная станция.

Однако управляющий Московской телефонной сетью С. Л. Пупко в своих показаниях на следствии утверждает, что там все время менялись караулы, но ни о каком захвате этого учреждения левыми эсерами он не упоминает.

3. Утверждается, что был осуществлен захват телеграфа.

И это не так. Там так же, как и во все другие дни беспрепятственно стоял караул, а все сотрудники телеграфа работали в нормальных условиях. Экстраординарным было лишь то, что туда вместе с десятью вооруженными людьми приходил бывший Нарком связи России левый эсер П. Прошьян, который отправил в регионы России телеграммы, а затем вернулся в штаб Попова.

Надо согласиться, что и это совсем не похоже на революционные действия восставшей партии.

Ну, а уже 7 июля большевики решили, вероятно, что надо прекращать матросские загулы. Они подкатили к штабу Попова пару артиллерийских орудий и сделали пару-тройку залпов.

Весь отряд красного чекистского командира и лихого балтийского матроса Дмитрия Ивановича Попова с невероятной скоростью разбежался из здания Боевого отряда, что располагался по Трехсвятительскому переулку, дом № 1, в разные стороны. Как цыплята на огороде, над которым завис ястреб.

Потом эти действия назовут «подавлением восстания левых эсеров».

Вот вам и все события, так драматически перевранные в советской исторической науке. И весь мятеж, которого, как мы видим, вовсе и не было. А была инсценировка, которая была нужна большевикам для решения своих политических задач.

В результате этой инсценировки отряд чекиста Попова потерял двух человек убитыми и двадцать ранеными. Еще упомянем двенадцать расстрелянных чекистами бойцов поповского отряда после тех событий и безвинную жертву интриги Дзержинского — его заместителя В. А. Александровича. С большевистской стороны не пострадал никто.

Ну и, конечно же, закономерно, что старейшая социалистическая партия России — партия социалистов-революционеров именно в эти июльские дни прекратила свое существование как самая мощная политическая сила России.

На их место пришли переигравшие их большевики.

Так что же все-таки было?

Имела ли место реальная попытка левых эсеров перехватить власть в стране?

Думаю, что в той конкретной ситуации такой попытки не было. Это отчетливо видно из хроники событий. Была лишь удачно выстроенная большевиками интрига.

Но было бы большой ошибкой представлять здесь эсеров белыми овечками, а большевиков серыми волками. Я преисполнен уверенности, что и те и другие были лютыми хищниками, одинаково рвущимися к власти и всегда стоящими друг друга в этом стремлении. Просто одни проморгали верный исторический момент, задержались на старте и подставили под клыки соперника свой незащищенный бок. И тот не упустил возможности разорвать своего врага.

Давайте не забудем сотни лучших сынов и дочерей России, убитых во времена террора, развязанного эсерами. Давайте вспомним «кровавое воскресенье», инспирированное эсеровскими провокаторами, гибель надежды России — Столыпина, бросание бомб в прогрессивных царей и достойных государственных мужей — всех тех, кто двигал Россию вперед и угрожал тем самым Западу.

Думаю, что, не отдав Россию левым эсерам, Богородица в очередной раз спасла нашу страну от западной заразы.

Но в этом материале нам интересно и другое: как, используя какие средства и методы, Троцкий и его поделельники сумели в короткие сроки подготовить и осуществить высококлассную оперативную игру с сильным противником и победить в этой игре.

Думаю, что с самого ее начала Троцкий, как проводник интересов Соединенных Штатов в России, поставил перед Дзержинским и Свердловым две задачи:

— убить германского посла Мирбаха с целью срыва Брестских мирных соглашений и развязывания нового этапа войны с Германией в интересах США и Антанты;

— в соответствии с ленинскими установками создать условия для изгнания партии левых эсеров из структур власти и обеспечить абсолютный контроль партии большевиков над всеми государственными органами.

Вторая задача была выполнена полностью, первая — частично.

И вот здесь самое время немного позаниматься конспирологией.

А как же иначе, без этого нам не разобраться в том, например, почему никто из активных и видных эсеров не поддержал матросиков из отряда Попова, которые одни пошли выступать за «великое эсеровское дело»? Ведь они, эти матросики, даже и эсерами-то не являлись. Они — рядовые бойцы чекистского отряда. Почему на улицы Москвы и других городов, если это был мятеж, не вывалили сотни тысяч членов этой могучей партии? Почему партийные главари не вывели их на бунт?

Да и сами главари, хотя бы один из сотен их, не вышли туда же? Почему они сидели по своим каморкам и не высовывали свои мордочки? Они что, не понимали, что после шума, наделанного в Москве, им всем и их партии в любом случае наступит конец? Так надо уж было гурьбой вываливать на улицы и брать, наконец-то, власть. Тем более, что и оружия и бойцов у эсеров было предостаточно.

Согласитесь, в этих вопросах присутствует серьезный резон.

Как тут обойтись без конспирологии, ведь, говоря объективно, в этой операции по нейтрализации целой партии и Дзержинский, и Троцкий, и Свердлов проявили недюжинное оперативно-чекистское мастерство. Согласитесь, одним махом обессилить самую крупную партийную организацию в стране было бы не просто любой изощренной спецслужбе. Но ведь справились же!

Скажу вам со знанием дела: это можно сделать только при наличии очень сильных агентурных позиций в стане противника.

Поразмышляем вместе.

Вы только посмотрите, как все тихо, почти незаметно обошлось. Где-то в глубинах тугого и шершавого партийного чрева что-то прошуршало, пошептало и прошамкало, словно юркие мыши пошныряли в нем, и тело вдруг стало разлагаться, распадаться, да и развалилось на клочья, раскидалось по российским просторам. Будто его и не было. Только вонь одна и осталась.

Поработала агентура...

А вы изучите биографии некоторых лидеров левоэсеровской партии, — что стало с ними после тех событий, и вам многое станет ясно. С врагами ведь по-вражески. Дорога им в переломные годы — в тюрьму, на каторгу или под расстрел. А что с теми, кто поработал на общее дело, кто хорошо и грамотно выполнил поставленную ВЧК задачу? Они — соратники, у них все хорошо.

Сразу хочу сказать, что никого не хочу обидеть. Я просто рассуждаю, и очень возможно, что ошибаюсь. Как говорится, только факты. И ничего более.

Мы уже упоминали о людях, принимавших непосредственное участие в убийстве немецкого посла Мирбаха, а именно Якова Блюмкина, Анастасию Биценко и Якова Фишмана. Их жизнь сразу после акта террора сложилась весьма удачно. Блюмкин дослужился до генеральских должностей и в Красной армии, и в органах государственной безопасности. А это как раз

ведомства, возглавляемые Троцким и Дзержинским. Стали бы они так лелеять в своих структурах человека, чуждого по взглядам и по духу, человека чужого? Нет, конечно. Он был для них абсолютно свой. Они ему доверяли. И на то были основания: когда-то Блюмкин беспрекословно выполнил поставленную ими задачу.

Фишман и Биценко работали после тех событий на крупных государственных постах. При этом Фишман, как и Блюмкин, тоже работал под началом Дзержинского и Троцкого, в том числе и в закордонной разведке, и тоже стал генералом. А ведь и Биценко, и Фишман являлись крупнейшими руководителями враждебной большевикам партии — членами ЦК партии левых эсеров. Почему одних расстреляли или в тюрьму посадили, а эти стали генералами?

Могло ли это быть простой случайностью?

Какая уж тут случайность? Мы ведь знаем, что именно Лев Троцкий официально возглавлял координацию всех органов государственной власти во весь период расправы над левыми эсерами, и именно он руководил действиями всех людей, в этом участвовавших. Он дергал за ниточки и координировал работу агентуры ВЧК, работавшей в руководящих звеньях левоэсеровской партии, и работу самой ВЧК.

С этой работой Лев Давидович справился блестяще, впрочем, как и с любой другой, которую ему поручала партия.

Андрей Лукич Колегаев — один из создателей и руководителей российской партии левых эсеров. После Октябрьского переворота — Нарком земледелия России, член ЦК ПЛСР. Когда завершились июльские, 1918 года события, Троцкий назначает Колегаева членом Реввоенсовета России и Председателем продовольственной комиссии Южного фронта.

Напомним, что и Реввоенсовет, и Южный фронт находились в подчинении того же Льва Троцкого как Наркома по военным и морским делам.

Затем Колегаев работал в структурах, возглавляемых Ф. Э. Дзержинским. В частности, являлся начальником Хозяйственно-материального управления Наркомата путей сообщения и членом Коллегии данного Наркомата, когда его возглавлял Дзержинский.

Необъяснимая, казалось бы, карьера у одного из руководителей партии, являвшейся врагом правящей партии. Но если мы обратимся к концепции управляемого агентурного влияния, то ничего странного не увидим. И становится ясно, почему партия левых эсеров в нужный для большевиков момент оказалась столь беспомощной и вела себя так, как это нужно было большевикам.

Аналогично проявили себя и некоторые другие крупнейшие лидеры партии. Для всех их характерны тесные взаимоотношения с Троцким и Дзержинским, что, безусловно, не может быть простой случайностью.

Юрий Владимирович Саблин, также являвшийся одним из основных руководителей левоэсеровской партии, в дни так называемого «мятежа» сделал, на мой взгляд, все от него зависящее, чтобы его партия не проявила никакой активности. И в этом преуспел. После июльских событий 1918 года работал на значительных должностях в структурах, возглавляемых Дзержинским. Например, являлся руководителем партизанского движения на Харьковщине. Затем командовал воинскими частями и соединениями под руководством Наркома обороны Л. Д. Троцкого.

Марк Аронович Натансон — один из старейших революционеров, создавший в России в 1860—1870-х годах народническое движение и общество «Земля и воля». Близкий знакомый Г. Плеханова, В. Ленина и Л. Троцкого. Член Центрального комитета партии левых эсеров. Активный сторонник Троцкого. Все структуры эсеровской партии России создавались при методическом и организационном участии Натансона.

После июльских событий вышел из партии левых эсеров и вступил в открытый союз с коммунистами. В 1919 году ему было позволено выехать в Швейцарию, где он проживал до своей смерти.

Алексей Михайлович Устинов, один из руководителей партии левых эсеров, член ее ЦК, племянник П. А. Столыпина. В период Октябрьского переворота как член Петроградского РВК работал в непосредственном контакте с Л. Троцким. После событий 6—7 июля долгое время служил в структурах Дзержинского и Троцкого в России и за рубежом. Один из основателей советской разведки.

Григорий Давидович Закс — один из создателей партии левых эсеров. В 1917 году работал вместе с Троцким в Петроградском Военно-революционном комитете. В 1918 году являлся заместителем начальника контрразведывательного отдела ВЧК, в котором работал Я. Блюмкин, затем служил заместителем Дзержинского. После событий 6—7 июля, будучи одним из руководителей партии левых эсеров, неожиданно выступил против своей партии и уже в ноябре того же года вступил в коммунистическую партию. Впоследствии служил под руководством Троцкого в Красной армии, закончил Военную Академию Генерального штаба, затем работал в военной разведке.

Характерно, что все указанные выше революционеры прошли один и тот же партийный путь: сразу после так называемого «мятежа» левых эсеров и так называемого его подавления они все, как один, вступили в большевистскую партию.

Полагаю, что перечисленные факты, хотя и косвенно, но могут говорить о многом. Например, со значительной долей уверенности мы можем предполагать, почему же не состоялся и не мог при таком вот руководстве состояться мятеж партии левых эсеров.

Согласитесь, что Лев Троцкий, этот сверхосторожный человек, не стал бы работать с людьми, готовившими против него заговоры. Ясно, что он приблизил их потому, что полностью им доверял, и потому, что когда ему это было нужно (6 и 7 июля 1918 года), они его не подвели. С такими «своими» людьми в руководстве левоэсеровской партии Троцкий и Дзержинский могли делать с этой партией что угодно, вести ее в любом нужном для них направлении, направлять ее работу в любую сторону.

Что они и сделали.

Есть во всем этом деле еще одна загадка, которую как-то страшно даже и высвечивать.

Имею в виду личность самой главной участницы всех этих событий — лидера партии левых социалистов-революционеров Марии Александровны Спиридоновой.

Скажу сразу: я не верю в то, что Мария Спиридонова, идейная террористка, фанатка своих взглядов, могла опуститься до предательства своей партии, своих товарищей и начать тайно сотрудничать с ВЧК и с большевиками, как это делали многие ее подчиненные.

И все же, и все же... Приводим только факты.

Давайте вспомним, что именно она подписала Протокол заседания ЦК партии левых социалистов-революционеров от 24 июня 1918 года, где от имени всей партии публично заявила о необходимости «организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма». Нельзя не признать, что этот абсурдный, неуместный и несвоевременный на тот момент призыв явился прямой провокацией, в результате чего большевики срочно подготовили и осуществили 6 и 7 июля свою провокацию-инсценировку, назвав ее «левоэсеровским мятежом». Столь очевидно неразумные действия Спиридоновой привели к уничтожению ее же партии, то есть к результату, нужному не ей, а Ленину и Троцкому, давно искавшим повода разгромить своих соперников. Трудно себе представить, что Спиридонова, эта фурия террора, мастерица хитроумных комбинаций, не понимала, к чему приведет открытый призыв к убийствам представителей иностранных государств на территории России, которой руководит враждебная партия. Ведь она как бы сама подтолкнула большевиков к разгрому эсеров.

Далее, нельзя не вспомнить, что в последнее перед провокацией время Спиридонова настоятельно утверждала, что «порвать с большевиками — все равно, что порвать с революцией». Хотя большинство членов ее партии так не считало. Фактически она сама шла на контакты и сотрудничество с ленинской партией.

Безусловно странным является тот неоспоримый факт, что она одна обговаривала с Яковом Блюмкиным необходимость и детали убийства графа Мирбаха. Об этом свидетельствуют и она сама, и Блюмкин. При этом также известно, что ни с кем из своих же партийцев она по этому поводу не советовалась и никому ничего не сообщала. То есть кроме нее (и чекистской агентуры) о подготовке покушения никто не знал. Что же это тогда, спрашивается, как не подстава партии? Ведь она не в бирюльки с Блюмкиным играла, а шла на убийство иностранного посла. Причем действия ее были прямо направлены на развязывание войны России с Германией. Понятно ведь было, что последствия для эсеров будут страшными. Что и произошло.

Может быть, Спиридонова не ведала, что творила, и допустила детскую наивность? В это также верится с большим трудом.

Вывод опять тот же: Спиридонова сама подтолкнула партию левых эсеров к кризисной ситуации.

И еще один аргумент не в пользу Марии Спиридоновой.

Если с юридической стороны ни в чем не повинный член ЦК партии В. Александрович был расстрелян, то лидер партии, фактический организатор убийства немецкого посла Мирбаха М. Спиридонова была вскоре амнистирована вместе с Ю. Саблиным, который явно работал на Троцкого.

За что же такая вот милость к «организатору антибольшевистского заговора»?

И все же я до конца не верю, что фанатичная революционерка Мария Спиридонова могла предать интересы своей партии и своих товарищей по партии. Не хочу в это верить. Правда, нельзя исключать, что стальной этот человек оказался в обстоятельствах, переломивших ее упрямую натуру. Мы ведь хорошо знаем, что в безжалостной борьбе за власть были сломлены многие сильные личности. Возможно, и к ней был подобран некий ключ...

Со всей очевидностью высвечивается логичная гипотеза: если Троцкий и Дзержинский сумели найти такие ключи к Спиридоновой и к ближайшему ее окружению и смогли воздействовать на них в нужном для себя направлении, то вообще все события 6 и 7 июля 1918 года были полностью срежиссированы ими и никем другим. Левыми же эсерами в руководстве этой игрой вообще и не пахнет.

Им досталась только роль крапленых карт, которых опытные шулеры достают в нужный момент из своих рукавов.

Существует еще одна фигура в этой шулерской игре под названием «левоэсеровский мятеж», роль которой мне до сих пор не до конца понятна.

У меня есть множество вопросов к этой фигуре.

Дмитрий Иванович Попов, двадцати девяти лет от роду, бывший матрос Балтийского флота, левый эсер, член Коллегии Всероссийской Чрезвычайной комиссии, непосредственный подчиненный Ф. Э. Дзержинского, командир Боевого отряда ВЧК численностью около 600 человек. То есть человек, входивший в узкий круг главных руководителей ВЧК. Понятно, что по роду своей деятельности он теснейшим образом был связан с Председателем ВЧК.

Перед 6 июля Попов действительно вел пропаганду против Ленина и Троцкого, заявляя, что те распродают Россию и отправляют в Германию народное богатство. Во время июльских событий Попов был все время в подвыпившем состоянии. Он крепко буянил и призывал к расправе с большевиками, которые предали Россию, заключив Брестский мир. Попов также заявлял о необходимости возобновления войны с Германией, то есть провозглашал обычные эсеровские лозунги. При этом ни Попов, ни его солдаты и матросы никого не подвергли каким-либо репрессиям, кроме, может быть, кратковременного задержания Дзержинского, Лациса и некоторых других товарищей, которые, как мы знаем, были выпущены на свободу без каких-либо унижений и притеснений. Поповцы наделали много шума в городе своей пальбой и пьяными выкриками, и больше никаких революционных действий не совершили. Когда красногвардейцы пошли на них в атаку и несколько раз пальнули из орудий, отряд Попова, несмотря на численный перевес, почему-то немедленно разбежался, а потом и сдался властям.

Все это похоже на бутафорию в театральной постановке.

Было, правда, несколько телеграмм, разосланных по стране, где извещалось, что вся власть теперь перешла в руки левых эсеров. Но реально эту власть никто брать не собирался и не предпринимал для этого никаких действий. Это были громкие, но пустые декларации, вероятно, организованные Троцким, Дзержинским и Свердловым для доказательства, что мятеж все же был.

Повторяю: имитацию восстания создавала только часть чекистского отряда, подчиненного Дзержинскому. Вся миллионная армия левоэсеровской партии в Москве и по всей стране в этом вообще не участвовала.

Вот почему у меня возникают сомнения относительно роли Дмитрия Попова во всем этом деле. С одной стороны — проклятья в адрес большевиков и требования прекратить Брестский мир, а с другой — пустая возня, пьяный шум, глупая пальба в городе.

Мы же можем представить картину реального мятежа: этот боевой парень Попов со своей военной силушкой мог бы захватить Кремль, взять

все правительственные учреждения, легко арестовать и расстрелять Ленина, Троцкого и других руководителей. Он мог бы на самом деле узурпировать власть в стране. А он не захватил ничего и не расстрелял никого. Согласитесь, странно. Так власть не берется, и так восстания не делаются. Думаю, что Попов это понимал и знал не хуже меня.

Для того чтобы продолжить свои сомнения относительно роли, сыгранной Поповым в те дни, дополню свой рассказ некоторыми интересными подробностями.

Любопытно, что и сам Попов, и Блюмкин с Андреевым, скрывавшиеся в его отряде после убийства Мирбаха, а также и Саблин и Фишман потом вместе оказались в партизанском движении на Украине, руководителем которого был Ф. Дзержинский.

Затем Попов поступил в армию Нестора Махно и был там одним из командиров. Одной из основных его задач было договариваться от имени Махно с Красной армией о совместных действиях против врангелевских войск. В последний период боевых действий он был представителем армии Махно на красном Южном фронте и объявил себя анархистом-коммунистом.

Дальнейшая судьба бывшего уроженца Подмосковья и красивого матроса Дмитрия Попова печальна, как традиционно печальна судьба всех рьяных революционеров.

В ночь на 26 ноября 1920 года он был арестован в Харькове и по приказу Дзержинского направлен в Москву. В мае 1921 года Попов был расстрелян по приговору ВЧК, подписанному Дзержинским, во внутренней тюрьме Лубянки.

Собственно говоря, другой судьбы после участия в столь темном деле, как «заговор левых эсеров», у этого русского парня и быть не могло. Он ведь не был, как Фишман, Саблин или же Блюмкин, близким человеком Льву Троцкому. К тому же он слишком много знал...

О том, что Попов был весьма осведомленным человеком, говорит хотя бы тот факт, что буквально перед началом всех событий с ним встречался и проводил какие-то переговоры начальник охраны Ленина А. Я. Беленький.

О роли Ф. Э. Дзержинского во всей этой дурно пахнущей истории мы уже говорили в этой статье. Это была ведущая роль. В той чекистской операции, где все от начала и до конца было сплошной провокацией, Дзержинский вместе с Троцким проявили высшую степень коварства и изощренной хитрости. По приказу Феликса Дзержинского — и это очевидно — были расстреляны безвинные люди. Ведь все придумал он сам, а они, эти жертвы, просто случайно оказались на пути его интриги.

Откуда такая жестокость по отношению к стране, к людям, среди которых довелось жить ему, польскому дворянину? Кстати, у его отца странное имя — Фрумкин Эдмунд-Рувим Иосифович. Впрочем, я плохо разбираюсь в польских именах...

Говорят, он был русофобом, говоря попросту, не любил русских. Он сам так вспоминал о своем детстве: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке, чтобы стать невидимым и безнаказанно убить как можно больше русских».

Эту свою детскую мечту он осуществил в зрелом возрасте, когда, надев шапку руководителя чрезвычайной комиссии, развязал в России вместе с

Лениным и Троцким «красный террор». Без суда и следствия были казнены сотни тысяч ни в чем не повинных людей, были введены в практику расстрелы безвинных заложников, создана система лагерей смерти, в которых погибли жертвы Кронштадта, Тихого Дона, участники крестьянских восстаний, сотни и тысячи священнослужителей. Он целенаправленно уничтожал лучших сынов России в Крыму, в Сибири, на всех просторах нашей Родины, где звучали голоса протеста против немыслимых бесчинств.

Он требовал расстрелов не по закону, а по классовому признаку. Все чуждые пролетариату классы подлежали уничтожению. Призывом к действию среди чекистов стали его слова: «Если ты не сидишь, и ты не расстрелян, это не твоя заслуга, а наша недоработка».

В архивах Комитета Государственной безопасности я видел множество документов, где рукой Дзержинского были синим и красным карандашом написаны резолюции: «Расстрелять» и «Расстрелять немедленно». Эти резолюции стояли на списках, где перечислялись сотни людей, участвовавших в акциях неповиновения, или же, допустим, в Управлении КГБ по Ростовской области — жители казачьих станиц, подлежащих расказачиванию, что в основе своей означало уничтожение.

Политические пристрастия Дзержинского мутны и неопределенны и в разное время разные. Так, в молодости он контактировал с Бундом (по некоторым данным состоял в нем), затем переметнулся к социал-демократам, продолжительное время был левым коммунистом и, как все левые коммунисты и левые эсеры, был против подписанного Лениным Брестского мира. Может быть, поэтому Ленин всегда относился к Дзержинскому с недоверием. Также вполне вероятно, что именно поэтому Дзержинский с таким рвением участвовал вместе с Троцким в операции «мятеж левых эсеров».

Скорее всего, он страдал какими-то отклонениями в психике. С детства болел эпилепсией и, мучаясь припадками, скрывал это от окружения.

В раннем возрасте застрелил свою сестру Ванду. Застрелил нечаянно, но это, вероятно, не могло не сказаться на психике. А потом находился в аморальной связи с другой своей сестрой, что также говорит о нездоровой нервной системе. В самом деле, мог бы так себя вести нормальный человек?

Сразу после убийства германского посла, графа Мирбаха, Дзержинского, уши которого сильно торчали из всей этой истории, срочно скрыли от посторонних глаз и как бы отправили в отставку. 8 июля 1918 года он сам написал прошение в СНК, что не может больше исполнять обязанности Председателя ВЧК, так как «является главным свидетелем всего происшедшего».

Он конечно же знал, что вернется обратно. Наверняка, его на время убрали из карательного ведомства, чтобы он побыл где-то вне его, пока все уляжется, пока утихнут основные страсти. Ведь, несмотря на внешнее благополучие проведенной операции, было совершено немало ошибок, вполне заметных для того, кто захотел бы покопаться во всей истории. Например, не надо было быть большим сыщиком, чтобы понять, что Дзержинский вляпался в нехорошую историю с этой, якобы, липовой его подписью на мандате Блюмкину и Андрееву. Любой мало-мальски грамотный эксперт возьмет да и сверит подпись на мандате с его настоящей подписью, и обнаружится страшная вещь: подпись-то подлинная!

Дзержинский принял, как ему казалось, единственно верное решение: надо опередить возможный скандал и самому инициировать вопрос экспертизы подписи и легализовать факт ее подделки. За этой подписью много чего стоит: провокация с Мирбахом, расстрел его заместителя Александровича, который вообще ни при чем, инсценировка мятежа, которого совсем и не было, расстрелы солдатиков и матросиков, которые виновны лишь в том, что наделали шума в городе, когда ему, Дзержинскому, это было нужно... За этой подписью стоит его, «железного Феликса», репутация, и сейчас, и в истории.

Поэтому, вернувшись на работу из «отставки» 22 августа 1918 года, он немедленно вызвал к себе нужных людей и уже на следующий день (!) 23 августа некий эксперт особой следственной комиссии С. И. Фролов сделал заключение, что «подпись на удостоверении сделана не Дзержинским».

Скажите мне, пожалуйста, а какое другое заключение мог вынести этот самый исполнитель Фролов, если он сам, и его начальник, и вся эта следственная комиссия в конечном итоге подчинялись самому Феликсу Эдмундовичу? Все они вместе взятые и дня не прожили бы, если бы написали чего-нибудь другое.

Только я не думаю, что эта глупая бумажка сможет защитить Дзержинского от суда истории.

Кстати, троцкист Дзержинский (а он всегда поддерживал Троцкого) никогда не произносил красивых слов о том, что «чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Тем более, что сам таким он никогда не был. Как никогда не был ни «рыцарем революции», ни «кристально честным человеком», каким окрестила его досужая молва. На нем слишком много крови безвинных жертв.

Все это придумки каких-то лизоблюдов.

И не более того.

В 1923 году он настаивал перед ЦК РКП(б), что «каждый член партии обязан быть осведомителем ВЧК», и тем самым насаждал в стране поголовное стукачество. Потом нам это горько аукнулось.

В любом случае, очень не хотелось бы, чтобы действительно замечательное произведение скульптора Вутечича — памятник Дзержинскому — опять оказалось на Лубянской площади. Ему место там — на кладбище памятников на задворках Дома художника. Ему место на свалке истории.

Итак, как мы теперь отчетливо видим, Троцкому и его сподручному Дзержинскому неплохо удалась операция под названием «мятеж левых эсеров». И они сами, и все игроки, задействованные в ней, удачно справились со своими ролями. Почти сто лет мистификация дурила головы людей, и люди верили, что было так, как это сказано в учебниках советской истории.

Придумал ее, несомненно, Лев Троцкий, гениальный изобретатель исторических комбинаций и на самом деле чрезвычайно умный человек. И придумал, и организовал основные этапы ее проведения. Мы имеем право это утверждать, так как всю работу по «подавлению мятежа», согласно официальной истории, курировал лично он. Кроме того, на материалах данной статьи хорошо видно, сколько реально близких ему людей было задействовано в осуществлении деликатных мероприятий по уничтожению противоборствующей коммунистам партии — партии левых социалистов-революционеров.

Он, Лев Троцкий, дергал за все тайные ниточки.

Однако История неумолимо все когда-то вскрывает. Как говорится в Священном Писании, «Нет ничего тайного, что не стало бы явным». И мы по прошествии множества лет можем утверждать, что:

- восстания партии левых эсеров 6 и 7 июля 1918 года не было вовсе; все с самого начала было инспирировано ВЧК, действующей по указаниям Л. Д. Троцкого;

- имеющиеся исторические материалы свидетельствуют, что левые эсеры все же готовились к неким вооруженным оборонительным или наступательным акциям, планируемым на более поздний срок; проведенная чекистами акция сорвала эти приготовления и создала условия для разгрома партии левых эсеров в целом;

- эти предполагаемые акции левых эсеров в любом случае были обречены на провал, так как основные их руководители были подконтрольны Троцкому и Дзержинскому и на них работали; партия на тот период уже была разложена действующей внутри агентурой ВЧК.

Надо сказать еще о том, что у Троцкого не получилось до конца выполнить задачу его заокеанских хозяев — столкнуть Ленина и немцев и, в результате убийства посла Мирбаха, начать новую фазу войны с Германией, что привело бы к интервенции всей России войсками Антанты и США. Не получилось по объективным причинам, так как это было бы опасно и для Троцкого, и для всей большевистской власти.

Но Троцкий об этом в глубине души сожалел. Не зря же на вручении командиру латышских стрелков Вацетису награды в 10 тысяч рублей за подавление восстания, Троцкий полусуто заметил ему, что тот действовал умело, но своим усердием сорвал «важную политическую комбинацию».

Какую? Теперь понятно: разрыв большевиков с немцами не получился. А Лев Давидович с американцами так этого хотели...

И последнее.

Я так хотел реабилитировать ни в чем не повинного, незаконно расстрелянного человека — заместителя Председателя ВЧК Вячеслава Александровича Дмитриевского (Александровича), а оказалось, что он перед российским законом давно уже реабилитирован. Он был оправдан на основании п. 3 ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». В заключении Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 апреля 1998 года было сказано: «...никаких доказательств совершения Александровичем каких-либо противоправных действий против советской власти и революции в деле не имеется. Сведений о подготовке террористического акта над Мирбахом Александрович не имел, а заверение удостоверения от имени Дзержинского, дающее полномочия Блюмкину и Андрееву на аудиенцию у посла Р. Мирбаха, не могут служить основанием для привлечения Александровича к уголовной ответственности и его осуждению».

Теперь мы оправдываем его и перед Историей.

Связь ВРЕМЕНИ

Сергей НЕКРАСОВ

КОНЕЦ ИМПЕРАТОРСКОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ¹

Сергей Михайлович Некрасов — родился в г. Пушкине в 1947 г. Директор Всероссийского музея А. С. Пушкина, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, член Пушкинской комиссии РАН, член Президиума Международного совета музеев, Международной академии культуры, науки и искусства. Награжден Орденом за заслуги в области искусства и литературы (Франция, 2007), Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом» (2007), медалями «Автору научного открытия» (1998) и «А. С. Пушкина» (1999). Почетный гражданин г. Пушкина (Царское Село). Живет в Санкт-Петербурге.

Государственный переворот, происшедший в феврале 1917 года, явился для всех неожиданностью. Было смутное предчувствие надвигающейся грозы, но никто не подозревал, что существующий государственный строй, а с ним вместе и весь старый уклад русской жизни доживает свои последние часы.

И наш Лицей недели, предшествовавшие перевороту, жил своей обычной того времени жизнью. Шли уроки и лекции, воспитанники шалили, начальство наказывало.

24 февраля в городе начались беспорядки. Приостановилось движение трамваев, происходили кое-где разгромы булочных, размещены были в разных частях города наряды войск. Полурота Л<ейб>-Гв<ардии> Гренадерского полка была помещена в Лицее, не столько, впрочем, для охраны Лицея, сколько вообще на случай беспорядков в районе Петербургской стороны.

В субботу (25 февраля) воспитанники, как всегда, были отпущены в отпуск. Остались только бездомные. Чувствовалось приближение чего-то зловещего. Но «из города» ничего определенного не доходило.

В воскресенье беспорядки в городе усилились. Ночевать в Лицей съехались немногие. Большинство живших у родных остались дома.

Наступило морозное утро 27 февраля. Воспитанников было мало, преподаватели почти не пришли, так как трамваев не было. Во время завтрака, когда А. А. Повержо зашел к своим «постояльцам» — наряду Гренадерского полка, одновременно с ним в комнату вбежал дневальный

¹ Составлено по запискам Инспектора Лицея, лицеиста XLVII курса А. А. Повержо, дополненным графом В. Н. Коковцовым и лицеистами младших курсов.

и что-то прошептал на ухо командиру. Офицеры (их было два юных прапорщика) немедленно встали, надели амуницию и вывели свою часть из расположения лицейской усадьбы на Каменноостровский. Все думали, что солдаты идут выполнять свой долг, и воспитанники из окон махали платками и кричали солдатам вслед слова ободрения. Полурота завернула на Монетную, откуда вскоре послышались отдельные выстрелы. Оказалось, увы, что лицейские «постояльцы» немедленно перешли на сторону восставших.

Время тянулось томительно долго. Уроки шли плохо. По окончании занятий, когда воспитанники обедали, в Лицей ворвалась толпа вооруженных людей с браунингами и винтовками и потребовала видеть директора. Требовали выдать оружие. А. А. Повержо объяснил, что в Лицее, как гражданском учебном заведении, оружия быть не может, если не считать старых берданок для обучения строю и шпaг воспитанников I класса. Потребовали выдать то и другое. От инспектора вся ватага ворвалась в квартиру директора. В. А. Шильдер, тяжело больной, сидел в кресле, закутанный в шинель и с обвязанной головой. У генерала — страстного охотника — хранились в шкафике между окнами несколько ценных охотничьих ружей, сразу обративших внимание ворвавшихся. Слабым голосом Владимир Александрович попросил оставить ему хотя бы дорогую по воспоминаниям дедовскую винтовку, но несмотря, казалось, на сочувствие некоторых солдат, толпа забрала все. Из квартиры В. А. Шильдера толпа направилась в актовый зал, но бесчинств там не производила и удалилась затем из здания с забранной добычей.

Город принял тем временем новый, необычный вид. По улицам носились автомобили с солдатами, ходили толпы с пением революционных песен; с целью обнаружить болезненно всем мерещившиеся пулеметы производились всюду обыски, а более крупные здания подчас даже «для верности» обстреливались. Величественное здание Лицея с садом, естественно, привлекало внимание, и хотя в Лицее, по распоряжению А. А. Повержо, все чердачные двери и слуховые окна были не только заперты, но даже запечатаны, — здание в этот день по несколько раз с разных сторон обстреливалось, к счастью, без особого вреда. Ворота держались по общему правилу на запоре, но толпа несколько раз пыталась проникнуть внутрь усадьбы. Одна из таких толп, подошедшая к Лицею под вечер, особенно настойчиво требовала впустить ее. Слышались крики: «Открывайте ворота, вот мы вам ваше черносотенное гнездо разнесем». С невольным страхом пришлось отпереть ворота, но затем, к вящему удивлению вышедших к толпе А. А. Повержо, смотрителя зданий и двух вахтеров, вожаки толпы передумали, и со словами «сегодня поздно, до завтра» — толпа двинулась дальше. Настроение было подавленное. Казалось — неминуем разгром Лицея. Возникали опасения и за безопасность воспитанников, среди которых были почти дети — воспитанники приготовительных классов. У кого-то из начальствующих лиц возникла мысль оградить их безопасность ношением красных бантов, но эта мысль была немедленно с негодованием отвергнута воспитанниками, категорически отказавшимися надеть эту эмблему измены своим традициям.

На следующий день в Лицей явились представители каких-то новообразовавшихся властей и потребовали снять с фронтона здания двуглавого орла. С болью в сердце пришлось подчиниться. И ночью Императорский

орел, символ величия и славы России, под сенью коего воспитывались лицеисты, был сбит со стены и рухнул на землю.

Как рассказывает А. А. Повержо: «Проснувшись около 4 час. утра, я услышал глухие удары как бы большого молота в стену Лицея. Это кровельщики сбивали огромного орла, украшавшего фасад. Работа была не легкая. Долго слышались глухие удары, потом что-то затрещало, оторвалось и со звоном, как мне казалось, со стоном, упало на землю. Стыд, горечь, унижение охватили душу. Точно медленно убивали что-то живое, не то заколачивали огромный гроб. Что-то дорогое и близкое отходило в прошлое. Еще один, другой удар, и все стихло. Рано утром я вышел из подъезда. На земле лежали огромные листы, из которых был сделан орел. Рабочие поспешно складывали и убирали остатки».

Продолжать в создавшейся обстановке занятия было невозможно, и А. А. Повержо испросил по телефону согласие попечителя на временное их прекращение. Оставшиеся в Лицее воспитанники, числом около 30, были сперва сосредоточены в помещении IV класса, а затем через несколько дней переведены в здание приготовительных классов, так как Монетная улица была сравнительно спокойнее и менее подвергалась обстрелу. При воспитанниках безотлучно находился воспитатель.

Большую тревогу внушал вопрос о сохранности богатого лицейского имущества, и в частности Пушкинского музея с его ценными рукописями и разными медалями и реликвиями. Попытка снести с Государственной Думой не увенчалась успехом, и А. А. Повержо решил отправиться вместе с воспитателем Н. А. К-вым в местный, только что образовавшийся комисариат. Последний помещался в здании кинематографа на углу Большого проспекта. Комиссаром оказался А. В. Пешехонов, который, выслушав А. А. Повержо, поручил одному из своих сотрудников, д-ру Найменову, принять меры к охране Лицея. Тот захватил с собой 8–10 солдат, одетых в форму Гренадерского полка, и отправился тотчас в Лицей. Войдя в вестибюль, д-р Найменов взбежал на несколько ступенек вперед и с театральным жестом спросил солдат, знают ли они, куда они пришли: «Здесь воспитывался величайший поэт Земли Русской — А. С. Пушкин». (Маленькая неточность, в данной обстановке, впрочем, простительная). На солдат эти слова, однако, не произвели ни малейшего впечатления. После этого были расставлены часовые в главных пунктах Лицея и отведено помещение для караула. Защитники оказались, однако, ненадежными. Наутро караул исчез, остался только один часовой, и тот не знал, какого полка были остальные, приведенные с ним д-ром Найменовым. Но оказалось, что взломан стенной железный шкаф в квартире директора, где хранились ценности Пушкинского музея, и что исчезло несколько медалей, золотое перо, пушкинское кольцо, талисман поэта, пуля... Бросились в казармы Гренадерского полка, но там о лицейском карауле не имели никакого понятия. На новообразованную милицию рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно.

Другим тяжелым впечатлением была резкая перемена в отношениях к Лицею его низших служащих, которых насчитывалось более ста (дядьки, вахтеры, швейцары, повара, квасники, монтеры, слесаря, столяры, полотеры и т. п.). Разумеется, часть старых служащих, как, например, памятный всем лицеистам швейцар Карасев, буфетчик Зиновьев и ряд других

остались на высоте положения. Но, к сожалению, большинство прислуги подпало в эти смутные дни под влияние нескольких негодяев, среди которых выделялся один из дядек, человек, когда-то выгнанный за пьянство, но затем, к сожалению, принятый обратно.

Первым же домогательством прислуги явилось ультимативное требование об уходе их непосредственного начальства — смотрителя здания Лицея П. Г. Петрова, человека кристальной честности, глубоко религиозного, но весьма требовательного. Опасаясь при создавшемся настроении за жизнь П. Г. Петрова, А. А. Повержо посоветовал ему уехать в свое имение под Ладогой. Тот сначала категорически отказался, считая свой уход изменой Лицею, и, только уступая решительным настояниям А. А. Повержо, согласился затем покинуть Петроград.

Через несколько дней, когда внешне жизнь в городе вошла в какую-то новую колею, естественно, возник вопрос о возобновлении занятий. А. А. Повержо в этом отношении долго колебался, опасаясь неосторожности со стороны воспитанников при вызывающем поведении прислуги, но попечитель Лицея решительно настаивал на необходимости закончить учебный год и, прежде всего, немедленно возобновить учебные занятия в Лицее в полном их объеме. Его настояния, переданные через А. А. Повержо всему профессорскому и преподавательскому персоналу, имели двоякую цель: обеспечить воспитанникам продолжение занятий, а тем, которые подходили к концу их курса, завершить свое обучение и, главным образом, попытаться сохранить Лицей и устранить самое опасное для него обвинение в том, что Лицей самовольно прекратил свое существование по его принципиальному отношению к совершившемуся событию.

К чести учебного персонала должно быть сказано, что настояния попечителя встретили его единодушную поддержку, занятия очень быстро возобновились, шли в течение нескольких месяцев — почти до второй половины мая — более или менее регулярно, поддержанные образцовым, не вызывавшим ни малейших нареканий поведением воспитанников, несмотря на исключительно тяжелую окружавшую их обстановку.

Это последнее обстоятельство имело свое особое основание.

Понятно, каково было моральное состояние лицейстов в первые дни революции. Ошеломленные совершившимся переворотом, видя перед собою крушение всего, чему они привыкли поклоняться, встречая на каждом шагу на улице насмешки и даже угрозы разнузданной толпы, они переживали катастрофу в самом возбужденном состоянии. В своих семьях они видели то же моральное состояние. Было полное основание опасаться, что возобновление занятий при создавшейся обстановке легко может подать повод к разного рода осложнениям, если только со стороны воспитанников Лицея не будет проявлено особой сдержанности и осторожности.

Попечитель Лицея счел поэтому необходимым пригласить в Лицей — это было около 16 марта — всех родителей, чтобы объяснить им создавшееся положение и просить их повлиять на их детей в смысле необходимости беречь Лицей от каких бы то ни было неосторожных действий и усвоить себе, что самое возобновление занятий возможно только при этом условии. Собрались почти все находившиеся в Петрограде родители воспитанников, и между ними и начальством Лицея быстро установилось полное единство в оценке положения, и в особенности в отношении немедленного возобновле-

ния занятий. Тут же собравшиеся родители дали полное ручательство за то, что дети их найдут в себе силы сохранить всю необходимую сдержанность. И действительно, воспитанники свято выполнили данное за них обещание, несмотря на подчас невыносимо тяжелые внешние условия. Педагогический персонал не мог достаточно нахвалиться поведением воспитанников за этот последний период в жизни Лицея.

К весне переводные испытания для перехода в высшие классы прошли без всяких нарушений; закончены были и выпускные экзамены лицеистов первого класса — LXXIII курса, последнего, кончавшего Лицей на старых основаниях, — к которым присоединилось и некоторое число вернувшихся с фронта из числа поступивших на военную службу со старшего курса; все они получили от Конференции аттестат об окончании курса.

Перед выпуском А. А. Повержо созвал в здании Лицея, в обычном ее зале, последнее заседание Лицейской конференции. Все присутствовавшие чувствовали печальную торжественность происходившего. Многие плакали...

В конце апреля состоялся последний выпускной акт. Вставало в памяти блестящее прошлое Лицея, вспоминалось, что ровно сто лет перед тем кончал лицей его первый, «Пушкинский» выпуск...

Говоря о конце Лицея, нельзя не рассказать о том, как с первых же дней революции, примерно с половины марта и до начала мая, шли настойчивые попытки Совета Лицея и попечителя спасти Лицей от надвигавшегося его разрушения.

На квартире гр. Коковцова, на Моховой, постоянно собирался Совет, ища выхода из создавшегося положения. Заседания происходили как в полном составе, так нередко без участия профессоров, а иногда и без участия вступившего тем временем в исправление должности директора А. А. Повержо, не имевшего подчас возможности отлучиться из Лицея.

Единодушно все пришли к заключению о необходимости взять инициативу в предложении Правительству всевозможных компромиссов, лишь бы сохранить Лицей, хотя бы ценою самых широких уступок тому, что отвечало изменившейся роковым образом обстановке.

Предположено было на первых порах заявить Временному правительству в лице министра народного просвещения А. А. Мануйлова, к ведомству которого вскоре же Лицей был отнесен, готовность Совета отказаться от двух основных признаков его исключительного положения — его сословного характера и служебных преимуществ лицеистов при поступлении на государственную службу. Попечителю Лицея было предоставлено Советом войти с соответствующим предложением к министру народного просвещения.

Но все попытки личного свидания гр. Коковцова с министром никакого реального успеха не имели. Единственная краткая беседа, носившая вполне корректный с внешней стороны и даже благожелательный для Лицея характер, свелась к тому, что профессор А. А. Мануйлов заявил Попечителю Лицея, что Лицей, как культурная величина, не может исчезнуть, что Россия не может не нуждаться в рассадниках просвещения и что все должно свестись лишь к переустройству Лицея на началах, отвечающих коренному переустройству всей внутренней жизни страны, и к замене обветшавших форм управления более современными. Вскользь было упомянуто, что Министерство уже занято этим вопросом и не замедлит дать ответ на сделанное письменное предложение. На самом деле никакого ответа не поступало, и

существовали ли какие-либо предположения о Лицее в сумбурном калейдоскопе всевозможных начинаний Временного правительства, сказать более чем трудно.

Тем временем частью через А. А. Повержо, которому сообщали об этом профессора и преподаватели, имевшие свои входы в Министерство, частью же стороною, через второстепенных служащих Министерства, стали доходить недобрые вести, сводившиеся к тому, что своеобразный и независимый строй Лицея, с его обособлением в замкнутое учреждение, управляемое Советом из лицейстов, не может быть ни в каком случае более терпим и должен уступить место общим условиям управления учебными заведениями ведомства Народного просвещения и что преобразование Лицея будет выработано без всякого участия Совета, который должен сам упразднить себя, если он желает сохранить Лицей. Попечителю было даже сообщено конфиденциально, что от него ожидается прошение об отставке, а если его не последует, то будет просто издано постановление об упразднении Совета. Долгое время никаких подтверждений такого слуха, однако, не было, но и ответа на предложение Совета также не поступало. Лишь в самом конце апреля или далее в начале мая назначенный тотчас после переворота комиссаром Ведомства Императрицы Марии, и в частности Лицея, член Государственной Думы М. М. Ичас прибыл на квартиру Попечителя во время одного из частых собраний членов Совета Лицея и заявил, что в ближайшие дни ожидается постановление об упразднении Совета, заметив при этом, что инициатива Попечителя о сложении им своих полномочий может быть только выгодна для Лицея и для его будущего.

Попечителю не оставалось после этого ничего иного, как письменно заявить министру о сложении им своих полномочий как по званию попечителя, так и по должности председателя Совета Лицея, что и было исполнено в тот же день. Никакого ответа на это также не поступило, никакого постановления об упразднении Совета, кажется, вообще издано не было, и управление Лицеем в лице Совета прекратило свое существование, так сказать, молчаливым давлением Временного правительства через посредство своего представителя комиссара Ичас, не пожелавшего даже принять прошения об отставке от попечителя. За этот почти двух с половиною месячный период времени — как упоминается ниже — немало забот причинял как самому Лицею, так и лично попечителю вопрос о средствах на содержание Лицея, на оплату педагогического персонала, на хозяйственные расходы. Министерство народного просвещения только формально передавало в Министерство финансов все требования А. А. Повержо, да Государственный контролер Временного правительства И. В. Годиев неуклонно заявлял в заседаниях Правительства о том, что Лицею никаких денег отпускать не следует. Фактическое же истребование кредита лежало до самой его отставки на попечителе Лицея гр. Коковцове. Его личное, хотя и недавнее знакомство с первым министром финансов Временного правительства М. И. Терещенко и в особенности его близкие отношения к личному составу ведомства финансов помогли делу. В Департаменте Государственного казначейства хорошо понимали, что, пока Лицей не упразднен, нельзя оставлять служащих без оплаты их труда и не содержать здания, и кредиты отпускались по подсчетам Лицея до той минуты, когда наступила его окончательная агония.

Возвращаясь к событиям непосредственной жизни Лицея в ближайшие дни после возобновления учебных занятий (март 1917 г.), необходимо указать, что одной из самых тяжелых забот для лицейской администрации было ограждение зданий от нежелательных «постояльцев». Расположение Лицея на людном Каменноостровском проспекте создавало для него крайне невыгодную обстановку. Не прошло трех дней со дня переворота, как была сделана первая попытка занять Лицей под прибывшие в столицу из окрестностей части пулеметчиков. На этот раз отстоять Лицей удалось: при содействии председателя Совета депутатов Чхеидзе, к которому пришлось обратиться за помощью, пулеметчикам был отдан пустующий дворец Эмира Бухарского. Попытки реквизиции, однако, не прекращались, и при создавшихся условиях администрация Лицея была даже рада узнать, что часть помещений отводится для вновь сформированной студенческой милиции, так как со студенческой молодежью, хотя бы и радикально настроенной, было все же легче наладить отношения. Пробыли студенты в стенах Лицея около двух месяцев и, уходя, поднесли А. А. Повержо и Лицею благодарственный адрес. Большинство этих молодых людей, по-видимому, впоследствии погибли при большевистском перевороте.

На их место вскоре внедрился военный госпиталь. Хотя всем, казалось бы, должно было быть ясным, что здание, рассчитанное на 300 человек (к тому же культурно воспитанных), не может вместить 1500 солдат, не умеющих обращаться с умывальниками, w. c. и пр., — в Лицей начали свозить кровати, устраивать перегородки и т. п. Нецелесообразность принятого решения сказалась со второго же дня пребывания госпиталя в Лицее. Во многих местах трубы лопнули, и из них стали извлекать бинты, вату, жестянки из-под консервов и даже части протезов. Кое-как удалось уменьшить число больных, и госпиталь стал с грехом пополам влачить свое существование.

Не избегло посторонних постояльцев и здание приготовительных классов, где обосновался районный совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Как ни странно, но это сожительство оказалось сносным: во главе совдепа стоял солдат, стремившийся если не быть, то казаться культурным.

При создавшейся неопределенности будущих судеб Лицея вопросом этим решили заняться лица, непосредственно в нем заинтересованные, то есть его педагоги и служащие, причем, как всегда бывает, в их среде сразу намечилось несколько течений, стремившихся гнуть каждое в свою сторону. Здесь не мог не сказаться и тот антагонизм между старшим (профессорами) и младшим (преподавателями младших классов) педагогическим персоналом, который в более скрытом виде наблюдался и в прежние годы существования Лицея. Нельзя забывать, что Лицей представлял собой крупное культурное и материальное богатство: огромное здание, хорошо оборудованный физический кабинет, библиотека, наконец, богатые запасы хозяйственного инвентаря.

Профессора сразу высказались за уничтожение существовавших в Лицее среднеобразовательных классов и за создание на месте Лицея нового высшего учебного заведения, по типу Парижской *Ecole Libre des Sciences Politiques*, — мысль, в принципе, быть может, недурная, но при создавшихся условиях трудно осуществимая.

Преподавательская и воспитательская коллегии выдвинули другой план: они проектировали создать на развалинах Лицея хорошо оборудованную современную гимназию с интернатом при ней, — план, казавшийся в то время легче осуществимым.

Имелась еще и третья группа — низшие служители. Сплотившись в одно целое, они держали тесную связь с помещавшимся в здании приготовительных классов районным совдепом и благодаря этой связи представляли силу, с которой приходилось считаться. Их точкой зрения было: «Имущество Лицея — наше имущество».

Когда началась осень, вопрос о судьбе Лицея продолжал оставаться в том же невыясненном положении. Из иногородних воспитанников мало кто приехал. Наведывались главным образом имевшие родителей в Петрограде, и занятия фактически начаться не могли.

Нескольких воспитанников приютили в это время у себя жившие в бывшей квартире директора воспитатели А. А. Нератов и граф Мирандоль, положение которого как французского гражданина до некоторой степени ограждало его комнаты от реквизиций. Образовавшийся таким образом своеобразный интернат являлся в тот момент последней ячейкой старого Лицея, свято хранившей его дух и традиции.

В этой обстановке застал Лицей октябрьский переворот, окончательно прервавший деятельность всего старого государственного механизма. Педагогический персонал Лицея решил использовать это обстоятельство, чтобы создать на месте фактически уже не существовавшего Лицея построенную на новых началах гимназию. Во главе дела стало несколько энергичных людей, особенно один — преподаватель иностранного языка с крайними политическими убеждениями, но человек чистый и честный. Добыть разрешение и осуществить на практике проект новой школы было в те дни не трудно: все делилось явочным порядком, где-то кем-то разрешалось или даже, быть может, делалось само собой; и в один из дней к А. А. Повержо пришла депутация бывших преподавателей и воспитателей Лицея с уставом новоучрежденной «Гимназии имени А. С. Пушкина». При этом сообщили, что А. А. Повержо избран директором этого нового учебного заведения, и просили его принять на себя эти обязанности. Первоначально А. А. Повержо решительно отказался от сделанного ему предложения: создаваемое на месте Лицея новое всесословное учебное заведение казалось ему, как лицеисту, чуждым, и было неясно, как могут слиться старые воспитанники с новыми, могущими поступать со стороны из всех слоев общества. Но затем, когда весть о предполагаемой гимназии облетела родителей воспитанников, находившихся в Петрограде, и они стали и лично, и по телефону просить А. А. Повержо согласиться стать во главе гимназии, так как для них *conditio sine qua non*¹ — сохранение во главе этого заведения лица, связанного со старым Лицеем, — А. А. Повержо переменил свое решение, тем более что главной целью нового начинания было дать воспитанникам возможность окончить образование и получить аттестат зрелости.

Перед началом занятий родители воспитанников собрались на квартире А. А. Повержо и после разъяснений о цели и характере создаваемой гимназии выбрали из своей среды родительский комитет.

¹ «Условие, без которого нет». Непременное условие (для существования или осуществления чего-либо) (*лат.*)

Занятия начались в помещении приготовительных классов. Было всего два класса, человек по 30 в каждом. За учение взималась какая-то плата. Занятия шли хорошо. Поведение было безукоризненным. Молодежь сознавала всю важность и ответственность создавшегося положения. Формы не было: ходили просто в штатском. Интерната не было, но в остальном распорядок дела был лицейский. Посещая уроки, А. А. Повержо чувствовал, что и воспитанники, и преподаватели рады, что он с ними. Ведь это все были старые сослуживцы, и во всех живо еще было недавнее прошлое.

Большие хлопоты доставляли низшие служащие, окончательно при большевистском режиме обезумевшие и почувствовавшие свою силу и власть. Образованный ими комитет не давал покоя и постоянно требовал выдачи служащим хранившегося в кладовых казенного имущества (сукна, серебра, посуды). Требования их становились все наглее, и все труднее было их удерживать в пределах допустимого.

Одновременно не прекращались попытки занять под разные советские учреждения главное здание Лицея. Пришлось обратиться за содействием к самому комиссару народного просвещения — Луначарскому, который подписал бумагу, гласившую, что здания б. Александровского Лицея находятся под особой защитой советской власти, и никто не имеет права их реквизировать.

Кое-как дотянули до декабря, когда удалось произвести выпуск старшего класса и выдать ему дипломы об окончании гимназии имени А. С. Пушкина. После выпуска собрались на квартире одного из окончивших, где был устроен скромный ужин с вином. Пропели молитву, говорили речи...

В один из январских дней 1918 года в служебный кабинет А. А. Повержо явился молодой парень, одетый по-солдатски, с обмотками на ногах, и сказал, что он назначен комиссаром по ликвидации б. Александровского Лицея. По фамилии Сергеев, он оказался столяром-краснодеревцем с фабрики Мельцера. Начал он довольно агрессивно: на следующий день А. А. Повержо получил бумагу на бланке «Комиссар по упразднению б. Александровского Лицея» за № 1 с наставлением, что А. А. Повержо не отдал себе отчета в переживаемом моменте, что особенно усматривается из обращения его с низшими служащими, и что это должно быть изменено, иначе будет поступлено по всей строгости революционных законов. Впоследствии, однако, Сергеев сбавил тон и, в общем, оказался добродушным парнем.

Все больше затруднялся вопрос с получением денег на содержание гимназии, да и эти средства, в сущности, отпускались исключительно благодаря прислуге, без скрепы депутатов, от коей директор не мог подписать ни одной ассигновки.

Были сделаны даже попытки реквизировать частную библиотеку А. А. Повержо «для нужд населения Петербургской стороны», и стоило больших трудов и хлопот ее отстоять.

Вскоре в бывшей квартире директора и в части квартиры инспектора поместили вновь основанный Петроградский политехникум — громкое название для учебного заведения, являвшегося скорее школой монтеров, а затем А. А. Повержо было предложено очистить и остальную часть занимаемого им помещения.

Наконец во второй половине апреля 1918 года выбросили на улицу и последний остаток Лицея — единственный оставшийся класс пресловутой

Пушкинской гимназии. Его приютил в своем особняке на Монетной улице князь Горчаков, сын бывшего канцлера. Судьбе угодно было, чтобы последняя горсть лицеистов нашла себе кров в доме сына воспитанника I курса, друга Пушкина, что А. А. Повержо и отметил в своей благодарственной речи кн. Горчакову при выпуске последних питомцев. Таким образом, Пушкинская гимназия перестала существовать. Оставалось еще дать возможность получить аттестаты некоторым воспитанникам старшего курса, что и было сделано без особой огласки.

Дальнейшая судьба лицейских зданий в точности неизвестна. Лицейская библиотека была отправлена в Екатеринбург для предполагавшейся там «Всеуральской библиотеки», но, как сообщила впоследствии «Красная газета», книги были брошены и забыты на железнодорожных складах в Москве. Почти половина их была залита в подвалах весенним наводнением, остальная часть растаскана¹.

Заборами лицеистов П. Е. Рейнбота (XXXV курса) и покойного М. В. Шильдера (LXX курса) Пушкинский музей, Лицеана и ковчеги с орлами из актового зала были перевезены в Академию Наук и помещены там в особой комнате. Царские портреты были еще в первые дни после революции вынуты из рам, свернуты и спрятаны в музыкалках. Дальнейшая судьба их неизвестна. Вероятно, пропали. Утварь лицейской церкви перенесли в близлежащий Троицкий собор, древнейший храм столицы. В помещении церкви большевики устроили чайную, как будто не было в громадном здании Лицея другого помещения для чайной.

Так, нелепо и трагически, погибло одно из культурнейших учебных заведений России с его славным и блестящим прошлым.

¹ Судьба лицейской библиотеки, к счастью, сложилась несколько иначе, чем считали авторы записок, не располагавшие точной информацией по данному вопросу. Книги, вывезенные из Петербурга на Урал, почти полностью сохранились, и большая их часть находится в Екатеринбургском университете. Многие из раритетов возвращены в 1961 году обратно. Сегодня они находятся на своем историческом месте в экспозиции Царскосельского мемориального музея-Лицея в зале лицейской библиотеки. — *Прим. С. М. Некрасова.*

СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА МИТРОПОЛИТА КОНСТАНТИНА И ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ АРТУРА ОЛЕГОВИЧА ПАРФЕНЧИКОВА

21 февраля в Епархиальном управлении митрополит Петрозаводский и Карельский Константин встретился с исполняющим обязанности Главы Республики Карелия Парфенчиковым Артуром Олеговичем.

Митрополит Константин поздравил Артура Олеговича Парфенчикова с назначением на пост исполняющего обязанности Главы Республики Карелия и отметил, что произошло это в знаковый день: *«Люди религиозные и верующие видят во многих знаках указание Перста Божьего. Ваше назначение в Карелию произошло на праздник Сретения Господня. Сретение — слово церковнославянское, означает “встреча”, проводы Ветхого завета и встреча Нового завета»*, — сказал Владыка.

Сегодняшний день, по его словам, тоже символичен. 21 февраля является Днем памяти святого великомученика Феодора Стратилата — небесного покровителя судебных приставов. Артур Парфенчиков до назначения на должность врио Главы республики долгое время возглавлял Службу судебных приставов Российской Федерации.

«Двойной перст Божий указывает на то, что ваше служение здесь благословлено Господом Богом. Вам предстоит максимально приложить усилия, чтобы полностью реализовать возложенное на вас доверие Президента», — отметил Владыка Константин.

Поблагодарив за визит, митрополит Константин преподнес Артуру Олеговичу в качестве подарка Валаамскую икону Божией Матери и сборники своих трудов под названием «И познаете истину» и «Встань и иди в дом твой». Владыка пояснил, что в этих подарках тоже заключен особый смысл: *«Вы прибыли к нам из Москвы, а Валаамский монастырь*

*Встреча митрополита Петрозаводского и Карельского Константина
с исполняющим обязанности Главы Республики Карелия
Парфенчиковым Артуром Олеговичем*

находится в непосредственном подчинении Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, поэтому этот образ несет в себе двойное значение. Это одновременно и Карелия, и Москва. Вы прибыли к нам в Карелию из Москвы. Пускай образ Валаамской Пресвятой Богородицы помогает вам в ваших ответственных трудах. Также прошу принять в качестве подарка сборники моих трудов, два тома. Первый том “И познайте истину”, это слова Евангелия от Иоанна “И познайте Истину и Истина сделает вас свободными” (от Иоанна, 8: 32), второй том “Встань и иди в дом твой”. Это слова Иисуса Христа расслабленному парализованному человеку, которого он исцелил. Надеемся с вашей помощью, с вашей энергией — расслабленность экономики, какая-то духовная расслабленность будет преодолена. Помощи Божией в ваших очень ответственных делах».

Исполняющий обязанности Главы Республики Карелия А. О. Парфенчиков горячо поблагодарил митрополита Константина и согласился с тем, что этот день для него тоже особенный: «Огромное вам спасибо, Владыка, за такие слова. Конечно, сегодня особенный день, потому что все предыдущие годы я встречал этот день в соборе Федора Стратилата в нашем монастыре в Переяславле-Залесском, и, конечно, сейчас многие мои бывшие коллеги находятся там. Для меня это очень значимый день. Мы очень много занимались восстановлением монастыря. Сейчас же уже нужно думать о Карелии, своей родной земле, и конечно я тоже принимаю свое назначение как веление Перста Божия. Я очень надеюсь и рассчитываю на вашу помощь, на ваши молитвы, и я тоже поддержу ваши слова и скажу, что самое главное сегодня это духовное равновесие в обществе. Если такое равновесие будет достигнуто, основанное на глубоких исторических и нравственных основаниях, то я думаю, что со всеми остальными задачами мы справимся».

Артур Олегович Парфенчиков преподнес в дар митрополиту Константину икону святого великомученика Георгия Победоносца, а Владыка провел новому исполняющему обязанности Главы Карелии краткую экскурсию по епархии.

Информационный отдел
Петрозаводской и Карельской епархии, 2017 год

Михаил СМОЛИН

НАЧАЛА И КОНЦЫ РЕВОЛЮЦИИ. ЛИБЕРАЛЫ И СОЦИАЛИСТЫ

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Заместитель директора Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

Мы хорошо знаем, какие последствия несут так называемые великие потрясения. К сожалению, в нашей стране в минувшем веке их было много. Наступающий, 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых — российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий.

В. В. Путин
(Послание Президента РФ
Федеральному Собранию
1 декабря 2016 года)

Один консервативный писатель начала XX века¹, пытавшийся осмыслить «феномен» русской интеллигенции, сделал следующий вывод из своего исследования: «Вопрос об “интеллигенции” — исключительно русский вопрос. В мире, или, что почти то же, на западе — такими большими кусками “новые породы людей” не откалываются от своего народа... Сильная в критике, она (интеллигенция. — М. С.) детски беспомощна в работе. Можно установить, как правило, что чем интеллигентнее наша интеллигенция, тем ниже уровень культурной жизни»².

Новые люди все XIX и начало XX столетия кричали, что они «задыхаются», что дальше так жить невозможно и никакого примирения со старым монархическим режимом быть не может. «Без сомнения, — как пишет Л. А. Тихомиров, — субъективно они были правы, как субъективно прав и сумасшедший,

¹ Соколов Николай Матвеевич (1860–1908) — русский мыслитель, политический публицист, литературный критик и поэт. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию.

² Соколов Н. М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904. С. 412, 425.

воображающийся, что его преследуют чудовища. Но существовали ли эти чудовища в действительности?»¹.

Был ли реальный исторический самодержавный режим столь непримиримо ужасен и нетерпим?

Сущность революции — разрушение данной исторической действительности, и единственно возможное ее полное или относительное оправдание, ее большая или малая правда может заключаться только в совершенной или же частичной негодности старого строя.

«Отрицание, — писал Л. А. Тихомиров о революционном сознании, — как правило, поражает именно несоответствием между действительными недостатками данного строя и беспощадной суровостью произносимого над ним приговора».

Абсолютность отрицания и неадекватность его действительному положению вещей в исторической реальности происходит из-за глубоко извращенного представления социальной проблематики в революционном сознании, переносящей в социальную сферу сугубо религиозно-психологические установки. Отсюда требования любой революции к социальной области чрезвычайно завышены и совершенно не поддаются реализации в конкретной жизненной ситуации. Идеи «земного рая», «светлого будущего», «общества социальной справедливости» и тому подобные утопии всеблаженства принципиально неосуществимы в земной действительности, но революционизм не способен согласиться на что-либо меньшее или что-либо менее совершенное, так как верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробное блаженство верующий человек. Ни тот, ни другой тип мирозерцания не понимает принципа «икономии» в своих областях.

О неизбежности революции в России пишут еще с середины позапрошлого века — пишут как о факте, не подлежащем ни личному, ни общественному, ни мировому сомнению. Эта самая сильная и устойчивая либерально-социалистическая вера, которая имеет письменную и, к сожалению, не только письменную традицию. Могут посетовать на ошибки, на «не совсем бескровный» способ проведения революции, некоторые ошибки в руководстве, обязательно попеняют на саботаж, предательство соратников, труднейшую международную обстановку и другие факторы, но ее «неизбежность» — это догмат для всех фракций и направлений революционно-демократической мысли.

Только консерваторы задавали простой вопрос: а что если революция была не нужна, и всего действительно социально необходимого можно было добиться эволюционным путем, через взаимное единение народа и Государей?

Тогда остается лишь пролитая зря кровь, миллионы загубленных судеб, уничтожение культурного слоя нации и партия, добившаяся политической и экономической власти в разгромленной ею же стране.

Сколько нас убеждали, что Россия проиграла Первую мировую войну и что только коммунисты спасли страну от развала и оккупации.

¹ Тихомиров Л. А. Борьба века. М., 1896. С. 11–12.

«Русский царизм, — писал, уже будучи в эмиграции, И. Л. Солоневич, — был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. “Диктатура совести”, как и совесть вообще, — не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, — совесть есть религиозное явление... с точки зрения государственного права — в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять... В “возлюби ближнего своего, как самого себя” никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность»¹.

Старый строй отрицался не из-за недостатков или жестокости, а во имя мечты о новом, будущем строе, что вполне доказала последующая «освободительная» история. Как только революция не смогла дать этого несбыточного будущего, сразу же строй, данный революцией, был атакован еще более радикальными реформаторами. На протяжении многих поколений новые демократические идеологи открывали каждый свой «совершенный» строй для всех времен и народов. Все они искали гармонию, которой не было в душах, и надеялись найти ее во внешних условиях. Следовали бесконечные смены одних социальных утопистов другими. Революционность бытоулучшителей носила и носит характер болезненной перманентности.

В русском государстве сложилась ситуация, когда социальные утопии распространялись в обществе, в котором духовные и государственные основы исторической России были, по глубокому замечанию Н. В. Болдырева, «затянуты жиром благополучия» — благополучия, прежде всего слоя интеллигентного. Это духовное «ожирение», особое «не чувствование Отечества» (выражение Л. А. Тихомирова) при материальном благополучии и образовательной раскалке (в противоположность закалке) национального ума способствовало революционным устремлениям образованных и полубразованных масс интеллигенции. По-видимому, «ожирение» и ослабление ощущения русских основ достигло столь глубокой стадии, что революция, при всей своей лжи и крови, могла нести в начале XX столетия в себе и крупницы правды. Быть может, эти крупницы правды в революции заключались в насильственном «оголении» основ, в уничтожении жировых отложений, ставших средоточием между жизнедеятельными основами и нацией.

Начала и концы революции. Либералы и социалисты

Сама революция в России не могла бы шагнуть так радикально далеко, если бы либеральное общество не сочувствовало революционерам столь открыто.

«Смиранные» либералы и радикальные революционеры были как начала и концы единого революционного мирозерцания, внутри которого либералы занимаются раскачкой традиционного общества, а революционеры довершают дело его разрушения самым актом революции.

Путем либеральной пропаганды появляется целый революционный слой, замыкающийся в «партию» и создающий особый мир отщепенцев, готовых

¹ Солоневич И. Л. Миф о Николае Втором // Великая фальшивка Февраля. Буэнос-Айрес, 1954. С. 152.

к борьбе с остальной нацией. Либерал, почти всегда имевший возможность открыто и легально высказывать свои суждения, готовил себе страшного ученика в социализме, не останавливающегося на личности, на том, что не преодолено либералами по своей непоследовательности в разрушении «старого» мира. Социалисты уже не строят свое общество на чисто психологической основе, как либералы, видевшие в государстве только комбинацию человеческой воли и свободы. На смену индивидуалистическому либерализму шла следующая фаза развития — социализм со своим сверхколлективизмом.

К революции не относились как к радикальной социальной реформе, в ней хотели видеть всеобъемлющую Реформацию всех сторон земной жизни, или, иначе говоря, установления на земле материалистического подобия Царствия Небесного, райского благополучия. Люди в таком болезненном состоянии духа — состоянии одержимости социальным разрушением — были готовы принять революцию как нечто прекрасное, чудесное, приносящее избавление от всех земных тягот и горестей.

Ожидание революции в начале XX века действительно более не с чем сравнить, как только с ожиданием Второго Пришествия, когда свыше будет произнесено «Се, творю все новое». Ожидание этого «нового» в революции до того фантастично и до того фанатично, что одна психологическая сила этого ожидания приближала пришествие революции в Россию лучше, чем все митинги и забастовки, вместе взятые.

Революция и реформированная Россия

Иными словами, революции в русском обществе была дана свобода роста. «Начальство, — как говорил В. В. Розанов, — ушло», манкируя своим долгом, что раззадоривало левых и раздражало правых. Налицо был главный «властный грех» — не использование власти, что приводит и к революциям, и ко всевозможному прочему гражданскому беспределу.

Империя перед своим падением попала в период длительного реформирования, которое оппозиция считала удобной возможностью для проведения революции.

Проповедуя народовластие, представители либерального лагеря никогда не обращали внимание на неорганичность этого принципа для русской действительности. Действительности, значительно отличной от западноевропейских стран, где народовластие имело глубокие традиции в государственном основании, где население исторически сформировалось и сжилось с этими традициями. Это невнимание А. А. Башмаков объяснял тем, что сама «возможность осмысленного и критического восприятия этой чужеземной пищи устранялась тою страшною силой гипноза, которая царила в смутные годы, когда мода требовала повиновения духу времени и отказа от всякой попытки национальной критики»¹.

Либеральными преобразователями предлагалось уничтожить все принципы, которыми до тех пор жила Российская империя, и взять за основу практику государств типа Швейцарии или Люксембурга.

Реформирование Российской империи в начале XX столетия не оправдало надежд ни правых, ни левых — ни революцию, ни реставрацию. Об-

¹ Башмаков А. А. Народовластие и Государева Воля. СПб., 1908. С. 5–6.

новление не дало ни чисто парламентарных учреждений, ни чисто монархических, но сильно ослабило государство, получившее в лице созданной Государственной Думы учреждение, которое считало себя государством в государстве и не давало дополнительной поддержки государственному строю.

Ослабление Самодержавия в русской истории всегда было синонимом национальной катастрофы, или, вернее, за ослаблением единодержавия всегда следовала неизбежная катастрофа.

Революцию, как удачно выразился И. Л. Солоневич, чаще всего описывали с «преобладанием романа над уголовной хроникой», всегда пытаясь выдумать какой-нибудь литературный ход, чтобы чистую уголовщину прикрыть благородной идеальной романтикой или хотя бы разбавить кровавую реальность флером вымысла.

Неудачники прапорщики-декабристы, мечтатели-сибариты в герценовском стиле, вечные студенты-народовольцы, каждый из которых шел в террор, думая, что он убивает свою «старуху-процентщицу» и получает право не называться более «тварью дрожащей», безжалостные коммунисты в «пыльных шлемах» — все они разрушали тысячелетнюю Православную Империю, думая, что участвуют во всемирно-историческом действе отказа от «Старого мира» во имя хилиастического счастливого будущего, в котором будет построено новое общество вечного счастья и социальной справедливости.

Старый мир действительно был превращен в величественные руины, но новое общество, так и не достигнув идеала, обветшало на глазах одного поколения.

Спринтерский забег к светлому будущему, измотав и истратив огромные силы нескольких поколений русских людей, кончился ничем. Классовые войны, огромные военные потери, многомиллионные аборты и всевозможные идеологические и социальные эксперименты, реформы и перестройки довели народ до духовного и физического истощения.

Вся кровь, все усилия все эти 70-ти лет эксперимента не только обнулились, но и создали нам огромный цивилизационный дефицит. Советский проект оставил после себя огромную национальную недостачу и, растратив огромные (в том числе и потенциальные) силы русского народа, прекратив его как численный, так и качественный рост, ни к чему из заявленного не привел.

Революция, с ее социальными экспериментами, была проведена не только зря, но с огромными потерями для Русского мира, поэтому отказ от коммунистического пути был естественным и правильным, но недостаточно последовательным.

Александр КАЗИН

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК БУДУЩЕЕ РОССИИ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения. Директор Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

Традиция в русском цивилизационном пространстве — это прежде всего народное восприятие/переживание — чаще всего бессознательное — той христианской по истоку духовной энергии, которая не покидала Россию со времен Крещения и до сегодняшнего дня, вопреки всем изломам и драмам нашей национальной истории. А *революция* — подлинная, настоящая — есть попытка *уничтожить* это духовно-энергетическое ядро, заменить его чем-либо другим или просто забыть о нем. Попытаемся рассмотреть их противоречивые взаимоотношения в связи с понятием *социализма* — еще одного ключевого слова нашей жизни XX века.

Словосочетание «православный социализм» включает в себя, по меньшей мере, три смысла — собственно религиозный, мировоззренческий и социальный. Начнем с первого.

Любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия, — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в земной жизни. Заповеди, предназначенные для общенародного исполнения, в традиционных (классических) цивилизациях являются религиозными основами общественного и национального существования. Таково, например, почитание предков в конфуцианстве, кастовое устройство общества в индуизме, идеальное государство Платона (на деле, правда, не удавшееся). Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Тысячи богословов Востока день и ночь думают, как наилучшим образом жить народам в соответствии с богоданными законами. Не случай-

но святой равноапостольный князь Владимир спрашивал при «испытании вер»: какой у вас закон? Закон Бога (правило, норма) в дохристианских и нехристианских исповеданиях — это и есть их религиозный «социализм», то есть совокупность уложений, обязательных для каждого члена соответствующей общины и всей общины в целом (за отказ — по меньшей мере изгнание). Всякая цивилизационная — развернутая по вертикали — деятельность человека, в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты».

Однако христианство радикально обновило эти древнейшие вероисповедные правила. В отличие от языческих и «имманентистских» религий, фактический идеал которых здесь, на земле, и достигается исполнением закона, Христос пришел с благой вестью о Царстве Небесном, достижимом любовью и благодатью. Цель христианства трансцендентна, а не имманентна, она за гробом, по ту сторону сущего. В этом плане прав Розанов — христиане действительно «люди лунного света», града земного не имеющие, града грядущего взыскующие. Каждый, кто хотя бы раз читал Евангелие, знает, чем оно кончается — Страшным Судом и концом света, а вовсе не хилиастическими «молочными реками в кисельных берегах». Тысячелетнее царство праведников — не земное царство, а небесный Иерусалим. С этой точки зрения любое прагматическое социальное устройство ветхого Адама «мелко плавает» на фоне грозного финала изгнанников рая, и, более того, идейно противоречит ему. «Не собирайте себе сокровищ на земле» — прямо сказано. История богатого юноши, отказавшегося следовать за Богочеловеком, казалось бы, навсегда должна отучить христиан размышлять о том, как бы удобнее устроиться в этом падшем мире. Христианство — это подвиг, духовный и телесный, это прорыв к Новому небу и Новой — безгрешной — земле. Первых христиан травили львами, они уходили в пустыню и питались акридами — какой уж тут социализм? Разве что катакомбный...

Исходя из сказанного, «православный социализм» следует признать религиозной мечтой, своего рода мифом о земном рае, когда все люди станут христианами и будут жить по-христиански, как лично, так и соборно (общинно). Образ этой мечты — деяния апостолов и ранние христианские братства, когда пришествия Христа во славе ждали со дня на день и имели все общее. В последующей христианской истории приближение к «православному социализму» осуществлялось, прежде всего, в общежительных монастырях, киновиях, от Пахомия Великого и Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Если в религиях бытия — например, в иудаизме, исламе — предполагается относительная реализация идеала в натуральной плоти (племенной и национальной в том числе), то благовестие Христа требует преобразования плоти, преодоления ее наличного (похотливого и смертного) состояния, для чего безличная (пусть даже освященная) традиционная социальная практика оказывается скорее препятствием и соблазном, чем условием (фарисейство). Некоторые националисты даже выводят отсюда, что христианство есть иудейская выдумка для того, чтобы ослабить соперников в борьбе за власть над миром.

Любопытно, что когда К. Н. Леонтьев в 70-х годах позапрошлого века громко напомнил эту, казалось бы, самоочевидную мысль о загробной цели христианства, на него обрушились многие православные авторы. «Христианство есть спасение от жизни, а не спасение от жизни», — говорили ему, как будто он лично предсказал, что «восстанет народ на народ, и царство

на царство», и «по причине умножения беззакония во многих охладает любовь» (Мтф. 24). И хотя последние годы этого замечательного мыслителя прошли в тяжелом пессимизме относительно судьбы человечества вообще и России в особенности, все же он до конца жизни разрабатывал свою концепцию спасения православно-русской цивилизации, которую можно назвать не то что «социализмом», а прямо соборно-монархическим коммунизмом. Сознывая религиозную утопичность своей деятельности, Леонтьев, тем не менее, считал долгом по возможности отдалить, оттянуть торжество антихриста. Я приведу цитату из его работы «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», в которой Леонтьев предлагает свой план спасения Святой Руси от антихриста путем соединения православной монархии с идеальным корпоративно-общинным строем:

«Социализм, понятый как следует, есть не что иное как новый феодализм, уже совсем недалекого будущего, разумея при этом слово феодализм, конечно, не в тесном и специальном его значении романо-германского рыцарства или общественного строя, именно времени этого рыцарства, а в самом широком его смысле, т. е. в смысле глубокой неправомерности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном; в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим или чем-нибудь облагоустроенным (так, например, как были подчинены у нас в старину рабочие селения монастырям). Теперь коммунисты (и, пожалуй, социалисты) являются в виде самых крайних, до бунта и преступлений в принципе неограниченных либералов; их необходимо казнить, но сколько бы мы их ни казнили, по нашей прямой и современной обязанности, они, доводя либерально-эгалитарный принцип в лице своем до его крайности, обнажая, так сказать, его во всей наготу, служат бессознательно службу реакционной организации будущего, и в этом, пожалуй, их косвенная польза, даже и великая»¹.

Вот так пытался этот умный человек «задержать народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному своеверию»². Разумеется, никто не предлагает буквально перенести его рекомендации в наш XXI век. Однако это хороший урок для нас, особенно при обсуждении вопроса, что такое православный социализм. С точки зрения строгой христианской догматики — химера и утопия, но в плане естественного для верующего человека/народа стремления к совпадению слова и дела — мощный, хотя, разумеется, несовершенный проект совместной (национальной, государственной, культурной) христианской жизни людей в миру, а не только в монастыре. Хотя Гоголь и восклицал в свое время: «Монастырь наш, Россия!». Конечно, все христианские конфессии и тем более секты проектировали свой «земной рай», от «двух градов» бл. Августина и католической «Утопии» Томаса Мора до «теологии освобождения» и либерально-протестантских сект. Недавно отмечалось 500-летие Яна Гуса и его «таборитов» — что это как не ранний «предпротестантский социализм»? Лютеранство, в свою очередь, породило социальную философию немецкого

¹ Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 26–27.

² Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 146–151.

идеализма, от идеи «вечного мира» Канта до гегелевского апофеоза государственности, которую профессор усмотрел в современной ему Пруссии (позднее тут и Бисмарк со своим «прусским социализмом»). Я уже не говорю о многочисленных европейских попытках учредить тот или иной «Город Солнца» под знаменем религиозной праведности.

Все это осталось утопией, потому что было основано на ложной — католической или протестантской — вероисповедной установке и порождает ею мировоззренческих фантомах... Строилось на стихиях мира сего, а не по Христу. Выражаясь более категорично, это были «человеческие, слишком человеческие» усилия установить рай на земле средствами европейской буржуазной цивилизации, уже вступившей на нисходящий путь антропоцентрического модерна. Как характерно выразился по поводу Европы Петр Чаадаев, «искали Бога, нашли свободу и процветание». К сожалению, Чаадаев периода «Философических писем» еще не сознавал, что тем самым гуманистическая ренессансно-романтическая Европа покончила с христианством (это, между прочим, прекрасно понял его друг Герцен, возненавидевший меццанскую Европу, как только в ней оказался, и метко назвавший собор святого Петра знаком расстрижения Запада).

Иначе произошло в России. «Москва — Третий Рим» — религиозная реальность, а не виртуальный двор короля Артура и не бесплодное соперничество гвельфов с гибеллинами. Напротив, «Священная Римская империя германской нации» — это, прежде всего, военно-политическая структура. И сказать «государство — это я!» не пришлось бы в голову ни одному русскому царю. Не буду повторять здесь аргументацию отечественной православной мысли, от старца Филофея до XXI века: Святая Русь не перестала быть таковой ни с ордынцами, ни с Петром, ни с Лениным. Ее духовная история непрерывна, вопреки трагическим псевдоморфозам вроде февральского предательства или троцкистского интернационал-коммунизма. Незримая миру энергия православия уберегла ее от модернистского и постмодернистского вырождения в холодное чудовище, рисующее карикатуры на пророков и законодательно поощряющее содом. (Подробнее см. об этом мою книгу «Последнее Царство. Русская православная цивилизация», изданную по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго)¹. Именно такая Россия (в государственной форме СССР) победила оккультный нордический рейх и первой вышла в космос. Как писал в 1993 году блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в ее безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты — жертвенность, самоотверженность, терпение — позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия»².

Сказанное означает, что «христианского капитализма» в России не может быть, также как и «христианской демократии» — для этого Русь слишком глубоко приняла в себя Спасителя. У русских именно православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени: они рассмат-

¹ Электронная версия: <http://www.wco.ru/biblio/books/kazin1/main.htm>.

² *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Битва за Россию.* СПб., 1993. С. 33.

ривают эти ценности не как собственность, а как дар. В отношении к собственности как Божьему дару («земля — Богова») издавна коренилась драма русского купечества и предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или... на революцию. Даже нынешние «новые русские» в глубине души знают, что они «разбойники»: большинство из всех вовсе не собираются строить в России цивилизованный капитализм, а переводят деньги на Запад. В метафизическом смысле слова национальная буржуазия в России как бы подвешена между храмом и тюрьмой; во всяком случае вплоть до настоящего времени капитал («бешеные деньги») переживается в России как неправда, как грех: «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Отсюда и чудовищная коррупция, которая в ближайшие годы способна, грубо говоря, сожрать нашу государственность, если деньги останутся, как сейчас, главной ценностью повседневного существования.

Нравится нам это или нет, Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных отличий православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие соглашательства (компромисса) между религиозными полюсами жизни. В отличие от Запада русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянато между божественным и бесовским; особенно это касается богатства, власти и культуры. Духовная вертикаль, как, впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, по этой причине всегда имеет некоего «темного спутника» в виде мозаичной, невыстроенной, пренебрегаемой поверхности наличного бытия, служащего как бы гарантом земного неблагополучия России, ее нежелания и неспособности удобно устроиться на земле («странничество»). «Евангелие процветания» по-русски звучит неприлично, вроде «христианского блуда». Отечественные «капиталисты» — от Чичикова и Штольца до нынешних компрадоров — всегда представляли капитал именно как силу мировой похоти («оргон»), возделующей телесного обладания сотворенной Богом вселенной...

Из всего сказанного вытекает, что либерализм западного типа в России является искусственным образованием и изначально обречен на неудачу. Подобную функциональную, машинообразную власть в России никто не будет уважать, люди не станут исполнять ее законов. Быть может, Россия вообще не способна к республиканскому строю: на протяжении всей своей истории она колебалась между самодержавием и самозванством (диктатурой). По-видимому, наилучшей общественной формацией для России является православная народная (соборная) монархия с открытым сословно-корпоративным устройством государства и широким народоправием земли (земщина). Это и есть православный социализм. Только такое социальное устройство, в принципе, в состоянии справиться с антиномичностью русского душевного строя, где истина, собственность, власть постоянно располагаются на рубеже света и тьмы, «правого» и «левого» и потому чреваты историческим оборотничеством (тем или иным видом «земного рая»). Русская цивилизация требует иной формулы, чем европейская, индийская, китайская или американская, и потому нынешняя (уже вторая) попытка построить капитализм (банкократию) на православно-эсхатологической почве России может привести лишь к всеобщей цинизации ее жизни, что чревато серьезной опасностью для всего мира. Выбор между американизированным «мировым сообществом» и обветшавшим красным мавзолеем — это лож-

ная альтернатива для России. Формирование гражданского общества здесь может быть ориентировано только на иерархическую организацию, в которой народ («земля») внутренне связан с монархической державностью власти (независимо от того, как будет называться пока носитель этой власти). Именно это имел в виду К. Д. Кавелин, когда писал (правда, со ссылкой на славянофила Ю. Ф. Самарина), что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавной республики»¹, в рамках которой гражданские сословия, хозяйственные классы и политические партии определяются по отношению к духовно и социально превосходящему целому. Человеку нужен хлеб, но не хлебом единым жив человек. Обществу нужны деньги, но нет ничего опаснее для России, чем власть денег. Мы находимся под мощной — внутренней и внешней — демонической инволютацией. Сдача ей без боя означает признание господства темных сил.

Таким образом, православный социализм — единственно возможный и желательный национальный проект для России. Более того, именно такого — цивилизационно альтернативного, «иначе возможного», как сказал бы А. С. Панарин, — шага ждет от нее незападный мир (да и немало людей в Европе). Это не химера и не «розовое христианство», а трезвая констатация ее духовной судьбы. Русская идея есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод ее, подобно зерну, растет медленно и прикровенно. Она всегда уже-но-еще-не. Не претендуя на исполнение рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, православный социализм есть ценностный (социологический и культурологический) символ русского пути, каким он являет себя в действительности уже тысячу лет. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная — установка на смысл народной жизни, на индивидуальном уровне часто не осознаваемая («коллективное бессознательное» по Юнгу). Православный социализм реализуется как направление и предел, а не достигнутый раз навсегда материальный результат («хорошая жизнь» в обывательском значении этого слова). Все, что способствует описанному состоянию/движению России — хорошо; все, что препятствует ему — плохо. В таком понимании православный социализм и есть наша искомая государственная идеология XXI века, которая не должна зависеть ни от откровенных агентов антицеркви, ни от высокомерных «уранопатриотов». Тому, кто не хочет или не может это осознать, придется пересмотреть свое мировоззрение, или уйти в «малый народ», или покинуть страну. Насильно ни свят, ни мил не будешь, и свобода личной совести неприкосновенна. Точкой отсчета в любом случае остается выбор «большого народа». Поэтому следует приветствовать поддерживаемую 80 % населения попытку президента Путина и его команды вывести российское государство из-под внешнего управления, в котором оно находится после 1991 года. В случае ее неудачи нашей страной завладеет оппозиционная «пятая колонна», идеологи которой обеспечивают активную круглосуточную работу соответствующих радио/телеканалов и интернет-ресурсов. Тогда Россия очень быстро перестанет существовать, а вдобавок еще может родить антихриста, как об этом и предупреждал более ста лет назад Константин Николаевич Леонтьев.

¹ Кавелин К. Д. Собрание сочинений: в 2-х томах. Т. 2. СПб., 1897. С. 995–1020.

ПРОЗА

Сергей ШАРГУНОВ

МОЙ БАТЮШКА

Сергей Александрович Шаргунов — писатель. Окончил МГУ им. Ломоносова. С октября 2016 г. депутат Государственной Думы РФ VII созыва. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», госпремии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Книги переведены на итальянский, английский и французский языки. Главный редактор сайта «Свободная пресса». Член Общества русской словесности и Патриаршего совета по культуре. **Живет в Москве.**

Автор фото: MollySTUDIO

Они жили большой семьей: Иван Иванович, офицер, Анна Алексеевна, крестьянка, ее родители — Лукерья Феофилактовна и Алексей Акимович, малыши — Гена и Зина. А нашего героя называли Винцент. В те времена это было в порядке вещей — давать неожиданные имена.

Но все же, откуда «Винцент»? Настоял на имени Иван Иванович. Он едва ли знал о Ван Гогe, однако где-то это имя встретил и оценил. Возможно, он решил подарить сыну имя яркое, загадочное, предвещающее интересную жизнь.

Винцент родился в конце декабря 1939 года в глухом таежном вятском поселке. Душистая парижская весна среди зимней тайги... Вин-цент, Вин-цент — тяжелый звон, багрянец и золото. Жена подчинилась воле мужа, но сына сразу же стала называть Венчиком. Однажды перебирались в другую деревню, там же, в тайге. Ребенок навсегда сохранил в памяти ужас от встречи с бабой-ягой: во время переезда на часок-другой оставили его у незнакомой им таежницы-старухи в жарко натопленной избушке. Там что-то зловеще кипело в больших чугунках. Старуха наклонялась к малышу и обещала скрипуче: «Я тебя съем!» В ее глазах дрожали дьявольские огоньки.

Вскоре началась война. Ивана Ивановича призвали под Ленинград. Он угодил в штрафбат (разлил солдатам спирта больше положенного). «Судьба моя переменилась не на долгие сроки», — писал домой. Безногий однополчанин потом рассказывал: на сердце, к гимнастерке Иван прикрепил фотокарточку маленького Винцента. Пуля пробила фотографию и сердце. В это время ребенок играл на полу в избе. Вдруг заплакал и закричал: «Папку убили!

Папку убили!» Мать била его, он вырывался и кричал: «Но я же не виноват, что папку убили!»

У матери на войне убило всех четверых братьев, а у погибшего отца — всех троих.

В деревне было большое хозяйство: крытый двор, лошадь, корова. Венчик носил лапти. Да, подчеркиваю, лапти носил! С шести лет ездил верхом на лошади и доил корову. Косил траву. Как-то летом мимо маленького косаря (эта история мне запомнилась, и потом в прозу я ее включал) шли мужики, уцелевшие после войны, и сказали:

— Какой молодец! Хороший работник!

Один из них подхватил:

— Надо ему яичко дать...

Годы были голодные, и обещанный подарок казался чем-то волшебным, как будто не простое будет, а золотое яйцо. Мальчик изо дня в день все ждал подарка. «Они не забыли, — думал он. — Они еще осчастливят». Но никто ему, конечно, не дал никакого яичка.

В школу ходил за пять километров. Туда и обратно. Иногда один, иногда с братом и сестрой. Идти надо было через густой лес. Как-то там встретился медведь. Другой раз — беглый каторжник: человек в телогрейке бежал, озираясь, падал в траву (вокруг было много лагерей). Уже тогда Винцент начал писать:

*«Стихи писать не может каждый», —
Сказал однажды Гена мне.
Но, стихотворной мучим жаждой,
Пишу стихи — горю в огне.*

Где похоронен отец, никто не знал: в братской могиле, и все дела. Умер дедушка — рыбак и охотник, воевавший еще в Первую мировую. И Анна Алексеевна повезла свою старую мать и трех детей из деревни на новое место — в уральский поселок Еткуль к родне. Там устроилась кастеляншей при гостинице. А Винцента отдали в суворовское училище в городе Свердловске.

Все преподаватели прошли войну, были истовы, чудаковаты, у большинства суворовцев отцы погибли на фронте. В училище приезжал маршал Жуков, командующий Уральским округом. Он шел по этажам, по коридорам, каменное лицо выражало волю. По утрам на плацу ребята маршировали и пели: «Юные суворовцы, Сталин любит вас, выполним, суворовцы, Родины приказ!». Винцент начал публиковаться в свердловских газетах. Его рассказ «Сергей Францев» получил награду газеты «Красный воин», правда, Францева редакция переименовала в Брянцева, но и газету автор называл на античный лад «Прекрасный воин».

Случилось так: один в классе, будучи дежурным, снял со стены портрет Сталина, вытер тряпкой и неожиданно для себя выдохнул: «Чтоб ты сдох!». Само вышло, как будто кто-то за него это сказал, хотя он, как и все, верил в вождя. Через неделю Сталин умер. Подросток был в шоке: он решил, что Сталин умер из-за него.

Как-то стояли на плацу и играли в телеграф: по ряду вполголоса от одного к другому передавали матерное слово. На Винценте связь закор-

тило. Он не мог, не то что не хотел, а не мог повторить. Его после этого начали дразнить «святой», на спине рисовали мелом крест. Но Винцент был крепок мышцами и первым отличником, поэтому от него быстро отвяли.

В военном лагере суворовцев под Свердловском располагалась аллея вождей. Золотистый песок тропинки, и по бокам торжественные, застекленные портреты главных лиц партии. От этого места веяло чем-то священным. И вот было объявлено, что Берия — враг и шпион. И в его портрет полетели камни. Зазвенело стекло. Юный суворовец Винцент смотрел на все это потрясенно.

Он не хотел становиться военным, он уже понял свою страсть — писать слова. Гордость училища, он за полгода до выпуска заявил, что его бросает. Начальник, генерал, вызвал мать. Та приехала, ни жива, ни мертва. Расстроилась и кричала. Сын ни в какую. Закончилось все уходом из суворовцев, доучиванием в вечерней школе и поступлением на факультет журналистики Свердловского университета.

В 1959-м в СССР приехал Никсон. Американский вице-президент катил по улицам Свердловска и, высунувшись из окна автомобиля, широко улыбался и размахивал руками. Вместе с Никсоном прилетели журналисты и сопровождающие. Винцент стал разговаривать с ними по-английски. Ему было интересно, как живут американцы, что думают про нас. Возле гостиницы американец с готовностью общался, тоже спрашивал и показывал на своего чернокожего приятеля: «Вы думаете, негров эксплуатируют, а он у нас капиталист. Владеет большой компанией». После этого разговора на улице подошли двое, показали удостоверения КГБ и отвели в помещение. Они угрожали. «Мы тебя сейчас увезем, и никто никогда тебя не найдет». Винцент отвечал им дерзким смехом. Не боялся и не понимал угрозы. Он слушал рок-н-ролл на бобинах, носил узкие брюки, курил две пачки в день.

Через год в университете произошел настоящий скандал. Попросили написать стихотворение в стенгазету. Быстренько сочинил. К какой-то годовщине Ленина.

*В его глазах я вижу столько
Глухих годов походный строй:
И тридцать памятный жестокий,
И смутный пятьдесят шестой.*

Тридцать памятный — тридцать седьмой, пятьдесят шестой — события в Венгрии.

Скандал разразился громкий и истеричный. Общее собрание курса. Собрание всего факультета. «Он передавал в Америку какие-то бумаги», — вещал декан. С этого собрания Винцент нагло ушел — «опазываю на встречу с читателями». Собрание Свердловского горкома комсомола. Собрание городского Союза писателей, где до этого в нем души не чаяли и собирались принимать. Книгу его стихов, которая уже была готова, рассыпали. Из комсомола исключили. С факультета отчислили. В «Комсомольской правде» на всю страну вышел фельетон о «политически незрелых юношах», где рассказывалась история «манерных и бессмысленных, а по сути дела, анти-советских виршей студента Шаргунова».

Винцент поехал в Еманжелинск — хмурый городок в Челябинской области, именем своим напоминающий об имажинизме. Там устроился в местную газету. Через год поехал в Москву и поступил в Литературный институт. Опала не помешала поступлению, даже тогдашняя система не могла контролировать всех неотступно. В Литинституте учился Коля Рубцов, с которым пили, как-то Рубцова долго отчитывали в газете, куда вместе понесли стихи.

Стихи Винцента были все более мистичные и загадочные. Их не брали в советские издания.

*Зачем на родине своей
Болеют люди ностальгией,
И жест, в котором жест ветвей,
Сильней, чем жесты остальные?
И там, где звезды, надо мной
Летает тень моя в смятенье.
И потому освобожденье
Есть возвращение домой.*

Он бросил Литинститут, потому что стало скучно. Он и так все знал, чему учили. Бросив Литинститут, уехал в город Качканар и записался на всесоюзную стройку бетонщиком.

Вновь работал в еманжелинской газете. Ночью, зимой, ехал из деревни, куда отправлялся за репортажем, машина остановилась. И вдруг среди снегов и тьмы внутренний голос ясно и твердо сказал: «Надо в Москву. В иняз».

Прилетел в Москву и легко поступил в иняз. С детства способный к языкам, он свободно владел английским.

На последнем курсе случилось его знакомство с Аней, писательской дочкой из Лаврушинского переулка, моей мамой. Им было по двадцать три. Красивая пара: легкая, стройная, темноглазая и скуластый, высокий, светлоглазый. Они воспринимали мир интуитивно, но выводы делали страстные, категоричные. Он посвящал ей стихи о любви и смерти:

*Прощения и нежности пора.
И ты, моя любимая, с утра
У озера выходишь на поляну.
Прохладно от пылающей воды,
И листья на поляне, как следы
Всех маленьких детей, умерших рано.
И где-то — будто нет ее нигде —
Весь день поет в кустах прибрежных птица.
И свет идет по медленной воде,
В которую лицо твое глядится...*

Они поженились, одновременно уверовали в Бога и крестились в один день. В крещении Винцент получил имя Александр. О том, как уверовали, подробно писать не стану. Все случилось через мистическое потрясение, их изменившее навсегда.

Веру почти все не понимали.

— Молодой человек, я узнаю ваш тип, — благожелательно говорил режиссер Сергей Герасимов, дядя жены. — Это тип идеалиста!

— Но ведь хотя бы ромашка больше всего кинематографа...

— Согласен, — ответил Герасимов и прочитал наизусть Символ веры.

Начали приходить к Богу многие знакомые. Журналист Миша Ардов, поэт Станислав Красовицкий. Уверовавшим супругам встретилась Анастасия Цветаева, которая сильно их поддержала. Когда наш герой примет сан и назовется отцом Александром, она станет его духовной дочерью.

Он окончил иняз, и теперь предстояла поездка на несколько лет в Алжир — переводчиком. Незадолго до отлета вызвали в КГБ. «Зачем вам эта поездка? Поезжайте в Англию, во Францию. В творческую командировку. Давайте сотрудничать». Отказался. Не пустили даже в Алжир. «Вы понимаете, что вам не быть больше, чем школьным учителем?» — «Меня это устраивает».

А потом он работал вне штата в Министерстве культуры. Вместе с иностранными музыкантами и художниками ездил по всему Союзу. «О, Винцент!» — оживлялись французы. С певицей Жаклин Франсуа чуть не погибли в ташкентском землетрясении. Землю корежило, и рушились домики, пока самолет был в воздухе. Пришлось садиться в другом городе. Путешествовал с дирижером Полем Паре. Тот дружил с Марком Шагалом и в Ленинграде пришел в гости к сестре художника. Проводив дирижера до квартиры, Винцент поклонился и ушел вопреки всем предписаниям. Чтобы им не мешать и не выглядеть соглядатаем.

Он был переводчиком на обеде Паре и министра культуры Фурцевой.

— Почему посадили Синявского? — спросил дирижер. Фурцева ела жадно и говорила сквозь еду.

— Пусть сидит, где сидит. Да и Данилай пускай... Им полезно посидеть!

В это же время Винцент был переводчиком стихов. Например, американских поэтов. До сих пор в книгах Каммингса на русском некоторые стихи в переводах Шаргунова.

*Вся в зеленом, моя любимая отправилась на прогулку
на большой золотистой лошади в серебряный рассвет,
четыре длинные собаки летели низко и улыбаясь,
сердце мое упало мертвое впереди.*

Или:

*Весна подобна быть может
руке в окне
(осторожно
взад и вперед
передвигая Новые и
Старые вещи, в то время как
люди глядят осторожно,
передвигая, быть может,
кусочек цветка сюда, перемещая
воздух немного туда) и
ничего не разбив.*

В Министерстве культуры предложили вступить в партию, чтобы войти в штат, — «или увольняйтесь». Он не согласился и наконец-то стал обычным школьным учителем. В московской английской спецшколе преподавал язык и западную литературу. Целый год. Читал старшеклассникам Библию на английском, и они не доносили, а любили учителя-оригинала. И не прекращал заниматься книжными переводами. И ходил в церковь. Был алтарником, чтецом... А однажды подал документы в семинарию.

Поехал в Загорск, в Лавру. В электричке обнаружил, что надел ботинки разного цвета, так спешил...

В 1978 году он был рукоположен в священники, перестал писать и переводить стихи и полностью посвятил себя церкви.

Его сразу попытались взять в отдел внешних церковных связей: «Нам нужны хорошие, хорошие!» — сказал зазывавший. Но он предпочел просто служение. Стал одним из священников в храме Всех скорбящих радости на Большой Ордынке. Однажды подступил гэбист и сказал: «Нас интересуют только иностранцы. Они же приходят сюда. Вы не могли бы нас держать в курсе?». Батюшка парировал: «У вас же ничего не делается без приказа, правильно? Вот и у нас ничего не бывает без благословения. Я не могу заключать с вами тайной сделки. Сначала я должен взять благословение у правящего архиерея». Гэбист отступил, смешавшись.

На самом деле в это время отец Александр уже был подпольщиком. В Рязанской области в избе хранился печатный станок. Там несколько верных чад печатали жития святых, в том числе убиенных большевиками, по образцам, присланным из православного монастыря города Джорданвилля, штат Нью-Йорк. Книги отец Александр распространял среди верующих.

Он почитал Царскую Семью и ей молился, в доме хранилась частица мощей Великой княгини Елизаветы, переправленная из Иерусалима. А затем чудесным образом в доме появились останки Царской Семьи. Их отрыл в уральских топях один литератор. О находке не знал еще никто в мире, но в квартире священника на Фрунзенской набережной уже хранились кости, отрезки одежд, пуговицы. Всю юность Винцент бродил в Свердловске мимо Ипатьевского дома, и вот теперь... Но больше того — мать его жены, писательница Валерия Герасимова, до революции жила в Екатеринбурге и в гимназии сидела за одной партой с дочерью Юровского, впоследствии расстрелявшего Царя.

В 1980 году у отца Александра, сорокалетнего, родился сын, которого назвали Сережа.

Первое и главное мое впечатление: я не знал, как зовут отца. «Чучуха», — иногда ласково говорила ему мама. «Винцент!» — окликала раздраженно. «Батюшка!» — восклицала крестная. На улицах, когда у меня спрашивали: «А как зовут твоего папу?» — я терялся, а он, оказавшись рядом, представлялся: «Александр Иванович». Впрочем, и то, кем он работает, я обычно скрывал и отделялся не очень понятным мне самому словом «переводчик».

Я относился поначалу к папе с тревогой.

Папа казался мне то очень строгим, то очень добрым. И действительно, всегда эти крайности в нем сочетались, иногда в течение минуты. То он улыбался, всем лицом, ясными глазами, и хотелось смеяться и кружить вокруг него, но он же, огорчившись или задетый каким-то словом, темнел,

начинал перебирать губами, и становилось страшно: отец рассержен. Он был очень чуток к словам, гневался на любую пошлость. В те разы, когда мы оказывались вместе перед телевизором, я всякий раз молился, чтобы не показали ничего, что могло бы его возмутить. Тогда он заводился и начинал сокрушаться так, что я чувствовал свою вину за телеящик. Всю жизнь не оставляет меня понимание природы отца: его надо оберегать от любой пыли и грязи, он слишком чист, наивно, но и воинственно чист. Даже в его почерке, круглом и мелком, похожем на рисунок птичьих лапок на снегу, эта чистота.

Когда мы смотрели ящик? Считанные разы, у соседей в Москве или летом у знакомых... Телевизор дома отсутствовал. Однажды папа стал играть со мной в телевизор. Хорошо помню этот день. Мамы не было дома. Папа поставил два стула, на один сел, в квадратной пустоте другого выставил разные игрушки — зверей, кукол — и говорил грозно: «Внимание! Внимание!». Я дико хохотал и на следующее утро побежал к нему в комнату: давай играть дальше. И был жутко разочарован: продолжать игру отец отказался.

Он тонко и интересно рисовал, но как будто стеснялся этого. Когда я шел к кому-нибудь на день рождения, он мгновенно сочинял за меня легкие и забавные стихи. Его обыденная речь состояла из созвучий и каламбуров, но стихов по-настоящему он больше не писал.

Все-таки я с самого детства ощущал в папе какую-то космическую одинокую увлеченность, которая беспокоила. Некая таинственная замкнутость.

Мы приехали в Крым, мне было пять. Вечером среди ароматов отец вышел со мной во двор, со двора на дорогу. Мерцали звезды, близко темнела гора, к которой поднималась дорога.

— Пойдем.

— Куда, пап?

— В горы пойдем.

— Там же шакалы.

— Ну и что. Пойдем... — Он глухо рассмеялся. — Погуляем с шакалами. Пойдем ближе к звездам.

— А мама? Она нас потеряет!

— Не трусь.

Он шел, и я, охваченный мучительным сомнением, пошел за ним, но все медленнее. Он шел, задумчиво напевая. Меня пронзил страх. Отец скрипел камешками, и вот, касаниями сандалий о камешки подстраиваясь под этот скрип, я ринулся обратно, в несколько прыжков достиг ворот, бросился в сад, где в тусклом небесном свете низко свисали виноградные гроздья. Побежал по двору, споткнулся и рухнул в канаву. Упал на спину. Лежал и видел звезды.

А на следующий день было море. Отец учил меня плавать. Он смеялся и тащил в глубину воды, и тогда я сообразил, как его остановить. Надо обвинить его в побеге. Родители часто говорили между собой о беглецах за границу, удачливых и неудачных.

— Папа! Куда? — завопил я отчаянно сквозь брызги. — Там же турецкий берег!

Он хочет меня угнать в Турцию, через море, в запретное чужеземье — об этом был мой вопль, обращенный к берегу советскому.

— Там турецкий берег! Папа, пусти!

Он бормотал: «Ну надо же, советский патриот», возвращался со мной обратно к пляжу, где, подняв головы, подозрительно глазели отдыхающие.

Папа никогда меня не бил. Не порол. Хотя часто шутил на эту тему. Даже когда шестилетним я в лесу ушел от него просто так, куда глаза глядят, и проблуждал с утра до вечера, семилетним устроил потоп в квартире (открыл краны, играл в слесаря), а восьмилетним поджег ее. Только в бликах пламени отец замахнулся, но не ударил.

Отец признался: в детстве он тоже уходил из дома, за что-то обидевшись на мать. Прошел километров тридцать, прежде чем его вернули на грузовике. Я-то ушел бродить не из обиды — из страсти к приключениям. Но пожар учинил из обиды. Тогда началась перестройка, и у папы в «Литературной газете» вышла статья о княгине Елизавете.

— Как?! Ты до сих пор не читал статью своего отца? — спросила у меня его помощница, розовощекая тетя Оля.

— Не читал.

— Стыдно, — она смерила меня презрительным взглядом; папа молчал, он, как всегда, не обращал внимания на разговоры, погруженный в свои раздумья.

Они ушли на кухню ужинать, где их ждала мама, я вошел в комнату. Шагнул к окну. На подоконнике лежали журналы («Огонек», «Родина», «Наше наследие») и тот номер «Литературки», пушистая вата, коробка со спичками. Я думал о том, что оскорблен. Машинально нащупал спичку, вытащил, чиркнул. Вата вспыхнула мгновенно и празднично. Загорелись бумаги, заплясали, попадали. Вспыхнули занавески. Огонь побежал по полу змеей. Я принялся бросать на эту быструю змею одежду из шкафа. Наконец я сорвал с себя свитер и тоже размахисто швырнул в костер. Мечущимся среди огней, полуголым, меня и обнаружил папа, привлеченный запахом гари. Взрослые быстро погасили пожар.

Отец был бледен, взглянул пристально, легонько замахнулся. Замахнулся, и все.

Интересно, что он не вел со мной воспитательных бесед — ни после ухода из дома, ни после потопы и пожара. Я говорил «прошу прощения», и этого оказывалось достаточно.

С шести лет он обучал меня английскому. После завтрака мы читали английские книги, лежа на даче в яблоневом саду на старой продавленной раскладушке. Папа говорил, что это наша лодка, и шутливо сипел: «Держись, браток!», мол, не упади в зеленые волны травы. После обеда мы ехали в лес, мама — на своем велике, я — у папы на раме, и там продолжались уроки английского. В стране объявили антиалкогольную кампанию, а в детской книжке фигурировали друзья по имени Нора и Джон, и он придумал лозунг: «Nora and John like odekolon!», который я повторял под его одобрителный смех. Иногда мама вспоминала отцовские стихи. «Лето слишком прекрасно, чтоб долго продлиться!» — вздыхала она. Он легко махал рукой с полуулыбкой. Он не отрекался от стихов прошлого. В отличие от моего крестного, авангардного поэта Красовицкого, который, уверовав, все свои стихи испепелил.

Папа был скуп на похвалы, хотя за лето я стал читать и говорить на английском. Вообще, папа никогда не препятствовал всерьез мне в моих делах

(литературных и, так сказать, общественных), но уж точно никогда их не приветствовал и в них не помогал. Зато как он по-детски сиял, когда я шел в храм! Уже в четыре я переступил порог алтаря, в восемь стал алтарником: был одет в стихарь, читал молитвы перед народом, ходил со свечой впереди Крестного хода — годами. До семнадцати, до поступления на журфак МГУ. Сначала я был увлечен, позднее отлынивал и прислуживал из любви, чтобы папу не огорчать.

В школе по настоянию родителей я единственный не вступил в октябрята, а затем в пионеры. А вскоре, к радости родителей, советская система рухнула. Папу пригласили преподавать в Духовную академию и поставили настоятелем беленького храма святителя Николая на улице Большая Ордынка.

Приветствовавшие перемены и победу над коммунистами, родители скоро разочаровались в новой России. Они ждали расцвета. В храм повалили бомжи, беспризорники, беженцы, голодные старушки, просившие хлеба. Однажды на моих глазах мужчина сорвал со стены икону и выбежал из церкви. Я погнался за ним, настиг возле Марфомариинской обители, вор проскрежетал: «Спокойной ночи, малыши», — и побежал дальше. Отец не переносил «разврата», а теперь похабщина торжествовала всюду и везде. Конечно, он был разочарован. А потом случилась московская гражданская война.

Помню горячий спор у нас в гостиной. Литератор Игорь Виноградов и Сергей Юрский, которого папа крестил. Спорят о танках, о стрельбе, о том, можно ли было распускать парламент и нарушать закон...

В те дни осени девяносто третьего наметился разлад отца с любимшей его либеральной интеллигенцией. Помню, как перед Новым годом пришел к нам в гости парижанин, писатель Владимир Максимов, отказывался от обеда и только налегал на клубничное мороженое, и они с отцом сидели полдня и единодушно говорили о трагедии того октября.

«Почему же они не пошли со всеми либералами в одну сторону?» — думаю я. Наверное, они крепко были связаны с простонародной жизнью, слишком сочувствовали униженным, оскорбленным, отверженным. Корни их уходили глубоко. Максимов рос в детдоме, отец — в тайге.

Мою бабушку Анну Алексеевну перевезли к нам из Свердловска незадолго до ее смерти.

— Венчик послушный был. Что ни скажу — сразу делал, с радостью. В поле сено собирать детей направила. Прихожу. Венчик мой один граблями машет. «А где другие? Генка, Зинка...» Он грабли бросил, плачет: «Убегли, все убегли...» В Еткуле при гостинице работала. И один человек деньги забыл в номере. Так Венчик эти деньги нашел, мне ни слова — сразу за ним. Нашел на станции и все вернул. Тот по карману хлопнул. Точно, пропали деньги. Как он Венчика обнимал! Пришел с ним обратно, говорит: «Вот, мать, вырастила настоящего человека!»

Бабушка умерла в возрасте за девяносто, и отец служил над ней панихиду, а я, вспомнив юное время, обрядился в стихарь и прислуживал, держал большую свечу, и тающий воск обжигал мне руки.

Повторюсь: отец не мешал, но и не помогал точно. Я выросел, все реже ходил в церковь, писал прозу, влюблялся, устроился на радио, ссорился с людьми, выпивал, курил. Мы не ссорились, но чем старше я становился,

тем дальше мы расходились. А может быть, наоборот, в чем-то я повторял его путь.

Мы реже общались, частенько я не ночевал дома, папа суровел, но отмалчивался. Помню, как двадцатилетний, задержавшись в хмельной компании, пришел поздно. Мама была на даче. Отцу предстояло рано вставать на службу, он спал в дальней комнате и не слышал звонков в дверь. Мобильником я тогда еще не обзавелся. Я выскочил в черную ночь, полную белой метели, подбежал к телефонному автомату. Пальцем примерзая к металлу, набрал домашний номер. «Алле», — раздался глуховатый голос. Я долбанул замерзшим кулаком по железной коробке, и, о чудо, отец услышал. «Папа! Папа! — закричал я, и слезы зазвенели в моем пьяноватом голосе. — Отопри мне!» В этот миг я почувствовал себя возвратившимся блудным сыном...

Потом я женился и поселился отдельно. Но мы с отцом продолжали видеться — раз в месяц. Теперь мы видимся чаще — раз в неделю точно.

Говорим об искусстве, о нынешней России, о моей жизни, о моем сыне. Расспрашиваю отца о его детстве и юности. Конечно, он старается свести разговор к Христу. Он напоминает, какой церковный праздник сегодня на календаре или предстоит. Иногда мне кажется, что отец ведет себя более сдержанно и строго, чем мог бы, он избегает лишних жестов и слов, он хочет запомниться целостным, быть стрелкой, которая, не вздрагивая, указывает одно направление — к Христу. Он счастлив, когда я прихожу в церковь и когда в церковь привожу его внука. В разговоре об искусстве папа вновь и вновь говорит про «акварельный принцип: чуть-чуть» и, если я возражаю, отвечает мне резко. Глаза его вспыхивают голубым огнем, и он яростно молодеет. В нем есть опасный порыв к атаке, живет «ген грозы». И чем больше у него сомнений, тем он может быть жестче и резче. Но чем ярче вспышка гнева, тем он отходчивее — вдруг грозу меняет рассеянный блаженный свет, неловко и растерянно отец просит «извинить за грубость», и чувствуешь себя во всем проигравшим и кругом виноватым.

Мне тридцать, а папе семьдесят, а сыну моему Ивану четыре. Мы гуляем на даче, в сорока километрах от Москвы. Горят леса. Но здесь не так душно, как в Москве. Дымка застилает пространства, будто бы память о смерти, символ бренности, прозрачности наших дней. В этом темном нескончаемом мареве горечь утекающего времени.

Ходим по лесу, который пока не горит, но особенно сумрачен. Папа напевает что-то: то ли псалом, то ли песню суворовца, то ли стихи Каммингса. Ваня держит на поводке щенка. Охотничья собака Жуля, как и Ваня, весела и ретива.

— Яичко не простое, а золотое, — бормочет Ваня нам сказку. — Жуля бежала, зубами покусала и яичко поломала. Чего, деда?

— Жуля верная, — говорит ему дед громче. — Жюль Верн...

Собака дергает поводок, и Ваня уносится с ней за деревья и дымчатую пелену.

Идем с отцом следом — бодро, ускорив шаги. Он снова что-то напевает. Что? Загадка. Для кого-то он пугающий образ — русский Савонарола. Для кого-то образ облагораживающий — столп Православия. Для кого-то опасный фанатик. Для кого-то огненный проповедник.

За тридцать лет я так и не понял своего отца, не сумел раскрыть. Перечитываю и вспоминаю его странные стихи:

*Никто не прячет, что он есть,
никто не прячет,
что нет его. И в эту честь
ребенок плачет.*

Нет, кое-что мне видно. Это кое-что — чистота. Природная, естественная упрямая чистота. Чистота в походке, почерке, смехе.

На плацу суворовского, в богемных застольях, среди грубой стройки, на амвоне он всегда был чист.

Всегда, еще с детства, когда выходил с ним на прогулку и смотрел на него, что-то смутное, готовое обрести формулировку просилось в голову. «Се человек». Одновременно простота открытая и какая-то внутренняя напряженность, словно бы готовность быть расстрелянным. Статный, ясноглазый, с небольшой бородкой, он выходил на воздух, и всякий раз стоял передо мной человек. Эталонный человек. Вот человек. Не знаю, как объяснить. Человек, которому можно молчать, так даже очаровательнее. Что если он все время про себя молится и молитва наполняет его значительно? Или дело в том, что он не человек, а инопланетянин?

Светлоглазый инопланетянин, меня породивший. А?

Он сам в юные годы подозревал, что был занесен в тайгу с другой планеты. Недаром — экзотическое имя.

ВЫШЛА КНИГА

Гонтарева Л.

По ту сторону тишины: сборник стихотворений. Краснодар, 2016. — 100 с.

Новый сборник стихов Людмилы Гонтаревой рассчитан на внимательного читателя, умеющего слушать и слышать мелодию поэтической речи, воспринимающего метафору как составляющую собственного языка общения.

Эта книга — труд поэта последних лет. В нее вошли стихотворения, вырванные из каждодневной суеты и рутины при попытке увидеть окружающий мир и понять свое внутреннее состояние через призму поэзии.

Людмила Гонтарева
**ПО ТУ СТОРОНУ
ТИШИНЫ...**

Зоран КОСТИЧ

**«КЛИЧ БОЕВОЙ:
(ПОБЕДИТЕЛИ
ПРАВЫ)...»**

ЭПИТАФИЯ

Ничто при жизни не было моим.
Мой первый дом — родильный —
был чужим,

со множеством светелок.

Чем-то вроде
мне стало придорожное надгробье.

А в промежутке —

лишь пути да перепутья,
временочки из камыша и прутьев,

Зоран Костич — сербский поэт, публицист, сценарист, родился в 1948 г. в г. Цетине (бывшая столица Черногории), окончил филологический факультет Белградского университета (Сербия). Боролся за целостность Югославии. Несколько месяцев находился в заключении, 12 лет были запрещены к публикации его произведения. Известный сербский литературовед и литературный критик Владимир Яглич назвал его одним из величайших сербских поэтов второй половины XX века. Его стихи переведены на 19 языков и награждены множеством престижных наград в Сербии, Черногории, России, Республике Сербской. З. Костич опубликовал 30 авторских книг — 3 книги песен, 10 книг переводов поэзии и прозы русских авторов (среди них стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Бунина, Тuroверова, Хайрюзова, Слипечука, Латинина) и 17 собственных поэтических сборников. З. Костич пишет также рассказы, эссе, публицистику. Пьесы З. Костича, получившие несколько престижных наград, идут на сценах Республики Сербской, Сербии, Черногории, а пьеса «Путь в Царьград» 4 сезона с большим успехом исполняется в «Театре современной Белорусской драмы» в Минске. З. Костич — член Союза писателей Сербии, Союза писателей России (с 1997 года), двенадцать лет являлся Председателем Союза писателей Республики Сербской. Последние 8 лет З. Костич работает над «Антологией русской поэзии XI–XXI веков», двуязычный 4-томник с поэзией 350 русских авторов уже находится в типографии. Живет в Бая Луке (Республика Сербская).

сооруженный наскоро приют —
чтоб отсидеться там, где меньше бьют,

пока упрямый рок поводья тронет
и с новой силой прочь меня погонит

из призрачного местонахождения
на трассу, мне сужденную: с рожденья —

до склепа, где назначено лежать
тому, кому уж некуда бежать.

(2011)

Перевод с сербского Андрея Базилевского

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

Скупаю старые искромсанные рощи,
корявые дубы и сосны скупаю,
ведьмачьи трущобы, где нечисть ропщет,
по-волчьи воя, по-лисьи лая.

Скупаю тучные и сухие нивы,
пшеницу, ячмень, рожь и кукурузы,
стерню, терновники, кипень крапивы,
пугала, обереги, крестьянские слезы,

скупаю в горах сторожки пастушьи
(денежки — сразу!), деревни скупаю
целиком, частями, где живые души,
и эти села, где псы уж не лают.

Скупаю остовы, печища, руины —
даже заросшие бурьяном стены
(очаги из старой морщинистой глины,
без крыши, имеют особую цену),

скупаю большие дома и хибары,
хлевушки, подвалы, чуланы, повети,
нужники, собачьи конуры, амбары,
овины, свиные и овечьи клетки,

монастыри, церкви, часовни и башни,
скупаю кладбища — древние, разные,
упырей, вампиров — весь род этих страшных
(лучше — погосты, которые праздны),

скупаю поля — рабства и свободы —
хлеба, полыни, потери и встречи,
скупаю воздух, и ветер, и воды,
часть ваших ломких надежд и свечи,

солнце, звездочки — от края до края,
минувшие дни и те, что будут:
все имена ваши оптом скупаю
и все их стираю — до последней буквы.

(1986)

Перевод с сербского Юрия Лоцица

АЗБУКА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Ярость за ярость, киот за киот
Ядро за ядро, полет за полет

Око за око, слух за слух
Нива за ниву, дух за дух

Юность за юность, погост за погост
Эхо за эхо, мост за мост

Небо за небо, зов за зов
Мука за муку, ров за ров

«Ы!» за «ы!», долг за долг
Щит за щит, за волка волк

Любовь за любовь, знак за знак
Коло за коло, мрак за мрак

Шепот за шепот, за бога бог
Шип за шип и рог за рог

Исток за исток, звук за звук
Земля за землю, круг за круг

Человек — человеку, страх за страх
Церковь за церковь, прах за прах

Жизнь за жизнь, смерть за смерть
Емкость за емкость,
твердь за твердь

Хлеб за хлеб, спас — так спас
Фонарь за фонарь, час за час

Ересь за ересь, итог за итог
Душа за душу, порог за порог

Удаль за удаль, ум за ум
Ужас за ужас, шум за шум

Горе за горе, дом за дом
Вихрь за вихрь, гром за гром

Тоска за тоску, путь за путь
Слезы за слезы, суть за суть

Бремя за бремя, перст за перст
Аминь за аминь, крест за крест

Ропот за ропот, меч за меч
Песня за песню, речь за речь

(2001)

Перевод с сербского Андрея Базилевского

СЛАВЯНСКИЙ МУЗЕЙ

Свисты: (мы — здесь. Собираем отары).
Плачи: (но смерть Византии — рожденье).
Клич боевой: (победители правы).
Песни: (частушки, молитвы, хоженья).

«Жу-жу» — жужжание: (пчелы и сбитень).
Шепот: (гадалка бубнит перед Богом).
«Н-но!»: (косоглазый гарцует грабитель).
Топот: (вся Азия коротконога).

Крик: (выжигают поля азиаты).
Вой: (напоследок звучит, убегая).
Цокот: (извечно проныры богаты).
Звяканье: (роль у оковы немая).

Хруст: (и на сабле осколки зубные).
Свисты: (арканов, бичей и нагаек).
Стоны: (у гуслей свои позывные).
Гул: (огрубелым журчанием баек

спешно выходит в музейные двери,
лезет наружу оконной стезею,
держит прохожих хваткою зверя,
чтобы не рыпались перед резнею).

(1982)

Перевод Александра Герасимова

ПРЕДСМЕРТИЕ

Больницы — близнецы, как братья, —
хоть врозь, да на один аршин:
лежит (в полупустой палате)
бездвижный негатив души,

грядущей тени черный ящик,
безличный след существования —
архивный перечень болячек.
«Активный тренинг умиранья»...

И так всю жизнь, и раз за разом,
не только по больничным срокам,
инстинкту слепо вторит разум —

он с первых дней следит уныло,
чтоб нас, беспечных, точность рока
в наш смертный час не оскорбила.

(2007)

Перевод с сербского Андрея Базилевского

НА ПЕПЕЛИЩЕ ЦЕРКВИ В ГЛИНЕ¹

В селенье сербском братская могила.
Звучит молитва, вьется дым кадила.

Но что невинным жертвам это пенье,
Когда палач молчит о преступленье?

¹ 12 мая 1941 года, через месяц после оккупации Югославии и создания нацистского так называемого Независимого государства Хорватии, усташы (хорватские фашисты) в городке Глина уничтожили 1200 православных сербов, в основном стариков, женщин и детей. Резня происходила в православной церкви, в алтаре, после чего церковь, наполненная трупами, была сожжена... В первый раз панихида по убиенным была отслужена через 50 лет после злодеяния, в 1991 году, 12 мая (после развала Югославии). — *Прим. пер.*

Того же дня, когда З. Костиц написал это стихотворение и прочитал его над братской могилой с останками 1200 сербов, по телевидению снова самостоятельно, независимого государства Хорватии автор был объявлен в розыск, с достаточно большой денежной наградой за голову поэта. (А. Шумилов).

Здесь мучеников кровь лилась рекою.
День обернулся черною судьбою.

На этом месте, Всемогущий Боже,
Тебя, с детьми и стариками, тоже

облив бензином, обложив дровами,
огню предали в православном храме.

Все стихло. Только головни дымились.
Дела закончив, палачи умылись

и, свежие, легли в постели к милым,
слова любви шепча с таким же пылом,

с такой же страстью, Боже, и любовью,
с какою храм Твой заливали кровью.

Неужто тайна — лишь в воде и мыле,
которым кровь с себя убийцы смыли?

И сможет ли убийца смыть водою
все злодеянья, что принес с собою,

и жить потом в обличье семьянина
с женою, что ему подарит сына,

что, как отец, смывает с рук сегодня
кровь Православия и кровь Господню?

(В г. Глине, 12 мая, 1991 г.)
Перевод с сербского Александра Шумилова

Наталья ХАРЛАМПЬЕВА

«ЧЕТЫРЕ ВЕТРА КЛИКНУ В СТИХ...»

Наталья Ивановна Харламьева — народный поэт Республики Саха (Якутия). Автор 20 поэтических книг. Была редактором молодежной газеты, первого журнала для женщин на якутском языке, гл. ред. национальной газеты «Саха сирэ». Член Союза писателей СССР и России с 1988 г. Лауреат общероссийской литературной премии «За верность слову и отечеству» им. А. Дельвига, награждена медалью А. С. Пушкина. Стихи переведены на русский, казахский, татарский, украинский, польский языки. Работает в аппарате администрации Президента республики Саха, советник по вопросам культуры Главы республики, председатель правления Союза писателей Якутии с 2003 г. **Живет в Якутске.**

* * *

Три стиха по милости богов
мне явились и вздохнули тяжко,
сто дождей и сто снегов
одолеть им пришлось, бедняжкам!
Триста тысяч и сто три версты
им пришлось пройти, себя измучив,
чтоб заблудшие мои мечты
отыскать среди лесов дремучих.
Мокли в струях хлесткого дождя,
замерзали в стужу ледяную,
но вернулись — три стиха,
три вдохновения моих,
три предвидения,
три догадки,
три самообмана,
три прозрения...

Перевод Н. Переяслова

* * *

Когда от дикой стужи
Рушились деревья,
Когда металась и выла вьюга,
Когда июльский зной висел
Зловещим маревом
Над незащищенным
Земным пространством
И иссушал,
Палил до пыли,
До хруста,
Когда осенний ветер
Душу леденил,
Якут,
Мой древний предок,
Видел в этом
Не действия каких-то
Тайных злобных сил,
Пытавшихся согнуть его,
Прижать к земле,
А — здоровую, равную,
Закаляющую силу
Природы-матери,
Открывавшую сынам своим
Невидимую и живую связь
С нею...

Перевод И. Тертычного

ПАМЯТИ МОЕЙ МАМЫ

1

Умерла моя мама внезапно,
Нет ее на срединной земле.
И зови — не дозваться обратно.
Нет для сердца тоски тяжелей.
Ощущаем сиротство мы с братом,
Хоть и взрослые мы — семьи, дела...
Нет единственной, что нас когда-то
В этот солнечный мир привела.

На деревьях хрупкий иней,
Лето красное в цветах...
Духи добрые поныне
Обитают в тех краях.
Не была я — так уж вышло —
В светлом мамином краю.

Мама, мама, в мире вышнем
Не сердись на дочь свою!

2

Мама часто вспоминала
Те таежные места,
Где душа ее взрастала,
Так наивна и чиста.
Ей о счастье так мечталось
Предвоенною порой!..
Но судьбой приберегалось
Горе горькое с бедой...
Но забылось все плохое,
Маме помнилось всегда —
Горы снежные в покое
Голубых озер вода,

3

Дыхание осени пока
Не ощутимо, мама,
В разгаре август, и река
Не холодеет, мама,
Еще поля сжигает зной —
Не налились колосья.
Еще березы желтизной
Не расписала осень.
А ты вернулась в те края,
Откуда возврата нет.
И холод ощущаю я,
Смертельный холод вечный.

Перевод Т. Четвериковой

* * *

Нарисуй мне, внучек мой,
Небосвод над головой,
Солнце белое и звезды,
Снег, летящий ночью поздней.

Нарисуй мне, внучек мой,
Ысыах¹ рой людской,

День, когда ликуют души, —
Летний, славный, самый лучший!

Нарисуй... Рисуи, мой милый!
Напою я сердце силой.
Посижу с тобою рядом —
Жизнь твоим окину взглядом.

Нарисуй мне что-нибудь —
Озарится светом путь!

Перевод И. Тертычного

ПРАМАТЕРЬ АЗИЯ

Моление

Если в аорте колотится вновь
Предков моих своенравная кровь,
Если я в полночи над головой
Вижу народа весь путь вековой,
Если тревожит кочевнический дух,

¹ Ысыах — праздник встречи лета, праздник кумысопития.

Враз обостряя и зрение, и слух,
Если желание к гриве припасть
Приобретает внезапную власть,
Если все счастья и горести разом
В сердце вбираю, не слушая разум —
Хочется пасть пред тобой на колени
И обратиться с заветным молением!

Оо, Азия — Праматерь наша!
Ты чуяла, ты видела, ты знала:
Великие народы исчезали,
Прославленные падали народы,
Одни другим свое давали место!
Не говорю, не говорю о том,
Что ты, подобно мачехе, держала
Народ мой на отшибе долго-долго,
Не говорю, что в теплых не оставила краях,
Были ведь широкие раздолья,
Были ведь укромные места...
Благодарю, великая Праматерь,
За то, что думы и мечтанья наши
Во времени просторном сохранила,
За то, что дух здоровый закалила,
За то, что мой обветренный народ
Направила ты к берегам Реки великой
И схоронила среди снегов глубоких,
Что помогла сберечь, дыханьем ясным
Обычаи, и веру, и уклад.

Оо, Азия — Праматерь наша!
Не нарушай эпохи достославной,
Которая мне временами снится,
Дай знать ты всем, умеющим внимать,
О древности народа моего,
Не отрицай далеких предков наших,
Которых помним беспокойной кровью!
Оставь и мне, чья родина алас,
Ту трепетную, радостную связь,
То счастье называться частью тюрков,
Оставь мне и родову — путь в туда.

Оо, Азия — Праматерь наша!
Соедини с подобными нам духом,
Приобними, объятями укрой,
Прибереги ты силу золотую,
Объедини глаголами надежно
И совмести все лики — в лик один,
Открой в грядущее народу дверь,
О древности забыть не позволяй!
Пусть у того, кто сам саха зовется,
Быстрее по жилам заструится кровь,

Когда он имя — да, твое! — услышит
И трепет жаркий ощутит в груди,
И зрящие твои увидит очи
Сквозь тьму никем не считанных веков!

Оо, Азия — Праматерь наша!
Я ведь дитя, которое когда-то
Ты прятала в своем большом подоле,
Наследница я древних тюрков,
Из уранхаев я, чьи думы
Длинные и воля, говорят, длинна,
Я ведь кочевница, умеющая с ходу
Вскочить на своенравного коня,
Мои упругие обветренные жилы
Впитали зной и жесткий трепет стужи,
И мне под силу сердцем распознать
Тщету и алчность нынешнего мира!

Оо, Азия — Праматерь наша!
Дай нам еще одно благословенье
И оглянись однажды, и взгляни
Сквозь легкие прекрасные ресницы —
И улыбнись вновь солнечно через плечо!

Перевод И. Тертычного

СОН В ГОБИЙСКОЙ СТЕПИ

Горит костер в ночи, в разгаре лета.
Сижу я, головешки вороша,
освещена его огнем, согрета.
Так отчего печалится душа?

Ах, совладать с горячей гулкой кровью
я, юная, сумею ли сама?
Как молнией, незваною любовью
озарена вокруг ночная тьма.

Любовь огнем нам душу очищает!
Зачем же сердце бедное дрожит?
Дух черной злобы мой народ смущает
и, опьяняя, головы кружит.

О, говорят, есть повод мстить без меры
врагам с другого берега реки.
Там ядом злобы смазывают стрелы,
копье вражды касается руки.

Я жеребенка глупого искала
вчера — до ясной ночи при луне.
На берегу чужом у краснотала
возник батыр на белом скакуне.

Он молча вырос в ивняке прибрежном,
под ним, как в землю врос, прекрасный конь!
И взгляд батыра, пристальный и нежный,
во мне зажег невиданный огонь.

А нынче утром, воздух разрезая,
летели стрелы с визгом над рекой.
Дух смерти хохотал, наш слух терзая,
и я навек утратила покой.

О, где твой белый конь, батыр прекрасный!
Где мчится, закусивши удила?
Не сможет мне поведать ветер праздный,
куда теперь летит твоя стрела!

Кто имя назовет твое? И снова
увиджу ли тебя на скакуне?
Я плачу, сидя у костра степного,
Ах, в незапамятных веках — в глубоком сне.

В земле гниют обломки грозных копий.
над ними ветра заунывный вой.
Я вижу сон в степной бескрайней Гоби:
любовь сильнее междоусобных войн!

Перевод Л. Григорьевой

* * *

Услышу звук,
Услышу звон —
И сразу с четырех сторон
Четыре ветра кликну в стих,
Знакомых с детских лет,
Четыре пояса моих
От всех житейских бед,
Четыре яростных кнута,

Четыре взгляда вдаль,
Четыре знания...
Уста немеют,
Но мне не жаль.
Все, что замыслю, завершу,
Мне все на свете по плечу!
Мне стоит только кликнуть их —
Четыре ветра в стих...

Перевод Н. Рачкова

Борис ОРЛОВ

«НА ГРАНИЦЕ МЕЖ ТЬМОЮ И СВЕТОМ»

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, Большой литературной премии, автор 20 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Кронштадте.**

МОНОЛОГ КРОНШТАДТСКОГО МАТРОСА

*Памяти моих двоюродных дедов
Ивана и Фаддея Ишуковых*

От взрывов ломается лед на заливе,
Но красная власть не права.
Кронштадтский мятеж...

Нам нужна справедливость.
Зачем нам пустые слова?!

Рабочим — заводы, а землю —
крестьянам.
Матросам остались моря...
Декреты звучат непонятно и странно.
Выходит: боролись-то зря.

В свободе и братстве —
как в тюрьмах! — постыло,
А в равенстве — волны вранья!
Рабочим с крестьянами —
пули в затылок,
Матросам — в Неве полынья.

Смотри — не увидишь икон
в изголовье:
Нам доля — без Бога пропасть.
Россия окрасилась
праведной кровью —
Неправедна красная власть!

* * *

Крым наш! — русский клич

Неистовствует мировая драка,
Кольшутся знамена, словно лен.
Мы — русские!

И не к лицу нам плакать —
Не плачут, кто отважен и силен.

И рубим жестко, и стреляем метко...
Со всех границ ползет к нам
черный дым.

Мы — русские!
А земли наших предков
Мы, возвратив, уже не отдадим!

* * *

Что хранится в пирамидах?

В египетских базальтовых —
Мумии фараонов и драгоценности.

В советских бумажных —
Молоко и кефир.

В современных финансовых —
Обман и горе.

У каждой эпохи —
Свои консерванты.

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Куда ни глянь: назад — вперед,
Везде чужие рати.
Ильею Муромцем встает
Отечество с полатей.

Тлетворен иноземный гнет,
Чернеют пепелища.

Но встал народ и меч кует,
И щит надежный ищет.

Стоит Отечество. Заря
Над церковью пунцова.
В ней вижу лик богатыря
С картины Васнецова.

* * *

Люблю из прошлого мотивы.
Груб на словах. Душою нежен.
И волны Финского залива,
И волны трав на побережье...

Приятны белые барашки
У берегов, что дифирамбы.

Фонарь, как мина на растяжке,
Взорвет своим сияньем дамбу.

А я не жду ни с неба манны,
Ни мимолетную удачу.
И впереди Кронштадт туманом
Еще почти не обозначен.

* * *

Листопадом дома замело,
Закатилось за рощу светило.
Выпал снег — стало ночью светло,
А растаял — и тьма возвратилась.

День за ночью спешит след во след,
Утепляя в деревне оконца.

Первый снег — замороженный свет
И луны и осеннего солнца.

Полудрема — и спишь, и не спишь! —
И нисходит прозренье к поэтам.
Я люблю эту звонкую тишь
На границе меж тьмою и светом.

* * *

Печь протопишь — и кончится день,
И в золу превратит дров охапку.
И наденет луну набекрень
Клен, как лисью потертую шапку.

Разукрасит морозец стекло.
И теленок уснет на соломе.
Печь протопишь — и станет тепло
И в душе, и в бревенчатом доме.

* * *

Я живу, а душа нараспашку —
И в нее прилетел соловей.
Говорят, что родился в рубашке,
И она стала кожей моей.

Отцвели васильки и ромашки,
А ветра заблудились в бору.
Говорят, я родился в рубашке,
И в рубашке, наверно, умру.

Пути ПОЗНАНИЯ

Вячеслав НИКОНОВ

ВЫБОР БУДУЩЕГО: ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Выступление перед
участниками форума
«Поколение мира»*

Вячеслав Алексеевич Никонов — родился в Москве, историк, писатель, политолог, государственный и политический деятель, депутат ГД РФ, председатель Комитета по образованию, член Высшего совета партии «Единая Россия», доктор исторических наук, профессор, автор около 900 научных работ, в том числе монографий, декан факультета государственного управления МГУ, имеет государственные награды. **Живет в Москве.**

Современный мир принадлежит образованным. Говорят не столько о нациях, богатых природными ресурсами, сколько о нациях интеллекто-достаточных или интеллекто-дефицитных. Очевидно, что современный мир — это мир знаний, современная экономика — это экономика знаний. Вопросы, связанные с образованием, наукой, находятся в сфере самого пристального внимания Государственной Думы Российской Федерации, ее Комитета по образованию и фонда «Русский мир».

У нас ежедневно пороги образовательных организаций переступает, конечно, не так много людей, как в Китае, но 30 миллионов наберется. Есть школы, вузы, аспирантура. И еще 5 миллионов человек — это школьные учителя, профессора и преподаватели вузов. То есть 35 миллионов человек, огромная армия. Ни в какой другой отрасли нашей экономики нет такого количества людей.

По последней классификации организации экономического и социального развития Россия — самая образованная страна на планете, потому что 60 процентов взрослого населения Российской Федерации имеют высшее и среднее специальное образование. На втором месте Канада — 52 процента. Дальше Израиль, Корея, и на пятом месте Соединенные Штаты с 43 процентами. Но мы понимаем, что порой за цифрами стоит не очень качественное образование, и далеко не все довольны нашей образовательной системой. Но все больше и больше людей поступают в вузы, и порой у нас огромные конкурсы во всех высших учебных заведениях. Мы в принципе считаем, что фундамент российского образования относительно крепок.

Российские высшие учебные заведения не попадают в рейтинги самых престижных вузов планеты. Бо-

лее того, я скажу, что они никогда туда и не попадут, потому что рейтинги составляют университеты, которые занимают первые места. Если бы, например, в рейтинги ввели такой критерий, как количество спутников Земли, принадлежащих университету, то МГУ не было бы равных. Много спутников запущено Московским государственным университетом. Но поскольку критерии составляют в Гарварде, а Гарвард спутников не запускает, то такого критерия никогда не будет.

То же самое и с суперкомпьютером Московского университета, в Гарварде слабенький суперкомпьютер по сравнению с нашим. Но такого критерия тоже никогда не внесут в рейтинги. Зато в Гарварде издается много журналов, а публикации в них дают очень много баллов, гораздо больше, чем спутники. Спутник дает ноль баллов, то есть меньше, чем одна журнальная публикация в гарвардском журнале.

Поэтому мы не комплексуем по поводу того, что не попадаем в международные рейтинги. В России свои рейтинги, которые нас вполне устраивают. Мы знаем, что у нашей страны очень хорошие образовательные, культурные, научные традиции.

С тех пор как Михаил Васильевич Ломоносов, основатель первого Московского университета, открыл атмосферу Венеры, русские, россияне совершили много важных открытий, которые определяют, по существу, лицо современного мира.

Что такое современная химия? Это Менделеев. Кто основатель всего, что связано с иммунологией? Нобелевский лауреат Мечников. Физиология — это Павлов. Радио — Попов. Телевидение — Зворыкин. Авиация — Сикорский. Ядерную бомбу первыми создали и испытали на японцах Соединенные Штаты. Но первую атомную электростанцию построил Курчатов.

И первыми в космосе были космические корабли, которые изобрел Королев. А кто изобрел лазер? Басов и Прохоров.

Как-то, сделав такое перечисление, ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий спросил: «А что еще остается?». Собственно, больше вроде ничего и нет.

Россия — единственная страна, поддерживающая международную космическую станцию. Американцы на нас наложили санкции по многим отраслям, но по космосу этого делать не стали. Потому что в этом случае у них не было бы двигателей для собственных космических аппаратов. А своих космонавтов на МКС им пришлось бы, как сказал наш вице-премьер Дмитрий Rogozin, запускать на батуте.

Сейчас Россия — это 40 процентов всех строящихся в мире атомных реакторов, контракты заключены с 36 странами. Ближайший конкурент отстает вдвое. А наши недоброжелатели не устают повторять, что Россия — это страна с разорванной в клочья экономикой, страна-бензоколонка.

Я уж не говорю о достижениях в культурной области. Когда в разных уголках земного шара произносят «театр», то имеют в виду Станиславского и драму Чехова, когда говорят «великая музыка», вспоминают Чайковского, Рахманинова и многих других. До сих пор самый издаваемый писатель в мире — Лев Толстой, опережающий всех по всем издательским рейтингам.

Мы приветствуем развитие международных образовательных контактов. Советский Союз в свое время готовил кадры для всего мира. Российская Федерация, конечно, здесь отстает. Но во всех наших вузах есть

квоты для зарубежных студентов, которые могут учиться в наших учебных заведениях. И русский язык им очень помогает.

Кстати, проблемы чаще всего бывают не с русским, а с другими языками. Я декан факультета государственного управления Московского государственного университета, и у меня довольно много студентов из Китая. У них практически нет проблем с русским языком, но есть проблемы со знанием других языков — английского, французского и т. д. Вот эти языки для китайцев более сложны, чем русский, потому что далеко не всегда в школе им удавалось их учить. А у нас иностранные языки, западные языки, в школе обязательны.

Думаю, появляется настоящее братство людей, которые учатся и учат русскому языку. Может быть, надо дать несколько советов, которые иногда дают люди в возрасте, потому что уже не могут подавать дурные примеры. Поэтому и стараются давать хорошие советы. Итак, если вы учите русский язык, учите и дальше. Вообще, учитесь.

Потому что вся жизнь — учеба. Человек не прекращает учиться ни на миг, чего бы он ни достиг. И чем большего человек достигает, тем больше ему надо знать, больше нужно учиться. Когда увеличивается объем вашего знания, одновременно, по законам физики и геометрии, увеличивается и контур незнания. Поэтому никогда не прекращайте учиться. Никогда не думайте, что вот это знание мне нужно, а это — не нужно, это интересно, а это не интересно. Ненужных знаний, как показывает опыт, не бывает. Да, есть много информационного мусора, и надо его отличать от реальной информации, но, безусловно, совершенно ненужных знаний нет. Мы не можем догадываться, когда, в какой жизненной ситуации, в каком сочетании эти знания понадобятся.

Я упоминал Менделеева. Я не уверен, что наш великий ученый-химик создал бы свою периодическую систему, если бы его учителем русского языка в гимназии не был известный поэт Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Это неожиданное сочетание, но именно из таких сочетаний и складывается большой ум. Поэтому самые разные знания в самых разных областях так необходимы современному человеку, который действительно хочет многого в жизни добиться.

Я призываю любить родителей, потому что сегодня они очень вами гордятся — в Москве, в стенах Государственной Думы вам вручают награды. Любите свою Родину. Все мы дети Отечества, и оно у каждого свое, но именно любовь к Отечеству осеняет большие умы. Но любовь к Отечеству не надо путать с национализмом, который является ненавистью к другим отечествам.

Сегодня здесь сидит команда, которой не было еще вчера и которая вдруг появилась сегодня, когда вы начали заседание форума. Сегодня в этом зале рядом с вами люди, с которыми вам еще предстоит встречаться много-много раз и которые составят для вас, может быть, круг общения.

Вы сегодня являетесь участниками и создателями глобальной команды. Только в этом зале представители 57-ми стран. То есть у вас уже контакты с людьми из 57-ми стран. В современном мире любую область деятельности представляют команды. Важно чувство локтя, плеча товарища. Знакомьтесь друг с другом, и все вместе вы можете составить очень интересную, живую команду, которая будет встречаться, переписываться, обмениваться мысля-

ми, делиться огорчениями и, может быть, создавать международные семьи. Поэтому дружите. Дружба — это великая сила, и многие из тех, кто сидит рядом, могут составить вам поддержку в жизни на многие годы вперед.

Всегда многого добиваются те, кто ставит цели лидерства. Мы сегодня говорили, что в числе целей нашего конкурса было подтолкнуть лидерский потенциал людей, которые заинтересованы в сотрудничестве. И мы видим, что вы уже лидеры, вы выиграли. Выиграли в этом конкурсе. Для того чтобы выигрывать, надо иметь лидерские потенции. Для того чтобы быть лидером, надо в первую очередь ставить большие цели. А если вы не будете ставить цели, уходящие далеко за горизонт, вы никогда не дойдете до горизонта. Надо себе ставить задачи, которые, может быть, превосходят ваше воображение. Но тогда ваше воображение найдет и пути достижения этих больших замечательных целей.

Вы уже поставили цель изучить русский язык в совершенстве, как наши друзья из азиатских государств, которые начинали с нуля и которые уже сегодня демонстрируют замечательные знания. Вы ставите перед собой целью стать лучшими в своих профессиях. Лидерская потенция, безусловно, должна двигать вас и дальше именно через постановку больших, высоких целей. И главное. Принято сейчас, прощаясь, говорить: берегите себя. Кто-то не обращает на это внимания. Но это самое главное. Вероятность того, что на планете Земля появись именно вы, меньше чем соотношение песчинки и нашей галактики, которая называется Млечный Путь и где находится, как известно, 100 миллиардов звезд. В вашей голове 100 миллиардов нейронов, которые делают вас абсолютно неповторимыми. То, что появился такой человек, как вы, с вашим набором генов — это величайшая историческая случайность вселенского масштаба, а значит, каждый из вас является творением природы или творением Божьим. Кто во что верит. Это чудо, каждая человеческая жизнь — чудо, и вы достойны своих родителей, своих коллективов, своих друзей, своих любимых, достойны своей страны и всего человечества.

И вы можете очень многого достичь в жизни, если будете вместе, изучая русский язык и другие дисциплины, думая широко, конструктивно, двигаться вперед.

Мир делится на две категории людей: есть люди, которые могут долго объяснять, почему что-то нельзя сделать, и люди, которые просто берут и делают. Вы должны стать именно такими людьми, которые берут и делают, вы уже стали такими людьми, когда написали эссе или сочинение и прислали на конкурс. Значит, вы готовы действовать, готовы идти вперед.

Из инициативы, которую мы запустили год назад, выросло такое замечательное сообщество, замечательное начинание. Из этого сегодня может вырасти всемирная ассоциация молодежи и студентов, изучающих русский язык. Это тоже результат деятельности, который мы не предвидели год назад. Но мы поставили цель объединить молодые души, которые думают в рамках парадигмы «Поколение мира». И, будучи достойным всего человечества, берегите себя.

И последнее. Ученые не так давно доказали, что люди, которые знают иностранные языки, живут гораздо дольше, чем те, кто их не знает. Поэтому мое пожелание: учите русский язык и живите долго и счастливо.

История и современность

Алексей СЕРГЕЕВ ПАРЛАМЕНТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*К 25-летию
Межпарламентской
Ассамблеи СНГ*

Алексей Иванович Сергеев — Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Родился в Ленинграде, окончил Ленинградский политехнический институт, Академию государственной службы, кандидат экономических наук. Был главой администрации Калининского района СПб., председателем Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли Правительства СПб., вице-губернатором СПб. С 2011 г. является Генеральным секретарем Совета МПА государств — участников СНГ. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, Орденом Дружбы и другими государственными наградами. **Живет в Санкт-Петербурге.**

2017 год — юбилейный для нас: 27 марта МПА СНГ отмечает свое 25-летие.

Межпарламентская Ассамблея СНГ сегодня — серьезная международная парламентская площадка, где встречаются не только руководители парламентов разных стран, но и представители международных парламентских организаций. Здесь проходят международные конгрессы, на полях сессий МПА СНГ происходят многосторонние и двусторонние встречи глав парламентов, что способствует укреплению связей не только на постсоветском пространстве. Здесь все пропитано духом парламентаризма.

В настоящее время членами МПА СНГ являются парламенты Азербайджанской республики, республики Армения, республики Беларусь, республики Казахстан, Кыргызской республики, республики Молдова, Российской Федерации, республики Таджикистан и Украины.

Организацию деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ осуществляет ее Совет, состоящий из руководителей парламентских делегаций. Возглавляет Совет МПА СНГ Председатель, избираемый членами Совета. В ноябре 2011 года Председателем Совета МПА СНГ стала Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Ивановна Матвиенко.

Совет МПА СНГ собирается дважды в год в Таврическом дворце, также дважды в год Межпарламентская Ассамблея СНГ проводит здесь пленарные заседания. Кроме парламентских делегаций в них участвуют представители уставных и других органов стран Содружества, наблюдатели, эксперты и партнеры от международных структур. За период существования МПА СНГ опыт

парламентской дипломатии и работы в органах Ассамблеи обрели более 3000 парламентариев из стран Содружества.

Межпарламентская Ассамблея сформировала 10 постоянных комиссий: по правовым вопросам, по экономике и финансам, по социальной политике и правам человека, по аграрной политике, природным ресурсам и экологии, по политическим вопросам и международному сотрудничеству, по вопросам обороны и безопасности, по науке и образованию, по культуре, информации, туризму и спорту, по изучению опыта государственного строительства и местного самоуправления и контрольно-бюджетная. Постоянные комиссии создают проекты модельных законодательных актов, организуют их предварительные обсуждения на международных конференциях, семинарах и других научно-представительских мероприятиях и готовят документы к рассмотрению на пленарных заседаниях. Каждую постоянную комиссию возглавляет представитель парламента государства — участника МПА СНГ.

Постоянные комиссии МПА проводят мониторинг использования модельных законодательных актов парламентами государств — участников. Подавляющее большинство принятых модельных документов нашли свое отражение в национальных законодательствах. Можно смело говорить о том, что деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ по созданию модельной законодательной базы и есть та самая основа, на которой государства-участники вырабатывают единые правовые подходы к проведению рыночных реформ, решению проблем социальной политики, обеспечению основных прав и свобод человека.

Все свои документы МПА СНГ принимает на основе консенсуса. Это само по себе дает богатейший опыт ведения переговоров, поиска взаимоприемлемых компромиссов. За 25 лет существования МПА СНГ принято 504 модельных законодательных актов.

В своей деятельности МПА СНГ старается наиболее полно отвечать требованиям времени. И создавать модельную нормативную базу, соответствующую условиям глобализации.

Одним из примеров успешного модельного законотворчества стал модельный закон «О публично-частном партнерстве». Это результат совместной работы парламентариев СНГ, экспертов Европейского банка реконструкции и развития и Евразийского банка развития.

В Перспективном плане модельного законотворчества на 2016—2020 годы в Содружестве Независимых Государств, в соответствии с которым мы в настоящее время проводим работу над модельными законодательными актами, предусматривается разработка 119 модельных документов.

Разрабатывая модельные законодательные акты, мы фактически предлагаем государствам — участникам СНГ алгоритм решения общих для всех государств СНГ проблем, которым они, если сочтут предлагаемые модельные законы актуальными, могут воспользоваться. Разумеется, адаптировав их к местной специфике и принимая уже в виде национальных законов — целиком ли, в отдельных ли частях, или используя как основу для разработки оригинальных законов.

Мониторинг использования принимаемых МПА СНГ документов, проводимый ее постоянными комиссиями, свидетельствует о том, что создание модельной законодательной базы способствует многоплановому интеграционному взаимодействию и сотрудничеству государств — участников

СНГ на общей правовой базе. Так, модельное законодотворчество в экономической сфере позитивно отразилось на формировании правовых основ рыночной экономики, общего экономического пространства и, в частности, на правовом обеспечении создания зоны свободной торговли государств — участников СНГ и Таможенного союза, согласованном регулировании отношений гражданского и экономического оборота, бюджетной и фискальной политики.

Модельные Гражданский и Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный, Таможенный и Налоговый кодексы для государств — участников СНГ самым кардинальным образом отразились на национальных системах законодательства в большинстве стран Содружества. Нормы подавляющей части модельных законодательных актов в сфере обороны и безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам законодатели стран СНГ при минимальных модификациях использовали в разработке национальных законов.

Велика роль Межпарламентской Ассамблеи СНГ в разработке согласованных подходов к решению проблем социальной политики, обеспечении соблюдения основных прав и свобод человека, развитию гуманитарного и культурного сотрудничества. Важным этапом в этом процессе стало принятие Хартии социальных прав и гарантий граждан независимых государств, а также разработка ряда модельных законодательных актов и рекомендаций, направленных на защиту детства, социальную защиту населения и медицинское обеспечение определенных категорий лиц с тяжелыми формами заболеваний в условиях рынка.

МПА СНГ обладает международной правосубъектностью — имеет право заключать соглашения с другими субъектами международного права. Межпарламентская Ассамблея СНГ активно взаимодействует с различными органами Содружества, Организацией Объединенных Наций и ее специализированными институтами, парламентскими ассамблеями Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Черноморского экономического сотрудничества, Центрально-Американским Парламентом, Латино-Американским Парламентом, Парламентским Союзом Организации исламского сотрудничества, Арабским межпарламентским союзом, Панафриканским Парламентом, Постоянным комитетом парламентариев Арктического региона, Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы, Ассоциацией организаторов выборов стран Европы, Северным Советом, Международным комитетом Красного Креста, Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и рядом других международных организаций.

Партнерами МПА СНГ являются Международная организация по миграции, Всемирная торговая организация, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Всемирная организация законодателей за гармоничную окружающую среду, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Европейская комиссия, Европейский Парламент, Международный валютный фонд, Межпарламентская Ассамблея АСЕАН, Балтийский форум развития, Организация экономического сотрудничества и развития, Парламентская ассоциация Содружества, Международный конгресс промышленников и предпринимателей, Немецкое общество по международному сотрудничеству.

Самую тесную связь Межпарламентская Ассамблея СНГ поддерживает с уставными и другими органами Содружества Независимых Государств в сфере безопасности: Межгосударственным авиационным комитетом, Региональным содружеством в области связи, а также с Организацией Договора о коллективной безопасности.

МПА СНГ активно взаимодействует с рядом международных и зарубежных экспертных центров и научных организаций: Центром международного правового сотрудничества — CILC (Королевство Нидерландов), Международной ассоциацией академий наук, Международной академией наук высшей школы, университетами Бремена (Федеративная Республика Германия) и Лейдена (Королевство Нидерландов).

Межпарламентской Ассамблеей СНГ налажена уникальная практика проведения в Таврическом дворце совместных заседаний Совета МПА СНГ с руководящими органами партнерских парламентских организаций. Состоялись совместные заседания Совета МПА СНГ с Бюро Парламентской Ассамблеи Совета Европы, с Бюро Парламентской Ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и с Постоянным комитетом Парламентской Ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества. Регулярно проходят совместные заседания на уровне постоянных комитетов и комиссий. Такой обмен мнениями и конструктивный диалог способствуют укреплению влияния стран Содружества в мире.

Еще одно направление деятельности Межпарламентской Ассамблеи — противодействие традиционным и новым вызовам и угрозам безопасности. При МПА СНГ на постоянной основе работает Объединенная комиссия по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам. Основной вклад МПА СНГ в борьбу с терроризмом на территории Содружества заключается в правовом обеспечении антитеррористических действий, сотрудничества органов безопасности и специальных служб СНГ. Принципиальное значение имеет соглашение, заключенное между Советом МПА СНГ и Советом руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ.

Заметный след в интеграционном взаимодействии стран Содружества в сфере безопасности оставили организованные по инициативе МПА СНГ: международная научно-практическая конференция «Международный терроризм: истоки и противодействие», Межпарламентский форум по борьбе с терроризмом, Международная научно-практическая конференция по проблемам международного сотрудничества в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков, совместное заседание Совета МПА СНГ с руководителями правоохранительных органов и специальных служб государств — участников СНГ по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом, международная научно-практическая конференция «Совершенствование сотрудничества государств — участников СНГ в противодействии современным вызовам и угрозам безопасности», Международная парламентская конференция по вопросам европейской безопасности, международная конференция «О законодательном опыте противодействия коррупции», международная научно-практическая конференция «Концептуальные основы совершенствования сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в противодействии экстремистской деятельности», Международная научная конференция, посвященная 65-летию Нюрнберг-

ского процесса, Международный семинар по предотвращению правонарушений и борьбе с отдельными видами преступлений в киберпространстве, с уважением к правам человека в своей основе, международная парламентская конференция «Роль парламентских организаций в построении Европы без разделительных линий», международная конференция «Ядерная безопасность в современном мире. Роль парламентариев в процессе ядерного разоружения и нераспространения».

Наши мероприятия посещают лидеры крупнейших парламентских ассамблей и международных организаций. Знаковой стала весенняя сессия 19–20 мая 2016 года. В ней приняли участие руководители семи парламентских ассамблей, объединяющих более 200 стран мира.

Такое внимание высокопоставленных коллег к нашей деятельности и их участие в наших мероприятиях подтверждает авторитет МПА СНГ, свидетельствует о возрастающей эффективности нашей работы. Мы продолжаем интенсивно укреплять и развивать контакты с 87 партнерскими организациями.

МПА как парламентское измерение СНГ является важным инструментом правового обеспечения решений Совета глав государств и Совета глав правительств.

Начиная с 2007 года Межпарламентская Ассамблея и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при поддержке Правительства Российской Федерации на регулярной основе проводят международный конгресс «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни». В ходе конгресса разворачиваются дискуссии по вопросам организации дорожного движения, защищенности граждан от дорожно-транспортных происшествий и их последствий с целью создания целевых программ по повышению безопасности дорожного движения в странах Содружества и дальнего зарубежья. В мероприятии принимают участие представители более чем 20 государств мира. Проблематика конгресса имеет выраженный межгосударственный характер и касается вопросов межрегионального и межведомственного взаимодействия.

С 2008 года Межпарламентская Ассамблея СНГ, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при поддержке Правительства Российской Федерации проводят Невский международный экологический конгресс, который стал авторитетной площадкой для укрепления трансграничного сотрудничества по вопросам формирования международной системы экологической безопасности, совершенствования экологического права и сближения законодательства государств — участников СНГ.

26–27 октября 2012 года в штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи СНГ прошел IV Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. В нем приняли участие более 500 делегатов из 94 стран мира, около 250 представителей федеральных органов законодательной и исполнительной власти, российских неправительственных организаций, зарубежной и российской прессы.

В январе 2013 года во дворце прошла международная научно-практическая конференция «Социально-культурная деятельность в условиях модернизации Российской Федерации». Участники конференции обсудили вопросы образования, единство общегуманитарных и национально-культурных традиций. 28 января 2014 года в Думском зале Таврического дворца состо-

ялось Торжественное заседание, посвященное 200-летию юбилею Российской национальной библиотеки, и был проведен круглый стол «Библиотеки как важный фактор интеграции государств — участников СНГ».

26 ноября 2014 года в Таврическом дворце состоялась международная конференция «Перспективы развития законодательства о публично-частном партнерстве в государствах — участниках СНГ», организованная МПА СНГ и Европейским банком реконструкции и развития. Участники конференции обсудили проект модельного закона «О публично-частном партнерстве», подготовленный Постоянной комиссией МПА СНГ по экономике и финансам в рамках очередного совместного проекта Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ и Европейского банка реконструкции и развития, перспективы развития законодательства в области публично-частного партнерства в государствах — участниках СНГ, опыт законодательной работы и реализации проектов публично-частного партнерства.

В странах Содружества Независимых Государств 2015 год был объявлен Годом ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В апреле 2014 года Совет МПА СНГ утвердил план мероприятий Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Центральными акциями стали «Эстафета Памяти» и приуроченная к ней «Зеленая волна». С 11 марта по 6 апреля делегации Межпарламентской Ассамблеи, в состав которых вошли ветераны, представители национальных парламентов и Секретариата Совета МПА СНГ, члены поисковых отрядов, посетили столицы стран Содружества, где приняли участие в торжественных мероприятиях, посвященных 70-летию Победы, встретились с ветеранами Великой Отечественной войны, с активистами молодежных организаций. Частицы Вечного огня из столиц Содружества, доставленные в специальных капсулах в Санкт-Петербург, в торжественной обстановке с почетным караулом были переданы на хранение в филиал Государственного музея истории Санкт-Петербурга — Монумент героическим защитникам Ленинграда на площади Победы. Финалом акции «Эстафета Памяти» стала торжественная церемония с символическим соединением частиц Вечного огня в единый огонь Содружества в Парадном дворе Таврического дворца.

На Торжественное пленарное заседание Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 17 апреля в Думском зале Таврического дворца были приглашены ветераны Великой Отечественной войны — участники акции «Эстафета Памяти» для вручения медали «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

24–25 сентября 2015 года в Таврическом дворце состоялся Евразийский женский форум. В Северную столицу России съехались депутаты, представители исполнительных органов власти, деловых кругов, научного сообщества и общественных организаций, авторитетные деятели международного женского движения из многих стран мира. Основной темой обсуждения на форуме стали вопросы социальной безопасности и устойчивого развития, международного сотрудничества ради доверия и прогресса, расширения возможностей участия женщин в меняющейся экономике, политике, социальной интеграции общества. Форум включал пленарные заседания, дискуссионные площадки и круглые столы. Проведение такого мероприятия оказалось чрезвычайно актуальным не только в связи с углублением

интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств и Шанхайской организации сотрудничества, но и ввиду все возрастающей роли женщин в решении как внутригосударственных, так и международных вопросов на Евразийском пространстве.

Решением Совета МПА СНГ от 22 ноября 2012 года с целью вовлечения молодых парламентариев и лидеров молодежных движений в процесс развития сотрудничества между государствами Содружества была создана Молодежная межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств, являющаяся постоянно действующим консультативным органом Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

23–25 октября 2014 года в Санкт-Петербурге прошел Первый Молодежный межпарламентский форум СНГ, учрежденный Советом МПА СНГ по инициативе Молодежной межпарламентской ассамблеи СНГ с целью развития международного молодежного сотрудничества и парламентаризма, стимулирования политической и гражданской активности молодежи Содружества. В рамках форума молодые парламентарии приняли участие в пленарных заседаниях, секциях и семинарах по актуальной молодежной тематике.

Важнейшим международным мероприятием, которое пройдет в нашей штаб-квартире в этом году, станет 137-я Ассамблея Межпарламентского союза. Предложение о проведении 137-й Ассамблеи МПС в России было озвучено Председателем Совета МПА СНГ В. И. Матвиенко еще в октябре 2015 года. В марте 2016 года в Лусаке, Замбия, во время очередной Ассамблеи МПС, где МПА СНГ получила статус ассоциированного члена этой авторитетной парламентской организации, Руководящий Совет МПС поддержал данное предложение. Затем состоялся визит оценочной миссии МПС в Санкт-Петербург. На основе выводов миссии в октябре 2016 года МПС поименным голосованием подавляющим большинством голосов утвердил Северную столицу в качестве места проведения 137-й сессии.

Межпарламентский союз — крупнейшая и старейшая международная парламентская организация, которую называют «парламентской организацией объединенных наций», что говорит о важной роли этой международной организации в обсуждении мировых проблем «через парламентское измерение».

Примечательно, что именно Санкт-Петербургу — колыбели российского парламентаризма — выпала честь принимать у себя ее основное ежегодное собрание.

Символично, что 137-я Ассамблея МПС пройдет именно в Таврическом дворце, в год 25-летия МПА СНГ. Именно здесь в 1906 году начала свою работу первая Государственная Дума Российской империи. В прошлом году мы отметили 110-летие этого исторического события. МПА СНГ выпала большая честь быть продолжателем традиций парламентаризма. Сегодня, объединяя парламенты девяти государств — участников СНГ, мы стараемся не забывать об истории, бережно сохраняя и реставрируя Таврический дворец. В 2017 году Таврический дворец станет центром мирового парламентаризма.

История и современность

Грачья ПОГОСЯН

ЖИЗНЬ ЗА ОТЕЧЕСТВО

Грачья Мисакович Погосян — советник заместителя Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи глав — участников СНГ, родился 11 августа 1970 г. в г. Октемберян Армянской ССР. Имеет военное и юридическое образование. В 2002–2004 гг. представитель ООО «Спецсервиспо-ставка» в Северо-Западном регионе в должности директора филиала. В 2004–2008 гг. — генеральный директор ООО «ЛБПСУ» по производству общестроительных и реставрационных работ. В 2008 г. учредил и по настоящее время возглавляет ООО «РосВоенСтрой» — производство общестроительных и реставрационных работ на объектах МО РФ. Награжден многими орденами и медалями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Русская поговорка утверждает, что беда одна не приходит. Но из опыта своей жизни могу добавить в копилку народной мудрости — радость тоже не приходит одна — обязательно рядом с одним будут другие радостные события. 25 января в Таврическом дворце Санкт-Петербурга при поддержке Секретариата Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ открылась экспозиция «Девять лет — девять стран и сотни добрых историй», посвященная полному освобождению Ленинграда от блокады и другим эпизодам Великой Отечественной войны. Она имеет для меня огромное значение, так как показывает великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, для увековечения памяти которого я немало сделал на протяжении своей жизни. Для меня благотворительная деятельность, или можно найти другое, более привычное русское слово — богоугодная деятельность имеет не только внешние проявления, связанные с судьбами и достижениями многих людей, но и сугубо внутренний, личный духовный смысл, потребность сердца. Поэтому позволю себе рассказать от первого лица обо всем по порядку.

Экспозиция развернулась в атриуме Таврического дворца и собрала более сотни человек — почетных гостей как из Санкт-Петербурга, так и из Москвы, официальных лиц, священнослужителей Русской Православной и Армянской Апостольской Церквей, моих соратников и друзей. Выставка в столь представительном месте смогла открыться благодаря содействию заместителя генерального секретаря Совета МПА СНГ Айка Чилингаряна. Название экспозиции было выбрано не случайно. Именно так называется книга заслуженного ра-

*Открытие выставки «Девять лет — девять стран
и сотни добрых историй» в Таврическом дворце*

ботника культуры РФ, полковника запаса, моего давнего друга — Юрия Кленова.

Юрий Николаевич на протяжении последних девяти лет был рядом со мной при открытии множества памятников, созданных и установленных по моей инициативе и при финансовой поддержке. На основе личных впечатлений автора родилось это уникальное издание, презентацию которого приурочили к открытию выставки, ведь оба события отражают важные исторические вехи и формы моего попечительства по их увековечению.

Практически каждый проект, который был мною реализован как в России, так и за рубежом, был отражен в сотнях фотографий, заметках, книгах и фильмах, представленных или процитированных на стендах в атриуме и при входе в него. Усиливали тематику выставки, посвященной полному освобождению Ленинграда от блокады, архивные фотографии военного периода и блокадного города, которые вызвали интерес даже у присутствовавших на открытии блокадников.

Обширная фотолетопись рассказывала, что с нашей помощью было установлено (восстановлено, отреставрировано) свыше 70 объектов духовного, культурного и исторического значения. Выпущено в свет десятков книг и журналов, а также документальных фильмов различной тематики. 21 памятник посвящен событиям и людям Великой Отечественной войны, 8 из которых располагаются на территории Ленинградской области. В орбиту моей деятельности на этом направлении включены уже 10 стран. Это Рос-

*Выступает председатель общества
«Жители блокадного Ленинграда» Елена Тихомирова*

сия, Армения, Грузия, Белоруссия, Казахстан, Монголия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва. Тысячелетняя история России и Армении мне особенно интересна.

С благодарностью хочу отметить, что в этот торжественный день разделить мою и моих помощников радость пожелали многие почетные и дорогие для меня гости: председатель Общественной палаты Ленинградской области Юрий Трусков, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генпрокуратуры РФ Герман Штадлер, директор Центрального военно-морского музея Министерства обороны РФ, председатель Совета ветеранов Вооруженных сил г. Санкт-Петербурга Руслан Нехай, дочь главного маршала бронетанковых войск А. Х. Бабаджаняна — Лариса Бабаджанян и его внука — Юлия Маркос, внук легендарного маршала Советского Союза Л. А. Говорова Алексей Говоров, начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Валерий Крылов, генерал-лейтенант РФ, почетный председатель Совета ветеранов войны и военной службы Главкомата Сухопутных войск Норат Тер-Григорьянц, председатель МОО ленинградских ветеранов войны, военной службы — однополчан Василий Гладышин, Герои России во главе с руководителем фонда Героев «Звезда» Анатолием Зайцевым, глава представительства мэрии Еревана в Санкт-Петербурге Арменак Карапетян, автор и ведущий программы «Армейский магазин» Первого канала Александр Ильин, политолог и журналист Юрий Светов, главный редактор независимой газе-

ты «Ноев ковчег» Григорий Анисонян. Но, конечно же, самыми дорогими гостями были ветераны Великой Отечественной войны, в числе которых почетный гражданин Тихвинского района Ленинградской области Федор Васильевич Левской и житель Кировского района Ленинградской области Вячеслав Васильевич Панфилов, а также люди, пережившие блокаду города на Неве, во главе с председателем Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Еленой Тихомировой.

Попечительство и благотворительность не могут осуществляться без благословения и помощи священнослужителей как Русской Православной, так и Армянской Апостольской Церквей. Поэтому на открытии выставки присутствовали архиепископ Петергофский Амвросий; проректор Санкт-Петербургской Духовной академии иеромонах Марк; председатель отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Тихвинской епархии иеромонах Венедикт; секретарь Санкт-Петербургской епархии протоиерей Сергей Куксевич; зав. канцелярией Гатчинской епархии иерей Александр Асонов. От Армянской Апостольской Церкви присутствовали vikарий Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви по Санкт-Петербургу и Северо-Западному региону иеромонах Погос Варданян, иереи церкви Св. Екатерины Санкт-Петербурга Саркис Чопурян и Ефрем Заргарян.

Открыл экспозицию Генеральный секретарь Совета МПА СНГ — руководитель Секретариата Совета МПА СНГ Алексей Сергеев. Он поздравил всех присутствующих с наступающим праздником — Днем полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады и сказал:

— Блокада Ленинграда — это самый трагический и, безусловно, самый героический период за всю, более чем 300-летнюю, историю нашего города. Очень важно, несмотря на то, что каждый год уходят непосредственные участники событий тех дней, чтобы память об этих страницах нашей с вами общей истории сохранялась, жила в будущих поколениях. Для этого нужно не только иметь большие мемориальные комплексы, которые есть во всех столицах государств Содружества. Важно, чтобы были и мемориалы, и монументы, которые устанавливались бы не только на государственные средства, но и на народные — патриотами своей страны, такими как Грачья Мисакович Погосян.

Ректор Санкт-Петербургской Духовной академии поздравил всех с наступающим Днем полного освобождения Ленинграда от блокады. С пожеланиями новых свершений и благодарностью за поддержку Армянской Апостольской Церкви обратился к присутствующим vikарий Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви по Санкт-Петербургу и Северо-Западному региону иеромонах Погос Варданян.

Внук маршала Советского Союза Леонида Говорова, Алексей Говоров, в своем выступлении особо отметил, что мы, делая так много для сохранения истории в нашей стране, не разделяем героев ни по воинским званиям, ни по национальностям. Алексей Говоров передал особую благодарность от дочери маршала Советского Союза Ивана Конева — Натальи Коневой, детей маршала Советского Союза Георгия Жукова.

Норат Тер-Григорьянц подчеркнул, что мы не должны забывать о вкладе народов в Великую Победу, воспитывать в детях любовь и уважение к своей Родине, и выразил лично мне благодарность за мою подвижническую

деятельность. Я не мог не поблагодарить всех, кто поддерживал, поддерживает и помогает осуществлять наши благотворительные проекты, и сказал:

— Впервые благотворительность представлена так масштабно и официально. Прежде всего я хочу поблагодарить Совет Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ и лично Генерального секретаря Алексея Ивановича Сергеева за поддержку попечительской деятельности и ее высокую оценку. Также выражаю благодарность правительству Ленинградской области и лично Губернатору Александру Юрьевичу Дрозденко, священнослужителям Русской Православной и Армянской Апостольской Церквей, командованию Западного военного округа.

Мои стремления и приоритеты связаны с моей биографией, с историей моей исторической Родины Армении и земель, которая стала для меня Отечеством — Россией. Я благодарю Бога, что Он послал мне духовное видение истории, охватывающей тысячелетие. И нет ничего приятнее, когда твое дело получает общественное признание и поддержку. Хочу подчеркнуть: если каждый из нас будет относиться к своей Родине и Отечеству как к родному дому, то поймет, что необходимо сделать, чтобы в доме всегда было мирно и светло.

Я услышал множество слов благодарности даже от незнакомых мне людей, которые смогли оценить масштаб благотворительной деятельности, количество реализованных проектов по фотографиям, представленным в экспозиции. Даже для меня самого эта фотолетопись оказалась поразительной.

Продолжением торжества стала презентация документального фильма «Поезд в вечность», созданного по моей инициативе петербургской телекомпанией «ПРО-ТВ». Фильм рассказывает о трагедии 14 октября 1941 года, произошедшей на железнодорожной станции «Тихвин». В результате многочасовой фашистской бомбежки важного транспортного узла г. Тихвина погибло, по мнению историков, более 2500 детей блокадного Ленинграда, которые поездом направлялись в эвакуацию. Это фильм о важности и необходимости сохранения исторической памяти вообще, представленной трагическим примером мало известного и почти забытого события, произошедшего на железнодорожной станции города Тихвина.

Спустя 75 лет, 14 октября 2016 года нашими усилиями на месте гибели ленинградских детей у здания вокзала был воздвигнут 4-метровый монумент, также была отреставрирована стела на братской могиле маленьких ленинградских мучеников. Кинолента содержит кинохронику, комментарии историков и очевидцев, сочувственные слова наших современников. Фильм был несколько трагическим, настолько и оптимистичным, подтверждая Евангельскую мысль, что у Бога нет мертвых. И у нас их нет, если мы помним о погибших, о героях, о воинах. Многие зрители не могли сдержать слез, настолько проникновенной получилась картина.

На прощание каждый участник торжества мог оставить слова благодарности в книге Почетных гостей. Таковых оказалось немало, и эта книга стала настоящей Книгой Памяти и признательности. К сожалению, гости еще не знали, что пока готовилась выставка, в копилку наших благотворительных дел добавилось еще одно, и их география расширилась на еще одну, десятую страну — Казахстан.

Красноармеец 124-й стрелковой Мгинской Краснознаменной дивизии Николай Федорович Сорокин, родившийся в Казахстане, освобождавший

Ленинград от фашистской блокады и погибший в 1944 году в Эстонии, спустя 73 года вернулся домой. Из глубин времени я как будто услышал голос героя и помог солдату Великой Отечественной добраться до отчей земли. Нашли останки бойца во время поисковых работ в районе поселка Сиргала 22 апреля 2016 года члены таллинского военно-исторического объединения «Front Line». Имя погибшего установили по медали «За отвагу», что была обнаружена рядом с останками красноармейца.

Справка

Сорокин Николай Федорович, 1912 года рождения, уроженец города Семипалатинск (ныне — город Семей) Казахской ССР. Был призван в Красную армию 23 августа 1941 года. Участвовал в боях по обороне Ленинграда, в прорыве и снятии блокады города, за что был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В данных архивной справки № 8/П44473, предоставленной Центральным архивом Министерства обороны РФ, указано: приказом от 01.02.1944 по 781 стрелковому полку, 124-й стрелковой Мгинской Краснознаменной дивизии, медалью «За отвагу» № 811663 награжден рядовой наводчик 76 мм орудия Сорокин Николай Федорович. Медаль вручена 16.02.1944 года.

Поскольку останки бойца найдены на территории Эстонии, потребовалось согласовать немало разрешительных документов для отправки солдата сначала в Россию, а затем в Казахстан. Кроме того, была проделана немалая работа по поиску родных Николая Сорокина. В результате сложных архивных изысканий были найдены две его дочери: Галина Николаевна 1936 года рождения и Зинаида Николаевна 1940 года рождения, а также внуки. Но найти родных и провести подготовительную работу — половина дела. Главное — доставить бойца в родной город через два государства. Оказалось, что для этого нужны были немалые средства.

Члены таллиннского военно-исторического общества «Front Line» провели переговоры с Председателем Президиума Республиканского общественного объединения «Контртеррористический комитет» Аманжолом Уразбаевым. Он взял на себя расходы по изготовлению цинкового гроба, оформлению таможенных документов и отправке самолетом останков Сорокина в Казахстан. Также организовал мероприятия по прощанию с героем в двух городах — Астане и Семее (Семипалатинск).

Но чтобы доставить останки Н. Ф. Сорокина в Казахстан, нужен был сопровождающий. Поисковики обратились за помощью к различным организациям. Руководство одной из них сначала откликнулось на просьбу, однако в последний момент от поддержки отказалось. До отправки останков на родину оставалось всего два дня. Тогда руководитель объединения «Front Line» Андрей Лазурин обратился за помощью ко мне. Я отказать не мог. Восстанавливать утраты исторического полотна, вызволять из забвения имена героев — это самое важное для сохранения исторической правды.

Следует сказать, что мне не впервые приходится помогать таллиннскому обществу в их благородном деле по увековечиванию памяти советских солдат. И в этот раз не откликнуться на просьбу эстонских поисковиков

было нельзя. Помог приехать в Астану сопровождающему останки солдата Андрею Лазурину, а также одной из дочерей Сорокина, позаботился о благоустройстве будущего захоронения бойца и об установке памятника.

29 января в Совете ветеранов города Кохтла-Ярве останки Николая Сорокина были переданы представителям консульства Республики Казахстан, в этот же день они были перенаправлены в Санкт-Петербург, а вечером в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Шпалерной настоятелем протоиереем Вячеславом Хариновым было проведено отпевание и панихида о погибшем воине. На следующий день, 30 января, в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда состоялось прощание и передача останков для транспортировки в Казахстан.

На церемонии в музее кроме членов нашей команды присутствовали директор Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда Сергей Курносов, председатель военно-исторического объединения «Front Line» Андрей Лазурин, руководитель общественного поискового объединения «Святой Георгий» Олег Алексеев, заслуженный работник культуры РФ Юрий Кленов, журналисты. Ротой почетного караула в форме бойцов РККА у гроба встали члены военно-патриотического клуба «Комсомолец».

Директор музея Сергей Курносов отметил неоценимую работу поисковиков, которые, несмотря на технические и финансовые сложности, продолжают поисковую работу. Он подчеркнул неоценимый вклад в сохранение исторической памяти небезразличных людей, к числу которых отнес и меня. На что я ответил:

Прощание с Николаем Сорокиным в Астане

— Для меня большая честь помочь нашему солдату добраться, наконец, до дома. Ведь Николай Федорович Сорокин имеет прямое отношение не только к нашему городу — Санкт-Петербургу—Ленинграду, но и ко Мге, где в свое время довелось служить и мне. Николай Сорокин участвовал в защите Ленинграда и освобождении его от фашистской блокады и достоин быть захороненным с почестями в родной земле, как каждый воин, отдавший свою жизнь во спасение страны.

На следующий день самолет с останками Н. Ф. Сорокина вылетел в Казахстан. Там, как сообщили организаторы церемонии, героя встретили с воинскими почестями. В концертном зале Национального военно-патриотического центра Вооруженных сил Республики Казахстан прошел Митинг памяти, на котором присутствовали объединение «Совет генералов», «Бесмертный полк» Астаны, заместители министра обороны, депутаты Мажилиса Парламента Казахстана, волонтеры поисковых отрядов и неравнодушные граждане.

*Дочь Николая Сорокина Галина Мурашкина у гроба отца,
г. Семей (Семипалатинск)*

2 февраля Митинг памяти прошел в актовом зале Гарнизонного дома офицеров г. Семей, а затем на городском кладбище г. Семей на аллее почетных захоронений состоялось торжественное захоронение Николая Федоровича Сорокина. Здесь собрались многочисленные родные Николая Федоровича, живущие не только в Казахстане, но и в России. Младшая дочь Сорокина, Галина Мурашкина, приехала с внуками из Омска, чтобы, наконец, встретиться и попрощаться с отцом.

Таковы неисповедимые пути нашей памяти, нашей признательности и любви героям, положившим жизнь за Отечество.

История и современность

Валерий ПАВЛОВ

МУЖ ДОБЛЕСТИ И ЧЕСТИ

Валерий Федорович Павлов — родился в 1947 г. в г. Пскове. Окончил музыкальное училище, филологический факультет педагогического института. В настоящее время доцент кафедры культурологии Псковского государственного университета. Секретарь Общественной палаты Псковской обл. В 1991–2009 гг. работал директором Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Пскова. Автор книг «На рубеже тысячелетий», «Дни и ночи “Карусели”», многочисленных научно-популярных статей по истории провинциального театра. Живет в Пскове.

В 2016 году исполнилось 750 лет со дня начала правления в Пскове князя Довмонта (1266–1299), который стоял во главе города 33 года. До Пскова был князем Нальшинской земли в Литве, выступал против объединительной политики литовского князя Миндовга. Участвовал в заговоре, в результате которого Миндовг был убит (1263). Спасаясь от мести сына Миндовга, Довмонт бежал из Литвы в Псков, был избран псковичами князем, крещен, наречен именем Тимофей, вступил в брак с дочкой Александра Невского. Будучи искусным военачальником, Довмонт организовал оборону Пскова от нападений немецких рыцарей и литовских феодалов, возглавлял объединенные войска Новгорода и Пскова (1266–1268, 1298). В 1269, 1272, 1299 годах немецкие рыцари осаждали Псков и каждый раз терпели поражение. При Довмонте Псковская земля фактически перестала зависеть от Новгорода.

Довмонт вошел в историю как выдающийся полководец, неоднократно разбивавший войска литовцев и немцев, в том числе и в Раковорской битве. В исторических хрониках и художественной литературе отмечается как «муж доблести и чести безупречной, на немец лютый до смерти». Скульптура князя Довмонта расположена на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде. Русская Православная Церковь причислила Довмонта к лику святых в XVI в. после Баториева нашествия.

В последние годы ряд общественных деятелей и организаций, в том числе общественное движение имени Князя Довмонта «Союз спасения Псковского края», общественное движение «Наследие Князя Довмонта» неоднократно ходатайствовали об увековечении памяти Довмонта,

предлагали присвоить имя князя Псковскому государственному университету, а также установить ему памятник, объявить 2016 год Годом Довмонта в Пскове. Общественный совет при Государственном комитете Псковской области по культуре сформировал в связи с этим рабочую группу известных деятелей культуры и общественников. Вопрос об увековечении памяти Довмонта изучался и рассматривался Комиссией Общественной палаты Псковской области по культуре, сохранению духовного и историко-культурного наследия.

Решением Думы г. Пскова от 29 декабря 2015 года 2016 год был объявлен годом Довмонта-Тимофея.

Это решение с большим энтузиазмом было воспринято псковичами. В год Довмонта в Пскове прошло более 500 различных мероприятий. В них активное участие приняли тысячи горожан и гостей Пскова.

Одним из центральных массовых мероприятий стал день памяти Довмонта — по церковному календарю 2 июня. В этот день митрополит Псковский и Порховский Евсевий провел праздничное богослужение в Свято-Троицком кафедральном соборе города Пскова. После литургии Владыка совершил праздничный молебен святому благоверному князю Довмунту-Тимофею перед ракой с его святыми мощами.

В храме Рождества Иоанна Предтечи подворья Крыпецкого монастыря состоялся молебен преподобной Марфе, благоверной княгине Псковской — супруге князя Довмонта.

А накануне праздничного дня в Спасо-Преображенском мужском монастыре, где находится копия знаменитой псковской иконы Мирожской Божьей Матери с предстоящими князем Довмонтом и его супругой княгиней Марией (Марфой), состоялась ночная служба.

Самое активное участие в мероприятиях Года князя Довмонта приняли преподаватели и студенты Псковского государственного университета, которые не только сами занялись изучением выдающейся личности, но и стали трансляторами новых знаний для окружающих. При этом использовались современные по формату и содержанию формы: интерактивные мастерские, просветительские проекты и акции, в каждом из которых акцент делался на гражданском отношении к знаменитому защитнику средневекового Пскова, креативном подходе и способности к практической реализации идеи.

По инициативе исторического факультета ПсковГУ в мае состоялась студенческая акция-забег на дистанцию «750 саженей». В качестве основы для расчета дистанции была взята одна из мер длины XIII века — малая сажень (≈142,4 см), которая при умножении на 750 дает одну версту. В современном исчислении это 1066,781 метра.

15 октября студентами ПсковГУ проведена акция «Спроси меня о Довмонте». 30 первокурсников университета вышли на улицы Пскова, чтобы рассказать жителям и гостям города о князе Довмонте. Этому предшествовала большая работа: предварительно сами студенты изучали разнообразные информационные источники, встречались с писателем Т. М. Рахматулиным, автором «Сказания о забытом князе», прошли коммуникативный тренинг с психологом. Активное участие в разработке мероприятия приняли студенты 4 курса исторического факультета.

В библиотеке Псковского областного колледжа искусств им. Н. А. Римского-Корсакова была подготовлена книжная выставка «Доблестный

князь-воин». Темой одного из заседаний клуба «Познание» стал исторический период правления князя Довмонта. Студенты и педагоги читали вслух, комментировали, обсуждали очерк известного публициста Миры Яковлевой «Князь Довмонт: история доблестной жизни», а в заключение провели викторину о жизни и подвигах князя.

Одна из тем ежегодного Областного конкурса детских и юношеских исследовательских и проектных работ «Святитель Тихон», который проводит кафедра теологии Псковского государственного университета при поддержке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря для учащихся средних школ, лицеев, гимназий, колледжей, воскресных школ, в этом году была посвящена псковскому князю Довмонту. В конкурсе приняли участие учащиеся из школ городов Пскова и Себежа, поселка Пыталово, деревни Писковичи.

20 мая 2016 года во всех образовательных учреждениях города Пскова состоялся единый день памяти святого благоверного князя Довмонта. А в течение года в каждом из них прошли разнообразные мероприятия: интегрированные уроки, тематические классные часы, викторины, исторические турниры, конференции, выпускались исторические бюллетени, оформлялись стенды, реализовывались познавательные проекты.

В помощь классным руководителям, учителям истории и литературы городских школ Управлением культуры Администрации города Пскова были организованы семинары «Князь Довмонт и Псковская земля». Лекции и практические занятия для педагогов провели преподаватели Псковского государственного университета. На историческом факультете Псковского государственного университета прошли Международные Довмонтовские чтения.

В дни памяти святого благоверного князя Довмонта 2–3 июня состоялся выездной международный colloquium. Представители псковской общественности, среди которых были исследователи, преподаватели вузов, краеведы, экскурсоводы, студенты и школьники, обсудили актуальные вопросы изучения личности князя Довмонта со специалистами Витебского государственного университета имени П. М. Машерова и приняли участие в Международной научно-практической конференции «Кревские чтения». В рамках конференции Институтом истории Национальной академии наук Беларуси совместно с Управлением культуры Администрации города Пскова был организован круглый стол «Князь Довмонт и историческое наследие народов Восточной Европы».

Исследования, посвященные личности святого благоверного князя Довмонта, были представлены на VII Международных Александро-Невских чтениях.

На организованной Управлением культуры Администрации города Пскова с участием Государственного комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия Международной конференции «Популяризация исторического и культурного наследия: содержание, формы и методы работы» рассматривались методические аспекты деятельности по популяризации имени святого благоверного князя Довмонта

13–14 декабря состоялась Международная научно-практическая конференция «Князь Довмонт и его время», в которой приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Беларуси и Литвы.

Биография нальшанского-псковского князя Довмонта полна белых пятен. Далеко не все вопросы нашли свои ответы и в ходе прошедших в рамках юбилейного года научных мероприятий. Однако их результатом стало определение векторов дальнейшего научного поиска, который, несомненно, будет более успешным при взаимодействии наших исследователей с белорусскими и литовскими коллегами, представителями научного сообщества Москвы и Санкт-Петербурга.

Год князя Довмонта ознаменовался долгожданным выходом третьего тома романа «Сказание о забытом князе» Тимофея Рахманина (Т. М. Рахматуллина). В двух томах, изданных в 2013 году, описываются юность и первые годы княжения Довмонта в Пскове. Новая книга повествует о жизни святого князя Довмонта Псковского с 1270 года и до его смерти.

Писательская организация Пскова также внесла свой вклад в выпуск юбилейных изданий и подготовила книгу, в которой представлены прозаические, публицистические, поэтические произведения более чем 80 авторов из Псковского региона.

Одним из ярких событий 2016 года стал исторический праздник «Довмонт Псковский», который уже в третий раз проводится Псковским городским молодежным центром совместно Управлением культуры и Комитетом по физической культуре, спорту и делам молодежи Администрации города Пскова. В рамках праздника состоялись концерт, фестиваль исторической реконструкции, конкурс исторического костюма, исторический квест и ярмарка ремесел, работали пять площадок: исторический, ремесленный, сытный, музыкальный и зрелищный дворы. В празднике приняло участие более 1000 человек.

Активисты Псковского регионального представительства Межрегиональной общественной организации «Право на оружие», казаки Северо-Западного Псковский регионального казачьего отдела и «Западного казачьего резерва», а также байкеры Псковского отделения мотоклуба «Ночные волки» провели турниры по стрельбе из пистолета и стрельбе из нарезного оружия на «Кубок князя Довмонта».

Хор духовенства Санкт-Петербургской Митрополии дал концерт духовной и классической музыки. Царила атмосфера единения, глубочайшего удовлетворения от совместно выполненных добрых дел. На Год Довмонта не выделялось отдельных денежных средств. Все мероприятия проводились в рамках планового финансирования.

«Можем, когда захотим, — сказал Глава города Пскова Иван Цецерский. — Я испытываю большой душевный подъем оттого, что вместе мы многого добились».

Русские СУДЬБЫ

Тамара НИКОЛАЕВА

СОВЕСТЬ ПАМЯТИ

*Эссе
о Тамаре Петкевич*

Тамаре Петкевич в отпущенное время было суждено обрести творческую непохожесть, сохранить женскую красоту и особенную память. Судьба любой личности — это ее характер. Тамара Владиславовна получила от жизни сильный характер с незамутненной совестью. Как автору двух книг «Жизнь — сапожок непарный», ей пришлось заново пережить этапы жизни своей семьи — ареста отца, учебы, собственного ареста в двадцать два года, лагерного заключения и освобождения.

В 1959 году она вернулась в Ленинград. В сорок два года Тамара Петкевич села за письменный стол и обратилась к прошлому. Почти через сорок лет она решила продолжить пронзительное повествование, которое не уступает лучшим книгам

Тамара Ивановна Николаева — искусствовед, заслуженный работник культуры РФ, почетный реставратор Санкт-Петербурга, член Ассоциации искусствоведов РФ, государственный советник Санкт-Петербурга. Исследователь архитектуры Санкт-Петербурга XVIII–XX веков, специалист в области охраны культурного наследия. Автор более 100 публикаций. Книги: «В. А. Шретер — И. С. Китнер», «Театральная площадь», «Театральная архитектура Санкт-Петербурга», «Балконы Санкт-Петербурга», «В садах Петербурга», «Архитекторы об архитекторах», «Подвижники города», научные сборники, журналы «Искусство», «Художник», «Зодчий», АРДИС, «Адреса» и др. Участник городских и международных конференций, в том числе VII Международного конгресса в Берлине. Инициатор фотовыставок в Доме архитектора, Музее истории Петербурга, Русском музее. Отмечена Фондом папы Иоанна Павла II за подготовку к изданию книги: Ромуальда Ханковска «Храм Святой Екатерины в Петербурге». Один из инициаторов и создателей памятника жертвам политических репрессий на территории Пулковской астрономической обсерватории. **Живет в Санкт-Петербурге.**

XX века. В этой исповеди присутствовали и свет и тьма и собственной обнаженной души, и ее многоликого окружения.

Став профессиональной актрисой, она не «сыграла» свою жизнь, а воплотила ее в Древе познания вселенской любви и вселенского зла, не поучая, а приобщаясь к непостижимости города, в котором живет. В свои девяносто шесть лет Тамара Петкевич особенно притягивает к себе. Как сказал Иннокентий Анненский, «не потому, что от Нее светло, а потому, что с Ней не надо света». Она по-своему с каждым откровенна, проницательна и пророчествует с житейской простотой.

Впервые мысль написать о пережитом у Тамары появилась во время этапа, которым она шла из одного среднеазиатского лагеря в другой. Метафизическая лагерная сила подталкивала к возвращению витальных имен и уходящих судеб. Это были ее «этапы отчаяния и надежд», которые умножали благодарность тем, кто спасал своим мужеством и дружбой. Многие из окружения погибали, не воплотив отпущенное судьбой. Исполнялся закон жизни, по которому живые закрывали глаза мертвым, а мертвые открывали глаза живым.

Отец и мать Тамары встретились на фронте во время Гражданской войны. Маму, Ефросинью Мочаловскую, определили работать машинисткой при штабе дивизии, комиссаром которой был ее отец, Владислав Петкевич. Девочка родилась в 1920 году, и семья переехала в Петроград, заняв квартиру в доме 30 на набережной реки Карповки.

Тамара впитала в себя женственность мамы, человека с мягким характером, и безупречную честность папы. Когда ей было 17 лет, неустойчивый мир идеалов перестал существовать, поверженный арестом отца, посевшего за несколько минут еще во время обыска. Появившееся право голоса обязывало девушку принимать осознанные решения, которые определили осанку ее духа. В один узел связались возникшая отвергнутость обществом, поиски тюрьмы отца (он был сослан на Магадан без права переписки), здоровье мамы, забота о сестрах, работа и учеба сначала в школе, а затем в Первом государственном институте иностранных языков. Побеждали то влюбленность и вера в жизнь, то душевные кризисы. Несмотря на беды, Тамара считала мир прекрасным и быстро оказалась в плену первых сердечных чувств, случилось и первое замужество за сосланного во Фрунзе жениха. Тогда же состоялась ее встреча с театральными мастерскими в качестве художника.

Извне пришла война, а «изнутри» в стране продолжались аресты, как тень эпохи чисток и репрессий. В Ленинграде от голода умерли мама и сестра. Вместе с мужем Тамара стала студенткой Харьковского медицинского института, эвакуированного во Фрунзе. Вскоре ее арестовали, началась длинная череда допросов, закончившаяся предъявлением обвинения в контрреволюционной деятельности.

Поразительны характеристики, которыми она отмечала в своей книге действующих лиц и последующие события. Возвращение из лагеря, служение актрисой в театре, реабилитация, женская трагедия — это ее Древо жизни, в нем случилось мощное сплетение истории страны и личной судьбы. Тамара Владиславовна никогда не позволяла себе быть несчастной. Возможно, поэтому она легко овладела законами сцены, служила актрисой в театре как в военное, так и в мирное время.

Драматургия собственной жизни подтолкнула ее к документальной прозе — первой книге «Жизнь — сапожок непарный», изданной в 1993 году. Затем шло продолжение — книга «На фоне звезд и страха». В год своего девяностолетия писательница дополнила воспоминания, которые заново открывают ее как человека современного, а не «замурованного» в своем времени. В этих письмах жизни есть тот полет духа, который никогда не прерывался Тamarой Владиславовной — первопроходцем и женщиной, продолжающей и волноваться за всех, и волновать каждого, идущего к ней, потому что драгоценная любовь к скорбям достается как крест и дар.

ЖИЗНЬ — САПОЖОК НЕПАРНЫЙ

*Петкевич! Бог тебя отметил!
Скорбями душу огранил
И одаренную натуру
В горниле смерти закалил.
Ты ад при жизни лицезрела,
Чтоб из него живой восстать,
И век насилья и застоя
Своим потомкам описать.
Ты сохранила крепость духа,
Теряла, обретая вновь,
Хоть в этом безысходном месте
От страха леденела кровь.
Концлагерь — Веха зрелой жизни,
Могильный холм твоей Любви,
Не смог он властвовать над сердцем,
Не погасил огонь души!
Не мог суровым испытаньем
Разрушить промысел Творца!
Ты удостоилась примерить
Всю боль Тернового Венца!
Ты в книге жизни нам открыла
Тот страшный миг судьбы своей,
Когда на плахе оказалась
Одна с младенцем, без друзей.
Из круга смерти вышла стойкой,
Со светлой, любящей душой.
Тебе мы кланяемся в пояс,
За путь тернистый, не простой.*

Николай БУРЛЯЕВ

ВИТЯЗЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Так случилось, что прежде я познакомился с учеником Вадима Валериановича Кожинова — Юрием Селезневым. Я успел застать его на излете, в тот последний период его жизни, когда он готовился написать книгу о Лермонтове. Как раз в это же время я приступал к съемкам своего «Лермонтова». И Юрий Иванович, словно предчувствуя, что может не успеть написать свою книгу, щедро одаривал меня информацией, собранной им о великом поэте. Он словно передавал эстафету мне. И я могу утверждать, что в моем фильме присутствует очень существенная духовная составляющая от Юрия Ивановича. В наших беседах он не раз упоминал о В. В. Кожинове, подогревая мой интерес к его личности и желание познакомиться с его трудами.

Вскоре Юрий Иванович при странных обстоятельствах покинул сей мир. Его книга так и не была написана. Но появился фильм «Лермонтов», который сразу же попал под шквальный огонь нашей либеральной, «демократической» прессы. 10 мая 1986 года состоялся первый показ фильма в Доме кино, а через несколько дней фильм и его автор были подвергнуты публичной порке на V Съезде кинематографистов. Сигнал был дан новоявленным критиком Плаховым, активно поддержанным моим старым приятелем режиссером Сергеем Соловьевым, на протяжении многих лет пробиравшим возможность снять фильм о Лермонтове по достаточно пошлому сценарию Червинского. Руководство «Мосфильма» запустило в производство мой проект. И вот наступила пора мести, благоприятная для С. Соловьева и его команды, захватившей руководящие посты в Союзе кинематографистов. Началась массированная атака на фильм в

центральной прессе. За десять месяцев до выхода фильма в прокат началась подготовка общественного мнения через СМИ. За эти месяцы вышли 22 разгромные статьи и ни одного положительного отклика. Редакции отказывали в публикации положительных рецензий нескольким десяткам авторов, даже таким именитым, как В. Астафьев, В. Распутин, Ю. Нагибин, Ю. Бондарев, крупнейшие лермонтоведы, критики, профессора МГУ. Фильм «Лермонтов» поделил страну на два лагеря, принимавших и отвергавших этот фильм. На имя Президента Горбачева поступали письма, под которыми стояли тысячи подписей в защиту фильма, по всей стране устраивались просмотры с яростными обсуждениями «Лермонтова». Но ни одна положительная рецензия так и не могла прорваться к читателям. Именно в эти трудные для меня и для моего фильма времена мне посоветовали обратиться к Вадиму Валериановичу Кожинову.

Я набрал номер его телефона.

— Много читал о вашем фильме, — сказал Вадим Валерианович так, словно мы давно были знакомы. — Авторам статей и их аргументам не могу доверять полностью. Хотелось бы посмотреть фильм.

После просмотра «Лермонтова» Вадим Валерианович стал абсолютным сторонником фильма. Обещал написать рецензию. И сдержал свое слово. Вскоре статья была им написана и передана в редакцию газеты «Советская культура». Началась пора ожидания выхода статьи, которая длилась полгода. За это время мы сблизились духовно. Часто встречались, созванивались, подолгу беседовали, кажется, обо всем на свете. Я вел своеобразный «дневник режиссера», надеясь когда-нибудь его опубликовать. Вот несколько записей из этого дневника.

«14 ноября 1986 года.

Кожинов рассказал мне, что ему уже угрожали: мол, “что вы ввязываетесь? Против фильма все руководство Союза кинематографистов! Бурляев считает себя законченным гением. Он не потому отверг сценарий Червинского, что тот был плох, а потому что он сам хотел быть и сценаристом...”

Судя по голосу, эти звонки весьма забавляли Вадима Валериановича: “Крепко Вы, Николай Петрович, потревожили осиное гнездо, — смеялся он в трубку”».

«27 ноября.

Ровно в 16 часов меня принял главный редактор “Советской культуры” А. А. Беляев. Он сообщил мне, что посмотрел фильм два раза. Остановился на том, что ему понравилось и что нет. Интересно, что говорил он сегодня совсем не так, как в прошлый раз: часто отводил глаза в сторону, подбирая слова. Задал мне вопрос:

— Вы читали статью Кожинова?

— Да, — ответил я.

— Мы смягчим ее, отредактируем то место, где он пишет о космополитичности критика...

— Что-то я не припомню такого места в статье.

— Нет, оно там есть, — настаивал редактор.

Пообещал мне, когда выйдет фильм, опубликовать два мнения.

Я сказал, что ожидание выхода картины в прокат — долгое, тяжелое испытание. Уже 20 критиков ударили по фильму и никому не позволили выступить “за”».

«7 февраля 1987 года.

Вадим Валерианович согласился представить фильм на премьере в кинотеатре “Зарядье”. Прибыла и наша киногруппа: актеры — И. В. Макарова, Н. Бондарчук, мой сын Иван, Усачев, Файбышев, Цихотский, Сушков, Агеев, директор А. Т. Демидова и три ее зама, композитор Борис Петров, второй режиссер С. Петрова... В банкетном зале накрыли прекрасный стол с бутербродами, фруктами, кофе. Мы с Вадимом Валериановичем и со всеми друзьями произнесли безалкогольный тост за нашу встречу, за премьеру и дружно вышли на сцену. После представления киногруппы и выступления актеров мы спустились в зал, чтобы послушать Вадима Валериановича. Это было поистине кожиновское, блистательное выступление. Здесь он впервые публично прочитал свою статью о фильме и сообщил зрителям, что уже пятый месяц ее не публикуют в “Советской культуре”».

«2 марта.

Вчера, возвратившись из Мурманска, прямо из аэропорта приехал к родителям. Отец с порога спросил:

- Ты читал?
- Что? — насторожился я. — Опять? Где?
- “Культуру” читал?
- Когда?
- В эту субботу.

Я с сердечным трепетом взял в руки долгожданную газету. И не торопился открыть ее на нужной странице: подробно разглядывал, изучал ее... И, вот — она! Статья Кожина! И рядом — Графова. И от редакции: “Два мнения о фильме «Лермонтов»”. Господи, сколько же я ждал этого и дождался. Это — победа! Читать начал с “графовского” плевка. Плевков был хилым и глупым, но встречный ветер боевой кожиновской статьи возвращал плевков Графова с удесятенной силой. “Правота и воля режиссера” — так была озаглавлена статья Кожина. Ее заметно урезали, но даже в этом усеченном виде она была сильна — единым духом уничтожала все пасквили и наветы на опального “Лермонтова”. Я трижды перечитал ее. Спасибо Вадиму Валериановичу».

«9 мая.

Нас с Кожинным пригласили на творческую встречу в Краснодар. В час дня в местной писательской организации состоялась встреча с творческим составом местного Союза писателей. Нам говорили, что придет человек 30, явилось более 100. Мы с Вадимом Валериановичем по очереди говорили и отвечали на многочисленные вопросы три часа. Какая честь и какое удовольствие стоять на сцене плечом к плечу со столь мощным соратником.

А потом теплое, южное, дружеское застолье в кругу писателей, почитателей и друзей Кожина. Отныне и моих друзей. Особенно понравился мне застенчивый и добрый Лихоносов. Да и Вадим Валерианович за этой трапезой открывался в ином, более интимном свете: юмор и откровения. Но

и юмор, и откровения были истинно кожиновскими: аристократическими, сердечными, неподражаемыми».

Эта «Лермонтовская» эпопея сблизила, сроднила нас. Я стал бывать в доме Кожиных, где за чаем мы вели долгие беседы о кино, литературе, истории. Вадим Валерианович погружал меня в такие таинственные пласты и повороты истории, о которых я раньше не знал. Говорили о модной в то время ориентации творческих работников на возделенную «самоокупаемость культуры». Вадим Валерианович возмущался: «Ну что за бред? Они хотят сами себе вырыть яму. Достаточно сказать, что в маленькой Австрии на одну только Венскую оперу государство ежегодно выделяет 20 миллионов долларов». Позднее, побывав в Венской опере, я вспоминал слова Кожина, наслаждаясь высочайшим художественным и материальным уровнем этого театра. Я видел подлинное достояние национальной культуры, в которое вкладываются немалые государственные средства.

Как-то у нас зашла речь об Андрее Тарковском, о фильме «Андрей Рублев». Я высказал Вадиму Валериановичу свое мнение и о великом, подлинно русском режиссере, и о его жизнеутверждающем творении. Я говорил о том, что не согласен с некоторыми патриотами, в частности, с И. Глазуновым, считающим фильм «антирусским». Где вы найдете более русскую и более духоносную, жизнеутверждающую новеллу, чем новелла «Колокол»? Мне было приятно узнать, что Вадим Валерианович полностью разделяет мое отношение. Общенья наши были общеньями единомышленников, братьев по духу, борцов за русскую культуру. Как важно было в то трудное для меня время получить поддержку и подтверждение правоты избранного мною пути от самого Вадима Валериановича Кожина!

Прошли годы, и мне вновь пришлось столкнуться с наследием В. В. Кожина и быть причастным к его воплощению. Осенью 2003 года мне позвонила Наталья Бондарчук и сказала: «Я прочла потрясающую книгу Кожина о Тютчеве. Нужно непременно поставить по этой книге фильм. Ближится 200-летний юбилей. Нужно попытаться успеть сделать фильм».

Фильм «Любовь и правда Федора Тютчева» был снят, и все мы — и создатели фильма, и зрители — обязаны Вадиму Валериановичу Кожину тем, что в начале XXI века он через телевидение открыл нам и миру образ великого поэта, дипломата, мыслителя Федора Ивановича Тютчева.

На мой взгляд, критика такого уровня, как Кожин, не было со времен Белинского, как, впрочем, нет и теперь после исхода Вадима Валериановича. Поднимался рядом с Кожинным еще один исполин, его ученик — Юрий Селезнев, сведенный в могилу совсем молодым. Оба они занимались критикой на высочайшем духовном уровне. Они оба были апостолами, витязями русской культуры, для которых главное в жизни был не временный успех у публики, а вневременное желание послужить Господу, Отечеству и Правде.

Лично для меня В. В. Кожин — пример несгибаемого русского воина, витязя, который, абсолютно не задумываясь о том, что о нем будут думать,

говорить и писать, на высочайшем, русском, духовном уровне, доказательно, без экзальтации мог нести людям правду. Как говорил Лермонтов: «Есть чувство правды в сердце человека». И оно, это «чувство правды», всегда откликнется на ту правду, которую нес людям Кожин. Именно этого боялись его оппоненты: ведь высота аристократической русской правды была недостижима для их критики. Нынешнее забвение Кожина — временно. Придет пора, когда Россия будет пристальнее и без помех вглядываться в свое прошлое, в свою историю, и тогда придет понимание того, кто содействовал исполнению Промысла Божия и Истины на Русской земле.

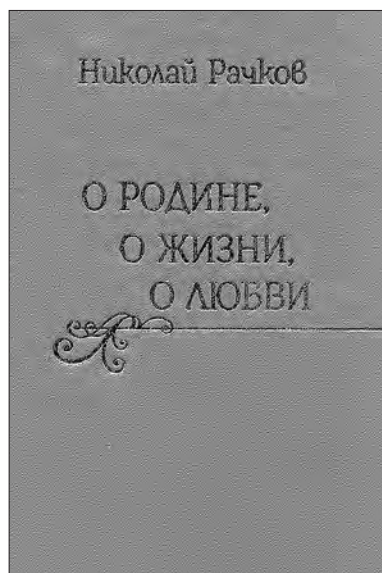
ВЫШЛА КНИГА

Рачков Н. Б.

О родине, о жизни, о любви. Избранные стихотворения. СПб.: ИПК «ВЕСТИ», 2015.

В книгу избранных стихотворений «О Родине, о жизни, о любви» известного русского поэта Николая Рачкова вошли наиболее яркие стихи, отражающие этапы его многолетнего творчества. Перед читателем предстает талантливо созданный удивительный мир, полный радости и печали, любви и боли, родной природы; мир, наполненный простыми людьми, историческими судьбами, философскими раздумьями о сути бытия, о родной земле, о деревне, о русской доле. Тонкий, проникновенный лирик и одновременно убежденный гражданин своего Отечества — таким предстает в этой книге Николай Рачков, наследующий лучшие поэтические традиции русской классики.

Автор выражает благодарность правительству Ленинградской области и лично губернатору Александру Юрьевичу Дрозденко за помощь в издании этой книги.

Русские СУДЬБЫ

Дарья ПРАВДЮК

ПО СЛЕДАМ СОЛОНЕВИЧА

Дарья Правдюк — журналист-международник, магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Латиноамериканист по специальности, имеет ряд публикаций в научных журналах по проблематике региона. Сотрудничала с газетой «Петербургский дневник» и изданием «РИА Новости». Двукратный финалист конкурса молодых журналистов-международников РСМД (2015, 2016). **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Моя жизнь была рискованной Одиссеей, вечной попыткой пробиться на волю между молотом и наковальней, а точнее — НКВД, гестапо и другими подобными сектами и организациями. Я устоял, но с какими потерями, мой друг, с какими потерями!». Этот горький итог, подведенный самим Иваном Лукьяновичем Солоневичем, описывает его жизнь точнее любой биографической книги. Жизнь-одиссея, жизнь-борьба, она забрасывала его в карельский концлагерь, Финляндию, Болгарию, Германию времен Третьего рейха, английский лагерь для перемещенных лиц... Постоянная смена мест жительства и способов заработка, страх за близких и существование «под колпаком» спецслужб — эти условия, через которые прошли сотни тысяч советских граждан, в случае Солоневича были определены не столько прихотью судьбы, сколько его взглядами, выстраданными и сформировавшимися на собственном печальном опыте.

Всю свою жизнь Иван Лукьянович вел самоотверженную и неравную борьбу с «диктатурой бессловесности», как он назвал социализм, единственным доступным ему способом — словом. «Диктатура сволочи», «диктатура импотентов» — названия были разными, враг оставался прежним, и в одноименных произведениях, как и во всех его трудах, он обрушивался на него со всей мощью своего публицистического и писательского таланта. Его монархические убеждения, прямолинейный бойцовский характер и неприятие «полутонов» в противостоянии большевикам сделали жизнь в Советском Союзе невозможной для него и, впоследствии, не дали ему прижиться и стать своим в эмигрантской среде Русского Зарубежья. Доносы, слежка и отсутствие уверенности в

Уругвай — последнее пристанище одного из самых известных публицистов и писателей Русского Зарубежья, идеолога народной монархии Ивана Солоневича

завтрашнем дне, к сожалению, не остались в прошлом после невероятного побега семьи Солоневичей из СССР в 1934 г., омрачая жизнь и отнимая силы на ненужную, бессмысленную «мышиную возню».

Когда в 1948 г. Иван Солоневич, находясь в лагере для «дипийцев» (от англ. displaced person, DP — перемещенное лицо) в английской оккупационной зоне Германии, получил для всей семьи — жены Рут, сына Юрия, невестки Инги, внуков Миши и Улиты — визы в Аргентину, эти драгоценные бумаги были не просто билетами на другой конец света, они означали новую жизнь вдали от послевоенной разрухи и, как хотелось верить, цепких лап и вездесущих ушей советской разведки. Однако Аргентина времен перонизма оказалась не самым подходящим пристанищем для Солоневичей: аргентинское Русское Зарубежье, отнюдь не являясь авангардом борьбы с коммунизмом, в то же время обладало всеми негативными чертами европейской эмигрантской среды: тайное соперничество, открытая вражда, доносительство, разобщенность. На пять тысяч русских эмигрантов в Буэнос-Айресе приходилось под два десятка общественно-политических организаций и выпускалось 7 газет.

Не прошло и двух месяцев с приезда Ивана Солоневича в Аргентину, как в свет вышел первый номер новой газеты «Наша страна». Возобновив связь со своими прежними читателями и обретя новых единомышленников, Солоневич с удвоенной энергией погрузился в творческую деятельность и общественно-политическую жизнь. Но ему не суждено было задержаться здесь надолго: старые сплетни и слухи о связях Солоневича с НКВД постепенно просачивались в ряды активистов новой волны русской эмиграции.

Финал короткого «аргентинского периода» жизни Солоневича печален и показателен: эмигрантская масса на время обрела единство, но не для служения интересам России, а для поступка в духе столь рьяно порицаемой ими советской действительности — множество доносов легло на благодатную почву аргентинского авторитаризма, и в июле 1950 г. Солоневичу было предложено покинуть страну в трехдневный срок. Чтобы не терять газету, успешно выходившую третьим по размеру тиражом во всем Русском Зарубежье, чета Солоневичей решила перебраться в соседний Уругвай.

Чтобы повторить путь Ивана Солоневича из Аргентины в Уругвай, нужно сесть на речной паром, который спустя три часа неторопливого плавания по коричневым водам реки Ла-Плата прибудет в порт Монтевидео. Солоневич прибыл в столицу Уругвая в конце июля 1950 г., в южном полушарии была зима. Холодный и сырой Монтевидео, продуваемый всеми океанскими ветрами, казался не самым гостеприимным местом для новоприбывших переселенцев. И главное, в нем было тихо. По сравнению с Буэнос-Айресом Монтевидео казался сонным провинциальным городишком — население всего Уругвая составляло лишь две трети населения аргентинской столицы, едва превышая два миллиона человек!

Со стороны может показаться, что после всех скитаний Солоневича Уругвай явился для него той самой долгожданной тихой гаванью в конце пути, ведь последние три года его жизни, проведенные там, были единственным относительно спокойным временем, выпавшим на его долю. Однако для самого писателя вынужденная «ссылка» в Уругвай на первых порах была мучительной: если уж Аргентина казалась ему слишком далекой от эпицентра борьбы с коммунизмом, то Уругвай — тем более.

И хотя здоровье Ивана Лукьяновича все больше ухудшалось — прогрессирующая застарелая болезнь желудка, а душевному равновесию был нанесен серьезный удар необходимостью снова менять только-только устоявшийся уклад жизни и бросить налаженную работу в редакции созданной им газеты, он отнюдь не грезил покоем. В ответ на совет друга и соратника Всеволода Левашова-Дубровского, возглавившего редакцию «Нашей страны» после отъезда Солоневича, снизить накал полемики, чтобы уберечь газету от закрытия, Иван Лукьянович писал: «Нужно рисковать и дальше — обдумав этот риск, принимая во внимание опыт. Газета всегда держалась яркостью и смелостью. <...> Кроме того, получается впечатление, что “им” все-таки удалось зажать мне рот — это губит весь “престиж”: напугали, наконец...».

В 50-е годы русская община Монтевидео была немногочисленной и сосредотачивалась вокруг Русского дома на тихой тенистой улице Constituyente. Сейчас на этом месте не найти никаких намеков на то, что когда-то здесь располагался центр русской эмиграции. Честно говоря, и сам дом 1722 найти весьма проблематично — уругвайцы достаточно вольно относятся к нумерации домов. Так, соседние (вплотную стоящие друг к другу) дома вполне могут иметь номера 1766 и 1774, а таблички с этими самыми номерами с большой долей вероятности будут отсутствовать вовсе.

Прибывший в Монтевидео Солоневич не стремился влиться в местную эмигрантскую среду и держался обособленно, однако на первых порах в незнакомой стране не выжить в одиночку. Вскоре после его приезда писателя приютила у себя на ферме в департаменте Сориано Валентина Евгеньевна

Леонтович-Неелова. Эта история является очередным примером удивительных и непредсказуемых хитросплетений судьбы: Валентина была дочерью участника Белого движения, генерал-лейтенанта Русской Императорской армии Евгения Александровича Леонтовича. В 1914–1917 гг. Леонтович был начальником 3-й кавалерийской дивизии, а сменил его на этом посту генерал-майор Василий Викторович Бискупский, который впоследствии стал одной из ключевых фигур русского эмигрантского общества в Германии 20–30-х годов, возглавив Управление делами русской эмиграции. Солоневич не раз посещал Бискупского во время своего пребывания в Германии, не подозревая, что много лет спустя дочери однополчанина Бискупского суждено поддержать Ивана Лукьяновича в первые тягостные месяцы его пребывания в Уругвае.

В Сориано Солоневич дожидался жену, задержавшуюся в Буэнос-Айресе, и постепенно привыкал к жизни в новой стране. Уругвайская глубинка мало чем отличается от аргентинской, однако в Аргентине публицист лично занимался изданием «Нашей страны», а находясь в Сориано, он не мог не ощущать оторванности от своего детища и от антикоммунистической борьбы в целом. Иван Лукьянович писал своему сыну в октябре 1950 г.: «Сориано, конечно, дыра, но очень хорошая дыра. <...> Мы стоим у какого-то порога. Нужно во что бы то ни стало сохранить бодрость духа». Когда приехала Рут, Солоневичи перебрались в городок Атлантида, расположенный на побережье в часе езды до столицы.

Въезжая в Атлантиду со стороны Монтевидео по шоссе генерала Либера Серени, не сразу понимаешь, что ты попал в город. Однообразные сельские пейзажи тут и там начинают разбавлять маленькие домики, машин становится чуть больше. Вдоль побережья застройка гораздо плотнее, по уругвайским меркам там располагается элитный квартал, причем его элитарность определяется отнюдь не качеством этого жилья, а лишь близостью к воде. Зимой ветры с Атлантики продувают эти домики так, как будто они сделаны из картона, а изнутри их необратимо и беспощадно покрывает

Типичный домик у побережья, Атлантида, Уругвай

плесень. Но большую часть года обитатели этих домов живут беззаботной жизнью курортного городка, выходя на закате попить мате и пообщаться с соседями на длинном пляже, протянувшемся через всю Атлантиду.

Один из таких домов арендовали Солоневичи. Рут тепло вспоминала их последнее пристанище: «Мы переехали на побережье и сняли хороший маленький домик с садом. В пяти минутах ходьбы от дома было море». Неужели мечта Солоневича о домике, пруде и рыбалке, о которой вспоминал Юрий, наконец, сбылась, только в латиноамериканских декорациях?

Стремление быть услышанным и не прерывать свой диалог с читателями способствовало необычайному творческому подъему: в последний, уругвайский период его жизни Солоневич, наконец, завершил главный труд своей жизни — «Белую Империю», переработанная версия которого получила впоследствии название «Народная монархия». Кроме этого, он не прекращал писать для «Нашей страны» статьи и главы романа «Две силы», который, к сожалению, он не успел дописать до конца. Времени и сил едва хватало, чтобы осуществлять все задуманное. «Роман пишется с великим трудом и большими перебоями, — о качестве его я уж и не говорю», — писал Солоневич незадолго до смерти. Его писательская и публицистическая работа велась непрерывно и неустанно, как, впрочем, и всегда, однако в Уругвае ей стала присуща некая лихорадочность человека, который боится не успеть высказать все, чем он хочет поделиться с миром. Эту новую черту в отце заметил Юрий, посетивший отца в последний раз по пути в США в конце 1952 года. «В его разговорах, а говорить с ним уже все последние годы можно было только о политике, было еще больше злобы, еще больше ненависти. Все “постороннее” просто перестало его интересовать».

Несмотря на внешнее благополучие уругвайского быта Солоневичей, в 1953 г. они занялись получением визы в Соединенные Штаты. Сведения об их положении, в том числе и финансовом, противоречивы: в книге И. Воронина «Гражданин империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича» приводится цитата самого Солоневича: «По сравнению с тем, что я пережил в Уругвае — концентрационный лагерь кажется мне домом отдыха. <...> Все это по преимуществу от безденежья». В то же время в книге серии ЖЗЛ К. Сапожникова «Солоневич» говорится, что их финансовые заботы были частично сняты благодаря помощи бывшего русского офицера Вадима Степановича Макарова, переведившего на имя писателя по 200 долларов ежемесячно. Как бы то ни было, разрешение на въезд в США было получено, во многом благодаря личному содействию Игоря Ивановича Сикорского, но судьбе было угодно распорядиться иначе.

Болезнь Ивана Лукьяновича перешла в критическую фазу неожиданно. Весной 1953 г. невыносимые боли в желудке заставили его обратиться за медицинской помощью. К запущенной язве желудка неожиданно добавился еще один диагноз — тяжелая анемия. Из государственной больницы, куда его устроили русские знакомые, он сбежал на четвертый день, не дождавшись полноценного обследования. В заметке «Осложнение» на страницах «Нашей газеты» от 4 апреля 1953 г. Солоневич со свойственной ему прямо-той описал сложившееся бедственное положение: «В общем, дело обстоит так: пока будет применяться паллиативное лечение, ибо для настоящего денег нет». Эта новость была воспринята читателями Солоневича как призыв о помощи, и со всего мира в редакцию стали приходить письма с купюрами

и денежные переводы. Отчет о получении этих, чаще всего очень небольших, сумм велся на страницах газеты: «7 долларов, 10 аргентинских песо, 5 долларов...»

14 апреля Солоневич был помещен в одну из лучших частных больниц Монтевидео — Итальянский госпиталь. Ему предстояли обследования и переливания крови, а через неделю врачи окончательно подтвердили необходимость немедленной операции по удалению опухоли в желудке. Иван Лукьянович не подозревал, что у него неоперабельный рак желудка, врачи сообщили об этом только его жене за несколько дней до операции. Она скрыла от него правду, и эти дни в больнице он провел, строя планы на будущее и сетуя на вынужденный перерыв в работе. Нежелание омрачать его последние дни мыслями о смерти можно понять: оно было вызвано бесконечной любовью Рут к своему мужу, которая не вызывает ничего кроме уважения, но не лишила ли она его тем самым возможности составить «политическое завещание», еще раз обратиться к своим сторонникам с последними, самыми важными словами?

Операция была проведена 24 апреля. Врачи сделали все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, но спустя час после операции, когда Иван Лукьянович уже пришел в себя после наркоза, его сердце неожиданно остановилось.

Фасад Итальянского госпиталя, Монтевидео, Уругвай

Итальянский госпиталь и по сей день считается одной из лучших частных клиник Монтевидео. Расположенное в самом центре города на бульваре Артигаса, это монументальное здание, построенное в 1890 г., неизменно привлекает внимание туристов. Персонал больницы настолько привык к иностранцам, осаждающим приемный покой в тщетной надежде выяснить, что это за музей, что меня, вошедшую с фотоаппаратом на шее, встретили

сразу вопросом «Вы знаете, что это госпиталь?». После того как я заверила молодую сотрудницу в том, что я всецело осознаю, где я нахожусь, последовал вопрос о цели моего появления.

— Здесь больше полувека назад умер известный русский писатель.

Девушка молча смотрела на меня.

— И.. чем я могу вам помочь?

За мной уже начала собираться очередь.

— Наверно, ничем. Не скажете, где у вас находятся операционные?

— В юго-восточном крыле.

У Итальянского госпиталя можно сесть на автобус 183 и доехать до делового квартала Монтевидео. Если выйти чуть дальше трех небоскребов World Trade Center и пройти минут 15 по улице генерала Ривьеры, вы окажетесь у черной кованой ограды. Аккуратная табличка на воротах сообщит, что перед вами Cementerio Británico, Английское кладбище. Это кладбище Рут Солоневич выбрала потому, что только здесь позволялось арендовать участок не на 5, а на 99 лет. На оплату участка и погребения были использованы оставшиеся деньги из тех, что были присланы в редакцию «Нашей страны» на лечение писателя. 25 апреля 1953 года Иван Лукьянович был похоронен на этом кладбище.

По правую руку от входа на территорию кладбища расположен домик администрации. В отличие от девушки из больницы, сотрудница администрации не сразу, но понимает, ради чего я здесь. «Русский? Со-ло-не-вич?». Сразу ясно, что эту могилу не раз приходили навещать. Десять секунд поиска в базе данных и: «Участок 307, Рауль проводит вас».

Мы идем по чистым тенистым аллеям Английского кладбища. Сплошь мраморные плиты и надгробия, черные и белые, изящные кованые скамейки. Привилегированное место упокоения. Сотрудник доводит меня до нужной аллеи и почтительно оставляет.

Белая мраморная плита в самом начале аллеи сразу бросается в глаза. Беглого взгляда на надгробие достаточно, чтобы понять, что перед тобой могила Ивана Солоневича. «Здесь покоится мой дорогой любимый муж, наш незабвенный отец и дедушка». И, чуть ниже: «Идеологу народной монархии будущей России и борцу против коммунизма — единомышленники».

Мое внимание привлекла еще одна деталь: на могильной плите стоят три небольшие мраморные таблички. Приглядевшись, я вижу имена: Tatiana Smirnova (1882—1972), Nicolas Dulewicz (1910—1983) и Xenia Chilkin (1896—1987). В одной могиле с Иваном Солоневичем похоронены еще три никак не связанных с ним человека. Об этом мало кто знает, на многих фотографиях его могилы эти таблички стыдливо отодвинуты в сторону или убраны.

Повторный разговор с администрацией кладбища частично пролил свет на эту странную ситуацию: каждый участок на Английском кладбище имеет 4—5 уровней. Несмотря на то, что Рут Солоневич арендовала участок на 99 лет, остальные уровни оставались теоретически доступными для последующих захоронений но, как отметила сотрудница, обычно вопросы о дозахоронении решаются с обязательным участием арендаторов места. В случае «подселения» в могилу Ивана Солоневича других людей инициа-

Могила И. Л. Солоневича
с «подселенцами»

нице было чем-то временным, у него никогда не было уверенности в том, что это — навсегда, что ему никогда не придется бросить все и искать новый дом, жизнь все время гнала его дальше. Печальная ирония его судьбы в том, что даже его могила является *временным*, арендованным местом. Кто будет заниматься вопросом перемещения его останков в далеком, но неотвратимо приближающемся 2052 году? Чем ближе эта дата, тем меньше на свете остается людей, которым не все равно, которые готовы не только красиво говорить, но и действовать.

Многие скажут, что тысячи людей похоронены «без молитв и без креста» в безымянных братских могилах, и мраморное надгробие, пусть на чужбине, пусть разделенное с кем-то, — это не так уж и плохо. Но ведь исправить эту чудовищную несправедливость в таких крупных масштабах нам, в большинстве случаев, не под силу. А в случае Солоневича чудо еще вполне возможно.

Быть может, год столетия свержения монархии ознаменуется не только чествованием преступников, но и заслуженным вниманием к одному из самых преданных ее идеологов? Хочется надеяться, что Монтевидео окажется всего лишь очередным, а не последним, местом странствий Ивана Лукьяновича, самой долгой промежуточной остановкой на пути возвращения домой.

тива принадлежала Толстовскому фонду: его представители оплатили остальные уровни участка Солоневича в 1972 г. и похоронили там Татьяну Николаевну Смирнову-Герценштейн, дочь русского генерала Императорской армии Николая Смирнова, известную переводчицу. О происхождении других «соседей» Ивана Лукьяновича остается только догадываться.

Это обстоятельство — далеко не единственная вещь, о которой стоит задуматься всем, кому не безразличен Иван Солоневич. О нем пишут книги и хвалебные статьи, вспоминают русские монархисты со всего мира, но у его одинокой могилы под уругвайским солнцем складывается впечатление, что он безнадежно и безвозвратно забыт. Он лежит за тысячи километров от своей Родины, и даже после смерти не имеет *собственного*, отдельного от других места упокоения. При жизни каждое новое его приста-

Русские СУДЬБЫ

**Наталья
ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА**

«СДЕЛАТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА...»

*Заметки
об эмигрантской
русской школе
1920–1930-х гг.*

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина — доктор филологических наук, профессор, автор около двухсот научных публикаций. Профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова. **Живет в Москве.**

История эмигрантской русской школы началась в 1920 году, и школьные учреждения сыграли огромную роль в сохранении русской культуры, русского языка в среде послереволюционной эмиграции и ее потомков.

Эта роль была подтверждена и «со стороны», когда по указанию французского правительства Национальный институт демографии анкетировал «русскую среду» во Франции для выяснения причин, которые препятствовали или, напротив, способствовали ассимиляции русских. Опрос выявил, что среди противоассимиляционных факторов были не только национальное чувство русских и их убеждение о своей принадлежности к великой нации, не только русские общества и их объединения (в связи с чем русские мало общались с окружающими их французами), не только принадлежность большинства к религиозным общинам, но и русские школы и пансионы, а также организации детей и молодежи («Витязи», «Соколы», скаутское движение, «Разведчики» и др.)¹. Сами же представители Русского Зарубежья неоднократно подчеркивали, что именно русским педагогам-подвижникам принадлежит главная роль в том, что многие потомки первой эмиграции сохранили русский язык, русскую культуру.

Известно, что в эмиграцию попало очень много детей. Из России уезжали целыми семьями. Вот одно из свидетельств²: «Семья Булацель вывезла двух детей, Звегинцевы — четверых, Базаровы — трех, Курловы — двух, Широких — четверых,

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. Paris, 1971. С. 35–37.

² Васильева А. А. (Без названия) // Эмиграция, 1993, № 4.

Аршиневские — одного, Барановские — четверых, Васильевы — пятерых, Снарские — двух, Белогрудовы — трех, Давыдовы — одного, Радищевы — одного, Потаповы — шестерых, Херасковы — трех, Баженовы — двух, Скобцовы — одного... Нансеновский паспорт 1923 года выдавался на взрослого и следовавших с ним детей. Один документ на несколько человек. Россия утратила не только дееспособную часть населения в несколько миллионов человек, но и потомство этих миллионов <...>».

Уезжали также детскими и юношескими учебными заведениями (кадетскими корпусами, так называемыми девичьими институтами), страну покинуло немало одиноких детей, детей-сирот. Современники отмечали, что почти все дети выезжали в самых ужасных условиях, среди всеобщей паники, смятения, и что именно для детей ситуация беженства была чрезвычайно тяжелой и физически, и психологически. Маленькие эмигранты нуждались в быстрой помощи, которой могла стать реально только школа: «Школа, спасающая их от голодной смерти, заменяющая сиротам родителей, успокаивающая и целящая их душевные раны <...> — это то, без чего они погибнут»¹.

Большинство русских детских школ и приютов появилось в 1920–1921 годах. Так, в Константинополе еще в начале 1920 года, когда многие беженцы жили в сырых землянках, палатках, полуразрушенных домах и даже в прибрежных пещерах (и это было еще до прибытия основной массы русских из Крыма!), началась работа по организации гимназии. Первая Константинопольская гимназия открылась уже 5 декабря 1920 года. Ее директор, обращаясь к педагогам и воспитателям, сказал, что эта гимназия должна стать школой-семьей, где жизнь педагога неразрывна с жизнью детей, что она должна залечить душевные раны детей, сохранить и зажечь «святой огонь любви к утраченной отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы — словом, дать знание и понимание родного края»². В дальнейшем это сделалось задачей всей русской зарубежной школы в целом.

История русских учебных заведений за границей тесно связана с историей самой послереволюционной эмиграции. Вынужденный отъезд эмигрантов из Турции в октябре 1921 года повлек за собой переезд в Моравскую Тржебову (Чехословакия) также и Первой Константинопольской гимназии, в которой к тому времени было 550 учеников, 11 воспитателей и 24 преподавателя. В ноябре 1921 года другая русская школа в Турции переехала в болгарский Пловдив и позже стала называться Русской Галлиполийской гимназией. Вот только одна деталь первых дней ее существования: интернат для мальчиков был устроен в палатке, подаренной французскими военными. А в целом общая картина русских детских учебных заведений в Турции 1920–1922 годов, по сведениям П. Е. Ковалевского, такова: Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (так называемый Земгор) создал три гимназии, три прогимназии, десять начальных школ, два детских дома. Параллельно с Земгором основывали школы и интернаты также другие организации и частные лица — были созданы гим-

¹ Дети эмиграции. Прага, 1925. С. 135.

² Петров А. 1924. Первая Константинопольская гимназия Всероссийского Союза Городов // Русская школа за рубежом, 1924. № 9. С. 96.

назия В. В. Нератовой, гимназия прихода св. Николая Чудотворца в Харбине, начальная школа баронессы Врангель, приют-школа Британского благотворительного общества в Буюк Дерё, католическая школа-интернат...

Учебные заведения были открыты и в других странах, например, прогимназия и гимназия в Греции, ряд средних школ в Болгарии, Польше, Германии. В Чехословакии, кроме упомянутой тржебовской гимназии, постепенно сложилась русская гимназия в Праге: уже осенью 1921 года Земгор открывает здесь начальную школу, которая в 1922 году, когда приток эмигрантов увеличивается, реорганизуется в прогимназию и затем становится полноправным учебным заведением по типу чешских, но с русским языком преподавания. Огромную помощь русской зарубежной школе оказало Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где в начале 1920-х годов, кроме предоставления русским учебным заведениям больших субсидий и прав соответствующих сербских школ, правительство полностью содержало восемь русских школ: Крымский, Донской и Русский кадетские корпуса, Харьковский и Донской институты, русско-сербскую женскую и русско-сербскую смешанные гимназии, реальное училище. Только в этой стране велась статистика детей, и по ее данным в 1924 году здесь было 3005 русских мальчиков и 2312 девочек, из которых школьного возраста (то есть от 6 до 18 лет) — 4025 человек.

С 1921 и особенно 1922 года волна практически целиком «опролетаризованного русского беженства» (а беднеют и разоряются к этому времени даже большинство из тех эмигрантов, которые в первое время еще сохраняли остатки своего состояния) покидает Грецию, Болгарию, Польшу, Германию. Испытывая большую потребность в рабочей силе, в 1922–1923 годах право более свободного въезда дает русским Франция. В истории русской школы пример этой страны интересен тем, что при огромном количестве русских эмигрантов в стране было всего два полных средних учебных заведения — гимназия в Париже и школа «Александрино» в Ницце (основанная А. И. Яхонтовым, она обычно называлась «школа Яхонтова»). Приравнять к среднему учебному заведению можно также интернат для девочек в Кэнси под Парижем.

Русская гимназия в Париже была основана в 1920 году. Ее возглавил бывший директор одной из лучших московских гимназий В. П. Недачин. По сведениям выходившего в Праге журнала «Русская школа за рубежом», в 1923/1924 учебном году в ней было до 200 учеников (треть которых составляли девочки) и 18 преподавателей с большим стажем (в том числе несколько профессоров). Школа работала «в наемном помещении, не приспособленном специально для учебных целей и тесном», и едва сводила концы с концами: на одну треть школьный бюджет формировался платой за обучение, часть бюджета давало французское правительство и Парижский муниципалитет, Земгор платил за завтраки и обучение неимущих учеников, были частные пожертвования, сборы с концертов и вечеров... Занятия продолжались с 9 часов утра до 3–4-х часов. В своей основе обучение опиралось на программы гимназий и реальных училищ до 1917 года, хотя учитывались и программы французского министерства народного образования. Было расширено преподавание французского языка, географии и истории Франции. Эти предметы, а также химия и математика в старших классах преподавались на французском языке. К 1927/1928 учебному году

материальное положение гимназии было настолько тяжелым, что ей угрожало закрытие. Однако весной 1929 года гимназия получила в подарок от Лидии Павловны Детерлинг участок земли и большой дом в Булони. Теперь в школе — «десять классных комнат, рекреационный зал, физический кабинет, две столовые <...>. Идя навстречу родителям, живущим в плохих жилищных условиях, школа теперь разрешает учащимся оставаться и после уроков, до 6 часов вечера»¹. Школа просуществовала до 1961 года и выдала за сорок лет 900 аттестатов зрелости, причем учащиеся аттестовались особой комиссией с участием представителей французского министерства просвещения и эти аттестаты давали право поступления в вузы Франции.

Нельзя не упомянуть и о другой школе — интернате в Кэнси, начальницей которого стала О. Е. Головина. Княгиня Ирина Палей (старшая дочь Великого князя Павла Александровича, сына Александра II «Освободителя») сняла в 25 км от Парижа, в Брюнуа небольшой дом и открыла там русскую женскую школу. Первые одиннадцать девочек стали пансионерками этой школы в июле 1925 года.

К 1928 году граф Конкере де Монбризон подарил школе так называемый Замок Кэнси, который ценой больших усилий был переоборудован под школу-пансион. Из Брюнуа в Кэнси русская школа переехала в 1929 году. «Замок» был довольно большой, и это позволило увеличить число пансионеров, которые имели теперь не только еду и кров, но и получали хорошее образование. Для обучения пансионеров пригласили много преподавателей, в том числе некоторых бывших профессоров Московского, Одесского и Санкт-Петербургского университетов (ряд из них имели докторские степени университетов Парижа и Берлина), в школе преподавали священники парижского кафедрального собора Александра Невского. Каждый год комиссия, составленная из преподавателей и профессоров парижской русской гимназии, контролировала знания пансионеров, проводила экзамены. Уроки готовились под наблюдением классных дам, обращавших особое внимание на манеры девочек, их речь, но не только — они читали им вслух русских классиков, сопровождали на прогулках. Девочки учились любить «старую Россию и Россию вообще»².

Программа обучения этой школы была создана с учетом программ как русской гимназии в Париже, так и французских лицеев. Обучение велось на русском языке, но французский и, позже, английский языки изучались серьезно. Ученицы приобщались к музыке, танцам, пению, устраивались праздники по случаю приезда именитых гостей, ставились спектакли, девочек иногда возили в оперу. Особое внимание уделялось физическому развитию пансионеров, в школе была сильная баскетбольная команда.

Целью создания интерната в Кэнси было не только спасти детей от нищеты и от отчаяния, но и воспитать их характер, развить их интеллект, дать им серьезные основы знаний. Школа-пансион была открыта для любого ребенка, независимо от его социальной или конфессиональной принадлежности. Хотя большинство девочек были православными, здесь учились католички, протестантки, мусульманки и исповедующие иудаизм. Это было

¹ Русская школа за рубежом. 1931. № 34. С. 511–512.

² *Efimovskiy O.* Il était une fois... Brunoy... Quincy... Paris, 1991. См. также: *Бон Д., Голубева-Монаткина Н. И.* Русская школа под Парижем // Русский язык за рубежом. 1993. № 3. С. 118–120.

обусловлено общей концепцией школы, созданной Ириной Палей: Брюнуа-Кэнси не является ни светской, ни какой-то «нейтральной» школой, все дети должны жить в братстве и полном уважении разных вероисповеданий, именно это даст им необходимый опыт, а их религиозное сознание в такой «плюралистической» среде только лишь окрепнет, и они, научившись понимать людей другой веры, никогда не будут нетерпимы в религиозном отношении. Ирина Палей подчеркивала, что именно эта ситуация «вне родины», ситуация эмиграции, в которой оказались дети, обязывала их наставников стремиться объяснить им максимально объективно то, что происходило в России.

Школа Брюнуа-Кэнси с ее достаточно ограниченным бюджетом оказалась в тяжелом положении в период кризиса 1930-х годов. Из-за резкого уменьшения пожертвований на школу с 1934 года пансионеры стали посещать французские начальные школы. Но все же эта русская школа под Парижем просуществовала вплоть до объявления Второй мировой войны, хотя ни французские, ни международные организации материальной помощи ей не оказывали.

Наличие лишь двух действительно полных средних учебных заведений в таком центре Русского Зарубежья, как Франция, объясняется не только отсутствием у «беженства» достаточных материальных средств (постепенно, когда эмиграция становится «длящимся процессом», иностранная помощь русским эмигрантам делается практически случайной, часто принимает форму дарения, и русские школы существуют преимущественно на сборы с самих эмигрантов¹), но и большими преимуществами французских учебных заведений перед эмигрантскими: французские школы, давая полезные навыки, умения и права, были к тому же либо бесплатными (начальные школы), либо, как это было в начале 1920-х годов в средней школе, учеба в них стоила в два раза меньше, чем в русской школе, не имеющей правительственных субсидий.

Однако учеба русских детей во французских школах, в особенности если это были школы-пансионы, очень быстро привела к тому, что эти дети «сначала начинают коверкать русскую речь и через некоторое время совсем ее забывают» (из доклада П. Д. Долгорукова на Съезде русских академических организаций в 1922 году в Праге)². Это нашло отражение в произведениях писателей-эмигрантов, и, например, Тэффи так описывает в рассказе «Гурон» проблемы одиннадцатилетнего русского мальчика, который ходил во французский лицей³: «Серго учился старательно. Скоро отделился от русского акцента и всей душой окунулся в славную историю Хлодвигов и Шарлеманей, гордую зарю Франции. Серго любил свою школу и как-то угостил заглянувшего к нему дядюшку вызубренной длинной тирадой из учебника... Но дядюшка восторга не выказал и даже приуныл.

— Как они все скоро забывают! — сказал он <...> — Совсем офранцузились. Надо будет ему хоть русских книг добыть. Нельзя же так.

¹ Руднев В. В. Финансовое положение и перспективы беженской школы. Прага, 1925.

² Долгоруков П. Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. 1923. № 1.

³ Тэффи Н. А. Книга Июнь. Рассказы. Белград, 1931. С. 114.

Серго растерялся. Ему было больно, что его не хвалили, а он ведь старался. В школе долго бились с его акцентом и говорили, что хорошо, что он теперь выговаривает как француз, а вот выходит, что это-то и нехорошо. В чем-то он, как будто, вышел виноват.

Через несколько дней дядя привез три книги.

— Вот тебе русская литература. Я в твоём возрасте увлекался этими книгами. Читай в свободные минуты. Нельзя забывать родину.

<...> Серго смутился и замолчал... Все на свете вообще так сложно. В школе одно, дома другое. В школе лучшая в мире страна Франция. И так все ясно, действительно, лучшая. Дома надо любить Россию, из которой все убежали. Большие что-то помнят о ней. Линет (сестра Серго. — *Н. И. Г.-М.*) каталась на коньках, и в имении у них были жеребята, а дядюшка говорил, что в России были горячие закуски. Серго не знал ни жеребят, ни закусок, а другого ничего про Россию не слышал и свою национальную гордость опереть ему было не на что».

Эта ситуация осознавалась педагогической общественностью русской эмиграции — в частности, в статье П. Д. Долгорукова «Чувство родины у детей» (1925) отмечается: старшие дети, те, кто не забыл Россию, болезненно о ней тоскуют, и поэтому необходимо «наблюдать, чтобы это чувство не приняло нежелательного направления»; что касается младших детей, которые не помнят или не могут помнить Россию, то их «следует заражать чувством родины». Русские учителя, чье материальное и правовое положение оставляло желать много лучшего, должны были выполнять новые требования, предъявляемые школе условиями «беженского существования». Главная задача русской школы — это «неустанная борьба с денационализацией учащихся, охранение национального лица русской школы и защита основных начал русской национальной культуры».

Педагогическая общественность немедленно поставила вопрос об организации дополнительных курсов по Закону Божию, русскому языку и литературе, по русской истории и географии, а также по широкой внешкольной работе среди русских детей, по созданию детских клубов, библиотек, журналов для чтения по русской истории и литературе, летних лагерей-колоний, кружков как по изучению России, так и музыкальных, театральных, спортивных.

В хронике культурной жизни русской эмиграции можно прочесть о примерах внешкольной работы среди русских по происхождению детей, которая проводилась, в частности, во Франции: «1921 год. 13 февраля — Литературные утра для детей, устраиваемые редакцией сборников “Дети-Детям”. Первое литературное утро. Тема: Александр Сергеевич Пушкин, при участии: А. С. Бек-Назарьян, М. Д. Прохорова, С. Г. Свастикова, гр. Ал. Н. Толстого — чтение, Л. А. Коварской — слово о Пушкине. Гр. А. Н. Толстой. — Сказка о рыбаке и рыбке. М. Д. Прохорова — Сказка о царе Солтане. С. Г. Свастиков. — Глава о воспитании юного Гриневы (из «Капитанской дочки»). Стихи, посвященные Петербургу (из “Медного всадника”) и Москве (из “Евгения Онегина”). В том же году 15 марта — литературное утро на тему: М. Ю. Лермонтов, 10 апреля — на тему: Н. В. Гоголь, 8 мая — И. С. Тургенев. В 1922 году, 11 марта — вечер, устраиваемый Русской гимназией в Париже. В программе: 1. Инсценировка басен Крылова. 2. Постановка одноактной пьесы А. П. Чехова “Свадьба”.

3 февраля 1923 года — “Вечер Русской гимназии”. В качестве исполнителей выступают только ученицы и ученики гимназии. Исполняются “Юбилей” Чехова и “Смотрины” в постановке А. И. Куприна»¹.

В эмиграции были созданы замечательные исторические книги для детей, книги, без которых, как сказал автору этой статьи один из представителей второго поколения послереволюционной волны, «русского человека не сделаешь». Среди этих книг — выпущенный в 1928 году в Париже и проникнутый любовью к России сборник «Русская Земля. Альманах для юношества (ко дню русской культуры)», среди авторов которого И. Бунин, А. Куприн, И. Шмелев, А. Ремизов, М. Осоргин, А. Черный, Г. Флоровский, И. Билибин, В. В. Зеньковский, Б. Вышеславцев... Один из рассказов альманаха, повествующий о Н. А. Римском-Корсакове, заканчивается такими словами: «Но главное, слушайте его музыку. Ищите случая послушать ее и приобщиться к ней. Ищите особенно здесь — за границей — в переживаемое нами тяжкое время оторванности от Родины. Вы не только не пожалеете о потраченном времени, но вы увидите в его Музыке РОССИЮ!».

Для борьбы с денационализацией русских детей многие эмигрантские культурно-просветительские организации открывали курсы или отделения по «русским предметам» при местных лицеях и школах другого типа. Во Франции такое обучение «русские» было организовано еще в 1920 году. Русские предметы преподавались в четырех лицеях Парижа и трех Ниццы, нескольких коллежах вокруг Парижа, в Лионе и Марселе. В Версале под руководством В. В. Римского-Корсакова работал так называемый корпус-лицей для юношей, которые посещали французские учебные заведения, а в этом лицее изучали только национальные предметы. Кроме того, по всей Франции, там, где возникли православные приходы, были организованы церковно-приходские школы, которых до 1939 года было 65. Именно с этим типом русских учебных заведений автор данной статьи познакомился в начале 1990-х годов во Франции и Канаде².

В конце 1927 года было проведено анкетирование эмигрантов в 12 странах русского «рассеяния» с целью узнать, каковы условия жизни и учебы эмигрантских детей. Оказалось, что жилищные условия русских семей очень тяжелы, дети часто предоставлены сами себе. Поэтому, по мнению видного деятеля русского просвещения в эмиграции В. В. Руднева, «как ни примитивна, сурова и подчас убога обстановка существующей эмигрантской школы и интерната, — по сравнению с безотрадной обстановкой дома ребенок находит в них по крайней мере необходимые детскому организму свет, тепло, чистоту. В этом — одна из многих причин, почему дети эмиграции усиленно тянутся из семьи — в школу, а родители, скрепя сердце, в интересах детей, сами стремятся поместить детей в интернаты. <...> положение интернатных детей — верх благополучия по сравнению с детьми приходящими»³.

А как учились эмигрантские дети? Вот одно свидетельство: «Русские дети в эмиграции учатся так, как никогда и никакие дети у себя на родине.

¹ *Beysac M.* La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920–1930). Paris, 1971.

² *Голубева-Монаткина Н. И.* Островок потерянной родины. Русская школа в эмиграции // Новая Юность. 1994. № 2–3 (5–6). С. 156–158.

³ *Руднев В. В.* Условия жизни детей в эмиграции. Прага, 1928. С. 6.

Причина этому — передающееся им от взрослых убеждение, что только через знание, науку они, дети русской интеллигенции, смогут спастись от неминуемого деклассирования в изгнании и в наибольшей степени могут быть полезными своей родине в будущем. Неудивительно поэтому, что русские дети, попадая в местные иностранные школы, начиная от начальной и кончая университетами, неизменно занимают в них первые места и по своему усердию в работе и по своим успехам. Этот факт неоднократно отмечают не без удивления иностранные учителя и профессора»¹.

К сожалению, русская зарубежная школа не могла охватить всех детей эмигрантов. К концу 1928/1929 учебного года в западноевропейских странах было около 120 школ и дошкольных учреждений, где училось 7500 детей (из них «на полном содержании» в интернатах и приютах — 3900). Всего же русских детей в возрасте 5—18 лет было 50—60 тысяч, причем в славянских странах в школьную сферу было вовлечено не менее 80 % всех детей, а в Западной Европе, где эмигрантов было больше, а русских школ меньше — менее 10 % детей школьного возраста².

В разных странах русского «рассеяния» велась не только практическая, но и теоретическая педагогическая работа. В Праге в октябре 1922 года собирается Съезд русских академических организаций, в апреле 1923 года — Съезд деятелей средней и низшей школы за границей под председательством В. В. Зеньковского. На этом съезде отмечается, что свое существование за границей русская школа ведет с величайшим трудом, при неимоверных жертвах со стороны педагогического персонала, при отсутствии прочных правовых гарантий, под угрозой закрытия за недостатком помещений и денег...

Какова же, по мнению участников съезда, должна быть русская школа вне России? Ее было необходимо приспособить к общим условиям «беженской жизни» (совместное обучение мальчиков и девочек, восьмиклассный курс, два новых, то есть не древних, языка, введение «трудового метода» и «практических предметов») и к местным условиям (местный язык, география и история страны, где школа нашла приют, согласование программ с требованиями местного министерства просвещения). Что касается собственно программ, то в их основе лежали программы бывшего Министерства Народного Просвещения России, приспособленные к требованиям высшей школы за границей таким образом, чтобы окончившие русскую гимназию имели возможность получить высшее образование.

Съезд 1923 года отклонил принудительность в преподавании Закона Божия, учредил Центральное Педагогическое бюро по делам русской средней и низшей школы за границей, которое должно было координировать работу школ. Он завершился такими словами В. В. Зеньковского: «Ей одной — нашей родине — все помыслы наши». В 1925 году русские учителя приехали в Прагу на другой съезд для того, чтобы рассмотреть новые программы и учебные планы... Центральное Педагогическое бюро проводило совещания, посвященные методам внешкольного русского образования...

Однако время шло, и накануне Второй мировой войны русские гимназии в Берлине и Чехословакии перестали существовать, такая гимназия оставалась лишь в Париже. И все же русские школы Зарубежной России

¹ Руднев В. В. Условия жизни детей в эмиграции. Прага, 1928. С. 17.

² Руднев В. В. Судьбы эмигрантской школы. Прага, 1930.

выполнили свою миссию: «<...> благодаря <...> эмигрантской школе не один десяток тысяч русских детей смог сохранить на чужбине свой национальный облик, не одна тысяча окончивших ее юношей и девушек с успехом, а нередко и с блеском завершают свое образование в высших учебных заведениях Зап. Европы. Это — далеко не малая культурная и моральная ценность, могущая еще пригодиться матери-Родине»¹.

Как известно, работали в «рассеянии» также и русские высшие учебные заведения, которые, занимаясь обучением молодых эмигрантов, проводили нередко и научно-исследовательскую работу. В Париже это были русские отделения при Парижском университете (с 1921 года), Франко-русский институт (с 1925 года), Народный университет, Православный богословский институт (с 1925 года), Коммерческий институт (с 1920 года), Русский политехнический институт, Русский Высший Технический институт (1931–1962), Русская консерватория имени С. Рахманинова, Высшие женские богословские курсы (1949–1966), а также такие, по выражению П. Е. Ковалевского, «просветительские начинания», как Высшие военные курсы и курсы «Лекции о России». В Праге существовали Русский юридический факультет (1922–1929), Педагогический институт имени Яна Амоса Коменского (1922–1926), Институт сельскохозяйственной кооперации (с 1921 года), Коммерческий институт (1922–1925), Русский народный (затем переименованный в «свободный») университет (1920–1938), а в Харбине — Юридический факультет (1920–1935), Политехнический институт (с 1920 года), Педагогический институт (1920–1931), Институт восточных и коммерческих наук (с 1925 года), Высшая медицинская школа, Богословский факультет... Работали также Берлинский научный институт (с 1923 года, но недолго) и Белградский научный институт, просуществовавший до Второй мировой войны и издавший более десяти томов научных работ².

¹ Руднев В. В. Судьбы эмигрантской школы. Прага, 1930. С. 3.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. Paris, 1971. С. 85–109.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

СЛОВО О Г. М. КОНЦЕВИЧЕ

Виктор Гаврилович Захарченко — родился в 1938 г. в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Генеральный директор — художественный руководитель ГНТУ «Кубанский казачий хор», народный артист России, Украины, Республики Адыгея и Республики Абхазия, лауреат Государственной премии России, доктор искусствоведения, профессор, композитор. Имеет множество государственных, международных, церковных наград. **Живет в Краснодаре.**

Собирать народные песни, изучать и сохранять их необходимо каждому образованному музыканту. Ведь самобытная песня представляет высокоценный художественный материал, который не только внесет живую струю в общий поток этнографии, но по нему можно проследить и исторический путь той или иной народности.

Г. М. Концевич

В истории отечественной фольклористики есть немало имен известных собирателей, исследователей и пропагандистов народной песни, внесших заметный вклад в дело изучения традиционной народной культуры. Назовем хотя бы имена П. В. Киреевского, П. И. Якушкина, П. В. Шейна, М. Е. Пятницкого, А. М. Листопадова. К этой славной плеяде следует отнести и имя талантливого музыканта и фольклориста Григория Митрофановича Концевича.

Родился он 17 ноября 1863 года на Кубани, в станице Старонижестеблиевской. После окончания Кубанской учительской семинарии и двух лет работы учителем пения в Тенгинской школе поступил на трехгодичные регентские курсы при Петербургской капелле и успешно окончил их. После этого Концевич работал учителем музыки и пения в Ладужской учительской семинарии. С 1 октября 1892 по 1 октября 1906 года, то есть ровно 14 лет, он являлся регентом Кубанского войскового певческого хора, успешная деятельность которого продолжалась с 1811 по 1920 год.

Г. М. Концевич был разносторонне образованным музыкантом, яркой творческой личностью, благотворное влияние которого на развитие музыкальной культуры Кубани по достоинству пока еще не оценено.

Как дирижер-хормейстер он поднял, по отзывам современников, исполнительский уровень Кубанского войскового певческого хора на недостижимую высоту. Будучи

настоящим фанатиком своего дела, он выискивал по станицам певческие кадры для хора, обучал их музыкальной грамоте, сольфеджио и вокальной технике. С целью изучения работы лучших хоров Концевич за свой счет выезжал в Петербург, Москву, Киев, Ростов-на-Дону, Воронеж и все лучшее, что находил в работе других хоров, тотчас же применял у себя в хоре.

Основной задачей Кубанского войскового певческого хора являлось, конечно же, исполнение духовной музыки во время церковных служб. Однако деятельность хора не ограничивалась этим. Она была значительно расширена за счет выступлений в светских концертах, которые регулярно проходили в городском саду и концертных залах Екатеринодара, а также станицах края.

Исключительно широким был репертуар. Хор исполнял произведения М. Глинки, А. Даргомыжского, Д. Бортнянского, М. Березовского, П. Чайковского, В. Моцарта, Л. Бетховена, Р. Шумана, украинские и русские народные песни в обработке Г. Концевича и М. Библика. Газета «Кубанские областные ведомости» писала: «Все свои номера хор исполнял хорошо: верно, стройно, эффектно, с разнообразными оттенками... Г. Концевич, как видно, вполне мастер своего дела, а хор, находившийся под его управлением, хорошо дисциплинирован в музыкальном отношении»¹.

Концевич был профессиональным композитором, создавшим незаурядные хоровые сочинения, такие как «Кантата памяти К. Д. Ушинского», «Памятник» на стихи А. С. Пушкина, четырехчастное духовное сочинение «Молебное пение» и др. Григорий Митрофанович считался признанным учителем пения и музыки; с учебной целью он написал классное пособие по обучению пению, а также большой цикл для хора без сопровождения «Четыре времени года» из 40 произведений на стихи русских поэтов: Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина, Плещеева и др. Им было также создано пособие в помощь учителям «Школьное пение», составленное по хрестоматийному принципу из русских народных песен. Музыкально-педагогической и просветительской деятельностью Григорий Митрофанович занимался, по существу, на протяжении всей своей жизни.

В 1906 году Г. М. Концевич организовал школу для обучения певчих музыкальной грамоте. Благодаря ему певчие получали профессиональную

Г. М. Концевич

¹ Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1906. № 51. С. 3.

квалификацию «станичный регент». Они изучали регентское дело: церковный устав, теорию музыки, основы гармонии, сольфеджио, церковную литературу, дирижирование. Для певчих им был организован и отдельный оркестр, в котором Григорий Митрофанович играл первую скрипку.

Его ученики становились регентами станичных хоров. Он воспитал талантливую преемника Якова Тараненко, который после ухода Концевича возглавил Кубанский войсковой певческий хор.

Наконец, Г. М. Концевич был талантливым собирателем, исследователем и неутомимым пропагандистом кубанской народной песни. В «Кубанском казачьем листке» за 7 апреля 1813 года в сообщении «Доклад Г. М. Концевича» говорилось: «Докладчик чуть ли не с детства интересуется уже этим делом (народной песней. — В. З.) и, во всяком случае, со школьной семинарской скамьи начинает записывать песни. Будучи затем преподавателем учительской семинарии (в ст. Ладожской), он серьезно отдается своей страсти и вменяет ученикам в обязанность записывать во время каникул все песни, которые только поются в станицах. Затем еще с большей кропотливостью эта работа продолжается в бытность Григория Митрофановича регентом Войскового певческого хора и после, когда он специально командировается по области»¹. Он продолжал дело собирания, изучения и пропаганды народных песен на Кубани, начатое Е. Передельским, М. Бибиком, П. Кирилловым, А. Бигдаем, П. Махровским и др. Более того, он сумел поднять его на высокий профессиональный уровень.

Изданное наследие Г. М. Концевича-фольклориста (сборники и статьи) огромно. Им опубликовано в 1904–1911 годах семь выпусков «Малороссийских песен», в которые вошли 200 трехголосных и четырехголосных песен без сопровождения из репертуара Кубанского войскового певческого хора (в каждом выпуске по 25, 30 или 40 песен); сборник «Малороссийские народные песни кубанских казаков» из десяти песен для одного голоса в сопровождении фортепиано; сборник «Бандурист», составленный из 200 песенных текстов малороссийских песен без напевов, куда в основном вошли тексты песен из ранее изданных им сборников; сборник «Песни казаков» из 20 линейных песен, подготовил к изданию сборник «Музыка адыгов», в который включены более 200 песен и инструментальных наигрышей.

Собирательская и издательская деятельность Концевича до 1906 года проходила под несомненным влиянием его практической работы с Кубанским войсковым певческим хором и носила прежде всего просветительский, а не научно-исследовательский характер. Поэтому в своих сборниках он не указывал, где, когда и от кого были записаны песни, не классифицировал их по жанрам. Вполне вероятно, что Концевич включал в свои сборники не только песни, записанные им на Кубани, но и взятые из других украинских сборников.

Это можно выяснить путем сравнения песен из сборников Концевича с песнями, помещенными в различных сборниках украинских народных песен.

Все песни в сборниках Концевича даны в трех- или четырехголосном изложении *a capella* (за исключением десяти песен, аранжированных для одного голоса в сопровождении фортепиано). И хотя сборники народных песен сделаны композитором и дирижером-хормейстером, формировавшим

¹ Кубанский край с 1 января 1874 г. был преобразован в Кубанскую область, разделенную в гражданском отношении на уезды, а в военном — на отделы.

концертный репертуар войскового певческого хора, тем не менее все обработки выполнены им скорее с осторожностью фольклориста, что свидетельствует об исключительно бережном отношении к напевам, текстам и хоровой фактуре, о тонком чутье и понимании особенностей стиля черноморских казачьих песен.

Хоровая фактура большинства аранжировок близка к оригиналу. В обработках Концевича не ощущается особой активности авторского начала. И лишь в некоторых хоровых обработках песен, например: «Ихав козак за Дунай», «Щедрик-ведрик», «Ой ну, коте, та коты но», «Диду мий, дударьку» и др. — Концевич выступает как композитор, мастерски владеющий средствами хоровой выразительности, дает вариационно развернутое свое индивидуальное толкование песен.

Сборники Концевича пользовались большим спросом, все они были переизданы, а первые три выпуска — дважды.

После ухода Григория Митрофановича из войскового певческого хора, то есть с 1 октября 1906 года, специально для него была введена должность «собираатель казачьих песен». Основное свое творческое внимание он сосредоточил на собирании казачьих песен, причем не только черноморских, но и линейных, а также на теоретическом изучении собственного материала и подготовке новых сборников. Так, например, в 1911 году в Москве увидел свет первый выпуск сборника «Песни казаков», составленный из 20 линейных песен на три и четыре однородных голоса без сопровождения. Сборник был посвящен 100-летию юбилею Кубанского войскового хора. Очевидно, Концевичем была задумана новая серия сборников песен линейных казаков, о чем свидетельствует сообщение бюллетеней ОЛИКО: «...депутация в лице В. В. Скидана, Б. М. Городецкого и Г. М. Концевича лично возбудила ходатайство перед наказным атаманом Кубанского казачьего войска о скорейшем издании за счет Кубанского казачьего войска гг. Кошицем и Концевичем кубанских песен и об ассигновании из того же источника необходимых средств на продолжение начатых Концевичем работ по записи на местах памятников Кубанского творчества»¹.

Но казачье командование ходатайство депутации не удовлетворило, необходимых денежных средств не выделило, поэтому продолжение выпусков «Песни казаков» так и не последовало.

* * *

Об одном, дошедшем до меня по промыслу Божьему, рукописном сборнике казачьих песен Г. М. Концевича мне хочется рассказать особо. Много лет я собирал сборники народных песен из репертуара войскового певческого хора в обработках Григория Митрофановича, изданных до революции, а также его авторские сочинения, все, что имело прямое отношение к имени этого выдающегося музыкального деятеля Кубани, Украины и России.

А на ловца, как известно, и зверь бежит.

Немного более десяти лет тому назад Кубанский казачий хор давал концерт в Самаре. Я не смог тогда поехать на гастроли по городам России, так как лежал в Краснодарской краевой больнице после очередной операции. Но

¹ Бюллетени ОЛИКО. Вып. 1. Екатеринодар, 1914.

судьба всегда была ко мне более чем благосклонна. После концерта в Самаре к руководителю оркестра Ф. Каражову подошел небольшого роста старичок и начал спрашивать художественного руководителя. А поскольку меня не оказалось, то он велел передать мне сборник казачьих песен. К сожалению, ни фамилии, ни имени-отчества, ни адреса этого старичка артисты хора не спросили.

А жаль. Возможно, что у подателя сборника Г. М. Концевича были и другие материалы собирателя.

Когда я с трепетом взял в руки переданную мне книгу, то это оказалась большого формата на плотной бумаге рукопись Г. М. Концевича. Я глазам своим не поверил. Чудо, да и только! Читаю: «Песни кубанских казаков. Собрал учитель пения при Кубанском войсковом певческом хоре и собиратель Кубанских казачьих песен Г. М. Концевич. В период — от 15 января по 17 февраля 1911 г.». Меня поразила удивительной красоты каллиграфический почерк Григория Митрофановича. Каждая буква выведена тушью с любовью, словно рукой художника. В правом верхнем углу титула рукописи написано его рукой уже фиолетовыми чернилами: «Кубанскому Научному Музею в дар от Г. М. Концевича. 1927 года 3/УП. Рукопись-автограф». Вот это для меня поистине был дар Божий.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я начал внимательно просматривать рукопись, — это принципиальное отличие рукописного сборника казачьих песен Г. М. Концевича от всех его изданных сборников. Там все песни были изданы в трех- и четырехголосной обработке для войскового певческого хора. В рукописном же сборнике, включающем 56 казачьих песен, почти все песни даны в одноголосном изложении. Три песни — в двухголосном. И только одна, под № 18, «Ой дуду, ой дуду», записанная в станице Сергиевской, дана в четырехголосной обработке для певческого хора.

Второе: Г. М. Концевич впервые в этом сборнике указал место записи каждой песни, фамилии, имена и отчества их исполнителей и время записи: день, месяц и год. Таким образом, в этой рукописи собиратель показал себя уже не столько регентом и талантливым композитором-аранжировщиком войскового певческого хора, для которого он собирал и обрабатывал песни, сколько настоящим фольклористом-этнографом, бережно зафиксировавшим аутентичное звучание песен. Рукопись сборника дает ясное представление о методике записи песен и подтверждает высокую репутацию Концевича-фольклориста. Каждая страница рукописи освещена его сердечной и самозабвенной любовью к народной песне. Сколько же таких рукописей было у него? Судя по его многолетней и целенаправленной собирательской работе, можно предположить, что их было несколько, но уцелели ли они в годы Гражданской войны и репрессий, чего не удалось избежать и Григорию Митрофановичу?

Ну а третье, что меня просто поразило в рукописном сборнике, — это то, что первым музыкантом-фольклористом и композитором, который записывал народные песни в моей родной станице Дядьковской Кореновского района, в которой я родился и вырос, оказался не кто иной, как первый художественный руководитель Государственного Кубанского казачьего хора Григорий Митрофанович Концевич! Это удивительное совпадение не объяснить никакой логикой, кроме неисповедимого Провидения.

И еще один поразительный факт. Исполнителем пяти песен, записанных в станице Дядьковской Г. М. Концевичем, был казак Архип Иванович

Мисько. И когда я спросил у моей матери, Натальи Алексеевны, а знала ли она того казака и знает ли хату, где он жил, она ответила: «А як же. Я сама була ще дивчинкой, а уже нянчила у Архипа Ивановича иго дитэй. Бо я же була кругла сырота, а жить-то якость надо було». После этого имя Григория Митрофановича стало для меня не только еще дороже, но и намного роднее. Песни, записанные от Архипа Ивановича, знала и мама. И многие другие песни этого сборника я записывал в юности в станице Дядьковской, в частности, любимую песню моей матери «Браты мои, братья мои, братья соловэйки». Вот уж действительно, чудны дела Твои, Господи.

* * *

Большой интерес представляет фольклорная научно-исследовательская деятельность Концевича. В 1913 году в VI выпуске сборника «Известия Общества любителей изучения Кубанской области» была опубликована его статья «Чумаки в народных песнях» (другая статья «Пьяницкие песни» была прочитана им в декабре того же 1913-го на заседании этого общества). Статью «Чумаки в народных песнях» он написал под влиянием объемной работы украинского фольклориста Рудченко о чумацких песнях с таким же названием, на которую и ссылался Концевич. Материалом для статьи послужили сорок чумацких песен, записанных им в станицах Дядьковской, Новоплатнировской, Новолеушковской, Калниболотской, Шкуринской и Канеловской. В статье Концевич дал тридцать чумацких песенных текстов, распределив их, по примеру Рудченко, на шесть тематических групп. Именно желание познакомить читателей с чумацкими песнями на Кубани, которые сохранились целиком («и, теперь, — пишет Г. М. Концевич, — с любовью и осмысленно поются нашими стариками-казаками, перенявшими их от своих дедов и прадедов, близко соприкасавшихся к самим чумакам»!), и было основной целью статьи. Он понимал, что для теоретических обобщений недостаточно этого материала и необходимо провести большую собирательскую работу по записи чумацких песен на Кубани.

Говоря об исследовательской работе Концевича, надо сказать, что его незаурядное дарование музыковеда-фольклориста на удивление ярко и глубоко раскрылось в крайне трудное, трагическое послереволюционное время, когда на Кубани шли жестокие процессы расказачивания, коллективизации, сопровождавшиеся голодом 1933 года и безумными сталинскими репрессиями.

В годы «пятилетки безбожия» (1932–1937) повсеместно уничтожались священство и храмы. Был уничтожен и храм в честь святого благоверного Великого князя Александра Невского в Краснодаре, в котором многие десятилетия выступал Кубанский войсковой певческий хор. Гонения на народное искусство и все национальное доходили до прямых запретов, тем не менее в этот трудный период Концевич все свое время отдает делу собирания народных песен. В статье «Этнографическая музыка» Григорий Митрофанович писал: «У каждого народа есть свой музыкальный язык, как и слова родной речи. Народная музыка, или музыкальный фольклор, есть продукт непосредственного творчества народных масс, его живой, естественный, правдивый отпечаток переживаний». И далее он продолжает: «Из всех видов изящных искусств музыка наиболее ярко представляет художественную деятельность народа».

Все моменты человеческой жизни, начиная от его рождения и кончая могилой, с удивительной точностью сфотографированы при помощи звуковых комплексных движений, облеченных в определенные формы. Особенно выпукло и красочно рисует ее песня, созданная самим народом.

Народная песня, полная неподражаемой поэтической красоты, представляет собой богатый материал, проливающий свет на историю той или иной народности.

Песня — это самая простая древняя форма народного художественного творчества, представляет соединение поэзии с музыкой. Песня народная — это безыскусственное поэтическое произведение — сложена неизвестными авторами, выражала и переживания отдельных лиц и чаще целого сословия, есть достояние народа»¹.

Круг научных и художественных интересов Г. М. Концевича расширился. Не прекращая работу по записи кубанского казачьего фольклора, он сосредоточил свое внимание на собирании и изучении песенного и инструментального фольклора адыгов.

Летом 1931 года Концевич совместно с известным адыгейским писателем И. С. Цеем в течение двух месяцев находился в фольклорно-этнографической экспедиции по Адыгее и записал 164 песенные и инструментальные мелодии. Экспедиция, по сообщению Концевича, посетила 12 аулов. В записи музыкального фольклора в качестве информатора принял участие 101 человек, а слушателей, собиравшихся в момент записи в каждом ауле, было до 70 человек. Кроме того, в 1935 году Концевич записал еще 50 адыгейских напевов. На основе собранного и йотированного материала он составил названный выше сборник «Музыка адыгов», включивший более двухсот вокальных и инструментальных мелодий. Однако этот сборник не был издан, его материалы хранятся в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований. Там же имеются «Записки профессора Концевича»², предназначенные, вероятно, в качестве вступительного раздела для составленного им сборника, и рукописная статья «Этнографическая музыка».

В «Записках» собиратель изложил свои методы музыкальных записей и подтекстовок в слогонотах, описал условия работы экспедиции, отношение исполнителей и слушателей к записям музыкального фольклора, привел примеры нотаций песенных и инструментальных мелодий, а также подробные паспортные данные по каждому записанному произведению, наконец, дал обстоятельное научное описание и подробные характеристики четырех народных музыкальных инструментов — это шичепшин, камыль, пхачич, эпешин.

Участник этой экспедиции писатель И. Цей, записывавший тексты песен, также дает восторженную оценку самоотверженному труду Концевича, его упорству в желании точно записать самобытное народное музыкальное искусство адыгов. «Он, имея многолетний опыт в записи кубанских казачьих песен, обладая большой любовью к этому делу, перенес все это и в дело записи адыгских песен. По шестнадцать часов просиживал Г. М. над записями мелодий, увлекаясь этой работой, как молодой человек. Он старался записать их точно, как звучат они в передаче от певца, гармоника

¹ Рукопись «Этнографическая музыка». Хранится в архиве АРИГИ. Ф. 1. Папка 124. Д. 63.

² Концевич был профессором Краснодарского музыкального техникума.

или “шичепшин”... И Г. М. Концевич справился с этой поистине трудной задачей — он записал все... положив начало огромному делу возрождения нашей адыгейской национальной музыки»¹.

Музыкальный фольклор адыгов в записях Г. М. Концевича является выдающимся историческим, научно-художественным документом. Но рукописи, как видно, в самом деле не горят: чудом уцелевшие, они рано или поздно доходят до читателей. И хотя заново подготовленный сборник вышел в свет с опозданием более чем на 60 лет, актуальность его не уменьшилась, поскольку вопросы национального и культурного возрождения стали сегодня, по существу, главными в жизни всех народов нашего многонационального государства. Думается, не одно поколение музыкантов, композиторов, фольклористов, филологов, историков будет обращаться к материалам этого сборника в поисках ответов на самые глубокие и острые вопросы становления и развития национальной культуры адыгов.

Будут даваться разные оценки и самому сборнику, и отдельным песням и наигрышам, входящим в него, и профессиональному труду Г. М. Концевича.

Мне же хочется отметить следующее.

Сборником «Музыка адыгов» Г. М. Концевич продолжил традицию русских музыкантов записывать и обрабатывать музыкальный фольклор разных народов, в том числе и кавказских. Обращение Григория Митрофановича к адыгейскому фольклору подкупает своей искренней увлеченностью, уважительным отношением. Для него это был тяжелый и даже мучительный труд, но исключительно важный по своим научным и художественным целям. «Первые дни для меня были мучительны и болезненны, — пишет Концевич в своих “Записках”. — Казалось даже одно время, что точно записать песню, резко отличающуюся от русской или украинской, не представляется возможным вследствие особой специфики, своеобразия тембра, неравномерного ритма, песню, насыщенную форшлагами, синкопами, с быстрым темпом при исполнении. Чрезмерное внимание, напряженная сосредоточенность, упорство во что бы то ни стало записать песню (хоровую в особенности), 16 и даже 18 рабочих часов в сутки в первые дни мало помогали, вызывали сомнение... Но в дальнейшем эти трудности сгладились, и работа вошла в нормальное русло».

Фольклористическая работа Концевича характеризуется тщательностью и скрупулезностью. Во время записи он старался не упустить из поля зрения ни одной детали. Его лаконичные замечания, касающиеся плана работы экспедиции, процесса записи, поведения исполнителей и слушателей во время пения, весьма содержательны. Блестяще сделаны им этнографические описания музыкальных инструментов и составных частей фонографа.

Вчитаемся в его скупые строки: «Комната уже переполнена; молодежь у дверей, наружные окна усеяны юными головками...» («Записки профессора Концевича», далее все цитаты из них же); «Любовь к родной песне и к музыке вообще настолько сильна, что старики готовы просиживать ночи, перебирая в своей памяти дорогие для них песни, и с юношеским азартом петь их без конца...»; «Эта песня почти забыта; во всей Адыгее ее помнят два-три человека, не более...»; «Камыль в настоящее время имеет весьма небольшое распространение (5–6 камылистов) во всей Адыгее... Репертуар

¹ Цей И. С. Несколько слов об экспедиции. Архив АРИГИ. Ф 1. Папка 27. Д. 3.

камылистов богатый, разнообразный и оригинальный...»; «Будущее “азиатской” однорядной шестнадцатиклавишной гармонике угрожает вытеснением этого излюбленного черкесами музыкального инструмента, отсутствием его на рынке; на фабриках же изготавливаются преимущественно “венские” двухрядные...». Эти короткие замечания свидетельствуют не только о высоком профессионализме Концевича, но и о его личной обеспокоенности дальнейшей судьбой народной культуры адыгов.

С чувством огромной ответственности я взялся за музыкальное редактирование сборника «Музыка адыгов». Редактирование народной музыки — дело исключительно сложное и трудное. И хотя история фольклористического йотирования практически длится уже более двухсот лет, тем не менее многие проблемы йотирования народной музыки остаются нерешенными. Их решение требует, с одной стороны, разнообразных музыкально-теоретических знаний, а с другой — знания специфики музыки устной традиции, принципиально отличающейся от композиторской, письменной традиции. Трудность музыкального редактирования усугубляется, когда редактору приходится иметь дело с музыкальным материалом, малознакомым или незнакомым вообще. Поэтому мне, впервые соприкоснувшемуся непосредственно с самобытной музыкой адыгов, пришлось, естественно, внимательно проанализировать рукописные нотные расшифровки, сделанные Концевичем, а также изданные сборники народной музыки адыгов. В результате этого мне открылись некоторые особенности мелодики, ритмики адыгской народной музыки, как отдельные частности, например ритмическая полифония певца и хора, так и свойства более общего порядка. Например, в музыкальной структуре адыгских песен, на мой взгляд, как правило, присутствуют два противоположных начала: а) постоянное, неизменное и б) изменяемое, импровизированное. Постоянным, стабилизирующим началом является хоровая партия, обычно исполняемая мужчинами в унисон, и инструментальное сопровождение ударных инструментов пхачича (трещотки) и хлопки в ладоши. Импровизированным, свободным началом является пение солиста (высокого мужского голоса) и инструментальное сопровождение на камыле, скрипке (шичепшине). Вероятно, именно эти два диалектически противоположных начала и создают у слушателей впечатление живого, сиюминутного рождения песни.

Приступая к музыкальному редактированию сборника Концевича, надо было определиться и в его методике. Известны несколько методов йотирования народной музыки, сложившихся исторически. Первый из них основан на слуховой записи с голоса певца и, по существу, не является фольклористическим, поскольку использует практику записи композиторской музыки и общепринятую музыкальную теорию. Яркими представителями слухового метода были прежде всего композиторы-классики. В русской музыке это М. И. Глинка, Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Лядов, М. А. Балакирев; в украинской — Н. В. Лысенко и другие.¹ Следующий метод йотирования народной музыки, так называемый научный или объективный, был обусловлен введением в практику записи народных песен сначала фонографа, а затем магнитофона, благодаря которым стало возможным фиксировать на нотном стане не только все голоса и инструменты в отдельности, но и каждую, даже

¹ Об этом см. исследовательские статьи Е. В. Гиппиуса в кн.: *Балакирев М. Русские народные песни*. М., 1957.

малейшую, деталь исполнения. Однако громоздкость и непрактичность таких нотаций потребовали поиска новой методики йотирования народной музыки. Такая методика была найдена профессором Е. В. Гиппиусом и названа им аналитической нотацией. В ее основу положено «желание обнаружить общие законы, управляющие организацией народной музыки в отличие от норм композиторского искусства, отделить основное от второстепенного в мелодике, “скелет” от покрова и выработать приемы внесения графической упорядоченности в нотный текст... Одним из ведущих методов фольклористики является метод слогоритмического анализа, а главным инструментом графического упорядочения нотаций — синкретический ранжир... И хотя сегодня большинство фольклорных нотаций продолжает оформляться и публиковаться по старинке — вне синкретического ранжирования, — можно считать, что аналитический тип котировки в целом утвердил свое превосходство над предшествующими способами йотирования»¹.

В основу музыкальной редакции настоящего сборника «Музыка адыгов» положен аналитический метод йотирования профессора Е. В. Гиппиуса, у которого мне посчастливилось не только учиться, но и издать под его редакцией совместно с новосибирским филологом, профессором М. Н. Мельниковым сборник «Свадьба Обско-Иртышского междуречья»². Аналитический метод йотирования Е. В. Гиппиус использовал во многих изданных сборниках народных песен разных национальностей, в том числе и в многотомнике «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» под его редакцией³.

Аналитический метод помогает наглядно раскрыть музыкально-ритмическую форму песенных мелостроф. Взаимосвязи музыкально-ритмических периодов внутри мелостроф координированы строгим ранжиром, а тактовые черты использованы не в общепринятом их значении указателей отношений сильных и слабых времен, а в качестве условных разделительных знаков, отмечающих границы периодов.

Редактируя нотные записи Г. М. Концевича указанным методом, мне пришлось сделать в его нотациях некоторые изменения, поправки, добавления.

Однако, понимая всю важность современной редакции, мы, тем не менее, при издании сборника «Музыка адыгов» сначала дали абсолютно все записи Г. М. Концевича в его редакции (162 номера, не считая вариантов к ним) и только затем уже — отредактированные мною 19 песен.

* * *

В 1936 году Г. М. Концевича пригласили на должность художественного руководителя вновь создаваемого Кубанского казачьего хора. Решение президиума крайисполкома о создании хора было неожиданностью. Вновь вошло в обиход запретное в то время слово «казак». С большой радостью и пониманием огромной ответственности принял Концевич обязанности художественного руководителя хора. В своем выступлении в газете «Красное

¹ Алексеев А. Нотная запись народной музыки. Теория и практика. М., 1990.

² Захарченко В., Мельников М. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. Этнографическое описание свадебных обрядов, тексты и напевы песен / под ред. Е. Гиппиуса. М., 1983. С. 5.

³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е. В. Гиппиуса. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1981; Т. 3. Ч. 1. М., 1986; Т. 3. Ч. 2. М., 1990.

знамя» от 3 марта 1937 года он писал: «Азово-Черноморский край создал год назад донской казачий профессиональный хор. Это культурная жемчужина — гордость края: 70 лучших певцов и певиц художественно исполняют народные песни Дона и Кубани. Теперь создан и Кубанский казачий хор в 40—50 человек из лучших голосов казаков станиц и хуторов. Его будущее несомненно блестяще. Этот высокохудожественный коллектив украсит нашу Кубань и яркой звездой окрасит край».

Современники высоко оценили труды Концевича, отдавшего должное и уловившего своей чуткой душой всю мощь, красоту, ширь и безупречность народной песни. «Естественно, что многие из песен, — сообщала газета “Кубанский край”, — передаваясь из уст в уста, утратили первоначальную их свежесть, а потому большая заслуга тех лиц, кои принимают на себя труд восстановить эту свежесть путем изучения песен, а затем и записи их. К таким лицам, потратившим немало энергии и средств для вышеуказанной цели, принадлежит бывший регент Кубанского войскового певческого хора Г. М. Концевич». Ему, как и другому дореволюционному собирателю народных песен Кубани А. Д. Бигдаю, посвящались стихи.

Вот, например, далекое от совершенства, но подкупающее искренностью стихотворение О. Аспидова «Родная песня», посвященное Г. М. Концевичу. Оно было опубликовано 19 мая 1913 года в «Кубанском казачьем листке»:

*Песня казацкая, песня родимая,
Что еще может сравняться с тобой!
Ты красивее, чем трель соловьиная,
Как не любить тебя всюю душой!
Сразу развеешь ты тяжкое горе,
Сразу наполнишь ты очи слезой,
Иль зашумишь, как гульливое море,
Или застонешь, как тяжкий больной.
Много в словах твоих горькой печали,
Больше же удаль казацкая в них:
То тебя предки в неволе слагали,
То в куренях ты рождалась родных.
Жизнь наших предков, жизнь боевую,
Ты, как художник, рисуешь собой,
Храбрость казацкую, удаль лихую
Ты, как кобзарь, воспеваешь душой.*

В 1910 году на Кубанской промышленно-этнографической выставке за пропаганду фольклора Г. М. Концевич был награжден Большой серебряной медалью. Однако не все его труды были опубликованы, многие собранные им материалы по народной песне затерялись вообще, а те, что увидели свет в дореволюционное время, стали библиографической редкостью и сегодня неизвестны даже специалистам, не говоря уже о широкой музыкальной общественности.

* * *

Поистине трагически закончилась жизнь Г. М. Концевича, одного из самых значительных, на мой взгляд, деятелей в истории музыкальной культу-

ры Кубани. В 1937 году во время гастролей Государственного ансамбля песни и пляски кубанских казаков в Москве Григорий Митрофанович Концевич был репрессирован по ложному доносу (за якобы готовившееся покушение на Сталина). Вот как описаны истинно мученические последние дни жизни Г. М. Концевича в материалах к летописи «Екатеринодар — Краснодар»:

«Дело Концевича. Известный кубанский фольклорист Григорий Митрофанович Концевич жил на Карасунском взгорке, возле Дмитриевской дамбы. За ним приехали ночью 30 августа 1937 г. Концевич обвинялся... в покушении на жизнь “вождя всех народов” И. В. Сталина».

Из анкеты арестованного:

«Концевич Григорий Митрофанович, русский, родился 17 ноября 1863 г. в станице Старонижестеблиевской, из казаков. Отец служил пономарем в церкви. Окончил учительскую семинарию. В партиях не состоял. С воинского учета снят по возрасту. Место содержания под стражей — особый корпус Краснодарской тюрьмы».

В графе «служба в белых и других контрреволюционных армиях, участие в бандх и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого)» записано: «Регент Кубанского хора». Особые внешние приметы — «вид дряхлого старика».

Анкета эта составлена спустя три месяца после ареста, и тогда же — в первый и в последний раз Г. М. Концевич был допрошен младшим лейтенантом госбезопасности Коганом. Судя по протоколу, следователь и сам прекрасно понимал, что из престарелого хормейстера террорист никудышный, поэтому не стал липовать и записал его показания без искажений. «Свой арест, — заявил ему Концевич, — я рассматриваю как какое-то недоразумение. Глубоко убежден, что следствие само придет к этому выводу».

Из обвинительного заключения:

«...Концевич Григорий Митрофанович являлся активным участником контрреволюционной казачьей повстанческой организации, действовавшей на Кубани, по заданию которой входил в террористическую группу, готовившую совершение теракта над членами Советского правительства и, в первую очередь, над тов. Сталиным.

Являясь художественным руководителем Кубанского казачьего хора, осенью 1936 г. специально был направлен к.-р. организацией в Москву для осуществления террористического акта, приурочив совершение такового в момент выступления хора на торжественном вечере в Государственном академическом Большом театре, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции...»

В обвинительном заключении, подписанном капитаном госбезопасности Г. М. Сербиновым, заместителем начальника управления НКВД по Краснодарскому краю, красным карандашом подчеркнута должность Концевича до революции: бывший регент Кубанского войскового хора. Это и был «криминал», перечеркнувший жизнь талантливого человека...

Он был арестован 30 августа 1937 года и «...приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, приговор приведен в исполнение 26.12.1937 г.»¹.

Точное место захоронения Концевича неизвестно, хотя есть некоторые предположения, что он похоронен на Всесвятском кладбище Краснодара.

¹ Екатеринодар — Краснодар: Два века в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 566.

«18 августа 1989 г. Григорий Митрофанович Концевич был полностью реабилитирован (посмертно) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.»¹. Поэтому славное имя Г. М. Концевича нуждается в восстановлении и признании его заслуг, а его значительное музыкальное наследие — в глубоком и всестороннем изучении.

Григорий Митрофанович Концевич прожил долгую, сложную, трагическую, но плодотворную жизнь. Им было сделано очень много в области собирания, издания, изучения и пропаганды кубанского казачьего и адыгейского музыкального фольклора.

Сборник «Музыкальный фольклор адыгов в записях Г. М. Концевича» и его статьи «Записки профессора Концевича» и «Этнографическая музыка» раскрывают широту и масштаб творческой деятельности Григория Митрофановича.

Все сборники казачьих и адыгских народных песен Г. М. Концевича являются историческими документами и своеобразными памятниками национальной культуры. Их необходимо было вернуть из долгого забвения.

Чтобы возратить незаслуженно забытое имя Г. М. Концевича и его труды в контекст современной культуры и науки, мною несколько лет назад были подготовлены:

1. Сборник «Музыкальный фольклор адыгов в записях Г. М. Концевича». Майкоп, 1997. Составитель и главный редактор — старший научный сотрудник АРИГИ Шу Шабан Салихович, кандидат искусствоведения, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств Адыгеи и Кубани; музыкальный редактор и автор статьи «Слово о Концевиче» В. Г. Захарченко.

Таким образом, рукописный сборник Г. М. Концевича «Музыка адыгов» был опубликован лишь спустя более 60 лет.

2. Переиздание всех дореволюционных сборников казачьих песен Г. М. Концевича, собранных мною в одну книгу «Народные песни казаков. Из репертуара Кубанского войскового певческого хора. Составил Г. М. Концевич». Краснодар, 2001.

В книгу вошли семь выпусков малороссийских песен и один выпуск — линейных в обработке Г. М. Концевича; в общей сложности 220 песен. Книга дает полное представление о казачьем репертуаре войскового певческого хора. В ней впервые был опубликован рукописный сборник «Песни кубанских казаков. Собрал учитель пения при Кубанском войсковом певческом хоре и собиратель Кубанских казачьих песен Г. М. Концевич. В период — от 15 января по 17 февраля 1911 г.».

Однако до сих пор не все богатое творческое наследие Г. М. Концевича возвращено в современную музыкальную жизнь. Есть еще не переизданные его сборники авторские хоровые, сочинения и статьи. В ближайшие годы надеюсь эту работу довести до конца, чтобы исполнить свой долг перед светлой памятью талантливого регента Кубанского войскового певческого хора и первого художественного руководителя Государственного Кубанского казачьего хора.

¹ Екатеринбург — Краснодар: Два века в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 566.

ПОЭЗИЯ

Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ

«ЗА НАМИ ПУТИН И СТАЛИНГРАД»

Виктор Иванович Пеленягрэ — поэт, родился в с. Згурица Дрокиевского р-на Молдавской ССР. Окончил московское СГПТУ, Калужский педагогический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Льва Ошанина). Автор более 20 книг стихов, которые неоднократно переиздавались в Старом и Новом свете, автор текстов многих известных песен, которые исполняют почти все звезды российской эстрады. Лауреат знаковых литературных и музыкальных премий. Его стихи переведены на многие языки мира. **Живет в Москве.**

ЗАБЫТЫЙ ПОЛК

Они лежат, не требуя наград,
Они застыли и сомкнули строй.
Я пью сегодня за твоих ребят,
Забытый полк, я пью за твой покой.

Пусть не оплакать и не счесть могил,
И дым забвенья устилает путь,
Я пью за тех, кого я пережил,
За тех, кого оттуда не вернуть.

Забытый полк уходит на закат,
И гонит ветер пыль издалека.
Давай, Россия, вспомним всех ребят,
Последний путь забытого полка.

Мое окно открыто на закат.
Я пью до дна, я знаю в этом толк.
Я пью, Россия, за твоих ребят,
Я пью за каждый твой
Забытый Полк!

МОЙ ПУТЬ

Среди миров, среди светил
Не сбиться мне с пути земного.
Я пел, как жил, я жил, как жил,
Но этот путь пройду я снова.
Проходят дни, бегут года,
Но до сих пор я верил слепо,
Что этот путь в крошечной мгле
Уходит в небо.

И вот стою я на краю,
В кольце огней, закатов, улиц,
Я сам себя не узнаю,
С чего бы слезы навернулись.
Пусть ветер гонит журавлей,
Но где бы я на свете не был,
Я знал, что путь в крошечной мгле
Уходит в небо.

Когда пробьет твой звездный час,
Ты улыбнись в последний раз,
Развей мой пепел по земле,
Люби и помни обо мне.
Но знай, что путь в крошечной мгле
Уходит в небо.

В далеком мире семь небес.
Какая даль, какие муки.

А в синем небе семь чудес
В кольце любви, в кольце разлуки.
Среди миров, среди светил
Сойдемся мы, как быль и небыль.
Но этот путь в кромешной мгле
Уходит в небо.

ПОЕЗДА

Огромным пожаром займутся бывшие кочевья,
В которых я жил, по которым всю жизнь тосковал.
Пройдут поезда: покачнутся от ветра деревья,
От лязга и шума оглохнут былинки у шпал.

А гром пронесется протяжным победным раскатом
По самому краю, сметая преграды с пути.
И дом отзовется в ответ орудийным виватом,
И я уж не в силах сидеть у себя взаперти.

Прощайте, родные! Не надо мне легкого хлеба,
Не я выбираю, а жизнь выбирает меня.
Прошу одного лишь — высокого чистого неба
И вольную волю до самого смертного дня.

ЗИМА В ОДЕССЕ

Виноградной стопой анапэста
Я забытые звуки ловлю.
За высокой платформой разъезда
Мимолетной любви пригублю.
Там деревья стоят в беспорядке
Вдоль дороги, вперед забежав,
А шоссе по спирали девятки
За холмом исчезает стремглав.
В затаенном причудливом танце
Мне мигают во мгле корабли,

Виснет девочка на иностранце
На глазах у родимой земли.
Здесь уже не найти Молдаванки,
Но хотелось бы вырвать на свет
Резкий профиль последней гречанки
И потемкинский яростный след,
Что узнал я под каменным небом,
Заглядевшись, как звезды горят
В переулках, не тронутых снегом,
Обращенных лицом на закат.

А В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Посмотришь на небо, там звезды одни,
Мне гроздя салюта напомним они.
Кому-то напомним они, может быть,
Принцессы Дианы жемчужную нить.
Летят самолеты, плывут корабли,
Обломки Нью-Йорка в небесной пыли,
Вся жизнь проплывает, как будто во сне,
А взглянешь на небо — там звезды в огне.

А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.

Простые ребята седлают коня,
Ну, как там они на войне без меня.
Талибы считают последние дни,
А глянут на небо — там звезды одни.

Летят самолеты, плывут корабли,
Обломки Нью-Йорка в небесной пыли.
Вся жизнь проплывает, как будто во сне,
А взглянешь на небо — там звезды в огне.

А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.

А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.

А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.

Soldaten, feier, spazieren, «Grad»,
Wir lieben Putin und Stalingrad.

А в чистом поле система «Град»,
За нами Путин и Сталинград.

В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ

Я — римлянин периода упадка.
Я духом пал. Я жалок и смешон,
И варвары теснят со всех сторон.
Когда в душе ни строя, ни порядка,
В руке не меч, увы! лишь рукоятка,
Земная пыль на пурпуре знамен.
Взгляни окрест: какой ужасный сон,
Куда бежать мне от себя? Загадка.
Я поднимусь, чтоб в эту землю лечь.
На рубежах предательства, засады,
Всё — вдребезги! Всё выпито с досады.
Глумится чернь, но не об этом речь.
Что жизнь и смерть? Обходят стороной,
Но только так ты стал самим собой.

ЭТО Я, МИЛЫЙ БОЖЕ, К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ

Фрагменты из поэмы

1

Повсюду снег. На дальнем горнем кряже
Стоит сосна у вечности не страже.

А по ночам тебя пугает гул
Былых лавин под медленной луною,

И ты подавлен черною скалою,
Которую Господь к земле пригнул.

2

Не пора ли закончить осенний отстрел
Там, где волны играют у самого солнца,
Где незримый табун над обрывом пасется
И на две половинки земля — под прицел.

В перехлесте застигнутых нами зарниц
Все пройдет. Позабудется. Разум наш стерпит,
Но останется сердца мучительный трепет
И свинцовая боль не поднявшихся птиц.

3

С надменным лицом я покину продрогший перрон,
Чтоб точкой застыть в напряженной ходьбе листопада.
Ах, поздняя ночь! Скромный вздох захолустного сада,
Зима приближается: грозный торжественный сон.

BEAUTY

Памяти Игоря Северянина

Ты помнишь, Надинька, в петлице лилию,
В садах империи наш ренессанс!
Твое замужество, как путь в Бастилию,
В петлице лилия! Каков альянс!
Ах, танец бабочки! Ты — вся идиллия,
Дверь в преисподнюю наводит жуть.
Как не расплакаться: в петлице лилия
Плитой могильною легла на грудь!
В петлице лилия! В петлице лилия!
А ты в замужестве совсем одна;
Глоток шампанского. Прощай, Бастилия!
В петлице лилия пьяным-пьяна!..

ПОЗОВИ МЕНЯ

И. М.

Позови меня тихо по имени
Ключевой водой напои меня,
Отзовется ли сердце безбрежное,
Несказанное, глупое, нежное.
Снова сумерки входят бессонные,
Снова застят мне стекла оконные.
Там кивают сирень и смородина,
Позови меня, тихая Родина.

Позови меня
На закате дня,
Позови меня,
Грусть-печаль моя.

Знаю, сбудется наше свидание,
Затянулось с тобой расставание.

Синий месяц за городом прячется,
Не тоскуется мне и не плачется.
Колокольчик ли? Дальнее эхо ли,
Только мимо с тобой мы проехали.
Напылили кругом. Накопытили.

Даже толком дороги не видели.
Позови меня тихо по имени,
Ключевою водой напои меня.
Знаю, сбудется наше свидание.
Я вернусь. Я сдержу обещание.

КАК УПОИТЕЛЬНЫ В РОССИИ ВЕЧЕРА

Как упоительны в России вечера,
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное, забавы и прогулки —
Как упоительны в России вечера.

Балы, красавицы, корнеты, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки —
Как упоительны в России вечера.

Как упоительны в России вечера,
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта —
Как упоительны в России вечера.

Пуškai все сон, пускай любовь игра,
Ну что тебе мои порывы и объятья!
На том и этом свете буду вспоминать я —
Как упоительны в России вечера.

Настанет день, когда взойдет заря
И засияет в небе первый луч рассвета.
И зацветет в душе остывшей снова лето —
Как упоительны в России вечера...

Григорий БЛЕХМАН

«У ЖИЗНИ МИРСКОЙ ЕСТЬ ПРЕДЕЛЫ, У ЖИЗНИ ДУХОВНОЙ ИХ НЕТ»

Григорий Исаакович Блехман — поэт, прозаик, публицист, литературовед, родился в 1945 г. на Кубани в станице Бесскорбная. По профессии физиолог и биохимик, доктор биологических наук, профессор. Автор восьми сборников — стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель», лауреат Всероссийских литературных премий им. Н. Гумилева, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012–2014» в номинации «эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

У жизни мирской есть пределы,
У жизни духовной их нет.
И как ни живи, что ни делай —
Почти неизменен сюжет:

Сперва поддаешься соблазнам,
Потом искупаешь грехи...
Порой, — очищенье, как праздник,
Где медные звуки тихи.

Живешь, свою книгу листая,
Пока не находишь ответ:
Лишь время *мирское* в нас тает,
А время *духовное* — нет.

* * *

Все земное тянется к свету,
И поэтому мучит всех:
Отчего, мечтая о светлом,
Постоянно впадаешь в грех —

Невзначай обижаешь ближних
И бываешь падок на лесть...
Хоть давно на страницах книжных
Все о чаяньях наших есть —

И о том, что тянешься к свету,
Но нередко входишь во тьму.
Только главного нет — ответа
На простой вопрос: «Почему?».

* * *

В московских старых переулках,
Как много лет тому назад,
Звучат шаги мои негулко,
Не останавливая взгляд.

Они по памяти проходят,
Будто листают не спеша
Все, что давно уже не в моде,
И только мой замедлит шаг.

Ведь для меня и древний камень,
И теплый цвет особняков
Всегда — зачет или экзамен,
К чему я должен быть готов,

Поскольку в эти переулки,
Как много лет тому назад,

Неторопливо и негулко
Уйдет и мой последний взгляд.

* * *

Проходит время — все проходит,
Хоть и надеешься, и ждешь,
Идешь — теряешь и находишь...
Когда-нибудь и ты «пройдешь».

Но сделай что-либо благое,
И обозначится твой путь,
Где с ним вас будет уже двое...
Когда-нибудь, когда-нибудь.

* * *

Уходят те, кого любил.
Наверное, ничто не вечно.
Но не становится конечной
Им остановкой слово «был».

За все, что им не досказал
И в суете их не дослушал —
Как будто бы ищу я случай,
Чтоб кто-нибудь сейчас позвал.

Они по-прежнему со мной —
Их голосами дышит память.
И я для них теперь не занят
В их постоянный выходной.

Ведь те, кого я так любил,
С течением времени все ближе, —
Их все ясней с годами слышу,
Но не озвучу слово «был».

* * *

Стихотворение — стихийно,
Но требует оно слова,
Где точно выльется стихия,
В тебя вошедшая едва.

Сумеешь, — будет в твоих строчках,
Как и в пространстве между строк,
Ее неповторимый почерк,
Который ощутить ты смог.

* * *

Из множества знакомых фраз
Составить бы такую фразу,
Чтоб останавливала сразу,
Но и была не напоказ.

Тогда проступит в современность
Любого времени черта.

Высокий слог и простота
Чтоб в ней слились одновременно,

Тогда она и бережит,
И все тебя готовы слушать.
Но миг такой —
лишь редкий случай,
И мало у кого гостит.

* * *

Уже не скажешь «невзначай»:
Не спишь все чаще по ночам, —
Это приходит дальнорозоркость,
И начинает мучить совесть
За то, что нарубил с плеча,
За, может быть, не те слова,
Или поступков неумелость...

Но обязательна ли зрелость,
Когда белеет голова?
Ведь, все равно, — вопросов тьма,
При этом — дефицит ответов...

И, чтобы не давать советов,
Дай Бог, — хватило бы ума.

Леонид ИВАШОВ

ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Говоря о внешних причинах Октябрьской революции в России, нельзя не упомянуть одно историко-метафизическое обстоятельство. К началу XX столетия человечество развивалось по лекалам европейских держав и теневых структур. Мир был европоцентричным. Но сама Европа не являлась гомогенным образованием, ее раздирали антагонистические противоречия, ведущие евродержавы находились в состоянии перманентных войн, интриг, дележа территорий и капиталов. Заданная в XVII—XVIII вв. британской элитой модель развития мировой экономики базировалась на ограблении колоний, глобальном рабстве, наращивании капиталов, социальном размежевании обществ. Вторжение на британские острова клана Ротшильдов задало тенденцию формирования мощной банковской системы, основанной на ссудном капитале и устремленной к теневой власти. Век машин постепенно трансформировался в век финансов. Вступая в XX столетие, ни Европа, ни набирающая силу Америка не могли предложить человеческой цивилизации никаких перспектив развития (нового Ренессанса). Новый дележ колоний, усиление эксплуатации колонизированных и собственных народов, новые войны, новые прибыли. Запад к началу нового века оказался нищим в плане философских идей, концепций мироустройства, стратегий развития человечества в целом, извращалось предназначение человека, заданное то ли Господом Богом, то ли высшим космическим разумом, то ли разумом природы. Отвергая духовно-нравственный путь развития человеческого сообщества и ставя во главу угла материально-потребительскую сущность человеческого бытия, западные элиты подталкивали человеческую цивилизацию к

катастрофе. Запад настойчиво выстраивал моноцивилизационный тип мироустройства, лишал человечество культурно-цивилизационного многообразия и разноректорности развития. Китайская, индуистская, буддийская и исламская цивилизационные матрицы подавлялись, народы колонизировались, их культура разрушалась. Практически вся Африка превратилась в источник бесплатной рабской силы, древние цивилизации американского континента (майя, инки, ацтеки и др.) были уничтожены, их народы изгнаны со своих земель. В то же время Европа, а позднее и Америка отошли от христианских начал в религиозной культуре и стали «подгонять» религию под прагматические интересы господствующих классов. В мире были остро востребованы идеи справедливости, добра, высокой духовности. В России, с ее мессианской духовной сущностью, сохранившимся чувством совести, вселенскими идеями справедливого переустройства мира, созрел тот революционный потенциал, который и вырвался наружу в 1917 году, спровоцированный внешними и внутренними обстоятельствами. Можно утверждать, что в России со всей силой проявились общечеловеческие чаяния. Однако в силу действия разнородных сил, имеющих различные целевые установки, мы получили то, что получили.

К началу XX столетия мир оставался европоцентричным. Но Европа была уже далеко не Европой Ренессанса, посылавшей иногда человечеству импульсы древнегреческой культуры, знаний, красоты и гармонии, заполнявшие планетарное пространство великими открытиями в естествознании, мореплавании, географических исследованиях, философскими идеями, физико-математическими моделями и законами. Европа к началу XX столетия окончательно материализовалась, утратила духовный смысл бытия, усилила «волю к власти над «дикиими и варварскими» народами». Во второй половине XIX столетия сформировалась мировоззренческая платформа мирового господства англосаксов (теории границ Д. Тернера, предопределенной судьбы Дж. Стронга, «стратегия анаконды» А. Мэхэна). В начале XX века в США были заложены основы теории «хартенда» Дж. Маккиндера. Финансовые магнаты разработали тайную доктрину мирового правительства международных банкиров (план Марбурга), где коренным образом изменялась функция денег: таковые должны были из средства, сопутствующего развитию наций, народов, государств, превратиться в субъект национальной и мировой власти. Группой мультимиллионеров на тайном совещании на острове близ США в 1908 г. была принята к действию формула мировой власти, которая звучала так: **«Власть — это товар, пусть и самый дорогой. Поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам»**. (Русская революция и советский проект задержали решение этой задачи почти на столетие, а может, и навсегда.) В 1913 г. через искусственно спровоцированный кризис в США была создана частная финансовая корпорация под названием «Федеральная резервная система», позволившая лишить американское правительство реальной власти. Но у некоторых европейских монархов (в России в том числе) сохранялась полнота власти. В то же время мировые банкиры, получив огромную власть в Америке, Британии и Франции, думали только о прибылях и власти реальной, но закулисной, теневой. Этим устремлениям сильно мешали европейские империи, контролировавшие свои границы и передававшие власть по наследству.

К тому же Россия, Германия, Австро-Венгрия и Турция ограничивали и жестко контролировали банковскую деятельность в своих странах, закрывали рынки для иностранных товаров. Перед мировыми банкирами встала задача: открыть рынки империй, усилить влияние банков, либерализовать режимы путем внедрения демократических выборов, где всегда побеждают деньги. Для этого требовалось ликвидировать монархические империи. Метод был избран тандемный — война плюс революция. В своей деятельности они опирались на созданную в прежние века систему масонских лож. Западные церкви окончательно извратили христианские начала и приспособили религию к обслуживанию финансового капитала и мировой власти. Католическая церковь развернула собственную теневую банковскую систему, усилила свои тайные институты. Главные усилия эти субъекты, при поддержке подконтрольных им правительств и спецслужб, сосредоточили на разрушении российской государственности.

Одновременно в странах Запада бурно развивалась промышленность, что требовало новых рынков и сырья. Самый динамичный промышленный рост демонстрировала Германия, но она была «обделена» колониями, а значит, и рынками и сырьем. К тому же была заперта Англией в акватории Балтийского моря и не имела свободного выхода в мировой океан. Поэтому к Первой мировой войне доминирующей геополитической доктриной Германии стала доктрина расширения жизненного пространства. Решить подобную задачу можно было только военной силой.

И еще один сакральный момент. Западный, пока еще европоцентричный мир загнал человечество в тупиковую ситуацию. Сущностью политической стратегии западных держав сохранялось деление человечества на дикость, варварство, цивилизованность (под которой, конечно, западная аристократия подразумевала себя любимую), борьба за передел колонизируемого пространства, новые войны, беспредельное обогащение и насилие как средство достижения поставленных целей. Человеческая цивилизация обрекалась на деградацию, хаос, самоуничтожение. Если следовать принципу А. Тойнби «вызов рождает ответ», то русская революция явилась тем самым ответом на вызов Запада всему человечеству. То есть выбор сакральных сил «о спасение божьих тварей» вновь пал на Россию. Больше этого сделать было некому.

Геополитические соперники и явные противники России активно участвовали в формировании революционной ситуации в России, развивали ее, корректировали свои действия и строили планы будущего овладения российскими богатствами и территориями. Проявлялось геополитическое противоборство в действиях следующего характера:

- четкая нацеленность англосаксонского мира и «Латинского Рейха» на уничтожение российской государственности. Т. Рузвельт, 26-й президент США (1901–1909): «В мире не существует нации, которая бы в большей степени, чем Россия держала в руках судьбы грядущих лет»¹.
- втягивание России в Первую мировую войну и разжигание революционной ситуации в стране (тандемный подход: война + революция);
- подрыв финансовой системы и кабальные условия оказания кредитной «помощи» воюющей России;

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 31.; см. также А. Мэхэн, Х. Маккиндер.

— активное действие в стране иностранных спецслужб (Британия, Германия, Франция, Япония);

— активное участие в расшатывании российской государственности и создании революционной ситуации мирового еврейства и сообщества банкиров.

Как мы отметили выше, к началу XX столетия сформировался международный альянс крупного финансового и промышленного капитала, политических и военных элит США и Западной Европы, который вошел в обиход (И. Ильин) как мировая закулиса. В его недрах вызрел план «нового мирового порядка», в соответствии с которым власть в мире должна перейти в руки международных финансистов. На основе этого плана построена концепция мира по-американски. России, разделенной на несколько несамостоятельных квазигосударств, в этих планах отводилась роль поставщика сырья, дешевой рабочей силы и сферы приложения капитала западных стран. «Еще во время Русско-японской войны 1905 года американский финансист Джейкоб Х. Шифф блокировал попытки русских получить на международных рынках кредиты, которые дали бы возможность финансировать войну, и обеспечил финансовую помощь Японии, что повлекло за собой унижительное поражение России»¹. Мандель Хаус, техасский финансист, ставший впоследствии серым кардиналом президента США В. Вильсона, писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будет четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны». Разделенная таким образом Россия получала бы со стороны США «финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям»².

Активную роль в реализации концепции «война плюс революция» сыграла Англия, этот вечный противник России. Именно Англия под контролем и при поддержке Ротшильдов, Рокфеллеров и Шиффов умело спровоцировала Первую мировую войну, имея целью столкнуть, ослабить и вывести из геополитической игры двух своих главных соперников — Россию и Германию, подчинить своему влиянию Францию, а значит, и всю Европу.

В складывающейся непростой геополитической ситуации, вместо необходимого и немедленного волевого возвращения к исторически выверенному геополитическому проекту «Третий Рим плюс Евразия», Николай II выбрал западный проект, разработанный и организованный главными противниками русской государственности — мировым финансовым капиталом и англосаксонской элитой, предусматривающий уничтожение Российской империи. Россия втянулась в мировую войну, предрешив свой конец.

Февральская революция явилась не только прологом Октябрьской революции, но и первым опытом «цветных» революций. К лету 1917 года страна стала неуправляемой: после отречения Царя наследовать престол не захотел никто, Временное правительство было непрофессиональным, разношерстным партийно-политически, оно не предложило ни концепций, ни планов вывода страны из кризиса. Одна из самых малочисленных по-

¹ Шамир И. Каббала власти. М.: Алгоритм, 2008. С. 64–65.

² Архив полковника Хауса: избранное: в 2-х томах. М.: АСТ, 2007. (Речь идет о превращении разделенной России в сырьевые придатки США.)

литических партий, РСДРП(б), проявила высочайшую организованность, волю и активную наступательность, навязала социалистической программой свое лидерство крестьянству и рабочему классу, а также солдатским массам. РСДРП — единственная из политических партий, представившая обществу внятную программу действий — минимум и максимум. Простота лозунгов: «Нет войне», «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам», а затем и «Вся власть Советам» — позволила большевикам увлечь народные массы в революционную борьбу, подобрать валявшуюся власть и удержать ее.

ВЫШЛА КНИГА

Зайцев С. И.

На отшибе. Стихи. СПб., 2016. — 144 с.

На Царскосельском отшибе Сергей Зайцев своими оригинальными миниатюрами, жизненной прозой, прозрачной лирикой рассказывает читателю: кем и чем было заполнена его душа в прошедшем году.

«На отшибе» — тринадцатая книжка литератора.

Точка ЗРЕНИЯ

Леонид САВИН

ЛИБЕРАЛИЗМ УМИРАЕТ, ПРИБЛИЖАЕТСЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 г. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

Разведывательное сообщество США регулярно издает свои прогнозы на ближайшие годы. В 2013 году был представлен доклад под названием «Альтернативные миры», где одна из частей была посвящена будущим сценариям мироустройства. Было предложено четыре варианта с аллегорическими названиями: «Заглушенные двигатели»; «Синтез»; «Джин, выпущенный из бутылки» и «Мир без государств».

В январе 2017 года появился новый документ под названием «Парадокс прогресса».

В данном случае он также был разбит на несколько разделов и регионы.

В отношении глобального управления интересным представляется блок под названием «Как люди мыслят», где говорится о будущей идеологии, которая придет на смену либеральной парадигме.

Авторы пишут: «Не ясно, сохраняют ли свою актуальность экономические идеологии, такие как социализм и неолиберализм, которые доминировали большую часть XX века, пока не были оспорены крахом коммунизма и финансовым кризисом 2008 года, в мире, в котором низкий экономический рост и высокий уровень неравенства доминируют над политическими программами. Другие формы политической мысли остаются жизнеспособными альтернативами, в частности, национализм, политический либерализм и политическое мышление на основе религии...

Геополитическая конкуренция будет играть более активную идеологическую роль. Либерализм, вероятно, останется эталоном модели для экономики и политики в ближайшие десятилетия, но он столкнется с сильной конкуренцией и общественность будет требовать устранения

его недостатков. Западные идеалы свободы личности и демократического действия будут оказывать огромное влияние в мире, судя по устремлениям мигрантов и диссидентов во всем мире, которые тянутся к этим принципам. Многие развивающиеся страны будут стремиться к модернизации более или менее по западному образцу, но привлекательность либерализма получила несколько сильных ударов в течение последних лет, а политическая поляризация, финансовая нестабильность и экономическое неравенство в западных странах подпитывали популизм и вызвали сомнения по поводу цены политической и экономической открытости. Правительства, имеющие проблемы с выполнением требований своих граждан, будут иметь соблазн обратиться к национализму или нативизму, чтобы перенести вину на внешних врагов и отвлечь от проблем у себя дома, в то время как общественность, опасаясь потери рабочих мест из-за иммигрантов или экономических трудностей, вероятно, будет все больше и больше восприимчива к более эксклюзивным идеологиям и идентичностям...

Эксклюзивные идеи и идентичности в демократиях угрожают либерализму. Без возвращения к безопасным и более равномерно распределенным жизненным стандартам экономические и социальное давление, скорее всего, будут подпитывать национализм и популизм на Западе, рискуя сузить политические сообщества и ограничительную политику.

Ослабление верховенства закона, политической толерантности и политических свобод в Соединенных Штатах и Западной Европе — традиционных оплотах демократии, могли бы делегитимизировать демократические идеи по всему миру... Без сильной реакции со стороны других стабильных демократий эта тенденция, вероятно, ускорится».

Что показательно — речь идет о западном обществе, а не о странах второго и третьего миров, которые постоянно обвинялись в авторитаризме и отсутствии демократии. Теперь, похоже, вызов либерально-демократической системе пришел изнутри. И это вызов глобализму, как таковому, в том числе.

Дональд Трамп накануне своего избрания президентом США говорил, что «национальное государство остается истинным основанием для мира и гармонии» и он не поведет Америку «под ложную песнь глобализма». Конечно же, это стало шоком не только для американских, но и для европейских либералов, которые рассчитывали на продолжение усиления евроатлантического сообщества и усиление роли транснациональных корпораций. Но случилось иначе. Видимо, резкое изменение курса США (пока лишь возможное) вынудило авторов сделать одно очень важное признание — «между государствами, после окончания холодной войны, однополярный момент прошел, и правила, сформировавшие основу международного порядка после 1945 года, могут исчезнуть тоже».

Об этом часто говорилось иносказательно, директор Совета по международным делам Ричард Хаас говорил о наступлении «бесполярного мира» (опять же, под глобальным управлением США), но заявлений о конце однополярной гегемонии не было.

В разделе о глобальных тенденциях сказано: «Важно, что экономики других незападных государств, таких как Колумбия, Египет, Индонезия, Иран, Южная Африка, Мексика, Турция и других, которые сегодня находятся на среднем уровне, могут вырасти к 2030 году. Отдельно большинство из этих стран останутся игроками второго порядка, потому что Китай

и Индия являются слишком большими. Тем не менее, как коллективная группа, они начнут превосходить Европу, Японию и Россию с точки зрения глобальной власти к 2030 году».

При этом говорится о наступлении экономической многополярности. «Некоторые эксперты сравнили предстоящее снижение экономического значения США с концом XIX века, когда экономическое господство одного игрока — Британии — уступило многополярности. Другие сходства включают ускоряющийся процесс глобализации, быстрое технологическое развитие и растущую геополитическую конкуренцию между великими державами. Конец XIX века было временем относительно высокой реальной экономической волатильности с широкими флуктуациями в темпах роста. Средние темпы роста ведущей страны, Соединенного Королевства, в XIX веке не были высокими, в то время как темп роста соперника — США был выше, но переменным. Так же как и сейчас, права на интеллектуальную собственность оспаривались, а правительство не в состоянии были обеспечить их соблюдение за границей. Дополнительным осложнением являются разногласия по поводу либерализации рынка и роли государства в экономике, которые, вероятно, продолжатся».

Интересный взгляд содержится и в анализе возможного будущего стран ЕС, которым предсказывается три сценария.

«Сценарий коллапса имеет низкую вероятность, но это повлекло бы за собой очень высокие международные риски. В этом случае отечественные компании и домохозяйства отреагируют на признаки изменения валютного режима путем быстрого вывода вкладов в евро за счет внутренних финансовых учреждений. Последующий удар — по другим государствам-членам и экономический ущерб для основных стран, евро будет первой жертвой. ЕС как институт будет, вероятно, сопутствующей жертвой, так как единый рынок и свобода передвижения по всей Европе будут поставлены под угрозу из-за попыток восстановления капитала и пограничного контроля. При таком сценарии серьезные экономические неурядицы и политический перелом приведут к разрушению в гражданском обществе. Если коллапс будет внезапным и неожиданным, было бы весьма вероятно, что он вызовет глобальную рецессию или очередную Великую депрессию.

В сценарии медленного спада Европе удастся избежать худших аспектов нынешнего кризиса, но она не в состоянии будет провести необходимые структурные реформы. Так как государства-члены выдержали годы низкого экономического роста, они держатся вместе, чтобы избежать серьезных политических и экономических потрясений. Институты ЕС будут в подвешенном состоянии, но общественное недовольство останется на высоком уровне. Евро выживет, но валюта перестанет быть конкурентом по отношению к доллару или юаню. Учитывая годы низкого экономического роста, международное присутствие в Европе уменьшится; страны вновь начнут национализировать свою внешнюю политику.

Третий сценарий, Ренессанс, основан на знакомой схеме кризиса и обновления, который Европа переживала много раз в прошлом. После заглядывания в пропасть большинство европейских лидеров договорится о “федералистском прыжке”.

Общество поддержит такой шаг, учитывая неизбежные риски, связанные с сохранением статус-кво. Более федеральная Европа может начаться

только с основной группой стран еврозоны, а некоторые предпочтут отказ или займут выжидательную политику. Со временем, несмотря на существование многоскоростной Европы, единый рынок будет по-прежнему сохранен вместе с более единой внешней политикой и политикой безопасности, согласованными с усиленными элементами европейской демократии. Европейское влияние увеличится, усилив роль Европы и ее многосторонние институты на мировой арене».

Кстати, последний сценарий был бы вполне приемлем для России, правда с той оговоркой, что ЕС будет самостоятельным субъектом и не станет выполнять любые требования Вашингтона, которые логичны для политики доминирования США, но вполне абсурдны для интересов самой Европы.

ВЫШЛА КНИГА

Казин А. Л.

Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917—2017: в 3 т. Т. 1. 1917—1934. СПб.: Алетея, 2016. — 544 с.

Книга вышла в издательстве «Алетея» в серии «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры». Этот коллективный труд уникален тем, что впервые в нашей научной литературе делается попытка осмыслить, как «те или иные формы православной духовной энергетики неизменно служили источником художественного вдохновения многих крупнейших русских писателей, композиторов, живописцев, режиссеров театра и кино. Часто это происходило в превращенных формах, скрыто, в подтексте, в символике, в иносказании. Порой этого не осознавал и сам художник, так что исследователю стоит немалого труда обнаружить вероисповедную основу вполне светского, на первый взгляд, романа или кинофильма, и квалифицировать ее так, как она того заслуживает». Первый том из задуманных трех посвящен периоду 1917—1934 годов — от революции до Первого съезда советских писателей, хотя, конечно, затрагивает предыдущие и последующие эпохи отечественной истории и культуры.

Точка ЗРЕНИЯ

1

Николай СТАРИКОВ

ДВА АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСА

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В блокадном Ленинграде не закрывали двери. О какой «голодной ненависти» речь?

В канун годовщины снятия ленинградской блокады (это произошло 27 января 1944 года) профессор Бостонского университета США Алексис Пери выпустила книгу о событиях того времени. Будто на подбор выдернуты истории о самых нелюбимых происшествиях тех ужасных дней — каннибализм, ненависть к соседям и родным от неумолимого голода и массовые репрессии от спецслужб. Читаешь, и волосы дыбом встают. Если ей верить, то ленинградцы превратились в животных и не совершали никаких подвигов. Кто и зачем сгущает краски, описывая страшные страницы истории блокады?

НИКАКОЙ «ГОЛОДНОЙ НЕНАВИСТИ» НЕ БЫЛО

Про ленинградскую блокаду я читал книгу английского автора, написанную в 60-е годы прошлого века. Это «подрывное» издание, выпускавшееся «црушниками» на тонкой папиросной бумаге, чтобы советские граждане, выбравшиеся за границу, завозили его в Союз. Даже в этой антисоветской пропаганде не было смакования и педалирования таких историй, о которых пишет теперь профессор из Бостона. Но давайте разберемся. Были ли случаи во время страшной блокады неадекватного поведения людей? Да. Были ли случаи каннибализма? Да. Но эти вопросы из разряда: «Были ли случаи дезертирства из Красной армии во время Сталинградской битвы?». Кто-то слабовольный тогда не выдержал и бежал. Но разве в этом

суть подвига, где тысячи людей отдавали свою жизнь? Для меня суть той страшной блокады — это не пустые слова, потому что я сам — ленинградец. У моей бабушки в блокаду умерла годовалая дочь. В ополчении погиб муж моей тети. Во время эвакуации мой отец, которому был год, потерял свою маму. Так в чем смысл происходившего в осажденном городе? Победа духа над смертью! Сложно представить, но люди получали по 150 граммов хлеба в день, работали на заводе, производили оружие и шли в бой. Не забывали и об искусстве: Шостаковичем была написана великая симфония. Многомиллионный Ленинград показал невероятный героизм. Многие погибли, но они не собирались сдаваться. Это колоссальный пример, который мы должны помнить.

В книге сказано, что от голода люди ненавидели своих соседей. Полное вранье, что там все друг друга ненавидели. История из семейного багажа. Моя тетя, будучи маленькой девочкой, потеряла продуктовые карточки. Так вот, ей их отдали. А вы понимаете, что потеря карточек — это синоним голодной смерти. Тогда люди в домах и квартирах не закрывали двери. Вдруг кто-то умрет, а дома будут дети одни. Надежда была только на соседей. Ленинградцы объединялись, чтобы сходить за водой, дотащить ее до дома. Вместе им было легче перенести трагедию.

Алексис Пери указывает, что дневники, которые легли в основу ее книги, ленинградцы прятали, чтобы избежать репрессий. Говорить, что блокадники прятали свои дневники до 2016 года, может только очень «удивительный» человек. Как я понимаю, эти исписанные пожелтевшие тетрадки, «спрятанные от КГБшников», могли всплыть сразу после распада Советского Союза. Почему мы видим их только сейчас? Это ерунда. Бабушка мне рассказывала о блокаде и говорила: «Да, случаи людоедства были». Поэтому люди старались ходить по улицам, которые были заметены снегом, посередине, чтобы их не могли схватить и куда-то затащить. Но с этим бо-ролись, расстреливали этих нелюдей. И это не было массовым явлением. Честный исследователь расскажет не только о «черных сторонах», но и на-помнит, как защищали город. Но бостонского профессора интересует толь-ко негатив. О преступлениях нацистов в таких книгах пунктиром. Нет там о бесчеловечных обстрелах Ленинграда под командой немецкого генерала Ферча. Утром, когда люди шли на работу, немцы стреляли по жилым квар-талам, днем по предприятиям, а вечером — по остановкам общественного транспорта. Они хотели нанести максимальный ущерб, поэтому обстрелы шли по расписанию и по схеме. И вместо того, чтобы рассказывать о муже-стве ленинградцев, эти «авторы» рассказывают про криминальные случаи.

«ЕДЫ НЕ БЫЛО, А ЗАКЛЮЧЕННЫХ НУЖНО БЫЛО КОРМИТЬ»

Автор постоянно говорит про репрессии в те годы, что НКВД рьяно преследовало людей. Война подтвердила опасения, что в тылу могут рабо-тать шпионы. Из ракетниц помечали места бомбардировок для немцев — это не секрет. В частности, Бадаевские склады предатели и диверсанты так и обозначили. Потом немецкая авиация нанесла очень точный удар, зная, куда нужно сбрасывать бомбы. Был большой пожар, уничтоживший запасы

еды. Говорить о том, что все арестованные были невиновны, на мой взгляд, неправильно. Какая-то часть задержанных, возможно, была и невиновна. Но не надо забывать, что шла страшная война. Для меня, например, до сих пор непонятно, почему арестовали писателя Даниила Хармса, погибшего во время заключения в блокадном Ленинграде. Однако массовости в задержаниях людей не было. Брели под стражу отдельных подозреваемых, немецких разведчиков и шпионов. Не забывайте, что это происходило на фоне резкого сокращения продовольствия в Ленинграде. Проводить масштабные аресты просто невозможно, ведь потом этих заключенных надо чем-то кормить.

Вокруг блокадного Ленинграда родилось немало мифов. Некоторые историки заявляют, что оборона города была организована бездарно и неумело. Якобы советских солдат немецкие пулеметчики расстреливали пачками, когда те пытались взять их позиции. И это вранье. С одной стороны, руководство жалело людей, а с другой, понимало, что блокаду нужно прорвать, ведь каждый день приносит новые голодные смерти. Сложно их упрекать. Да, возможно, во время прорыва погибнет на сто, пятьсот, тысячу солдат больше, но это спасет десятки тысяч ленинградцев, которые умирают. Найти здесь какое-то взвешенное решение сложно. Сталин неоднократно отдавал приказ прорвать блокаду, но получилось это окончательно сделать только 27 января 1944 года.

Я много изучал события того времени, и один момент меня особенно взволновал. Во время немецкой бомбежки снаряд попал в дом на улице Марата, когда живший в нем ленинградец ушел на работу. В доме оставалась его дочка пятнадцати лет. Здание рухнуло, а ребенок еще несколько часов кричал и звал на помощь папу. Когда отец вернулся с работы, дочка уже умерла. У меня дочь такого же возраста. Я представил себе эту картину, честно говоря, навернулись слезы на глазах. Вот в этом, на мой взгляд, и есть суть блокады. Представьте, как тому отцу хотелось на фронт — мстить за смерть его дочери, как он ненавидел немцев, сидевших в окопах по ту сторону. И таких отцов, братьев, сыновей — миллионы. Они шли на смерть ради своих родных. Однако, ступив на территорию разбитой Германии, красноармейцы не позволяли себе жестокой мести. Они не издевались над побежденным врагом. Вот такое милосердие проявлял наш народ.

«МАННЕРГЕЙМ ПЕРЕЧЕРКНУЛ ВСЕ ЗАСЛУГИ СЛУЖБОЙ ГИТЛЕРУ»

Какое участие в блокаде Ленинграда принимал финский маршал Маннергейм? Был ли он спасителем города, как это говорят многие? Якобы, помня свою службу в старой царской армии, воспретил финским войскам брать Ленинград и даже бомбить и обстреливать его с севера. Это миф. Финские войска стали частью душащего город кольца. Их также приходилось сдерживать, поэтому мы не могли оттуда отвести части, чтобы нанести удар по немцам и прорвать блокаду. Просто самим союзничеством с Гитлером финны и Маннергейм несут ответственность за ленинградскую трагедию. Вину с них снимать ни в коем случае нельзя. Маннергейм может быть героем финского народа, но для России своей службой Гитлеру он перечеркнул все свои прошлые заслуги офицера царской армии. Генерал Краснов

тоже был блестящий русский офицер, но потом пошел на службу к Гитлеру. Это предатель Родины, и по своим заслугам получил — был повешен. Можно ли такому человеку ставить памятники? Категорически, нет. Установление таблички Маннергейму меня возмутило не меньше, чем блокадников Ленинграда. Слава Богу, что эта доска снята. Памятники должны ставить героям нашей страны. Вот Александр Матросов или Зоя Космодемьянская совершили подвиг. А Маннергейм, сотрудничавший с Германией, памятник в России не заслужил.

Сегодня некоторые говорят, что, может быть, Ленинград лучше было бы сдать немцам. Тогда потеря было бы меньше... Согласно немецким планам город должен был быть полностью уничтожен вместе с жителями. Сдаться и сохраниться было невозможно. Если эту мысль развивать, то, может, надо было сдать все Советскому Союзу? И тогда якобы 27 миллионов человек остались бы в живых. Но любой знакомый с нацистскими планами понимал, что погибло бы в таком случае не 27, а 100 миллионов. Был бы геноцид нашего народа. Вот я никогда не слышал, чтобы какие-то американские журналисты предложили бы Америке сдаться Японии, ведь тогда бы американские моряки остались бы живы в Перл-Харборе, и семьи бы не получили похоронки. Но у журналистов из США даже язык не повернется заговорить об этом.

2

Раскачать ситуацию в стране пытались, пытаются и будут пытаться

Приход Трампа к власти является окном возможностей. Но то, что мы сможем получить в итоге и что нам лучше не терять, выяснится в результате сложной дипломатической игры, которая продолжится и которая идет сегодня. **В Америке разворачиваются протесты. Но они не смогут вылиться в один крупный американский Майдан.** На этот счет можно привести один анекдот: «Почему в США не может быть “цветной” революции? Потому что в США нет американского посольства». За протестами стоят определенные структуры, условно говоря, некий «Сорос», которые путем финансирования этих протестов пытаются ослабить возможность Трампа и стоящих за ним сил проводить определенную политику. То есть это американский междусобойчик, чтобы загнать Трампа в определенные рамки.

Почему в России радуются приходу Трампа? — Давайте спросим: «Кто радуется?» Я думаю, рядовому человеку было абсолютно все равно, пока эта радость не выплеснулась на страницы газет и экраны телевизоров. А вот то, почему некоторые политологи и политические деятели радуются приходу Трампа, для меня, честно говоря, — большая загадка. Обратите внимание, наше высокое политическое руководство, Президент и его окружение радости никакой публично не демонстрирует.

У меня никаких эмоций его победа не вызвала. Это не мой президент, не моя страна. И я вообще бы хотел, чтобы такие события, как американские выборы, американские праймериз, рождение наследника престола Великобритании, свадьба королевской семьи, на нашем телевидении практически не освещались.

С приходом Трампа ситуация в Сирии, на мой взгляд, радикально не изменится. Нужно понимать, что боевики получают финансирование и под-

держку от США. Поэтому, для того, чтобы ликвидировать проблему, нужно перестать выделять им средства. США не борются с ИГИЛ¹, а имитируют эту борьбу. Я думаю, что сейчас они просто будут имитировать ее более тщательно.

А вот Украина — это как раз та территория, где возможны договоренности на более выгодных для нас условиях. Это действительно то, за что мы должны бороться изо всех сил. Украиной управляет американское посольство. Порошенко просто некий символ, практически не имеющий власти, и обращать на него внимание совершенно не стоит. А что касается внутриэлитных разборок на Украине — нам же с вами не интересно мнение каких-то офицеров в дивизии СС «Галичина»? Она для нас неприемлема. Я имею в виду дивизию СС «Галичина» и нынешнюю украинскую элиту, которая довела страну до гражданской войны.

Если говорить о внутренней политике, о раскачивании ситуации, то важно вспомнить, что в этом году столетие революции. Нужно сказать, что «раскачать» ситуацию в стране пытались, пытаются и будут пытаться. Это постоянный процесс. Для этого всегда находится какой-то повод: выборы, ухудшение социально-экономической ситуации либо столетие революции. Я думаю, что ничего выдающегося в 2017 году не произойдет, и единственное, что мы должны вынести из столетия революции, что она не должна повториться.

К разговорам о том, что Ленина нужно захоронить, я отношусь резко отрицательно. Я считаю, что Мавзолей, Ленин, статус-кво должны быть сохранены для наших потомков, которые лет через 100—200 примут какое-то решение. Раз подобные разговоры приводят к распаду нашего общества, значит, такую дискуссию нужно исключить.

Сегодня возникает немало исторических скандалов: «Ельцин-центр», Космодемьянская, которую выставляют сумасшедшей, мифы о блокаде в Ленинграде, списки НКВД. Очевидно, это попытки усилить раскол в нашем обществе, которое разделено условно на две части, очень неравнозначные по размеру. Примерно 95 % — нормальные, обычные граждане, любящие свою страну, и примерно 5 % — либералы, зараженные западничеством, которое в итоге приводит к тому, что они ненавидят все русское: историю, героев, Советский Союз, даже Царскую Россию. И эта либеральная прослойка хорошо организована, в ней достаточно много так называемой интеллигенции. Поэтому она сильно не пропорциональна своему размеру в обществе и представлена в СМИ. А через нее уже действуют зарубежные государства, которые заинтересованы в десакрализации наших героев, разрушении нашей истории, в том, чтобы уничтожить ту почву под ногами, на которой стоит любой народ.

¹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр ДУГИН

ЭКСТЕРРИТО- РИАЛИЗАЦИЯ БОЛОТА. МИССИЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); главный редактор телеканала «Царьград»; владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

В предвыборной кампании Дональд Трамп выдвинул лозунг, который подхватили его сторонники и который заставил дрожать его противников. «Drain the Swamp» — «Осуши Болото!»

«Болото» — вот новый термин для секты глобалистов, адептов открытого общества, помешанных представителей ЛГБТ, армии Сороса, постгуманистов и многих других. Осушить это Болото является целью не только Америки, но мировой (всеобщей) задачей для всех нас.

Каждый народ находится сейчас во власти своего собственного Болота. Но все мы вместе должны начать борьбу с русской, французской, немецкой и другими версиями Болота. Нам необходимо избавиться от его влияния в нашем обществе. Так давайте объединимся в борьбе с нашим общим врагом вместо того, чтобы враждовать между собой. Осушители всего мира должны быть едины.

Следующий важный момент — антиамериканизм — подошел к концу. Не потому, что он был ложной установкой, как раз, наоборот: сами американцы начали с себя эту революцию против той стороны американской цивилизации, которая ненавистна всем нам. Сейчас европейская правящая элита, так же как и часть российской элиты (будучи до сих пор либеральной), не может быть обвинена (как раньше) в том, что она слишком «проамериканская». Отныне она должна быть обвинена в том, что эта элита не что иное, как коррумпированная, извращенная, жадная банда банкиров и разрушителей культур, традиций и самобытности той или иной страны. Итак, давайте же бороться с этим европейским Болотом! Довольно олландов, меркель, довольно Брюсселя. Европа для европейцев! Сорос и его секта должны быть публично осуждены.

Отныне Болото — явление экстерриториальное. Точно так же, как и международная террористическая сеть. Болото одновременно везде и нигде. Еще только вчера его центр, его самое ядро находилось в США, но сегодня уже нет. Это шанс для всех нас — начать полноценное и тотальное преследование Болота. Болото больше не обличено в явную, конкретную цивилизационную форму. Тем не менее оно все еще существует и его сила огромна. Однако его антинациональная природа теперь явна и очевидна. Оно больше не скрывается за маской Америки. Это явление вышло за свои рамки. Вышло куда? В Канаду? В Европу? На Украину? На другие планеты, куда извращенные американские актрисы и актеры Майли Сайрус, Шер и другие обещали эмигрировать в случае победы Трампа. Настало время выполнить обещания. Это будет космическим туризмом. Что-то подобное «исходу глобалистов». Exodus. Глобалисты иммигрируют в непространственную утопию. Страна Либеральной Утопии — «ничейная» страна. Мы — свидетели детерриториализации Болота, глобалистских элит, мирового правительства.

Какова же структура этого явления — структура Болота?

Прежде всего, его идеология — либерализм. Нам необходимо провести Нюрнбергский судебный процесс над либерализмом, осудив последнюю, тоталитарную, политическую идеологию Модерна. Давай те же, наконец, закроем эту страницу истории.

Во-вторых, Болото — это особая постмодернистская культура. Ее цель в разложении любого бытия (жизни) путем дигитализации, навязывания шизоморфных структур и многими другими способами. Восстановление культуры — это восстановление аполлонического единства искусства. Искусство должно вернуться к холизму, к своей целостности.

В-третьих, явление транснационального глобального капитализма. Это и есть основной двигатель Болота. Кредиты и ядовитые зеленые бумаги, истерично печатающиеся FRS. Нам нужно покончить со всем этим и вернуться в реальный сектор (экономики) и к меркантилизму в международных отношениях. Только суверенное Государство должно иметь монополию на внешнюю торговлю. Остальные акторы свободны внутри.

Я хочу предложить взглянуть в новом свете на идеи Питирима Сорокина. Именно он предложил концепцию социальной динамики истории, как цепочки трех социальных парадигм, таких как идеационная, идеалистическая и сенситивная.

Под идеационной цивилизацией Сорокин подразумевал общество, основанное на абсолютном господстве Духа над материей, то есть аскетизм и подчинение материального мира духовному и религиозному началу.

Идеалистический тип — это баланс на основе гармоничного сосуществования духа и материи, где духовная часть преобладает, но не исключает (как в идеационном типе) материю.

Сенситивная (чувственная) цивилизация — это тип общества, где царит полное господство материи над духом, тела над душой. Именно сенситивный тип общества является Болотом. Раньше понятия «сенситивный» и «американский» были взаимозаменяемы. Все изменилось после победы Трампа. Сейчас сенситивная парадигма — глобальна и экс-ориентирована. Существует своего рода «Translatio Imperii» — в никуда, или же повсюду.

Сорокин подчеркивал, что циклический характер развития требует последовательности только такого рода: идеационный тип — идеалистический тип — сенситивный тип. И снова вся цепочка: идеационный тип — идеалистический тип — сенситивный тип (и так периодически). Но в этом цикле нет возврата, есть своего рода замкнутая поступательность. Идеалистическая ступень развития никогда не следует после сенситивной. В этой цепи нет возможности эволюции от Болота к полу-Болоту. После Болота появляются Солнце, Огонь, Дух. И Дух именно в его самой радикальной — аскетической — форме. Следовательно, чтобы осушить Болото, нам понадобится солнечный огонь. Большой пожар. Огня должно быть в изобилии.

Эти два столь противоположных элемента, Болото и Огонь, распределены по всей земле. Теперь геополитика становится вертикальной. Оба эти элемента могут находиться в любой точке. Смысл места в этой ситуации, Raumsinn заключается в моменте уничтожения Болота Огнем. Где? Здесь и сейчас.

Болото не является больше американской гегемонией, сам президент Америки отвергает такого рода гегемонию. Поэтому гегемония теперь не «гегемония Америки», а просто Гегемония, гегемония как таковая, с чисто постмодернистской пустотой в центре.

США находится на Дальнем Западе мира. Это — пространство полуночи. Здесь достигает своего пика конечная точка грехопадения. Таким образом, сегодня происходит момент переключения полюсов. Запад становится Востоком. Луч новой Зари вспыхивает в сердце космической Полночи. Это предвидели только самые смелые визионеры — Раймон Абеллио и Жан Парвулеско.

Путин и Трамп находятся на двух противоположных уголках планеты. В XX веке эти две крайности дали наиболее радикальные и наиболее омерзительные формы Модерна — капиталистическую и коммунистическую. Два издания Machenschaft, по Хайдеггеру. Два апокалиптических чудовища — Левиафан и демон Бегемот. Теперь, в эсхатологическую эпоху, обратные полюса воплощаются в жизнь: Великая Россия, возрождаемая Путиным, и Великая Америка, освобождаемая Трампом. И Россия, и Америка начинают с Болотом войну. Войну народов и народных вождей против глобалистских элит. Война — одна на всех. И кто-то должен будет исчезнуть с лица земли — мы или они. Приступаем. Осушение Болота — наша общая главная и единственная задача. Твоя и моя, русская и американская.

XXI век, наконец-то, начался.

Единственное, что сейчас нам нужно, так это Огонь.

*Перевод с английского
Виктории Наумовой*

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

КРЕДИТ

Глава из романа

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Питерский июнь — всегда дело ненадежное. Хочется солнца, тепла, но кто-то на небесах решает, что мало нам было слякотной зимы, сырой, ненастной весны, и в летние дни добавляет дождичка, да еще и ледяного. Не миновал суровый приговор и это лето. Погода в городе к середине июня совсем испортилась. Солнечные лучи при всей своей горячей настойчивости не могли пробить плотные стальные облака, железной хваткой объявившие город. Посмотришь в небо, и кажется, что ты находишься в самолете в зоне плохой видимости, и покачивает тебя от ветра, как крылатую машину в зоне турбулентности. Городские жители, кто порешительнее или посвободнее, имеющие спасительные личные участки за городом, с городских улиц предусмотрительно исчезли. Сладко представить, как в дачных домиках сейчас дымно топят печки, убаюкивают каминные сполохи. В тепле, конечно, можно теоретизировать на тему потепления и мириться с небесными карами.

Кому-то повезло больше, современные скоростные средства передвижения увезли курортников к жарким морским берегам или чистой воды озерам. Город опустел, в редкие перерывы между дождями он становился гулким, так что любые, особенно ночные звуки напоминали цоканье копыт коня Медного всадника, казалось, упорно преследующего тебя в старинных переулках.

Но к строителям эта лирика никакого отношения не имеет. Какой бы дождливой ни была летняя пора, календарное лето — лучшее время для строителей. Есть работы, которые можно сделать только по теплу. Поэтому всегда на стройке летом выполняется строительных работ больше, чем зимой.

Однако по «закону подлости» или человеческой психологии в лет-

ние дни свежестроенные дома не пользуются спросом. Что тут поделать?! Еще великий баснописец Иван Андреевич Крылов почти двести лет назад рассказал назидательную басню про глупую стрекозу и умного муравья. Солнце, зелень и другие летние блага так пьянят горожан, делают их такими беззаботными и неразумными, что о своем зимнем жилище почти никто не думает. И много таких городских «стрекоз» порхает по окрестностям и паркам в поисках развлечений. Но строители трудятся как муравьи.

Да, летом покупателей квартир мало. А строительство — дело непрерывное, стройку остановить нельзя. Она чем-то похожа на работу доменной печи. Перекрыть легко, а вновь «раскопчегарить» порой невозможно.

Председатель Совета директоров Акционерного общества «Феникс» Антон Анатольевич Зубков 15 июня объявил экстренный сбор Совета. Тревогу объявил не письменно — времени не было, а по телефону. Обзванивал всех сам.

— Вопрос на месте обсудим, — кратко отвечал он взволнованным коллегам. Собрались все быстро, вовремя, ждать не пришлось никого.

— Чего случилось, зачем такая спешка? — поторопив председателя, пробасил бригадир монтажной бригады Степан Иванович Рыбкин, мужик, как говорится, косая сажень в плечах. Гомон сразу утих, головы повернулись к центру стола.

— Сейчас, сейчас все расскажу, — что-то торопливо дописывая в большом, похожем на камбалу блокноте, закивал головой немолодой мужчина с черными с проседью, ухоженными волосами. Наконец он закончил свои заметки, обвел всех пристальными голубыми глазами, цвет которых до полтона совпадал с цветом его дорогой иностранной рубашки. Выражение лица явно было расстроенным. Видимо, от этого или от какого-то внутреннего недуга его лоб и щеки были покрыты широкими красными пятнами, наползающими на массивные оттопыренные уши. Сейчас председатель был похож на несчастного школьника, который при всем своем старании и желании никак не может решить математическую задачку. Проверив в манжете рукава рубашки наличие бриллиантово сияющей запонки и отерев безукоризненно чистым носовым платком пот со лба, он, наконец, произнес:

— Собрались мы по поводу наших финансовых дел.

— Что — финансы наши поют романсы? — тут же пошутил генеральный директор компании.

Председатель неодобрительно посмотрел на него и, грозно понизив тембр своего голоса, продолжил.

— Все оборотные средства израсходованы, заканчивать начатые работы на стройке не на что.

— Так что, мы уже банкроты? — деликатно задал резонный вопрос начальник отдела собственного строительства.

— Слава Богу, нет, но долги имеем, и каждый должник может обратиться куда надо и начать процедуру банкротства, — с безнадежной интонацией пояснил председатель Совета.

— Послушайте, Антон Анатольевич, не пугайте людей, — вновь резко вклинился в монолог председателя генеральный директор, — до банкротства как до Луны.

— Ну, вот и расскажи, Олег Николаевич, что у нас случилось. Вы же генеральный директор, самое ответственное лицо, — дружелюбно предложил председатель.

— Слушаюсь, — по-военному бодро ответил генеральный, но рассказ не зазвучал. Бывалый строитель, задумавшись, молчал, тщательно перебирая и складывая в стопку разрозненные листы своих деловых бумаг. Отдельные листы перекладывал сверху вниз, другие наоборот. Молчание затянулось.

— Ну, ты чего? — удивился председатель. — Долго будем ждать?

— Да вот записи ищу.

— А без них нельзя?

— Можно.

— Ну, тогда не тяни время, рассказывай.

Генеральный кашлянул, обвел взглядом собрание и, махнув рукой, как будто давая самому себе отмашку, начал говорить.

— Обстановка «фронтная», поступление средств от продажи квартир прекратилось, вернее, продажа остановилась, а все, что было на расчетном счете, мы израсходовали. — Поглядев в окно, опытный руководитель замолчал. Некоторое время молчали все члены Совета.

— И что дальше? — подтолкнул председатель.

— Я уже говорил вам, нужны деньги. Во-первых, рассчитаться с долгами, во-вторых, продолжить работы. У нас же все жилые дома с договорами.

— С какими договорами? — с неодобрительным тоном вступил в разговор руководства бригадир монтажной бригады.

— С договорами долевого участия, Степан Иванович. А по Федеральному закону, если вовремя не отдадим квартиры, дольщики шкуру с нас спустят, — отчетливо выговаривая каждое слово, объяснил как учитель отстающему ученику генеральный своему подопечному.

— Ну, понятно, — бригадир от безвыходности опустил голову и ногтем указательного пальца стал нервно отдирать сухую мозоль с правой ладони.

— Нужны деньги — берите кредит, — бесстрастно и резонно посоветовал директор по правовым вопросам. — Кто нам мешает? Это реальная практика капиталистического строя.

— Вам же, как никому другому, известно, что заем денежных средств под проценты должен быть согласован с Советом директоров.

— А кто-то — против?

— Сейчас узнаем.

Председатель Совета жестко постучал серебряным «Паркером» по столу, возвращая внимание к своей личности.

— Дело не в кредите, а в его сумме. Олег Николаевич насчитал сумму в шестьдесят миллионов, а это десять процентов от оборота! Но толком пояснить, зачем такая сумма, он не может.

— Почему не могу?! Все просто. Сегодня у нас долгов за выполненные работы, поставку бетона и арматуру, а также за проектные заказы тридцать один миллион рублей. Авансовые платежи, которые нужно произвести субподрядным организациям, составляют семнадцать миллионов, а остаток на нашу жизнь.

— Что, сейчас, в такие трудные времена надо давать авансы? Может, квартирами возьмут? — глухо проговорил председатель.

Генеральный отрицательно замотал головой.

— Антон Анатольевич, — почти закричал он, — ну сколько говорить вам, что есть платежи, за которые квадратными метрами не рассчитаешься.

Разве это можно сделать за приобретение лифтов, газовых котлов, оборудование для инвалидов? А платежи за присоединение электричества, воды, тепла, канализации!!!

— Чего кричишь, скажи лучше, ты хоть с одним субподрядчиком рассчитался когда-нибудь квадратными метрами? Молчишь. Вспомнить нечего. Конечно, живыми деньгами рассчитываться легче!

Генеральный что-то хотел возразить, но раздумал и обиженно уставился в окно. Тишина затянулась.

— Антон Анатольевич, — неожиданно зазвучал выразительный, с нежными модуляциями голос Людмилы Петровны Завьяловой, главного бухгалтера общества. Это была полноватая женщина лет шестидесяти. Вероятно, она считала, что стильная стрижка под мальчика и яркий красный маникюр делают ее моложе, увереннее. Наверное, так оно и было, так как к своей работе претензий она не получала, была исполнительна, понятлива, компетентна — молодым в пример.

— Для чего мы собрались — послушать вашу перепалку с Олегом Николаевичем или принять решение? — пожурела она по-матерински споривших начальников. — Нам всем понятно, что главный человек в принятии решения это вы, Антон Анатольевич, и не только потому, что председатель.

— Людмила Петровна, я собрал всех вас для того, чтобы вы помогли мне в разрешении трудной ситуации. Кредитов мы не брали лет десять. Мы, понятно, все обсудили и с вами, и с Олегом Николаевичем. Как всегда надеешься на чудесный случай. Вдруг кто-то предложит неординарное решение.

— Нет. Такого решения, Антон Анатольевич, быть не может, и никто ничего не предложит, — категорично парировала бухгалтер.

— Думаю, вы правы, уважаемая Людмила Петровна. Вам я доверяю.

Снова нависла пауза. Но уже более короткая: через несколько секунд под председателем тяжело заскрипел стул — это Антон Анатольевич решил выйти из-за стола. Он подошел к окну, хлестко откинул штору, повозившись с ручкой стильного пластикового окна, резко откинул фрамугу. Повернувшись к членам Совета и нависнув над ними всей массой своего плотного тела, упакованного в безукоризненный темно-синий в тонкую полоску эсовского производства костюм, удачно скрывающий недостатки его фигуры, и навязчиво благоухающий модным парфюмом, беспрекословно произнес:

— Давайте принимать решение. Кто у нас ведет протокол?

— Я, Антон Анатольевич, — смущенно откликнулась миловидная молодая женщина.

— Ой, извини, Анна Ивановна, запямятовал, наверное, от переживания. Запиши, пожалуйста: «Обсудили и приняли решение разрешить взять кредит в сумме сорок пять миллионов рублей». Кто за это предложение прошу поднять руки? — уже более уверенным голосом произнес председатель Совета.

Без прений все члены собрания проголосовали «за».

— Ну, вот и хорошо. Даже отлично! — с облегчением подытожил председатель.

— Чего хорошего? — недовольно буркнул генеральный директор «Феникса».

— Олег Николаевич, не волнуйся, радуйся решению и планируй работу, — по-отечески заботливо произнес председатель.

— Берем деньги чужие, а отдаем свои. Не надо забывать об этом — неодобрительно вставил генеральный.

— Можно идти? — нетерпеливо вклинился в перепалку бригадир.

— Да, коллеги, все свободны.

Как было душно в кабинете председателя, члены собрания ощутили только тогда, когда вышли в приемную с настежь распахнутыми окнами. В кабинете осталось начальство — генеральный директор, председатель Совета и главный бухгалтер.

— Решение принято, дорогие коллеги, — с той же своей отеческой интонацией продолжил прерванную тему председатель, — займитесь реализацией. В каком банке будем брать кредит, Олег Николаевич?

— Вы так говорите, как будто они в очередь выстроились и только того и ждут, когда мы их подрастрясем.

— Но это же их работа.

— Не буду спорить и вдаваться в экономику, Антон Анатольевич. Начнем с банка, в котором у нас открыт счет уже более тридцати лет.

— Хорошо. Держите меня в курсе. Главное, чтобы проценты были не запредельные.

— У всех банков проценты практически одинаковые, разница в десятых долях, — успокоила Людмила Петровна, кокетливо покручивая золотое кольцо на своем холеном пальце.

Сразу же, из своего кабинета, Олег Николаевич позвонил управляющей отделения Инвесткомбанка, с которым они работали не одно десятилетие.

— Приезжай, Олег Николаевич, завтра к десяти часам, буду рада, — приветливо, но коротко ответила Татьяна Александровна Бойцова, он помнил эту красивую женщину еще девушкой, начинающим специалистом.

Генеральный директор «Феникса» Олег Николаевич и главный бухгалтер Общества Людмила Петровна прибыли в банк к назначенному времени, их встретили не то что любезно, можно сказать, радушно. В комнате для переговоров угостили чаем с печеньем и конфетами в золотых фантиках, рассказали о работе банка. Внимательно выслушали просьбу о кредите.

Договорились, что в течение двух дней Людмила Петровна передаст по электронной почте необходимые документы, отражающие финансовую жизнь предприятия за последние три года. Олег Николаевич со всей прямотой строителя неодобрительно усмехнулся. На это его добрая приятельница Татьяна Александровна грациозно развела руками, потрепетала ими как Царевна Лебедь крыльями, так что рукава прозрачной кофточки вскинулись до локтей, обнажив заманчивые запястья банковской служащей, украшенные массой разновеликих золотых, мелодично звякнувших браслетов. И с милейшей улыбкой добавила:

— Тут уж ничего не поделаешь, такой у нас порядок. Иначе кредитный комитет рассматривать заявку не станет.

— А что? — решение по кредиту не вы принимаете? Не ваше отделение? — по-детски удивился генеральный.

— Конечно, нет. Мы рассматриваем только начальные документы, дальше все переходит в центральный офис, там вашу деятельность проанализируют, если все в порядке, то поступит команда или нам, или специаль-

ной службе оформить кредитный договор. Да вы не беспокойтесь, все это проходит быстро, — певуче завершила пояснения умудренная банковским опытом сотрудница.

— Быстро, по-вашему, это сколько? Сколько времени уходит на это «быстро»? — заметно нервничая, уже без любезности в голосе спросил горе-проситель.

— Недели две, в меньшее время не уложиться.

— Две недели?! — оторопело воскликнул Олег Николаевич.

— Ну а что вы хотели? Пока ни у вас, ни у нас нет ни одной бумажки.

— Да как же так? Вы знаете нас уже десятки лет! — возмутилась главный бухгалтер «Феникса».

— Давайте не будем спорить, чем быстрее документы предоставите, тем меньше времени уйдет на оформление договора, — строго подытожила Татьяна Александровна, но попрощалась любезно.

Вернувшись в офис, не откладывая ни на минуту, Олег Николаевич взял у Людмилы Петровны перечень документов, так необходимых банку. Листая лист за листом, он удивлялся все больше и больше, то краснея от возмущения, то бледнея от негодования.

— А зачем им балансовый отчет за последние три года? А? Людмила Петровна?

— Не понимаю, Олег Николаевич, каждый квартал мы свои балансы им направляем.

— Может, они сжигают их или в макулатуру сдают? — попытался неудачно пошутить директор.

— О, Людмила Петровна! Балансовые отчеты это мелочь, дальше идут требования. Нужно предоставить отзыв о нас других клиентов банка, доходы, расходы по управленческой деятельности, список товарно-материальных запасов, право собственности на всю недвижимость и технику и дальше в таком же духе... Сорок пунктов! Они чего, озверели, что ли? Им что, залога мало? Нужно знать все до последнего гвоздя о кредиторе, — отирая пот со лба, печально закончил свой монолог руководитель строительства.

Людмила Петровна оказалась более выдержанной. Она только покачала головой, поясняя генеральному:

— Наши возмущения останутся без ответа. Они вроде как благодетели. А мы просители. Вживайтесь в эту роль терпеливо, уважаемый Олег Николаевич.

— Мы же деньги отдаем с огромными процентами. Наоборот, они нас должны любить-уважать.

— Не спорю ни с вами, ни с ними. Знаю по опыту точно: лучше никаких кредитов не брать.

Три дня готовили документы, созванивались с сотрудниками Инвесткомбанка, что-то поправляя сразу же под их диктовку. Кажется, требующийся объем подготовили идеально. Сдали.

Каждый день Олег Николаевич ожидал вестей из банка. По прошествии первой недели позвонил, получил вежливый успокаивающий ответ:

— Все в порядке, идет проверка, перепроверяется стоимость вашего залога. Для некоторых документов требуется компетенция других специалистов. Позвонил еще через неделю.

Откликнулись через три. Нежный женский голос любезно пригласил заявителей в центральный офис, находящийся на площади Репина.

В тесной комнатенке, со втиснутыми в нее тремя офисными столами и двумя книжными шкафами, стулья для посетителей были не предусмотрены. Для уважаемого руководителя «Феникса», однако, принесли скользкий пластиковый стул из коридора, бухгалтеру предполагалось стоять в дверях. Олег Николаевич уступил предоставленное ему место молодой своей коллеге, а сам встал у окна. Времени на рассмотрение окрестностей оказалось предостаточно. Два молодых человека, один из которых, как потом выяснилось, возглавлял отдел корпоративных клиентов, а другой был заместителем директора департамента по кредитной политике банка, извинившись, ушли на совещание к начальству. Не было их около часа. Олег Николаевич грустно рассматривал пасмурное питерское небо, потом перевел взгляд на заваленные бумагами столы, отметил, что стопки бумаг лежат на подоконнике и даже на полу между шкафами.

— Да, Людмила Петровна, смотрю я на это все и думаю, что ждут нас здесь недобрые вести. Если бумаг много и нет им порядка, значит, нет порядка и в деле.

— И в голове, — не очень оптимистично добавила бухгалтер. — Но не будем расстраиваться раньше времени, Олег Николаевич.

Наконец вернулись бодрые молодые работники банка, радостно сообщили, что освобожден кабинет директора департамента и там им разрешено провести переговоры. Новое помещение настроило на более оптимистичный лад. Комната хоть и не была большой, но зато бумаги по углам не валялись. Все расположились вокруг овального, похожего на журнальный, столика.

Руководитель отдела, не представившись, начал первым.

— Мы подробно рассмотрели заявку «Феникса», произвели оценку земельного участка с построенными домами-коттеджами. Получилось — пятьдесят миллионов, — невыразительным голосом констатировал молодой человек в модных узких брючках, подчеркивающих некоторые детали его телосложения, и пиджачке, из которого, казалось, он давно вырос. Олег Николаевич не был знаком с тенденциями офисной моды и про себя удивился такому внешнему виду молодежи. Но он оказался просто ошеломленным, когда осознал названную цифру.

— Сколько? Вы что, с ума тут все посходили? — закричал бывалый строитель. Только что кулаком по столу не стукнул.

— Пятьдесят миллионов, — совершенно спокойно повторил молодой человек.

— Там ведь кадастровая стоимость определена государственной комиссией, и она равна двумстам миллионам.

— Олег Николаевич, давайте не будем спорить.

— Я не спорю, я поясняю тем, кто в этом не разбирается — злясь и сжимая кулаки, пытался переубедить молодых людей строитель. Людмила Петровна пока в разговор не вступала, только успокаивающим жестом погладила его руку. Молодые «банкиры» оставались невозмутимыми.

— Пожалуйста, выслушайте нас, после этого мы вас послушаем, — говорил второй:

— Итак, оценка вашего залога практически равна кредиту. Это не очень хорошо. Да и залог неликвидный.

— Как это так? — рявкнул Олег Николаевич.

Но молодые клерки, не удостоив вниманием его возмущение и невзирая на негодование просителя, невозмутимо продолжали.

— В случае невозврата кредита реализовать этот залог будет трудно, может быть, и невозможно. Поэтому требуется, чтобы кто-то из руководства компании подписал поручительство и принял на себя обязательство нести ответственность за кредит.

— А что, залога мало? — спокойно проговорила Людмила Петровна. — Молодые люди, извините, не знаю, как вас по имени-отчеству, но поясните свои расчеты.

Банковские сотрудники не удостоили гостей чести представиться по форме, лишь подали визитки да одарили взглядами ледяных глаз. Тот, кто казался главнее, снисходительно произнес:

— Признаюсь, Олег Николаевич, трудно говорить с человеком, не знающим простых истин.

— Это вы обо мне? Ээ... — Олег Николаевич вчитался в одну визитку, потом в другую. — Если не ошибаюсь — Денис Александрович?

— О вас, о вас. Вы, опытный производственник, должны знать, что в российских реалиях ответственность юридического лица ограничена стоимостью имущества, которое заранее может быть выведено из владения организации, и кредитор может остаться ни с чем. Так что каким бы грамотно составленным ни был договор, риск неисполнения обязательства всегда есть. Поручительство — один из способов обеспечения обязательств. Суть данного способа заключается в том, что в случае неисполнения должником своего обязательства поручитель должен погасить все негативные последствия такого неисполнения.

— И без этого кредит не получить?

— У нас — нет.

— Здорово, ребята. Хорошо устроились. Вначале залог уменьшили в четыре раза. Да там только земля стоит пятьдесят миллионов, это же Петергоф, рядом Английский парк! По-вашему, трехэтажные коттеджи площадью пятьсот квадратных метров каждый равны по стоимости двухкомнатной квартире? — краснея, доказывал генеральный.

— Да вы успокойтесь, — перебил его один из клерков, которые теперь Олегу Николаевичу казались оба на одно лицо — так они походили друг на друга в своей бессердечности, вызывающей презрительности к просящим.

— Нам от вас ничего не надо, — с металлической интонацией выговаривал второй. Вы же кредит берете. А если у вас на стройке все так прекрасно, продайте построенное. И деньги будут. Что же вы к нам пришли? Мы кредитное учреждение, наш товар это деньги. Поручительство достаточно эффективный способ, чтобы повысить ответственность руководителей. Так, например, член акционерного общества или генеральный директор, давший поручительство за организацию, уже не сможет легко уйти от ответственности за неисполнение обязательств подконтрольной фирмой.

— В вашем случае поручительство должен дать председатель Совета директоров, — важно пояснил другой «торговец деньгами».

— Кто? — поперхнулся бедный строитель-руководитель.

— Председатель Совета директоров, — медленно повторил клерк — У вас лично слишком мало имущества, да и человек вы наемный. Еще

раз подчеркиваю, если вы уверены в том, что взятые обязательства будут исполнены, то незачем опасаться договора поручительства. Правильно? — молодой человек кивнул на главного бухгалтера, приглашая ее к разговору.

— То есть, если я вас правильно поняла, — спокойно сказала Людмила Петровна, — сначала мы должны представить залог. Независимая компания, которую вы выбираете сами, этот залог должна оценить. Если оценка и сумма заявленного кредита совпадают или оценка окажется выше, мы должны оформить дополнительно поручительство на возврат кредита в случае какой-либо нашей некредитоспособности. Я правильно понимаю алгоритм сделки?

— В целом, да. Чувствуется, что вы, Людмила Петровна, человек опытный в финансовых делах, — скривив губы в ухмылке, которая должна была означать любезную улыбку, наконец смиловившись «торговец».

— А в каком случае поручитель погашает кредит? — не унимался Олег Николаевич.

— Поручительство — вид обеспечения обязательств по кредиту. Поручитель — человек, обязующийся перед банком в случае неисполнения обязательств, возложенных по кредиту на заемщика, выполнить их за него. Сразу видно, Олег Николаевич, что вы давно не брали кредит. Это обычная практика.

— Век бы не брать чужие деньги.

— Не берите, мы не настаиваем.

— Почему не настаиваете, если говорите, что деньги — товар. Товар надо продавать и прикладывать к этому и умение, и желание, и способности. Или я ошибаюсь?

— Олег Николаевич, давайте по этому поводу не будем дискутировать. Вы, кажется, поняли наши условия. В случае вашего согласия и подписания необходимых документов на счет «Феникса» сразу же будут перечислены денежные средства, — намереваясь поскорее избавиться от несговорчивых заемщиков, торопливо проговорил один из парней.

А другой, видимо желая улучшить впечатление от тяжелого разговора, пошутил:

— Вы должны соответствовать своему названию. Феникс — такая птица, что даже из пепла возрождается. И вам удастся.

Но Олег Николаевич не унимался, доказывал, что опытного директора из «работяг» не проведешь.

— Мы же о самом главном не поговорили, о процентной ставке! — воскликнул он с деланной веселостью.

— Ну, она обычная в таких случаях и составляет пятнадцать процентов.

— Это конечная цифра? — недоверчиво спросила Людмила Петровна.

— Не совсем, добавляется кое-какая мелочь.

— Так вы уж говорите все, Денис Александрович, — погрозил пальцем огромной рабочей руки генеральный директор.

— Добавляются комиссионные, проценты за банковское обслуживание.

— Так мы же работаем с вашим банком, зачем открытие нового счета?

— Но на кредитную сумму открывается отдельный счет.

— Зачем?

— Олег Николаевич, это банковские правила, догма, они не обсуждаются.

— Так какой же все-таки окончательный процент по кредиту, Денис Александрович? Говорите же наконец! — вскочил из-за стола генеральный директор «Феникса».

— Со всеми мелочами примерно семнадцать процентов. Извините.

С этими словами молодой человек бесшумно выскользнул из помещения по какой-то неотложной надобности. За ним поспешил и второй. «Ну прямо как Бобчинский и Добчинский», — подумал Олег Николаевич. В комнате установилась тишина, через которую только сейчас отчетливо просочились прежде незамеченные запахи пыльной бумаги, тяжелой мужской туалетной воды и остатков еды.

Олег Николаевич от омерзения передернул плечами, прошелся по комнате и повернулся к окну.

— Слушай, Людмила Петровна, ну что за погода! Опять пошел дождь.

— Дождь, а при чем дождь, Олег Николаевич? — встрепелась женщина.

— Я говорю, на улице идет дождь.

— Прости, не поняла, я еще не отошла от нашего разговора за овальным столом.

— Да какой это разговор? Это нас с тобой как котят носом тыкали два пацана, они нам ведь в дети годятся. Не пойму, то ли им не очень хочется давать нам кредит, то ли поглумиться хотят над нами, отставшими от финансово-технического прогресса.

— Похоже и то, и другое. А главное, ведь все в удовольствие этим деятелям.

В комнату вернулся Денис Александрович.

— У вас будут еще ко мне вопросы?

Олег Николаевич, молча, подал бланки пропуска. Молодой человек с облегчением подписал их и радостно шлепнул штампы.

— Вы думайте, как только будете готовы, свяжитесь с отделением нашего банка.

— Хорошо, Денис Александрович. А можно вопрос не по теме?

— Конечно, постараюсь ответить, если смогу.

— Мне показалось, что вы и ваш коллега не хотите удовлетворить нашу заявку на кредит.

Денис Александрович в первый раз прямо посмотрел в глаза директора, неуверенно пожал плечами. Зачем-то махнул рукой, словно споря с самой собой, и как выдохнул:

— Хотите честно, Олег Николаевич? Мое мнение?

— Конечно, хочу.

— Я твердо уверен, что кредитовать строительные организации, у которых меньше четырех проектов в портфеле, банку не интересно. Это мелочь. Это лишний труд.

— Но у нас же либеральная экономика, Денис Александрович, вернее, такую мы стараемся построить с упором на средний и малый бизнес. Ведь понятно, что без кредитов ни один застройщик развиваться не может.

— Вы задали мне вопрос, я честно ответил. В строительстве не должно быть мелких и средних организаций-застройщиков. Только крупные! А остальные должны или уйти на покой, или объединяться с другими. А давать кредит или не давать, решаю не я, а руководство. Моя задача донести

до вас банковские правила. И я, кажется, донес. Извините, мне пора. — Не подав руки и приняв прежний вид панцирного существа, типичный представитель «нашего будущего» повернулся к просителям спиной и зашагал в противоположном от них направлении. Он шел по коридору твердой походкой человека, абсолютно уверенного в своей правоте.

— Ну что, Людмила Петровна, пойдемте докладывать председателю Совета про банковские правила. Думаю, они не придутся ему по душе.

Главный бухгалтер отреагировала вяло, она словно потерялась, ссутулилась, ее оптимизм исчез, казалось, она поняла свою профессиональную беспомощность перед новым жестоким прагматичным миром, в котором есть место Закону, но нет понятия Милосердие.

Стареющая женщина знала, что необходима предприятию для подготовки бухгалтерских отчетов, выведения статистических результатов. Но сегодня эта необходимость показалась ей ненужной предприятию, устаревшей, чем-то из далекого прошлого. От этого осознания или от чего-то другого у нее появилась часто последнее время повторяющаяся колющая боль в голове, которой она так боялась, так как не могла справиться с ней ни одним из имеющихся у нее лекарств. Помогали только отдых и душевный покой. Поскорей бы на улицу выбраться, скорей бы уйти, не видеть этот банк, этих лощеных лицемеров. Скорей бы!

* * *

На другой день Антон Анатольевич, только вздыхая, внимательно выслушал генерального директора. Удивительно было то, что председатель ни разу не перебил, не переспросил Олега Николаевича. Его известной привычкой было перебивать любого, не делая уважения ни возрасту, ни должности. Манера «начальствовать» в жизни и на работе приносила ему порой плохие плоды.

Но сегодня, даже когда Олег Николаевич замолчал, председатель не заговорил, но, сугутясь, несколько раз прошелся по кабинету, вздыхая, не глядя на собеседника.

«Что это с ним? Неужели я так его расстроил, да ничего вроде не сказал трагического», — следя за передвижениями начальника, подумал генеральный.

Тот словно услышал мысли Олега Николаевича, подошел к нему вплотную.

— Говоришь, мое поручительство — догма, необходимый атрибут банковских правил, — и, не дожидаясь ответа, заорал:

— Сволочи они, забыли, как несколько лет назад спасали их всем миром, забыли, что жируют на наши деньги, забыли, что мы с первого дня с ними, что в новой жизни учреждали их! Стервятники, понастроили новейших зданий по всему городу, разводят людей как лохов! Поручительство им дай! Правила у них такие! — тут председатель перешел на шипящий шепот. — Зажрались, решили, что все принадлежит им. Мелочи не хватает, решили через поручительство отобрать. Вот им... — председатель неуклюже присел и стал показывать кукиш, куда-то вверх, высовывая до невероятной длины большой палец.

— Антон Анатольевич, успокойтесь, пожалуйста.

— А ты меня не успокаивай, я не больной. Пошли они, знаешь куда?!

— Знаю.

— Тогда иди, дай мне подумать.

Директор поспешно закрыл за собой дверь. В коридоре немного успокоился, но чувство отвращения, впервые появившееся от запаха в комнатке банка вчера, появилось сегодня снова, причем оно казалось сильнее, непереносимее. Настоящая тошнота подкатила к горлу. И только выйдя на улицу и подставив лицо непрекращающемуся с утра дождю, он почувствовал облегчение. Дождь показался ему тем милосердным средством, которое смывает не только следы на асфальте, но и следы человеческих обид с души.

На другой день, не успев еще снять плащ, он увидел председателя, заходившего в его кабинет.

— Здравствуй, Олег Николаевич.

— Здравствуйте, Антон Анатольевич.

— Ты помнишь Владимира Павловича Бубнова?

— Не только помню, но и знаю, мы иногда перезваниваемся, поздравляем друг друга по праздникам.

— Так ты, выходит, знал, что он первый заместитель председателя правления Городского банка?

— Знал, конечно.

— А чего молчал?

— А что я должен был сказать?

— А того, что его банк готов дать нам кредит без всяких крючков и загогулин.

— Ну здорово, если так!

— Здорово-то, здорово, но мне приходится во все влезать самому. На вас положиться нельзя. Или все вы лодыри, или несообразительные такие?

Олег Николаевич промолчал, зная, что перечить руководителю нельзя, тем более в такой ситуации.

— Так вот, — после минутных раздумий приказал председатель, — через два часа мы у него.

— Буду готов. Главбуха брать?

— Нет, не надо. Возьми те же бумаги, что вы готовили для Инвесткомбанка.

Первый заместитель председателя правления Городского банка Владимир Павлович встретил их в своем просторном, залитом светом даже в этот дождливый день кабинете нового двадцатипятиэтажного здания, которое словно каменная глыба нависло над двух- и пятиэтажными домами ближней округи. Внутренние помещения были отделаны ослепительно красивыми декоративными материалами, натуральными полудрагоценными камнями, украшены импортными светильниками и мебелью.

Бесшумные лифты мгновенно возносили на нужный этаж пассажиров, казалось, что ты в самолете, даже уши закладывает из-за быстрого перепада давления. Банкир остался очень доволен впечатлением, произведенным на своих гостей. Усадив их возле окон-витражей, из которых видна была большая часть города, вызвал сотрудника и попросил Олега Николаевича поработать с ним, пока они с Антоном Анатольевичем поговорят за чашечкой кофе.

Сотрудник оказался специалистом дельным, понятливым, конкретным, лишнего не спрашивал и не говорил. Просматривая документы, он задал

несколько уточняющих вопросов и оказался готовым к докладу начальству раньше установленного времени.

— Ну, доложи нам, уважаемый, — со сладкой улыбкой, казалось, промурчал Владимир Павлович.

— Могу сказать, баланс у них хороший. Заемного капитала нет, доля собственных средств в оборотных активах в норме, нераспределенная прибыль положительная. Если речь идет о кредите, то залоговой массой может служить здание, где расположен офис организации, а также земля и цеха производственной базы.

— А коттеджный поселок в Петергофе, земля и построенные избушки, что, не могут быть залоговой массой, молодой человек? — удивился председатель.

— Почему? Могут, но это настолько неликвидный залог, что о нем можно говорить в случае небольшой суммы кредита. А вы просите слишком много.

— Откуда вы знаете, что он неликвидный? Что, за десять минут определили? — уже заметно горячась, бросил Антон Анатольевич.

Сотрудник молчал, поглядывая на своего руководителя.

— Чего молчишь, Семен Абрамович? Говори, что думаешь, — все еще с мягкой кошащей улыбкой, кивнув головой, поторопил начальник подчиненного, — Почему такое историческое место не оценил?

— Хорошо, Владимир Павлович, скажу, — важный специалист резко повернулся к Антону Анатольевичу и негромко, но отчетливо, словно выученный урок, произнес.

— Ликвидность имущества характеризуется тем, насколько быстро объект можно обменять на деньги. К глубокому сожалению, у банка имеется несколько объектов, подобных вашему в Петергофе, недалеко от названного земельного участка, но продать мы их не можем уже длительное время. Спрос на такие дома отсутствует.

— Тебе понятно, Антон? — уже серьезно кивнул в сторону представителей «Феникса» банкир.

— Понятно. И что, мне их век не продать?

— Продать все можно, занятие это только не из простых. Нужна реклама, деньги, время и терпение. Но в залог мы их не возьмем, — категорично и жестко закончил мысль Владимир Павлович и положил обе своих руки с локтями на стол, словно подвел черту.

— Я понял, — Антону Анатольевичу, казалось, больше сказать было нечего. Но он цеплялся за соломинку:

— Но ведь наш офис имеет порядочную стоимость, я уж о земле и цехах на производственной базе не говорю, там миллиарды рублей.

— Причем здесь стоимость, Антон Анатольевич? Мы оценку проведем и любую стоимость сделаем, главное ведь не это. Главное, кредит надо отдавать, а залог — это лишь часть договорного механизма.

— Владимир Павлович, и я об этом же. Тогда мне не понятно, почему для вас один залог ликвидный, а второй нет. Такое впечатление, что вы уже примериваете наш залог к своей собственности.

Дальше банкир разговаривал с председателем Совета директоров «Феникса» тоном учителя с тупым учеником.

— Есть четкие банковские правила, согласно их мы действуем. Нарушение чревато большими бедами.

— Ну, а если ликвидного залога нет, а есть вот такой, как наш коттеджный поселок? Что, кредит не дадите?

— Бывали случаи, что не давали. Банки к строителям относятся жестче, чем к остальным. Сегодня у строителей высокие риски, да и с прозрачностью не все чисто.

— Что это за прозрачность, Владимир Павлович?

— Это когда деньги просишь на одно, а расходуешь на другое. Из-за этого, как нам кажется, и просрочка по кредиту растет.

— Так я не понял, ваш банк сможет дать нам кредит?

— Сможет, но только под здание вашего офиса, — уже ледяным тоном выговорил Владимир Павлович.

— Без поручительства?

— Зная вас обоих, без него. Мне офиса хватит. Кредита не отдадите, я там отделение банка размещу.

— Спасибо и за это. А о проценте можно спросить?

— Обо всем можно спрашивать. Берем мы с вашего брата пятнадцать процентов плюс расходы за комиссию, страховку и содержание счета. В общем, набегает какая-то мелочь.

Услышав знакомую, слышанную в другом банке фразу, Олег Николаевич опять передернул плечами, как от холода, и ощутил приступ беспричинной тошноты. Он судорожно начал глотать воздух и скопившуюся во рту слюну. Но никто этого не заметил

— Наша-то маржа небольшая. Мы ведь деньги у Центрального банка покупаем, — продолжал Владимир Павлович.

— Понятно, — Антон Анатольевич обвел взглядом хоромы банкира. Тот, уловив этот взгляд, пояснил:

— Нет, на маржу такое не построишь, брали кредит долгосрочный. В кабалу, знаешь, какую влезли?

Антон Анатольевич на последние слова что-то хотел возразить, но вовремя передумал и стал прощаться.

— Спасибо, Владимир Павлович, должником твоим буду.

— Ну, если кредит возьмешь и не отдашь, то будешь, — шутливо ответил банкир. — Жду от вас материалов, необходимых для выдачи кредита, только побыстрее. Надеюсь, что недели хватит.

Уже в машине председатель спросил Олега Николаевича:

— Ну что ты скажешь?

— Да хрен редьки не слаще, нужно спросить в Инвесткомбанке, если офис возьмут в залог без поручительства, то зачем менять банки, это ведь тоже непростое дело.

— Не надо ничего делать, Олег Николаевич, дам я поручительство, растягивая в задумчивости слова, смиренно произнес Антон Анатольевич. — У тебя уверенность есть, что кредит отдадим?

— Уверен на все сто, Антон Анатольевич.

— Тем более. Так что с завтрашнего дня оформляем кредит в нашем банке.

— А чего ты так вдруг решил, Антон Анатольевич?

— А ты не видишь, как он с нами разговаривал? Кто мы для него, — тягло. Видишь ли, они такой дворец на кредит отгрохали. Ты поверишь? Что нам-то, строителям, туфту гонят?

— Да не заводитесь вы, Антон Анатольевич.

— Ты прав, Олег Николаевич, что тут духариться, лишний раз убеждаюсь, что сегодня банки превратились в вымогателей. Они стали предприятиями, официально занимающимися рейдерством.

— Ну, вы хватили.

— Ничего я не хватил, ты ведь слышал, как банкир уже уверен, что из нашего офиса отделение банка сделает.

— Но это ведь в случае, если мы кредит не отдадим.

— Я уверен, он случай этот спровоцирует в любом случае. Ему ведь что нужно — получение информации о финансовом состоянии нашего предприятия, а точнее — о финансовой устойчивости и ее пределах. После того, как эта информация будет собрана, даст задание своим фирмочкам скупить нашу кредитную задолженность.

— Антон Анатольевич, да кто мы для них, мелочь.

— С крупными они не связываются, слишком много сил потребуется приложить, чтобы их облапошить, а с малых по зернышку — и полный достаток имеют. И дворцы строят. Ты мне скажи, как у нас произведена оплата налогов?

— Налоги все оплачены, а что такое?

— Ничего особенного, эти ребята могут организовать заявление любого человека в правоохранительные органы, а проверка может подтвердить признаки наличия состава преступления, неуплаты 100 рублей административного штрафа. И поехало.

— Ну, что-то вы совсем все видите в черных красках.

— Если бы я с этими ребятами не был знаком.

— Вас послушать, Антон Анатольевич, контору надо закрывать.

— Контору закрывать не надо, а кредит нужен как можно быстрее. Езжай в наш банк, уговаривай, упрасивай, но без денег не возвращайся. И так затянули, уже на улице август. А я попробую потянуть время с Владимиром Павловичем, дернул меня черт обратиться к нему.

* * *

На другое утро Олег Николаевич отправился в свой банк. Август выдался теплым, солнечным. Только в тени иногда настигали ледяные порывы ветра, как доказательство того, что лето не вечно. Илья Пророк уже бросил льдинку во все водоемы, остудил реки и озера. «Как это ему удастся — сразу и во все», — подумал Олег Николаевич, поежившись от налетевшего порыва ветра. Этим утром он впервые увидел на дворовой березе несколько желтых листочков. Один оторвался и сейчас кружил над его головой, как воздушный янтарный кораблик. Генеральный вспомнил, что недавно видел янтарное украшение с такими же листочками-корабликами на столе в Городском банке. Присмотревшись к своему, убедился, что этот, березовый, краше того, вечного, янтарного, недвижимого. Этот ведь живой. И даже когда ляжет зимой в землю — весной станет ей, родной, источником энергии. И так весело ему сделалось от осмысления этого процесса, от осознания неиссякаемости жизни и красоты.

В банке, как и прежде, встретили его очень любезно. Но надежда на то, что ему, как показывают в телевизионной рекламе, удастся получить кредит

за несколько часов, рухнула в один миг. Волна липкого ужаса окатила бывшего строителя, когда он получил перечень документов для оформления заявки.

Видя это, старший инспектор, женщина лет сорока, рассмеялась.

— Не беспокойтесь, Олег Николаевич, данные документы являются типовыми для всех банков. Во-первых, существуют требования Центрального банка по минимальному перечню документов, на фундаменте которых банк должен проводить оценку потенциального заемщика, а также его бизнеса. Во-вторых, кредит для юридического лица имеет отличия от кредита простому гражданину по сложности проведения оценки риска возврата и конечно платежеспособности.

— Но я читал, что вы даете кредит организациям малого бизнеса за три дня.

— Да, даем, но с момента предъявления полного пакета необходимых документов.

— Реклама, значит, врет? Обычное надувательство.

— Рекламе верить нельзя. Однако нам с вами будет проще.

— Это почему же, Мария Ивановна?

— Во-первых, вы наш клиент, у вас есть расчетный счет в нашем банке, поэтому учредительные документы представлять не нужно, только изменения; во-вторых, вам уже согласовали кредитную линию, поэтому нам нужна оборотно-сальдовая ведомость абсолютно всех счетов бухгалтерского учета, полная расшифровка основных фондов, складская справка, по которой видно, какие товары хранятся на складе, карточки счетов полного учета движения безналичных и наличных денежных средств. Нужны сведения о кредиторах и дебиторах, накладные и счета-фактуры, справки о постоянных расходах и еще пару десятков подобных несложных бумажек. Полного списка документов не существует, он формируется для каждого отдельного случая.

— Практически, мы — предприятие, должны вам всю свою производственную душу вывернуть наизнанку.

— Да, ведь вы занимаете деньги.

— А залога и поручительства мало?

— Мало. Олег Николаевич, не нужно ни в коем случае пугаться данного перечня. Если в вашей организации учет автоматизирован и ведется по правилам, то сделать необходимо выгрузку из программы — день работы.

Все в организации велось на современном уровне, но для того, чтобы подготовить бумаги для банка, работала бухгалтерия, производственный и договорные отделы, а два юриста не поднимали головы неделю.

И это непостижимое требование выполнили. Сдали. Однако чувствовалось, что банк с оформлением кредита не спешит. Прошли и три рекламные дня, и много больше. Ответа не было. Олег Николаевич опять обратился к милейшей своей приятельнице Татьяне Александровне. Управляющая отделением нежным голосом вновь пригласила генерального к себе. Но разговор был коротким.

— Олег Николаевич, у нас к вам вопросов нет, мы сами не меньше удивлены затягиванием процесса. Скажу вам, я не помню такого случая.

— Но что говорят ваши начальники? — Олег Николаевич, резко ткнул пальцем вверх, в сторону потолка.

— В том-то и дело, что ничего.

— Ну что же, буду пробиваться к ним, драгоценная Татьяна Александровна, а то по времени некоторые документы требуют обновления.

— Извините, Олег Николаевич, — она опять кокетливо вскинула холеную ручку с браслетами — то ли для поцелуя, то ли для рукопожатия. Директор сделал вид, что не понял этого жеста. И удостоил приятельницу сухим «до свидания».

В конце рабочего дня Олег Николаевич и Антон Анатольевич делились впечатлениями.

— Уверен, что это козни Городского банка. Владимир Павлович узнал о том, что мы берем кредит в Инвесткомбанке, тайны в этом большой нет. Правда, Олег Николаевич?

— И что, банк начал тянуть с выдачей кредита? Разве такое может быть?

— Значит, может.

— Что, они повязаны друг с другом?

— Ну, может быть, и не все, не повязанные в городе банки по пальцам можно пересчитать, в каждом друзья, родственники, товарищи, в общем, все «сестрины свояченицы детки». Ладно, что о них, рассказывай, что у нас.

— У нас на дворе сентябрь, во второй половине августа потихоньку пошли продажи, удалось сделать большой зачет за квадратные метры, так что долгов перед субподрядчиками не осталось. На счете появились деньги. В результате вовремя заплачены налоги, выплачена вся зарплата.

— Так зачем нам кредит?

— Есть еще проблемы, сорваны графики платежей по договорам присоединения с монополистами, нужно доплатить за оборудование. Но такого давления, что было летом, уже нет. Никто не подает иск на банкротство, не отключит воду, электричество.

— Здорово, Олег Николаевич! Спасибо за труд, — председатель доброжелательно потрепал генерального по плечу.

— Если вы думаете, что я один, ошибаетесь, весь коллектив лямку тянул, особенно отдел продаж старался.

— Молодцы!

— Так что мы будем делать с кредитом, Антон Анатольевич?

— Что? Подождем немного. Позовут ли, вспомнят ли?

— А если вспомнят?

— Тогда возьмем кредит, не вспомнят, и мы забудем до лучших времен.

— Удивительно, на что живут банкиры, пренебрегая нашей «мелочью».

— На что живут? Хочешь знать?

— Да, интересно, Антон Анатольевич.

— Интересно, говоришь, тогда слушай. Некоторое время назад я был связан с работой банков. Входил в состав комиссии по проверке ипотечных вкладов, надо сказать, что все кредитные организации регулярно сдают отчетность. Но проблема ее проверки связана с тем, что банки пишут огромное количество бумаг. Из них не понять реального положения вещей. Часть этих бумаг не нужна, но все пишется по инструкции, а ведь проверяют и обрабатывают их много людей. Они изучают, и если что-то находят, едут проверять. Но уже поздно — к тому времени активов нет. При всех преградах вывести из страны миллиарды довольно просто.

Самый ходовой способ — банк выдает оффшорной компании «кредит», а та благополучно не возвращает деньги. Конечно, во главе этих компаний близкие люди, даже может не по родству, но по духу — обязательно. Они связаны с менеджментом банка, но поди докажи. Большинство банкиров стараются красть незаметно и как можно продолжительнее.

— А что, Антон Анатольевич, трудно заметить кражу?

— Как тебе сказать, банкиры люди с опытом: ведут двойную бухгалтерию, чтобы в официальной отчетности не показывать средства вкладчиков, подкупают аудиторов. В конце концов, и наказания не боятся. По сравнению с украденным — оно смехотворно. Ты слышал, чтобы посадили банкира? Судить иногда судят, но чтобы посадить... Иногда для вида кто-то не особо важный отдувается. Остальные живут за рубежом, имея непостижимо для нашего ума дорогую недвижимость в самых дорогих местах мира. Но это воровство по-крупному, а есть ежедневная мелочевка. В обычной жизни — обналичка.

Понятие «мелкий банк» и «обналичка» воспринимаются как синонимы. Надо сказать, что «обналичкой» занимаются преимущественно банки, которые курируются чиновниками и определенными структурами.

Некоторые владельцы продают свой «умирающий банк» тем, кто нуждается в «обналичке». Даже если такой банк продержится полгода, его новые владельцы могут быть спокойны за комиссионные. Но далеко не все мелкие банки занимаются «обналичкой». Приоритетным направлением бизнеса для многих из них является обслуживание финансовых интересов своих учредителей. Они выполняют функцию «кармана» для своих владельцев. Бизнесмены беспокоятся за сохранность своих денежных потоков, потому предпочитают тратиться на «карманный» банк и держать в нем средства.

Вот видишь, сколько у них дел, еще надо исхитриться, чтобы деньги у населения выманить. Где уж найти время, чтобы заниматься кредитованием предприятий? Дело хлопотное, и доходы копеечные.

— Антон Анатольевич, почему же власти так пекутся о банках?

— Не о тебе же заботу проявлять? Где деньги, там и власть, это аксиома. А, может, наоборот? — усмехнулся на свое предположение Антон Анатольевич, обматывая шарф вокруг шеи уже не одним, как раньше, а двумя кольцами и поживаясь от наступающего такого долгожданного холода.

...Прошел сентябрь, за ним октябрь. Слава Богу, люди перед морозами стали покупать квартиры. У Инвесткомбанка, видимо, оказалось много дел, ему было не до выдачи кредитов. Да и Городской банк о себе не напомнил.

К Новому году дела в «Фениксе» наладились, квартиры продавались. Олег Николаевич шел по предпраздничному городу, любовался солнечными витринами магазинов и, вспомнив о мифологической птице, пытался представить, как такое может быть — чтобы из ее пепла рождался ее птенец. И тут он вспомнил маленький березовый листочек-кораблик, который сейчас, под толщей земли и снега, претерпевает непостижимые превращения, чтобы весной береза явила миру свой новый выводок листвы, трепещущей на теплом ветру, ликующий в лучах солнца. Но потом ведь наступит июнь? Неужели опять дождливый? Неужели опять придется идти в банк? Олега Николаевича вмиг покинули романтические мечтания, и знакомое чувство неприязни вновь подкатило к горлу тошнотворной волной...

Станислав ДУМИН

«ДЕРЖАВА ТВОЯ НЕ ОТ МИРА...»

Станислав Владимирович Думин — родился в 1952 г. в Москве, окончил исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, член Геральдического совета при Президенте РФ. Участвовал в восстановлении исторических флагов и гербов России. Президент Российской генеалогической федерации. Генеральный секретарь Международной академии генеалогии. Вице-предводитель Российского Дворянского Собрания. Главой Российского Императорского Дома Марией Владимировной Романовой назначен герольдмейстером — управляющим Герольдией при ее Канцелярии, а также председателем Кавалерской думы Императорского Ордена Св. Анны. Автор более 800 публикаций по истории, генеалогии, геральдике и фалеристике. Дважды удостоен Национальной премии «Лучшие книги и издательства года» (2013, 2015). Живет в Москве.

* * *

А всадников было четыре.
А с ними — не я ли, не ты ли,
потратив мгновенья на сборы,
в сияющих медных кирасах,
вонзали зубчатые шпоры
в бока вороных и саврасых,
и в радости или в печали —
«Храни Его Боже» — кричали.

Ты помнишь — то было в июле.
С ленивых испуганных улиц
сметали прохожих пугливых
свинцовые длинные ливни,
но мы, Его солнцем согреты,
Его Августейшеству Лету
с наследником юным весенним
тогда присягнули спасенье.

О, если бы только успели!
Но в траурной птичьей капелле,
в осеннем пылающем храме
Ему изначально пропета
не слава, не «многая лета», —
протяжная «вечная память»,
и так же ала, как любая,
на белом Его голубая.

* * *

Кавалергарды без выстрела шли,
кавалергарды были в ударе.
Как на параде при Государе
кавалергарды без выстрела шли

в лучшем гвардейском духе и стиле.
Медные трубы славу поют.
Кавалергарды пали в бою,
кавалергарды всех восхитили,

кавалергарды все полегли.
Мы не рассудим, рыцарство, или —
переиграли, перехватили,
силы напрасно перевели.

Аве, герои в белом и алом!
Но на февральский,
мартовский вальс
кавалергарды, именно вас
так Государю недоставало.

МАЛЬТИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Ливень прошел на рассвете, недолгий, но сильный,
тучи ушли в Королевство Обеих Сицилий,
и поминают недобрым изящные яхты
эту грозу, налетевшую с бухты-барахты.

Ливень прошел, я его не расслышал спросонок,
радует взор обновленная зелень газонов,
и забываю о будущей встрече с зимою,
слушая медленный вздох Средиземного моря.

Вечный прилив и отлив, без конца и начала,
волны лениво ласкают ступени причала,
и растворяюсь в сиятельном солнце осеннем,
в белом шезлонге у пальмы над синим бассейном.

Мимо в Тунис пролетают последние цапли,
я рассылаю нескромные фото в ватсапе,
тихо ленюсь, апулийские пробую вина
и о далекой русалке мечтаю невинно.

Здесь парадиз, но и в райских садах одиноко...
Строг за стеклом укоризненный взгляд осьминога,
рыцарский панцирь на огненно-алом омаре,
кисти кальмара и прочие фрутти ди маре...

Запоминаю, как шифр от чужого айпада,
абрис тенистых аллей президентского сада,
башен, дворцов и колонн золотистый песчаник...
Только, увы, наступает минута прощанья!

Знаю, все это пройдет, и исчезнет, и канет,
выветрит время мальтийские хрупкие камни,
но сохранятся в смещении тени и света
воспоминания этого позднего лета.

ОДА АРАГОРНУ

Держава твоя не от мира,
обманчивы вещи сны,
роняет колонны Пальмира
в холодное пламя войны.

Но имя наследника трона —
важнее, чем меч или ключ.
...Древес опаленная крона
на гранях оплавленных круч.

И эльфы, и люди, и гномы
пошли за тобою туда, —

в раскаты далекого грома,
в летящие наспех года.

С отвагой досель небывалой
в проломе заоблачных врат
кровавый рубеж перевала
у темного воинства взят.

Пылающий зрак Саурона
в рубиновом блеске стекла
угас, и по праву — корона
на кудри героя легла.

Доспехами павших ржавея,
желтеют сражений поля,
и милая, нежная фея
у ясеня ждет короля.

А дальше — легенды и сказки
рассказывать будем не мы.
...Природы поблекшие краски
светлеют на грани зимы,

отыграны ноты «Славянки»
в прерывистом ритме дождей,
и дети гоняют ледянки
с курганов забытых вождей.

Драконьи погашены пасти,
иные грядут времена,
и прелесть наследственной власти
уже ощутила страна.

СОНЕТЫ ИЗ ЦИКЛА «БЕДНЫЙ ЙОРИК»

1

Когда напудренный Пролог
сюжет рассказывает вкратце,
а с прошлогодних декораций
взлетает пыль под потолок

(а с кружев грязь едва оттерли),
жаль, что спектакль довольно плох,
написан наспех монолог
и заикаются актеры.

Король игре такой не рад,
актеров гонят со двора,
пообещав потом повесить.

Но через несколько минут
и Их Величества начнут
свою шекспировскую пьесу.

2

В Вестминстере и в Дании? Нигде,
где каждый шаг...
Да что нам — в каждом шаге,
когда испачкан кончик шпаги
и жизнь расходится кругами по воде.

Не для тебя — стареть в законном браке,
не для нее — идти с тобой вдвоем.
Так верь во что-нибудь,
хотя бы в святость драки,
и в тот, у зеркала разученный, прием,

в тень короля в тени колонн и окон,
и брось в огонь ее забытый локон,
когда венок найдешь на берегу.

Сегодня ливень, солнце будет завтра,
но в пятом акте ни Господь, ни Автор
тебя и прочих не уберегут.

3

Дождь проливной, и скользкий склон пологий.
 Попал в поток — придется к морю плыть.
 Не мы решаем, — быть или не быть, —
 когда суфлер диктует монологи.

Не мы решаем, — чет или нечет
 покажут кости, и у края кручи
 удачи ждем, надеемся на случай.
 Но нам опять послал какой-то черт

такие роли — что мороз по коже!
 Мы мечемся, кричим, и мы похожи
 на вспугнутых кричащих черных птиц.

Один могильщик нынче пьян и весел,
 поскольку он, —
 сегодня, в этой пьесе, —
 важнее прочих действующих лиц.

* * *

День седьмой,
 светлый день творенья.
 Недосказанность акварели —
 белый след облаков на синем,
 и глаза золотые — сына.

Люди, птицы, олени, лисы, —
 как раскрашенные игрушки,
 сто фигурок из красной глины
 на краю гончарного круга.

А в начале, — в самом начале, —
 слово первое прозвучало
 сразу радостно и печально,
 словно крик ошалелых чаек

над туманной бездонной бездной.
 Дух Святой протрубил в рожок,
 и Господь, взглянув оробело,
 вдруг увидел, что хорошо!

И, пугаясь огня и света,
 в теплой Божьей руке согретый,
 мир, скворчонок смешной и странный,
 желтым клювом ладони ранит.

Больно, но — разве можно бросить?
 Бог шагает тропинкой росной,
 улыбаясь, кивает сыну.

...Тень тугих облаков на синем,
 день седьмой,
 первый день весенний, —
 воскресенье.

* * *

А когда Он
 с площади
 нес свой крест к городским воротам,
 в числе прочих
 говорили с ним плотники:

«Римский ломаный
 медный грош —

*горсть гвоздей.
 Ты ходил по земле
 в дождь,
 говорят еще — по воде.*

*Кто — уверует,
 кто — посмотрит,
 кто подумает: поделом...*

*Рабби, рабби,
доски намокли,
и поэтому так тяжело.*

*Грош последний,
грош медный,*

*черствый хлеб непраздничных чисел.
Мы работали, как умели,
Ты прости,
что так получилось».*

* * *

Монастырские листья алы,
монастырские листья желты,
монастырские листья пали,
и в аллеях садовник жжет их.

На парчовом, ржавом и лисьем
почерк осени так нечеток,
но упрямо ложатся листья
на ажурный чугун решеток.

Что-то медлит карета в полночь,
вязнут в сельской грязи копыта.

В монастырской ограде вспомнишь
годовщину любви забытой.

Монастырские листья желты,
монастырские клены знали,
но дождями смыты и стерты
строки с вашими именами.

А рассвет в дорогу торопит,
от разлада оберегая,
и грибные дожди коробят
монастырских аллей пергамент.

* * *

Декабрь високосного года
дочитан почти до конца,
и ждет, холодея, природа
веления Бога-Отца.

Равнины ее и вершины
засыпали снегом ветра,
и огненный год петушиный
стучится в ворота Петра.

Простив первородное бремя, —
не вовремя сорванный плод, —
сюда вифлеемское время
свои караваны ведет.

От блеска рождественской ели
искрится в бокалах аи,

и ангелы тихо запели
небесные песни свои.

Сегодня у праздничной хвои
к раскрытому станем окну,
попросим у Господа вдвое,
слагая молитвы в одну:

*«В волшебную ночь звездопада
помилуй, Творец, и спаси
от смерти, болезни и голода,
народы и земли Руси!*

*И нас сохраняя, как прежде,
в сей звездный неведомый путь
дай веру в любви и надежде
и мудрости тоже... чуть-чуть!»*

ПОЭЗИЯ

Сергей КОРЫТИН

«МЫ ПЕЛИ, ЧТО ВОСКРЕС ХРИСТОС!..»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в с. Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Здравствуй, Храм!
Любимый мой, родной!
Вот и вновь мы встретились с Тобой!

Убегал я далеко-далече,
В кровь изранил
Руки, ноги, плечи.

Знаю, не отвергнешь,
Пожалеешь,
Раны перевяжешь, обогреешь.

Хлеб Небесный
Даруешь в дорогу.
И за руку поведешь мя к Богу!

ДРУГУ

Скоро Пасха.
Седмица страстная.
Напряженнее тишина.
И все ближе дыхание рая,
И полярнее имена:

Иоанн Богослов... Каиафа...
Петр... Иуда... Понтий Пилат...
И Мария, и Иоанна...
И лежащий отдельно плат.

Скоро Пасха.
Страстная седмица.
Источается тишина.
С кем ты, друг, и в какие страницы
Впишут наши с тобой имена?

* * *

Охапку неземного света
За пазухой домой принес!
А ночью в церкви до рассвета
Мы пели, что воскрес Христос!..

* * *

И там, где
Дух, душа и тело
В союзе строят крепость: я.

Там только
Зреет Божье дело
И тлеет искра бытия.

* * *

Жизнь — экзамен.
Экзамен — на святость.
Если хочешь
Экзамен сдать,

Постарайся
Со всей отвагой
Божьи заповеди
Соблюдать.

* * *

Шумит, шумит ток зерновой...
Работает бригада.
Хлеб будет наш, не привозной.
Страна тому и рада.

На тех, кто летом в пыль и в зной
Без лозунгов и спеси,
Трудился, словно шел на бой
В Краснознаменном Бресте...

Но вот закончится страда,
Похлопают в ладоши.
И позабудет их страна...
А те, кто бил баклуши,

А если вдруг опять война,
То вспомнят о бригаде.
Их первыми пошлет страна
Сражаться в Сталинграде.

Те громче всех начнут кричать
И требовать награды...
И ведь получат, им начхать
На мужиков бригады.

Они пойдут и победят,
Очистят Русь от фрицев.
И вновь на ток их возвратят
Просеивать пшеницу.

Шумит, шумит ток зерновой...

* * *

Каждый день должны рождаться дети,
А иначе через сотню лет —

По огромной обезличенной планете
Будет бегать только Интернет!

* * *

Я — прах земной,
Я — прах и пепел.
Слова — известные давно.

Но, чтобы их к себе примерить,
А главное, в сие поверить...
Увы, не каждому дано.

* * *

Тихая грусть владеет душою.
Вновь покидаю родные края.
Взять бы за пазуху вместе с собою
Поле, тропинку, журчанье ручья.

Луг с васильками, крапиву в овраге...
Пусть обжигает, царапает грудь.
Может, играть в поддавки с грехами
Душа перестанет когда-нибудь.

СТРАСТЬ

Примостилась у самого сердца.
Ждет, когда же я ошибусь,
Чтоб ворваться со скоростью смерча
И разрушить Святую Русь.

Нет, не всю!.. Но в одном человеке.
Слышишь сердце, бди и молись.
Не ленись. Не смыкай свои веки.
И наследуешь Вечную жизнь.

* * *

Ты надумал бежать. Ты замыслил побег.
И откуда?.. Из Царствия Божия!
И куда?.. И зачем?.. И какой это грех
Уловил тебя в сети треножные?

Разве плохо тебе?.. Бог не любит тебя?..
Не хранит?.. Не ведет ко спасению?
Если все же сбежишь, там другого вождя
Обрешь к своему погублению!

* * *

Какое небо!.. Словно синий плат
На богородичной иконе с ярким нимбом.
И блики солнца золотом горят
В осенних листьях разного калибра.

Деревья тесно окружили храм.
Что общего меж Храмом и меж ними?..
А между тем, не в назиданье ль нам
Деревья тянутся к разрушенной святыне?..

* * *

Нам будет не хватать реки заросшей,
Лугов безбрежных, тишины ночи,
И шелеста аллеи придорожной,
Где свили гнезда хриплые грачи.

Нам будет не хватать тропинки узкой
Среди берез через старинный парк,
И этого села с народом русским,
Где каждый каждому и кум, и сват, и брат.

* * *

Сильной Россия будет,
Если крепкой будет семья.
Слышите, русские люди,
Пятиться дальше нельзя.

Бросим пустые утехи,
Поставим на место плоть.
Возьмем святые доспехи:
Мужество, верность, любовь.

* * *

Сотворите же достойный плод покаяния.

Мф. 3, 8

Все мы немного
Адамы и Евы.

Каждому дан
Невозделанный край.

Если украсим
Его плодами,

Бог нам подарит
Небесный Свой рай!

* * *

*Если кликнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!»*

Сергей Есенин

Поля!.. Поля!.. Кругом поля!..
Сторонушка родная!..
Напоминает купола
Пшеница золотая.

И мысли чистые!.. Не те,
Что душу штурмовали
В многоэтажной суете
И наземь повергали...

Объять простор не хватит глаз!..
И души — нараспашку!..
Спроси, любой тебе отдаст
Последнюю рубашку.

Ты дорог мне, пшеничный край!..
Люблю твою безбрежность!..
Но если скажут: «Выбирай,
Поля родные или рай?»

Я выберу, конечно, рай!..
Прости мою неверность!

* * *

Дверь в Вечность — в сердце твоём.
Заботься, думай о нём.
От грязи и зла — очищай...
И в дверь постучится рай!

Пути ПОЗНАНИЯ

**Владимир
МЯСНИКОВ**

КИТАЙСКИЙ ЧАЙ В РОССИИ*

Владимир Степанович Мясников — академик РАН, историк-китаевед. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития. **Живет в Москве.**

Слегка перефразируя заданный Николаем Васильевичем Гоголем в «Мертвых душах» вопрос: «И какой же русский не любит быстрой езды?», сегодня мы можем спросить: «И какой же русский не любит китайский чай?». Судя по сводкам ГИБДД, этот русский продолжает любить быструю езду, автомобиль стал его «упорно двигательным» аппаратом. Но к нему издавна пришла и вторая любовь — к чаепитию. Когда и как это произошло?

Одним из известнейших достижений китайской цивилизации является окультуривание чая. Недавно в китайской печати промелькнуло сообщение о том, что в одной из южных провинций археологи обнаружили в раскопе остатки чая. Они датировали эту находку двухтысячелетним возрастом. Редакция русскоязычного журнала «Китай» стала коллективным автором книги «Его Величество Чай»¹. Авторы этой книги подчеркивают, что «согласно письменным источникам чаеводство зародилось 3000 лет назад»². Далее сообщается, что «чай был открыт культурным героем китайской нации Шэньнуном — Божественным земледельцем, покровителем земледелия и медицины, одним из великих мифических правителей Китая»³.

* Самое начало этой статьи (с. 1–3) я использовал при выступлении на открытии российско-китайской конференции «Чайный путь», Москва, 2 июня 2016 года. Термин «Чайный путь» употребляется как название транспортного маршрута, аналогичного «Шелковому пути». Разумеется, его не следует путать с буддийским понятием «чайный путь», распространенным в Китае и Японии. Для данной публикации текст упомянутого выступления существенно переработан и многократно расширен.

¹ Коллектив авторов. Его Величество Чай. Пекин, Хуабао чубаньшэ, 2011.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 5.

При династии Западная Чжоу уже существовали чайные плантации, и княжество Баго «уже платило дань чаем императору У-вану»¹. Согласно историку Бань Гу (32–92 гг. н.э.) в районе современного города Чэнду «распространилась мода на чаепитие и появились специальная чайная утварь и принадлежности, а также чайный рынок, который называли Уян»².

В период династии Суй (589–619)³ произошло объединение Китая и был построен действующий до наших дней Великий Канал. Тогда же были открыты лечебные свойства дикорастущего чая. Отвар веточек чайных деревьев использовался в медицине. При следующей династии Тан (618–907) чайные деревья стали одной из сельскохозяйственных культур. Танский ученый Лу Юй (733–804) создал «Чайный канон» («Ча цзин»), в котором говорилось о способах выращивания чайных деревьев, сборе и высушивании их листочков и заваривании чая. Лу Юй рассматривал чай не только как лекарственное средство, но и как полезный повседневный напиток. Он же рассказал, как обрабатывать чайные листья, чтобы получить зеленый чай, желтый чай, красный чай, белый чай⁴. Чай превратился в подлинно национальный напиток, и сформировались правила чаепития. «Такие правила содержали и эстетические требования к чайной посуде, что привело к существенному обновлению категорий и художественного ассортимента изделий»⁵.

Знакомство русских с чаем в Китае, засвидетельствованное в документальных источниках, относится к 1638 году. Известный предприниматель Константин Попов в своих очерках дал такую датировку появления китайского чая в Русском государстве. «В 1638 году, — писал он. — Русское

Лу Юй дегустирует чай, рядом с чайником лежит «Чайный канон», так изобразил ученого современный скульптор. (Фото О. В. Марковой)

¹ Коллектив авторов. Его Величество Чай. Пекин, Хуабao чубаньшэ, 2011.

² Там же. С. 6.

³ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. М.: Наука, «Восточная литература», 2014.

⁴ Подробнее о Лу Юе и его книге см.: Его Величество Чай С. 180–181; Игнатювич А. Н. Чайное действо. М., 2011. С. 20–27; Там же. С. 373–443; см. переводы японских трактатов о чае.

⁵ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. С. 783.

посольство, бывшее в Монголии¹, взамен своих подарков получило вместе с прочим 200 пачек чая для Государя. Послы были весьма недовольны таким ничтожным и совершенно, по их мнению, бесполезным подарком, но по необходимости должны были принять его; потом хотели было выбросить, но почему-то не исполнили этого, чай уцелел и был привезен в Москву»².

А вот как сцена чаепития описана в «Статейном списке» Василия Старкова, главы посольства, о котором говорил К. А. Попов: Алтын-хан «нас перед собою кормил, в корыто мясо коровье накатчи, да перед нами поставили, а пили — чай словет, а чай лист не ведать деревянной, не ведать травы какой, а варят его в воде, да прибеливают молоком. А к ним, к мугальцам, чай идет ис Китайского [государства], а сказывают, что чай лист снимают с виноградного дерева, а какое дерево имянно, рассказать не умеют». Алтын-хан посылал царю Михаилу Федоровичу ответные подарки («дань») в числе которых было и «200 бумажек чаю»³.

В Москве, отметил К. А. Попов, «оценили этот подарок, и с тех пор чай вошел в употребление, сначала как лекарство. В 1674 году чай уже продавался в Москве, но постоянный ввоз его начался только с 1680 года, по заключению торгового трактата с Китаем». Речь идет о Нерчинском договоре 1689 года, который официально открыл для русских купцов возможность торговать в Пекине.

Однако американский автор Марта Эйвери⁴, упомянув о миссии В. Старкова, заметила, что русские познакомились с чаем значительно раньше. Она отмечает, что русская торговля с Персией и Индией в низовьях Волги включала в товарооборот и чай. Причем русские пили чай из стеклянных стаканов, а китайцы пили чай из фарфоровых чашек⁵. С этим утверждением можно согласиться, так как в Астрахани в начале XVII столетия действительно была колония индийских купцов.

Следующий эпизод чаепития русским дипломатом относится к 1654 году, когда первое официальное посольство Русского государства приближалось к столице Цинской империи — Пекину. Цинские чиновники не знали, какой церемониал следовало применить при встрече русского посольства, и решили, что такой же, как при встрече Далай Ламы, за год до этого посетившего Пекин. При подъезде к столице послу преподнесли чай от императора. Но это был не китайский чай (император был не китаец, а маньчжур), а монгольский с молоком и жиром. Шел Великий пост, и посол Ф. И. Байков отказался выпить такой чай.

Члены Русской духовной миссии, начавшей свою деятельность в Пекине в 1716 году и официально оформленной в 1727 году, конечно, пили ки-

¹ Речь идет о посольстве Василия Старкова. См. Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов. / Сост. М. И. Гольман и Г. И. Слесарчук. М., 1974, док. № 28.

² Попов К. А. О чае и его приготовлении русскими в Китае. М.: Тип. И. Н. Кушнерова, 1870. Здесь дано описание сортов и видов чая, рассказано о разведении чайных кустов, сборе, приготовлении, упаковке чая. О кирпичных чаях и китайской торговле чаем. Думаю, что эту книгу (35 с.) стоило бы переиздать и в наши дни, получив разрешение от потомков автора.

³ Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 129.

⁴ Avery Martha. The Tea Road. China and Russia meet across the steppe. «China International Press». 2003.

⁵ Ibidem. P. 113–115.

тайский чай. Посещали пекинские чайные и русские албазинцы, служившие в императорской гвардейской сотне¹. В Миссию Академия наук посылала и представителей разных наук. Многие из них хотели, чтобы чай выращивался и в России. К. А. Скачков, выдающийся знаток сельского хозяйства Китая, пытался вырастить чайное дерево в Петербурге. Но эксперимент кончился неудачей. Он же опубликовал статью «О морской доставке чая из Китая»². В течение XVIII—XIX веков чай доставлялся в Россию караванами через Монголию. По аналогии с Великим Шелковым путем, этот маршрут и был назван «Чайным путем».

Впервые в России чай был посажен в Никитском ботаническом саду в 1814 году. В Западное Закавказье чай был завезен в 1846 году, а первая чайная плантация была заложена (в 60-х годах XIX века) в районе Озургети.

В 1884 году А. А. Соловцов заложил чайную плантацию недалеко от Батуми. На основе этой плантации в 1892—1896 годах К. А. Поповым была построена одна из первых чайных фабрик в России. С середины 1890-х годов чай фигурировал в договорах мастеровых и ремесленников с предпринимателями как одна из трех составных обязательных частей заработной платы (жалованье деньгами, харчи, чай). В русский язык вошли такие понятия, как «чаевые», такие обороты речи, как: «дать кому-либо на чай», «чай не пьешь, откуда сила». Владимир Иванович Даль приводит полтора десятка пословиц и поговорок, связанных с чаем. Открывает этот перечень такое выражение: «Ныне уж нет сбитню, а все чаек; не просят на водку, а просят на чай»³. У Федора Михайловича Достоевского есть такое замечательное выражение одного из героев: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁴.

Русский (грузинский) чай под названием «Русский чай Дядюшкина» в 1899 году получил золотую медаль на Парижской выставке. К началу XX века наша Россия была самой чаепотребляющей страной мира. Чайные склады и магазины были открыты в Ростове-на-Дону, Казани, Уфе, Тюмени, Перми, Кургане, Челябинске, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Бийске, Семипалатинске, Владивостоке, Ташкенте, Самарканде, Екатеринбурге, Киеве, Коканде, Тифлисе. Обороты чайной торговли достигали к этому времени нескольких сотен миллионов рублей в год. Одна лишь фирма Кузнецова накануне Первой мировой войны продавала чая на 50 млн руб. ежегодно, а фирма Высокого — на 35 млн руб.

С 1900 году открыли Транссибирскую железную дорогу. Чай значительно подешевел, его употребление стало массовым. Новую ноту в русское чаепитие внесло появление самовара — отныне он главный участник русского чайного застолья, непременная принадлежность любого семейного дома. «В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров, — писал Александр Николаевич Островский, — если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины...».

¹ Петров В. П. Албазинцы в Китае. Изд. книжн. Магазина Victor Kamkin. Вашингтон. 1956. С. 36.

² «Голос». 25.X. 1882 г.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. С. 580—581.

⁴ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Пол. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 5. С. 174.

Чай не знал и не знает социальных различий — он был любим и в великосветских салонах Петербурга, и в деревенской избе, топившейся по-черному, его пили в трактирах Мещанской слободы и в фешенебельных ресторанах. Чаепитие в России нечто большее, чем просто застольная традиция — это образ жизни, черта национального характера, символ хлебосольства и гостеприимства...¹

Широким распространением в нашей стране чайный куст обязан основателю Батумского ботанического сада, ученому Александру Николаевичу Краснову (1862–1915). Совершая экспедиции в Японию и Китай, он привозил семена и саженцы редких растений, в том числе и наиболее перспективных сортов чая. В результате в 1900 (1901) году первые чайные плантации появились в России в Краснодарском крае, близ Сочи. Через шесть лет крестьянин И. А. Кошман уже начал продавать чай, выращенный на плантации близ селения Солох-Аул в Краснодарском крае.

До начала Первой мировой войны площадь чайных плантаций в России составляла всего 182 га. Незнание агротехники чая, неудачный подбор сортов и технологии ферментации привели к тому, что долгое время получаемый продукт был низкого качества. Военное ведомство закупало этот продукт для солдат, и поэтому его называли «солдатским чаем».

Чай в те времена ценился в Москве очень дорого. За полтора фунта (1 фунт равнялся 409 граммам) чая среднего качества давали шкурку соболя. Даже в начале XIX века продавали лучший цветочный китайский чай по 10–12 рублей ассигнациями за фунт. Это были весьма внушительные деньги — на них можно было купить три-четыре коровы. Отсюда такие большие прибыли у чайной фирмы «Братья К. и С. Поповы».

Причина же такой дороговизны была простой. Выращивали чай практически только в Китае, и потому китайские чаеводы могли держать монополю на высокие цены на свой эксклюзивный товар. Да и сама покупка чая была сопряжена с немалыми трудностями. В разных провинциях Китая есть свои ассоциации чаеводов и чаеоторговцев. Помимо того, что китайские торговцы порой отказывались принимать в оплату русские золотые и серебряные монеты, само производство чая держалось под строжайшим секретом. До 1842 года китайские порты были закрыты для захода иностранных судов, тем самым оставлялся только сухопутный путь для торговцев, через Азию и Россию. Этим и воспользовался русский предприниматель Константин Абрамович Попов. Несмотря на все затраты и тяготы долгого пути, русский купец получал солидный доход от перепродажи чая английским, голландским и немецким коллегам.

Благодаря Константину Попову чай в России стал доступен людям всех социальных слоев. Жизнь К. А. Попова может послужить примером для многих предпринимателей. Родился он в посаде Большие Соли. В тринад-

¹ Интересная сцена чаепития описана Михаилом Чеховым в его книге «Вокруг Чехова». Как-то ранним утром примерно в 5 часов поутру А. П. Чехов, М. Чехов и В. Гиляровский возвращались из гостей. Шли пешком по ночной Москве. Захотелось выпить чаю. «Дядя Гиляй» предложил зайти в ближайший трактир. Несмотря на ранний час, в трактире было довольно много народа: ломовые извозчики пили свой утренний чай. В. Гиляровский решил подшутить над одним из возниц. Но его затея не была понята и чуть не привела к столкновению писателей с ломовиками // Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и воспоминания. М.: Московский рабочий, 1981. С. 87–88.

цать лет, как и многие в те времена ярославские отроки, начал работать в Петербурге у крупного винооторговца. Мальчик был весьма смышленный. Уже через пять лет он служил приказчиком в чайном магазине. Скопив с братом Семеном небольшой капитал, он открыл на Невском проспекте свой магазин чая. Торговля шла бойко. Расширяя ассортимент, Константин Попов занялся и оптовой торговлей. К 195-летию выдающегося предпринимателя, купца 1-й гильдии, «чайного короля» России на его родине в Некрасовском краеведческом музее открыта экспозиция.

В 1863 году Поповы арендовали в Китае у города Ханькоу чайную плантацию и фабрику. Вскоре чай фирмы «Братья К. и С. Поповы» продавался в 90 городах России. Через Петербург Поповы вывозили чай в Западную Европу, ко двору пяти европейских королей. Высшим достижением было открытие собственных торговых предприятий в Китае и в самой традиционно «чайной» стране — Великобритании.

Известный, особенно старшему поколению, грузинский чай — также заслуга фирмы Поповых. Семена Константиновича давно привлекала идея разводить чай в России, а не возить его из Китая. В 1893 году он выкупил несколько обширных участков земли в местечке Чаква, неподалеку от города Батуми, и высадил там первые чайные кусты. В дело было вложено около миллиона рублей. Для выращивания чая К. А. Попов пригласил из Китая мастера-чаевода Лю Чжэньчжоу (русская транскрипция тех лет: Лау Чжэньчжау). Вместе с ним на пароходе приплыли еще десять мастеров-китайцев, а в трюме лежали тщательно упакованные в тюки десять тысяч черенков чайных кустов и несколько сотен пудов семян. Уже через семь лет, в 1900 году, в Париже на Всемирной промышленной выставке русский чай фирмы Попова, выращенный на Чаквинских плантациях китайцем Лю Чжэньчжоу, получил первое место и Большую золотую медаль как лучший чай в мире.

Получая большие прибыли, не забывали Поповы и о меценатстве. Потомственный почетный гражданин посада Большие Соли, Константин Абрамович прославился благотворительностью в Москве, Петербурге и Костроме. Заработав свой первый миллион, он в родных Солях жертвовал на строительство храмов, образование. Сам он не имел образования, но понимал значение его для будущих поколений. До сих пор стоит построенное на его средства Николаевское двухклассное приходское ремесленное училище, в котором бесплатно обучались грамоте и ремеслу дети всех сословий. Помимо основных общеобразовательных предметов, Закона Божия, чтения церковной и гражданской литературы, церковного пения, были введены предметы трудового обучения: швейное, сапожное и башмачное дело.

Учредитель постоянно интересовался делами учебного заведения. Учреждал премии молодым дарованиям. Им были построены земская больница и богадельня, ремесленное училище и общественный банк — жаль, что до сих пор местные жители не установили памятник своему соотечественнику — «чайному королю» и великому меценату.

В 1913 году потребление чая на душу населения составляло 413 граммов в год. 1917—1923 годы можно назвать чайным периодом в России в связи с жесткими ограничениями на употребление спиртных напитков после 1917 года и национализацией огромных запасов чая. В самые трудные годы Гражданской войны и интервенции в Москве был создан единый орган, ведавший заготовкой, распределением и торговлей чаем в стране, — Центрочай.

Лю Цзежун — сын китайского чаевода Лю Чжэньчжоу, в возрасте пяти лет приехал с отцом в Россию. Отец его долгое время работал в России. Поэтому Лю Цзежун успел окончить физико-математический факультет Петербургского университета, жениться на русской девушке. Он преподавал математику в реальном училище. Был активным участником революционного движения¹. Поэтому, когда во время революции его отец, управлявший чайными плантациями, был объявлен «классовым врагом», Лю Цзежун обратился к В. И. Ленину. Он объяснил вождю мирового пролетариата, какой вред преследованием Лю Чжэньчжоу может быть нанесен чайному делу в России². Уже 16 апреля 1918 года, через месяц после переезда в Москву, В. И. Ленин рассматривал проект декрета о чае, а 19 апреля 1918 года этот документ был подписан. Согласно ему были установлены четкие правила распределения и торговли чаем, а также цены на него, зависимые не от сорта чая, а от классовой принадлежности покупателей. Рабочие, особенно члены профсоюза, получали чай бесплатно, а представители буржуазии должны были платить за него максимально высокую цену.

Лю Чжэньчжоу продолжил свою работу и даже был награжден орденом, а сын его вскоре после кончины В. И. Ленина возвратился в Китай. Там он был одним из первых ученых, кто попытался по документам воссоздать историю отношений Китая с Россией³.

Конечно, большинство тех, кто профессионально изучает китайскую культуру, кого называют китаеводами, любят пить китайский чай и учатся у китайских коллег чаепитию. Во-первых, нужно знать, при каких сезонах года какой чай следует пить. Во-вторых, как покупать, как хранить, как заваривать чай. Выдающийся китаевед XX века академик Василий Михайлович Алексеев был знатоком чаепития по-китайски. Вот как об этом рассказывает его дочь М. В. Баньковская в своем Послесловии к вышедшему в 2000 году переводу В. М. Алексеевым сборника новелл китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Странные истории из Кабинета неудачника» («Ляо Чжай чжи и») ⁴. Эта часть Послесловия носит название — *«Умеете ли вы пить китайский чай?»*.

«...“Разброс точек” среди друзей-читателей Ляо Чжая велик, и, можно представить их как большую и очень пеструю толпу людей, которых объединяет одно драгоценное свойство — интерес к чужому, непривычному.

Мне кажется, что в основе этого свойства лежит что-то простое, вкусовое. Есть люди, которые, хлебнув китайский зеленый ароматный чай, решительно заявляют: “наш лучше” и отодвигают чашку. Чаще всего такой человек не станет и читателем китайской литературы. Действительно, мы привыкли пить чай с бутербродами и печеньем, а китайский чай для этого совершенно не годится. Зато годится для многого другого, и в китайской литературе, пишет Алексеев, “большое место занимает непривычное нам

¹ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. С. 73–90.

² О Лю Цзежуне и его отце см.: Друг издалека / сост. Л. Каландаришвили и Б. Пирадов. Батуми, 1958.

³ Архивные материалы на русском языке из бывшего Императорского дворца. Письма, полученные из России в годы царствований Кан-Си и Цянь-Лун. Китайский перевод Ван Чжи-сян. Редакция русского текста Лю Цзе-жун. Бейпин, 1936.

⁴ Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и): пер. с кит. акад. В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 754–755.

обильное потребление чая для углубления наслаждения природой и интенсивности наслаждения”. Помните Цяо Нян (“Цяо Нян и ее любовник”) при свете белой луны и редких звезд велит служанке заварить чашечку круглого чая, дабы насладиться чудесной ночью, и в примечании Алексеев со вкусом поясняет, что круглый чай — самый лучший, редкостный, его государи жаловали придворным, а “заварить чашечку”, значит, положить листья прямо в чашку, залить кипятком и накрыть другой, меньшей чашкой, чтобы потом, не снимая, а лишь отодвигая ее, отхлебывать по глоточку зеленоватый настой. Чай не уступал вину ни в быту старого Китая, ни в литературе. “Поэзия чая” — так назывался спецкурс, выделенный Алексеевым из общего курса китайской поэзии. Как образцы Алексеев предлагал слушателям короткие фразы вроде следующих: “Горы кругом... В чайном дыму забываюсь в безмолвии”; “Чай смывает мрак души и заботы”; “Вместо вина другу — тонкое прихлебывание чая”; “Чай и саморастворение в стихах”; “Прекрасный чай всегда уподоблялся красавице” и еще, особо звучащая, — “Чайный дымок колеблет седины друзей, от которых ушли [умерли] общие друзья”... Какие уж тут бутерброды, “печенье к чаю”!.. И так ведь во всем, и надо бы помнить этот “чайный дымок”, читая Ляо Чжая, и стараться не умозрительно, а вкусово воспринимать стародавнее его новшество. “Настоящее новшество, — убеждал Алексеев, — как всегда и везде, не может быть понято без известного рода революции, которая должна освободить место новой идее в нашем фонде зрелых и слишком застывших мыслей” — вот бы и размыть эти “застывшие” горячим пахучим — круглым! — чаем...»¹.

Итак, мы остановились на судьбах китайского чая в России в XVII — начале XX столетия. А как в то же время развивались выращивание чайных кустов и деревьев, а также торговля чаем в самом Китае? Ответ на эти вопросы мы находим в справочнике China Year Book за 1926 год².

Интересующий нас раздел ежегодника так и называется «Чай»³. И он начинается с исторического экскурса:

«Чай это всеобщий напиток китайцев, потребление которого достигает 5 фунтов⁴ в год на душу населения. Думается, что наиболее раннее употребление чая в Китае было скорее в качестве овощной приправы, чем напитка, использование чайных листьев как приправы имеет место и в наши дни у шаньсийцев и бирманцев. Бретшнейдер⁵ упоминает, что в Ча-пу⁶ — специальном исследовании о чае, опубликованном между десятым и тринадцатым веками, — сказано, что император Вэньди (589—605) получил рекомендацию от одного настоятеля буддийского монастыря пить отваренный *мин* (листья чая) как лекарство от головной боли. Привычка пить отвар специально при-

¹ *Пу Сун-лин*. Странные истории из Кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и): пер. с кит. акад. В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 754—755.

² China Year Book 1926.

³ Там же. Р. 581.

⁴ Английский и американский фунт равен 453,592 г.

⁵ Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833—1901), врач Русской духовной миссии в Пекине, китаевед. Подробнее см.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 179—181; *Шевчук С. В.* Эмилий Бретшнейдер — врач, китаевед, ботаник // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 9. С. 302—308.

⁶ Другое название «Трактата о чае».

готовленных листьев должна рассматриваться как имеющая сравнительно недавнее происхождение. В восьмом веке мы имеем первое несомненное свидетельство того, что чай стал обычной сельскохозяйственной культурой, из источников династии Тан мы узнаем, что он облагался имперским налогом».

Далее следует повествование о сортах чая, способах его выращивания и сбора, а также о реализации готовой продукции.

«Чай как растение произрастает преимущественно в провинциях Хунань, Хубэй, Фуцзянь, Цзянси, Аньхой, Чжэцзян, Гуандун и Юньнань; основными портами, через которые он экспортируется, служат Ханькоу (черный чай и черный и зеленый кирпичный чай), Цзюцзян и Фучжоу (черный чай), Ханчжоу, Нинбо, Цзюцзян, Сантяо (зеленый чай). Чай будет черным или зеленым в зависимости от способа приготовления. Он выращивается небольшими гнездами на приусадебных участках, его плантации практически неизвестны. Листья обрываются членами семьи¹ и высушиваются на солнце, затем они передаются посреднику, который подвергает их обжигу. Для зеленых чаев листики прогреваются почти сразу же после того, как они собраны, и высушиваются быстро после того как они вручную закручены и зажаты в шарiki. Обычно бывает три сбора листьев чая: в начале апреля, когда молодые листики покрыты белесым налетом (ограниченная выработка, известная как высший сорт черного чая), в середине мая и вновь в августе»².

Анализируя производство чая и торговлю им на китайском рынке, автор данной статьи отмечает, что «производство чая берет свое начало в Фучжоу в период 70-х годов. Торговля быстро расцветала, принося различные успехи, и три фабрики, оснащенные английским оборудованием, были полностью загружены в течение нескольких лет до 1891 года. С этого года начался постепенный упадок вследствие экономических причин из-за перенесения российского рынка торговли чаем на берега Янцзы в соседние города Цзюцзянь и Ханькоу. Торговля в Фучжоу постепенно увяла, и все три иностранные фабрики были вынуждены закрыться...

Русские фирмы в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу производили высококачественный кирпичный чай, изготавливавшийся, главным образом, путем обветривания его специальными веялками отдельно от чая и с применением чайной пыльцы, привозившейся из Индии и с Цейлона, а также благодаря применению гидравлики при упаковке»³.

Не забыл автор этого очерка в справочнике упомянуть и о цветочных чаях. В нашей стране сегодня весьма популярен «молихуа ча» — жасминовый чай. Он был известен и сто лет тому назад.

«Ароматизированный чай готовится на чайных фабриках в Фучжоу путем нагревания определенных видов цветов вместе с листьями чая. Четыре вида цветов используются на чайных фабриках в Фучжоу: 1) белый жасмин, 2) *чу лан* — один из видов орхидей, 3) *шуйгуй* и 4) *юй лан* — особый

¹ В Отделе Востока Эрмитажа хранятся западные альбомы XIX–XX веков. В одном из них я обнаружил китайскую картину, показывающую сбор чая китайской семьей. На ней изображено чайное дерево, под которым на разосланных белых полотнищах расположилась китайская семья. На дереве же маленькие обезьянки обрывают листочки и сбрасывают их вниз. Членам семьи остается только подбирать этот урожай и укладывать его в мешки.

² China Year Book 1926. P. 681.

³ Там же.

вид магнолии (*Magnolia conspicua*). Из-за нынешней депрессии на экспортном рынке зеленого чая был очень малый спрос на эти цветы и цены на них упали до беспрецедентно низкого уровня...

Сравнительно часто ароматизированный цветами чай употребляется в Северном Китае. Он обычно производится на основе высококачественных сортов зеленого чая, черный чай не ароматизируется. Снижение запроса на зеленый чай может, таким образом, повлиять и на рынок ароматизированных чаев»¹.

Говоря об экспорте китайского чая, автор данной статьи подчеркивает, что «в 1924 году Великобритания заняла первое место: ее импорт черного чая достиг 4 596 174 гонконгских доллара, Турция, Персия и Египет закупили зеленый чай на общую сумму 3 082 348 гонконгских долларов. Россия все еще остается вне чайного рынка.

Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу² по поводу чрезмерных долгов за китайский чай»³.

Интересные данные о русской торговле китайским чаем содержатся в книге члена-корреспондента АН СССР, возглавлявшего советское торговое представительство в Пекине, а затем ставшего первым директором Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1985) Михаила Иосифовича Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем»⁴.

М. И. Сладковский вскрыл причины нарушения баланса в русско-китайской торговле. «После отмены меновой системы кяхтинской торговли и решения русского правительства на расплату купцами за покупаемые товары деньгами, золотом и серебром соотношение между стоимостью ввоза и вывоза товаров через Кяхту стало меняться в пользу китайских товаров. Вывоз русских товаров стал стремительно сокращаться»⁵. Существеннейшую роль в этом процессе сыграла торговля чаем. Дело в том, что «после отмены русским правительством запрета завозить китайский чай морем через Одессу морская торговля между китайскими портами (Кантон, Шанхай) и Одессой стала для России односторонней. Привозя из Кантона или Шанхая главным образом байховый чай, русские купцы были вынуждены для оплаты его завозить в Китай наличные деньги, золото или серебро, поскольку русские товары мо-

¹ China Year Book 1926. P. 683.

² Там же. P. 684. Вероятно, имеется в виду Лев Карахан. До 1924 году все державы, имевшие дипломатические представительства в Китае, назначали во главе их не послов, а посланников. После заключения Л. М. Караханом 31 мая 1924 года советско-китайского «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой» (Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. Изд. Восточной литературы. М., 1959. С. 82–85) состоялся обмен нотами относительно учреждения посольств и обмена дипломатическими представителями в ранге послов. (Там же. С. 93–94). Таким образом, СССР первым поднял ранг своего представителя в Китае. Подробнее см.: *Каница М. С.* Советско-китайские отношения. М.: Госполитиздат, 1958. С. 122–123.

³ Там же. С. 684. В 1927 году китайские власти грубо нарушили иммунитет советских дипломатов в Китае (см. Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. Изд. Восточной литературы. М., 1959. С. 116–132). Это привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. См. также: *Крюков В. М., Крюков М. В.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2. 1922–1926 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015.

⁴ *Сладковский М. И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957.

⁵ Там же. С. 113.

рем из европейских портов почти не завозились из-за жесткой конкуренции и засилья в китайских портах западноевропейских и американских фирм»¹.

Для Китая экспорт чая играл существенную роль в его внешней торговле. Поскольку Великобритания расширяла чайные плантации в Индии и на Цейлоне, то она существенно пополнила свой импорт чая за счет этих стран. При подписании русско-китайского С.-Петербургского договора 12 февраля 1881 года китайская сторона, стремясь увеличить русский чайный экспорт, предложила в статье 16 договора исправить вывозные таможенные тарифы так, чтобы «вывозные пошлины, взимаемые ныне с некоторых сортов чая низшего качества, в размере одинаковом с пошлинами на чай высшего достоинства, будут уменьшены соразмерно со стоимостью этих низших сортов чая»². Это способствовало существенному росту русского импорта кирпичного чая через Кяхту³.

Интересно наблюдение М. И. Сладковского о реэкспорте к 1914 году русскими предпринимателями китайского чая в Синьцзян и приграничные районы Северо-Восточного Китая⁴. «В истории русско-китайской торговли, — отметил Михаил Иосифович, — наивысший ввоз чая в Россию был в 1915 году. Под влиянием мировой войны импорт чая в Россию снизился»⁵.

После создания СССР торговля нашей страны с Китаем постепенно возрастала. Уже в 1923–1924 годах из Китая было вывезено 6133 тонны чая, за которые наша страна заплатила 5 млн 736 тыс. рублей⁶. Так что приведенное нами выше высказывание из опубликованного в 1926 году английского справочника: «Россия все еще остается вне чайного рынка. ... Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу по поводу чрезмерных долгов за китайский чай», абсолютно не соответствует действительности. Это была обычная английская ложь о России, начало которой было положено еще во второй половине XIX века, когда шла «Большая игра в Азии». Так называлась схватка Российской и Британской империй за территории и сферы влияния на Азиатском континенте. Этой лжи в различной форме хватает и сегодня. Конечно, всякая ложь раздражает. Мы воспринимаем ее как оскорбление нашей страны, а значит, и каждого из нас. Иногда на нее хочется ответить словами замечательного английского писателя Ричарда Олдингтона⁷, прозвучавшими в 1929 году в его романе «Смерть героя»: «Дивная старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая с..., ты нас отдала на съеденье червям...»⁸. Но мы — люди вежливые, поэтому отвечаем русскими пословицами: «Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится» и «Клеветники на том свете раскаленные сковородки лижут»⁹.

¹ Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957.

² Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 123.

³ Соответствующие таблицы см.: Сладковский М. И. Указ. соч. С. 117–119, 124.

⁴ Там же. С. 160, 163, 165.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Там же. С. 205.

⁷ Aldington Richard, 1892–1962.

⁸ Олдингтон Р. Смерть героя: пер. с англ. Н. Галь. М., 1976. С. 32.

⁹ Пословицы русского народа // Сборник В. Даля в 3-х т. Т. I. М.: Русская книга, 1984. С. 354.

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир ХАВИНСОН

ЛЕКАРСТВО ОТ СТАРОСТИ

Владимир Хацкелевич Хавинсон — родился в 1946 г., окончил Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова, геронтолог, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный изобретатель РФ, доктор медицинских наук, профессор, чл.-корр. РАН, академик АМН Украины, директор СПб. института биорегуляции и геронтологии, первый вице-президент Геронтологического общества РАН, зав. кафедрой качества личности Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, полковник медицинской службы в отставке. Автор более 800 научных работ и 200 патентов. Лауреат премии Совета Министров СССР и АН СССР, награжден Орденом Дружбы и другими наградами. Живет в Санкт-Петербурге.

Российский профессор Владимир Хавинсон первым в мире создал уникальные лекарства, которые способствуют увеличению срока человеческой жизни до 110–120 лет и замедляют процессы старения. За выдающиеся изобретения В. Х. Хавинсон был номинирован на Нобелевскую премию. Лекарственные препараты В. Х. Хавинсона — пептидные биорегуляторы — совершили настоящий переворот в медицине. Более 30 лет профессор В. Х. Хавинсон изучает влияние пептидов (продуктов обмена белков, обладающих биологической активностью) на организм человека и уверен, что с их помощью можно продлить жизнь на 20–40 %. Эти исследования легли в основу новой программы профилактики возрастной патологии. Вот как он сам рассказывает о деле всей своей жизни.

Жизнь и смерть — основные категории человеческого существования, являющиеся биологической и мировоззренческой характеристиками человеческого общества. В привычном понимании смерть — естественный процесс, детерминированный нашими генами. Человечество убеждено, что к 70–80 годам биологическая жизнь заканчивается. Современная наука доказательно спорит с этим заблуждением, показывая, что на самом деле видовая продолжительность человеческой жизни — 110–120 лет. Ученым известно только об одной долгожительнице, отметившей 122-летний юбилей, сведения о 130–150-летних людях не подтверждены документально. О «возрасте Мафусаила» — в Библии сказано, что человек может прожить и 300, и 600, и 900 лет. Я специально интересовался у богословов, как же понимать Мафусаиловы 969 лет? И они мне ответили,

что в Библии используется совершенно другая система летосчисления. На самом деле Мафусаилов возраст составляет примерно 90 лет. Впрочем, и 120 лет, указанные в Библии, и отпущенные нам природой, не так уж и мало, особенно если учесть, что даже в развитых странах средняя продолжительность жизни 80—85 лет. У нас в запасе 35—40 лет жизни, которые мы не проживаем по причине плохой экологии, несбалансированного питания, нарушений светового режима и других факторов, провоцирующих ускоренное старение. Наша задача, как ученых, — постараться «вернуть» потерянные годы.

Конечно, нет смысла продлевать человеку жизнь на несколько десятков лет, если он проведет их, страдая от всевозможных заболеваний, свойственных старости. Поэтому надо делать упор на здоровое долголетие, путем профилактики возрастных патологий сохранять интеллектуальный потенциал человека. Представляете, сколько еще открытий сделал бы Альберт Эйнштейн, проживи он не 75 лет, а хотя бы 90. Я уверен, что за 15 лет он разработал бы судьбоносные теории, облегчившие жизнь последующим поколениям ученых. Сохранение профессионального долголетия актуально не только для выдающихся людей. Несомненно, пенсионный возраст будет увеличиваться, и у нас, и на Западе. В XXI веке 70 лет будут считаться средним возрастом, а старость как таковая отодвинется за 90-летний рубеж.

Специальный анализ, проведенный в нашем институте, показал, что только в Санкт-Петербурге проживают около 350 человек в возрасте 100 и более лет. Не секрет, что большая продолжительность жизни была достигнута именно в нашей стране. Это произошло в 4-м управлении Минздрава СССР, ведавшем Кремлевской больницей. Там, при поддержке академика Е. И. Чазова, была разработана особая суперсовременная система диагностики и оказания медицинской помощи, направленная на поддержание здоровья, тогда как обычная медицина для рядовых граждан занималась да и занимается лечением уже существующих болезней.

Номенклатура, во-первых, проходила ежегодное углубленное диспансерное обследование, дающее представление о недугах, которые могут возникнуть в будущем. Следовательно, появлялась реальная возможность предупредить их появление. Во-вторых, элита страны питалась экологически чистыми продуктами, которые поставляли специальные совхозы. В-третьих, неукоснительно соблюдался режим труда и отдыха. Никто не перерабатывал, а отдыхали семьями и в лучших санаториях. В-четвертых, они принимали эффективные заграничные лекарства, о которых в обычных аптеках и не слышали. Для скорейшей доставки препаратов посылали самолеты. По сути, это была отдельная страна с населением порядка 60 тыс. человек (именно столько обслуживало 4-е управление), средняя продолжительность жизни в которой составляла 82 года, что больше в то время, чем в Японии!

О подобных массовых диспансеризациях и широкомасштабных программах оздоровления сегодня мы можем только мечтать. С другой стороны, медицинская наука не стоит на месте. В настоящее время существует достаточно наработок, позволяющих каждому человеку индивидуально позаботиться о своем здоровье. Наш Институт биорегуляции и геронтологии первым в Европе начал внедрять в широкую практику «генетические паспорта», с помощью которых мы можем определить гены предрасположенности к диабету, инфаркту, атеросклерозу, онкологическим заболеваниям,

болезни Альцгеймера и другим недугам. Таким образом, мы прогнозируем риск развития заболеваний и назначаем профилактическое лечение, сдерживающее тот или иной недуг. Наши пациенты проходят обязательное обследование на «маркеры старения» — биохимические показатели, характеризующие состояние систем организма, полноту выполняемых ими функций. С возрастом эти биохимические показатели снижаются, и к 70 годам они обычно составляют лишь половину от первоначальной цифры. После проведенного обследования каждому пациенту назначается специально для него подобранный курс пептидных биорегуляторов, нормализующих обменные процессы, протекающие в нашем организме, что способствует замедлению процесса старения.

Пептиды — это короткие белки, содержащие от 2 до 100 аминокислот. В организме они выполняют функции геропротекторов, регулируя метаболические процессы на клеточном уровне. Проще говоря, они заставляют стареющую клетку работать так, как она работает в молодом и здоровом организме. В результате восстанавливается биологическая и функциональная активность органов и тканей, нормализуется синтез белка.

Однако самое важное свойство пептидов — их универсальность. Белки, состоящие из 100 и более аминокислот, уже специфичны. Белок человека отличается от белка мыши или коровы, именно поэтому их введение в человеческий организм чревато аллергическими реакциями. Пептиды же абсолютно неспецифичны, они одинаковы во всех организмах.

Без ложной скромности скажу: на сегодняшний день это самое крупное открытие в биологии и медицине. Россия первой победила старость и создала рецепт увеличения ресурса жизни человека на 40 %. И все это благодаря Советскому Союзу. Наши исследования начались в СССР, велись для военных целей, и великая страна на наши научные разработки денег не жалела.

В 2009 г. Нобелевскую премию по медицине получили трое американских ученых — Элизабет Блэкберн, Кэрол Грейдер и Джек Шостак — за открытие лекарства от старости, а именно — механизма защиты хромосом теломерами. А ведь мы сделали это еще в 2003 г.! Мы нашли способ увеличивать активность теломеразы и увеличивать длину теломер в 2,5 раза, опубликовали наш научный доклад в одном с американцами престижном научном сборнике.

В самом начале исследований никто из наших ученых и не предполагал, что бьется над созданием эликсира вечной молодости. Этот эффект обнаружился неожиданно, как побочное действие. Я служил в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в Ленинграде, мы разрабатывали препараты, которые смогли бы повысить боеспособность личного состава советских вооруженных сил. Работы велись под грифом «секретно». Когда мы начинали работать, в мире шла разработка боевого лазера, выжигающего сетчатку глаза. Нашей задачей было создать лекарство, защищающее человека от воздействия боевого лазера. Мы выделили особые вещества — пептиды — из сетчатки глаз телят. Для экспериментов нам понадобилось 200 тыс. глаз телят, и мы их незамедлительно получили с Ленинградского мясокомбината им. С. М. Кирова. Полученный препарат испытывался сначала на кроликах, затем были проведены клинические испытания на людях. Оказалось, что наше лекарство — единственное в мире — снижает разрушительное действие лазера на сетчатку глаза, а затем восстанавливает

ее. Такого препарата нигде — ни в США, ни в Европе — до сих пор не существует. Препарат стал высочайшим достижением России — он единственный без операции лечит заболевания сетчатки глаз, не только останавливая процесс снижения зрения, но и восстанавливая его за две недели.

Вслед за первым препаратом из сетчатки глаз последовали другие — из печени, поджелудочной железы, из сердца, мочевого пузыря телят, из семенников крупного рогатого скота. Оказалось, что каждый из препаратов восстанавливал нормальную деятельность соответствующего органа или системы у человека. Но о том, что новые препараты продлевают жизнь и возвращают молодость, узнали случайно!

В ходе исследований мы проверяли наши препараты на возможную токсичность, и неожиданно обнаружился «побочный эффект» — препараты явно продлевали жизнь! Грызуны, получавшие препарат, жили намного дольше, чем не получавшие его. Животные становились еще и здоровее — их состояние улучшалось очень быстро! Все системы организма работали как часы — на оптимальном уровне для их возраста! Повторили эксперимент 25 раз (каждый длился по 2—3 года). Результаты — те же! Проверили на обезьянах. Получили аналогичные результаты. Мы поняли, что стоим на пороге мирового открытия.

Изначально пептидные биорегуляторы разрабатывались вовсе не для борьбы со старением. В 1968 г. мы с профессором Вячеславом Морозовым были слушателями четвертого курса Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова в Ленинграде. В то время мы увлекались теорией стресса, которая показывала, что любой стресс (военные травмы, отравления, облучения, всевозможные экстремальные факторы) приводит к угнетению иммунной системы и некоторых органов эндокринной системы. В норме они потом восстанавливаются, но не всегда. Вот мы и задумались, как помочь организму восстановиться. При любом стрессе в первую очередь страдают иммунная и эндокринная системы. Координируют их работу два участка головного мозга — эпифиз и гипофиз. Чтобы стимулировать их работу, мы стали делать экстракты из этих органов животных и, после разрешения Фармакологического комитета, вводить их людям. Затем нам удалось выделить активное начало и синтезировать чистые пептиды. Впоследствии мы открыли механизм взаимодействия коротких пептидов с ДНК — они подходят к гену как ключ к замку, встраиваются и дают импульс к синтезу белка. Так начались все эти разработки. Впоследствии оказалось, что при стрессе страдает не только мозг, но и сердце, и печень, и другие органы. Это побудило нас делать препараты из разных органов с целью восстановления их функций.

В 1970 году совместно с профессором Владимиром Анисимовым, тогда молодым сотрудником, а ныне президентом Геронтологического общества РАН, мы начали первые опыты по продлению жизни. Мы исходили из того, что старение — это не что иное, как хронический стресс. Только при обычном стрессе все происходит быстро, при старении же головной мозг и другие органы угнетаются постепенно, процесс растянут во времени. При старении снижается синтез белка, наши же пептиды в большей или меньшей степени его восстанавливают. Поэтому, когда мы начали эксперименты на животных, нам очень быстро удалось добиться восстановления функций стареющих органов. Более того, нам удалось продлить их жизнь до верх-

него видового предела. Лабораторные крысы, которым вводились пептиды, выделенные из эпифиза, в возрасте 2 лет, что соответствует 70—80 человеческим годам, ничем не отличались от своих более молодых собратьев, имели блестящую шерсть, сохраняли сексуальную активность, производили потомство.

На протяжении нескольких лет пептидные биорегуляторы применяли в Киевском институте геронтологии Академии медицинских наук Украины и в одном из петербургских домов ветеранов. Результаты оказались потрясающими: показатели смертности уменьшились на 45 %, а ведь препараты получали люди старше 80 лет! В группе пациентов, принимающих один препарат (из эпифиза, отвечающего за работу всех желез внутренней секреции), смертность составила 40 %, тогда как в контрольной группе (т. е. среди людей, не принимающих наших препаратов) — все 80 %. Еще одна группа принимала препарат, восстанавливающий иммунную систему, — показала примерно те же результаты. Была и третья группа пациентов, которым давали сразу два упомянутых препарата, — в ней уровень смертности оказался в три раза ниже, нежели в контрольной группе. Это не рекламный трюк, а официальные данные, опубликованные в отечественных и зарубежных журналах.

С возраста 35—40 лет начинает снижаться синтез белка в клетке, нарушаются метаболические процессы. В целях профилактики надо регулярно принимать биорегуляторы, благо никакого вреда от них нет, — это же не химические лекарства, совершенно посторонние для организма, а естественные вещества, которые организм с возрастом теряет.

Необходимо отметить, что стоимость этих препаратов не являются безумно высокой. Правда, получать их приходится из органов животных, что создает дополнительные сложности. В настоящее время мы работаем над созданием синтетических аналогов пептидов, которые не менее, а порой и более эффективны, нежели натуральные. Естественно, их стоимость будет существенно ниже, и они будут доступны широким слоям населения. Наглядный пример с инсулином. В начале XX века, когда существовал только натуральный инсулин, он был очень дорогим. Потом было выявлено активное начало, инсулин научились синтезировать, и сейчас он доступен всем нуждающимся.

Проблема сохранения здоровья нации, к сожалению, мало волнует российской власть. Несколько лет назад было принято решение создавать по всей стране специализированные геронтологические центры.

Мои лекарства день за днем, месяц за месяцем продлевают жизнь моей маме — 96-летней Анне Яковлевне. Все свои лекарства я делал, прежде всего, ради нее и для нее. Более 30 лет назад у мамы диагностировали диабет. С этого все и началось. У нее резко снижалась острота зрения, она, по сути, слепла — это нередко происходит при диабете. И тогда я создал первый препарат для нее — из пептидов, выделенных из сетчатки глаз телят. И ее зрение восстановилось. Пятнадцать лет назад она начала принимать наш препарат и теперь способна хорошо видеть. Мама принимала и другие наши препараты, нормализующие состояние систем организма. Она по-прежнему ведет активную, насыщенную жизнь — до сих пор сама ухаживает за садом, очень любит заниматься цветами и внуками. Она даже до сих пор не красит волосы — у нее почти нет седины.

Мой отец в возрасте 60 лет очень страдал от спазма сосудов, он терял сознание, врачи говорили об атеросклерозе и прединсультном состоянии. Мы могли потерять его в любую минуту. К счастью, уже тогда были созданы биорегуляторы из тимуса, сосудов и эпифиза — фундаментальные препараты, от которых зависит жизнь. После нескольких курсов отец прожил еще 30 счастливых лет и умер в 92 года из-за несчастного случая, упав с лестницы. У него образовалась опухоль в месте удара, которая и стала причиной смерти. Однако до последнего времени его сосуды, сердце, внутренние органы были в хорошем состоянии. Родители всегда были моими верными пациентами.

Мне самому немало лет, я принимаю препараты более 15 лет. Не скрою, надеюсь прожить еще много лет (хотя на все воля Божья!). Моя физическая и психическая энергия позволяют это — я плаваю в бассейне, не ем лишнего, сплю по ночам и принимаю препараты. Многие говорят: «Вот приму таблетку — и буду жить до 120 лет». Вовсе нет! Одна таблетка не поможет прожить до 120 лет: это комплексное дело — нужно достаточно спать, достаточно двигаться, не переедать, дышать чистым воздухом, пить чистую воду. Это уровень культуры. Дураки долго не живут. Только умный человек имеет шансы прожить долго. Желаю всем дожить до 120 лет!

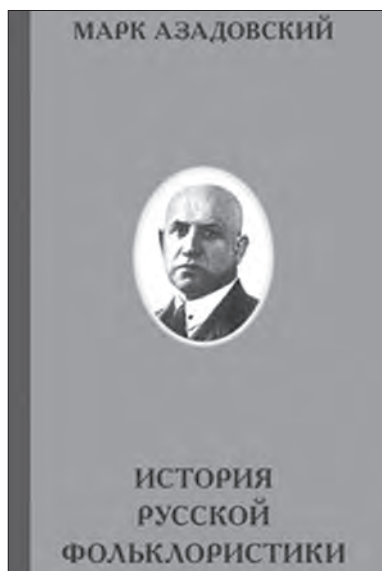
ВЫШЛА КНИГА

Азадовский М. К.

История русской фольклористики / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов.
М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1056 с.

В книге публикуется фундаментальный труд выдающегося русского фольклориста, литературоведа, этнографа Марка Константиновича Азадовского (1888–1954), впервые вышедший в 1958–1963 гг. Книга Азадовского в большой мере заключила, завершила и подытожила длительный и очень плодотворный период изучения русской фольклористики, протянувшийся с XVIII в. до 1917 г.

Труд Азадовского был написан в советский период, что вынудило автора использовать в своем исследовании принятые в ту эпоху штампы и идеологемы («прогрессивность», «реакционность» и т. п.). Они, конечно, в значительной степени замутняли и искажали некоторые научные выводы (неверная оценка деятельности славянофилов и их последователей) исследователя, но не могли перечеркнуть огромного значения подвижнического труда Азадовского по историческому изучению русского народного фольклора.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Виктор ПАРХИМОВИЧ

БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 г. окончил Харьковский авиационный институт, в 1988 г. полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 гг. возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

За последние годы в мире произошло значительное число происшествий как в воздухе, так и на земле. При этом, как показывает сухая статистика транспортных происшествий, сохраняет силу постулат, что авиационный транспорт остается самым надежным видом из всех доступных для человека видов транспорта. Именно самолет на сегодняшний день является самым безопасным средством перемещения в пространстве.

В мире существует несколько методик подсчета смертности в разных видах транспорта. Наиболее распространенная из них — соотношение числа погибших на отрезок пройденного пути. Отправной точкой принято считать 100 млн миль (160 млн километров).

В соответствии с указанной выше методикой, вероятность смертности во время перелета на самолете составляет 0,6–0,7 человека на 160 млн км. Второе место по безопасности занимает железнодорожный транспорт. Вероятность смертности во время поездки на поезде 0,9 человека на 160 млн км. Наконец, третье место с точки зрения безопасности занимает автомобильный транспорт. Полные статистические данные утверждают, что самым безопасным видом транспорта является космический транспорт. В космосе никто не погиб. Трагедии происходили либо при взлете, либо при приземлении. Однако космический туризм — это перспектива будущего, поэтому мы рассмотрим распространенное и наиболее обсуждаемое средство передвижения — авиационный транспорт.

Для аэрофобов (40 % людей бояться летать) хотел бы еще раз подтвердить, что самолет — самый безопасный вид транспорта, что на 100 % подтверждается статистикой. За год в мире совершается около

33 млн рейсов. По подсчетам ИКАО (Международная организация гражданской авиации) в среднем на 1 млн полетов случается одно авиационное происшествие. Вероятность погибнуть в катастрофе обычного пассажирского рейса крайне мала. Даже летая каждый день, пассажиру потребуется XXI тысячелетие, чтобы попасть на тот злополучный рейс, который потерпит крушение.

Какие же факторы влияют на надежность авиатранспорта? Это совершенствование конструкции самолета и его систем; тщательная предполетная проверка самолета инженерно-техническим составом и непосредственно экипажем; совершенствование систем безопасности, установка дублирующих друг друга систем; изменение тактики посадки; тренажерная подготовка экипажа; более тщательное медицинское обследование членов экипажа перед вылетом.

Правомерен вопрос: если самолет надежен и безопасен, то почему миллионы людей опасаются летать?

Дело в том, что любая авиакатастрофа привлекает внимание средств массовой информации, о событии распространяется информация с помощью фотографий и видео с места происшествия. Это способствует формированию негативного мнения об авиации как об опасном виде передвижения.

Ниже приводится перечень наиболее значимых катастроф, произошедших в 2016 году.

27 января в Казахстане потерпел катастрофу вертолет MD 600. На борту находились 5 человек. Все погибли. По предварительным данным катастрофа произошла из-за столкновения вертолета с деревом.

6 февраля в Оренбургской области потерпел катастрофу самолет Ан-2. Пилоты и пассажир погибли.

19 марта в Ростове-на-Дону при заходе на посадку потерпел катастрофу Boeing 737-800. Погибли 62 человека.

2 апреля в Приморском крае вертолет Eurocopter EC130 совершил жесткую посадку. Пилот погиб.

14 апреля в Самарской области потерпел катастрофу самолет Ан-2. Пилот погиб.

29 апреля в Норвегии произошла катастрофа вертолета Eurocopter EC225. Погибли 13 человек. Причиной катастрофы стала техническая неисправность.

3 мая в Камчатском крае разбился вертолет Robinson R44. Погибли пилот и два пассажира.

14 мая в Ленинградской области разбился вертолет Aerospatiale AS.350 Ecureuil. Погибли пилот и пассажир.

19 мая самолет авиакомпании Egypt Air A320 разбился в Средиземном море. На борту находились 66 человек. По последним данным установлено возгорание на месте второго пилота от оставленного им без присмотра и включенного гаджета.

11 июня в Республике Алтай разбился самолет Аэропрокат А-33-011. Пилот и пассажир погибли.

19 июня в ХМФО-Югра разбился самолет Че-26Б2. Пилот погиб, пассажиры получили травмы.

31 июля в Кемеровской области потерпел катастрофу самолет Ан-2. Находившиеся на борту 3 члена экипажа погибли.

7 августа в Краснодарском крае потерпел катастрофу вертолет Ми-2. Пилот и бортмеханик погибли.

24 сентября в Красноярском крае разбился вертолет Bell 206. Пилот и пассажир погибли.

21 октября в Ямало-Ненецком автономном округе разбился вертолет Ми-8. Погибли 19 человек.

1 ноября в районе Сочи разбился вертолет Eurocopter AS-350. Погибли 2 человека.

29 ноября в Колумбии потерпел катастрофу самолет Avro RJ-85 авиакомпании LAMIA. На борту находилось 77 человек. Погибли 71 человек. 6 человек получили травмы.

7 декабря в Пакистане потерпел катастрофу самолет ATR-42-500 авиакомпании Pakistan International Airlines. На борту находилось 47 человек. Все погибли.

25 декабря в Черном море разбился самолет Ту-154. На борту находилось 8 членов экипажа и 92 пассажира. Все погибли.

Анализ вышеприведенных событий показывает, что основной угрозой для обеспечения безопасности полетов является недостаточность мер, принимаемых командно-летным, инспекторским и инструкторским составом по поддержанию на необходимом уровне профессиональной подготовки членов летных экипажей воздушных судов, объективности выводов при допуске летного состава к работе.

Исходя из данных автоматизированной системы обеспечения безопасности полетов воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации (АСОБП), в первом полугодии 2016 года с самолетами и вертолетами коммерческой гражданской авиации произошло 284 инцидента, 3 чрезвычайных происшествия и 41 повреждение на земле.

Учитывая характер большинства аварий и катастроф, приоритетным направлением в профилактике авиационных происшествий и инцидентов должно быть снижение влияния человеческого фактора на возникновение и негативное развитие авиационных событий.

По определению ИКАО «безопасность полетов — это состояние, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, относящейся к эксплуатации воздушных судов или непосредственно обеспечивающей такую эксплуатацию, снижены до приемлемого уровня и контролируются». В ежегодном Докладе ИКАО о состоянии безопасности полетов приводится анализ, дается отчет о достигнутых результатах.

Глобальный план обеспечения безопасности полетов, разработанный ИКАО на 2017–2019 годы, предполагает осуществление стратегии поддержания и повышения безопасности полетов. План предусматривает внедрение государствами надежных и устойчивых систем контроля обеспечения безопасности полетов, человеческий фактор рассматривается при этом как важнейший аспект безопасности воздушных сообщений. Значение термина «ошибка пилота» рассматривается не как ошибка одного лица, а во взаимосвязи с уровнем развития техники и требованиями в отношении человеческих возможностей. В плане определены три приоритета, над которыми государства должны трудиться по их реализации.

1. Сокращение количества авиационных происшествий по причине столкновения исправного воздушного судна с землей (CFIT).
2. Повышение безопасности операций на ВПП.
3. Сокращение количества авиационных происшествий и инцидентов, связанных с потерей управления в полете.

Естественно, авиакомпания стремятся сделать полеты безопасными и свободными от угрозы для жизни и здоровья людей, что достигается путем совершенствования техники и методов ее эксплуатации. Техническая сложность воздушных судов (современные ВС обладают комплексом аэродинамических характеристик, приближающихся к предельным) повлекла за собой существенное усложнение правил их эксплуатации. Замена самолетного парка авиакомпаний на новое поколение ВС, автоматизация систем управления, рост объема воздушных перевозок, насыщение воздушного пространства предъявляют повышенные требования к профессиональной деятельности авиационного персонала, широте профессиональной эрудиции и аналитической способности при принятии решений. При возникновении особой ситуации в полете нужен быстрый и объективный анализ, принятие адекватного решения и четкая его реализация.

Большая степень ответственности ложится на тесно взаимодействующих в процессе выполнения полета летный состав, осуществляющий прямое управление полетом, и специалистов ОрВД, оказывающих услуги по организации воздушного движения.

Отказы авиационной техники, слабые знания и навыки, ошибки в технике пилотирования, физическая усталость, излишняя самоуверенность, недостаточная внимательность могут привести к происшествию. Проектные факторы или эксплуатационные правила, отсутствие опыта поведения в нестандартной ситуации, бездействие, факторы окружающей среды, психологические или физиологические факторы могут быть также причинами авиационных происшествий.

Необходимо, прежде всего, исходить из того, что пилоты, как и все люди, могут ошибаться. К счастью, статистика показывает, что индивидуальность пилота, уровень профессиональной работоспособности, его реакция в нештатных ситуациях не приводят к многообразию зарегистрированных ошибок.

Основной закон поведения человека заключается в том, что чем чаще человек выполнял определенным образом то или иное действие в прошлом, тем вероятнее выполнение аналогичного действия в будущем (перенос навыка). В подготовке пилота большая часть времени уделяется обучению его комплексу обычных действий и выработке соответствующих навыков с тем, чтобы он мог во время полета сконцентрироваться на координации целых групп действий, а не отвлекать внимание на выполнение сравнительно простых задач.

По сравнению с машиной, у человека отсутствует «кнопка стирания памяти». При переходе с одного типа самолета на другой пилоту необходимо длительное время на искоренение старых, бесполезных в новой ситуации навыков и формирование новых, то есть своеобразная «перезапись» нервных связей. По мере накопления пилотом опыта расширяется диапазон его навыков, но при этом он стареет, замедляется реакция, снижается работо-

способность, острота зрения, слух и т. д. Поэтому взаимосвязь возраста и эффективности работы пилота как оператора сложна и неоднозначна. Пилот, имеющий небольшой годовой налет, может с большей вероятностью допустить ошибку, ведущую к происшествию.

В профессиональной подготовке пилота много времени затрачивается на отработку действий в аварийных ситуациях, в которых он в реальности может не оказаться. Такая подготовка предусматривает отработку до автоматизма реакций и последовательности действий пилота в аварийной ситуации. Сокращение времени выполнения операций особенно важно в аварийной ситуации, учитывая стрессовое состояние пилота. Запас по времени и достаточно реальное моделирование ситуации придают пилоту уверенность.

После происшествия становится возможным установить наличие и примерную силу физического (температура, вибрация, турбулентность, недостаточная влажность) и физиологического стресса (бессонница, расстройства, нерегулярное питание, воздействие алкоголя, никотина и др.). Определить наличие психологического стресса сложнее. Пилот имеет большую вероятность попасть в авиационное происшествие в то время, когда на него воздействуют какие-то личные факторы (болезнь ребенка, ссора с женой, неприятности по работе и др.).

Воздействие стресса зависит от самого пилота, от его физической подготовки, профессиональных качеств и особенностей его психики. Отбор людей, умеющих сопротивляться стрессу, хорошо поставлен при отборе космонавтов. В авиации использование этого теста находится в зачаточном состоянии.

Статистика происшествий позволяет объяснить поведение человека-оператора. Запись переговоров между пилотами или пилотами и землей дает возможность осуществить детальный анализ ситуации и позволяет установить отсутствие или наличие стресса. Дополнением служат показания пилота и других очевидцев происшествия.

Таким образом, перед современной авиацией, в числе прочих, стоят две задачи: во-первых, уменьшение вероятности совершения ошибок пилота и, во-вторых, уменьшение последствий таких ошибок.

Чему же и на чем нужно учить будущего пилота и как это сделать более эффективно?

В Программе подготовки пилота многочленного экипажа (MPL) и Программе теоретического обучения пилота коммерческой авиации в образовательных учреждениях гражданской авиации, утвержденных Министерством транспорта Российской Федерации, вопросам безопасности полетов и предотвращению авиационных происшествий уделяется большое внимание. Государство выделяет все большие средства на обучение и подготовку авиационного персонала. Обеспечение безопасности полетов носит уже не узко национальный характер, а рассматривается в международном масштабе.

Метод проб и ошибок, использовавшийся в начале развития авиации, подвергся коренным изменениям. Опыт, накопленный в области методики обучения, нововведения, ставшие возможными благодаря достижениям в технической области, способствуют уменьшению частоты авиационных происшествий. Специалисты, связанные с обеспечением безопасности полетов, еще со времен первых полетов братьев Вильбур и Орвилль Райт, хорошо осознавали роль обучения пилотов для предотвращения авиационных происшествий.

В 90-х годах я представлял интересы авиакомпании «Аэрофлот — российские авиалинии» за рубежом. За заходом на посадку, посадкой и взлетом наших самолетов выходили наблюдать сотрудники аэропорта. «Почерк» пилотов был узнаваем и положительно отличался от других авиакомпаний. Профессионализм наших экипажей был на высоком уровне. Командир ВС показывал мастерство посадки и взлета. Он ПИЛОТИРОВАЛ самолет. Сейчас ситуация другая. Линейные пилоты не пилотируют самолеты, а выполняют функции оператора: управляют системами, контролируют их функционирование.

Автор этих строк работал в годы СССР начальником Управления учебных заведений Министерства гражданской авиации. В ведении находились 26 учебных заведений, готовивших персонал для советского Аэрофлота: пилотов, инженеров по техническому обслуживанию, специалистов в области электроники, диспетчеров управления воздушным движением, руководящий и административный состав, персонал, осуществляющий наземное обслуживание и др. Студенты и преподаватели выполняли первоклассные научно-исследовательские работы. Министерство гражданской авиации выделяло большие средства для того, чтобы персонал гражданской авиации получал хорошее образование и подготовку. Опыт обучения и подготовки (переподготовки и повышения квалификации) авиационных специалистов широко использовался международной гражданской авиацией. Как пишет М. К. Стриклер, в свое время посетивший институты и центры подготовки, налицо существовал значительный прогресс, достигнутый в СССР в области подготовки персонала, благодаря, в том числе, применению новых методов подготовки. Методика подготовки пилотов была очень продуманной, так как неправильное обучение могло привести к непоправимым последствиям.

Со своей стороны мы изучали опыт подготовки специалистов в летных учебных заведениях США, Франции, Германии, Японии, Голландии и других стран, направляли туда экипажи для тренажерной и языковой стажировки.

С развалом СССР, развалилась экономика, развалилось и отраслевое образование.

В большинстве российских авиакомпаний в эксплуатации нет самолетов российского производства. В 90-е годы пилоты, имевшие за плечами огромный опыт эксплуатации Ил-62, Ту-154 и Ил-86, учились у иностранных инструкторов в фирмах-производителях самолетов Boeing (Сиэтл) и Airbus (Тулуза), ведущих европейских центрах.

Сейчас экономика России возрождается, возрождаются проектные ОКБ и институты, восстанавливается авиационная промышленность. В эксплуатационные предприятия поступает самолет Superjet-100 (RRJ-100). Поставлена задача перехода на самолеты, производимые на предприятиях России: Ту-204, Ту-334, Ил-114, МС-21 и другие.

Соответственно, в подготовке и обучении авиационного персонала происходят также большие изменения. Учебные заведения оснащаются новыми самолетами для первоначального обучения Diamond DA-40 и DA-42, Cessna -172, вертолетами Eurocopter AS350 и тренажерами для отработки навыков на земле.

В государственной системе сохранились: Ульяновское высшее авиационное училище (готовит пилотов, диспетчеров), Санкт-Петербургский университет гражданской авиации (готовит пилотов, диспетчеров), Московский

государственный технический университет гражданской авиации (готовит диспетчеров), Сасовское летное училище гражданской авиации (готовит пилотов), Краснокутское летное училище гражданской авиации (готовит пилотов), Бугурусланское летное училище гражданской авиации (готовит пилотов), Омский летно-технический колледж гражданской авиации (готовит пилотов Ми-8), Якутский авиационно-технический колледж гражданской авиации (готовит пилотов Ми-8), Красноярский авиационно-технический колледж гражданской авиации (готовит диспетчеров).

Правильное обучение — важнейший элемент безопасности, надежной и прибыльной эксплуатации ВС. Цель обучения члена летного экипажа состоит в том, чтобы он мог заранее планировать полет и выполнять его без происшествий, адекватно реагировать в случае возникновения нештатной ситуации.

Подготовка пилотов ВС включает элементы обучения, а также оценки. Цель подготовки состоит в том, чтобы выработать у членов летного экипажа определенные стереотипы поведения до того, как они приступят к практическому пилотированию.

Романтический подход к летному образованию уступил место целенаправленному подходу, цель которого — научить будущих линейных пилотов эффективно управлять сложными системами командных пилотажных приборов.

Переход в образовательных учреждениях гражданской авиации Российской Федерации на новые программы (Программа теоретического обучения пилота коммерческой авиации и Программа подготовки пилота многочленного экипажа (MPL)) вывели подготовку пилотов в учебных заведениях на уровень, соответствующий квалификации пилота коммерческой авиации (CPL), способного выполнять функции второго пилота.

В мире достигнут большой прогресс в деле проектирования и использования тренажеров для обучения действиям в полете. Наблюдается тенденция к переходу к обучению пилотов на тренажерах. В будущем на смену учебному самолету придет тренажер; этот шаг потребует не только хорошо спроектированного учебного оборудования, но и наличия комплексной системы подготовки. Нужно иметь в виду, что на тренажере может быть обеспечено более тщательное обучение, чем на самолете. Навыки пилотирования, полученные на тренажере, адекватны навыкам пилотирования самолета.

В подготовке летных экипажей большое значение имеет базовое авиационное образование, которое можно получить в летных учебных заведениях. В мире наблюдается тенденция совмещения базового авиационного образования и общего образования, полученного в колледже или техническом вузе.

Хотелось бы надеяться, что Министерство транспорта РФ примет меры по дальнейшей поставке в учебные заведения новых самолетов, вертолетов и тренажеров для первоначального обучения пилотов в подведомственных учебных заведениях. Поднимет уровень оплаты труда инструкторского, инженерно-технического состава летных учебных заведений до уровня оплаты труда аналогичных специалистов в эксплуатационных предприятиях. Профинансирует написание и издание современных учебников, комплект которых будет выдаваться бесплатно каждому курсанту.

Пассажирам, для того чтобы чувствовать себя в небе более уверенно, нужно планировать полет с надежной авиакомпанией и на тех типах самолетов, репутация которых безупречна.

Татьяна МАРУГОВА

«ЕСТЬ ВЕРА, НАДЕЖДА И ПРАВДА ВОВЕК...»

Татьяна Владимировна Маругова — родилась в г. Подольске Московской области, окончила Академию народного хозяйства им. Плеханова, автор двух поэтических сборников «Вслед земли» (2011) и «Песнь венчальная» (2012), в настоящее время учится в Московском литературном институте им. М. Горького. **Живет в Москве.**

МАТУШКА РУСЬ

Полнорекая — юдоль широкая,
Синеокая матушка Русь!
Вновь стоишь средь полей одинокая?
Отвечает: «Я Богу молюсь...»
Любомудрая, сердобольная,
Хлебосольная наша земля.
Тебя снова казнят недовольные?
Отвечает: «То доля моя...»
Терпеливая, Христолюбивая,
Непорочная вера твоя —
Где же силы берешь, незлобивая?
Отвечает: «Прощаю всех я...»

* * *

Эх, просторы да просторы —
Горы, реки да поля,
Задушевные разговоры —
Это Родина моя!
Ох душа моя, как птица,
Ты лети, лети, лети!
Соль, вода да поляница —
И поклоны до земли!

* * *

А разве мало есть на свете
Забывших, сырых и больных?
Как тяжело болеют дети,
Как скорбен взгляд бывает их!
Живя здоровыми, в достатке,
В томящей неге, в суете,
Мы забываем то, что сладкой
Бывает горечь на земле.
Меж долгих зим и расстояний
Как много тех, кому нужны
Улыбки, добрые посланья...
Мы помнить о таких должны —
О войнах, бедствиях в народах,
О тех, кто где-то на земле
В изгнании, в плену, в походах,
О тех, кто гибнет, кто в беде...
Мы все в ответе перед теми,
Кому помочь мы не могли
Или помочь мы не хотели, —
Покой и «благо» берегли...
На то придет Господне лето,
Когда для каждого из нас
Настанет время для ответа,
Оно зовется — Судный час.

* * *

Средь лжи и обмана,
надуманных слов,
Записанных мыслей
и лживых миров

Есть вера, надежда и правда вовек.
Но выбор всегда за тобой, человек.

* * *

Гроза гремит! Гремит гроза!
Стучит по крыше дома.
Раскрыты грозные глаза
У праведного грома.
Рыдая, рдеет мой восток —
Небесная бравада!
А сквозь асфальт растет росток,
Он вырастет, как надо!

Жучок спешит залезть под лист
И спрятаться на отдых.
Включает дворники таксист,
И мчатся пешеходы.
Сверкают окна, и ручьи
Бегут, подобно рекам...
...А псы бездомные — ничьи,
Скулят без человека...

* * *

Я сегодня ходила испить родниковой воды,
Ключ холодный меня освежил своим соком.
О прохладе шептали мне тихо сады,
А под ноги шелками стелилась осока.
Я смотрела сегодня, как плачет закат,
Разливая по небу багровые блики.
Я твердила: запомни, тебе он как брат...
А из чащи лесной птицы слышались крики.
То мольба или песня лилась в облака,
Этим звукам найти не могу описание,
Только вспомнила, как улетала тоска
Из груди моей в чащу лесную — в изгнание...

* * *

Рожью колосится милая земля,
А над рожью птица кружится, паря.
Только мне не спится в заводи моей —
Что это за птица памяти сильней?
Отчего же сердце сжалось от тоски?
Не боюсь я смерти, если рядом Ты...

* * *

Воля наша — опасная птица,
Если выпустишь — вон как летает,

Что недолго упасть и убиться!
И с людьми это часто бывает...

* * *

Как хорошо, что указала
Мне жизнь моя своим перстом
На гордости и спеси жало,
На путь спасения — с Христом,

На то, что все фатально бrenно,
На то, что правды не найти.
Я в небо шагом постепенно
Решила, пусть с трудом, дойти.

А образ мира?.. Все — не вечно.
И жизнь, и счастье, и мечта...

Все так коварно быстротечно —
Все — суета...
Все — суета...

* * *

Как не предать тебя мне, правда?
Как чистой душу пронести?
Пошли, Господь, мне, как награду,
Прямые, верные пути.
«Обаче милостью...» — Ты помнишь,
Как псалмопевец говорил.

Я в этом мире — прах всего лишь
Из праха чьих-нибудь могил...
Я — опыт поколений верный,
Где войны, страсти, студ, мольба...
И я молю: «Из них же первый...»
Спаси меня!
Твоя раба...

ВЫШЛА КНИГА

Кудрявцева-Кузнецова Н. Я.

Слово, несущее Свет: стихотворения и публицистика. Новокузнецк: Союз писателей, 2016. — 188 с.

Книга издана в связи с 65-летием автора. Включает в себя новые стихотворения, стихотворения из книг, ранее опубликованных, а также статьи о слове и поэтах, их творчестве. В раздел «Публицистика» включены статьи, ранее опубликованные в журналах: «Огни Кузбасса», «Союз писателей», «ЛитОгранка», о встречах с поэтами Евгением Евтушенко, Андреем Дементьевым, Лидией Музыка, о творчестве ушедших поэтов — Владимира Ширяева и Владимира Ерёмко.

Книга адресована тем, кого интересует Духовное поле Провинции.

Антон БЕЛЯЕВ

«НЕ СДАЮТСЯ РУССКИЕ ВРАГУ»!

Антон Юрьевич Беляев — родился в Москве. Автор четырех поэтических книг: «Ритмы времени» (2010), «Тени Эллады», (2011), «Стихия стиха» (2012) «Дорогами мироздания» (2016). Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии российской словесности. Номинант Бунинской премии. **Живет в Москве.**

Вороны кружили над Отчизной,
Пиршество предчувствуя свое.
Иноки смотрели с укоризной
На мирское грешное житье.

И молились пред святой иконой
Пламенно за Родину свою.
Вечер. Освещал закат червонный
Воинов, не дрогнувших в бою.

Знают и Сапега, и Лисовский,
Что не гнутся русские клинки.
Только слух прошел:
 чертог Кремлевский
Заняли литовские полки.

Значит, братья, время бить в набаты!
Не сдаются русские врагу!
Смотрит месяц в небесах щербатый
На следы повозок на снегу.

II

Когда предатели у трона
Забыли даже слово «честь»,
Не избежать стране полона
И жертв бессмысленных не счесть.

Кто выйдет Шуйскому на смену?
Кругом — предательская мгла.
Мы видим подлую измену,
Творятся черные дела.

Все гуще мрак. Так встанем, братья!
Услышим Минина слова!
Мы в бой пойдем единой ратью,
Дождись, плененная Москва!

Пожарский, храбрый воевода,
Возглавит русские войска.
Отчизну нашу ждет свобода,
Героев — слава на века.

И Гермоген, святитель мудрый,
Благословляет наш поход.
Мы выйдем, как наступит утро,
Лишь Волгу освятит восход...

III

Помним день спасения России!
Был тогда разбит жестокий враг,
Что пришел корону взять насильем.
Только нам чужой не нужен флаг!

Все тогда решалось — или-или,
Доживет Россия ль до весны?
Но святые Господа молили
Слезно о спасении страны.

И Господь послал Руси спасенье.
У героев чистые сердца.

Победили в этот день осенний
Верные обетам до конца.

Самозванцев нет уже в помине,
Не хотят бояре короля.
Князь Пожарский и посадник Минин
Разговор ведут у стен Кремля.

И, хотя престол пустует царский,
Верим — годы смутные прошли.
Минин-гражданин и князь Пожарский,
Вам поклон от Русской всей земли!

НА УГРЕ

Угра. Ноябрь. Ожиданье битвы.
Князь Иоанн задумчив и суров.
В тиши ночной возносятся молитвы,
О Матерь Божья, дай нам Свой Покров!

Сто лет назад, на Куликовом поле,
Была разбита грозная орда.
То был лишь шаг к спасенью от неволи,
Но пробил час — теперь иль никогда!

И воин русский, крепко меч сжимая,
Готов к сраженью. Зябко в ноябре,
Но взор горит. Наследники Мамая
Отпор получают ныне на Угре!

Да, не забылся подвиг Коловрата,
И не напрасно бился Пересвет.
Сегодня брат сражается за брата,
Забыв вражду и споры прежних лет.

И дрогнул враг. Не состоялось битвы,
Но радостно звонят колокола.
Ликует князь. Услышаны молитвы,
И Русь навек свободу обрела!

* * *

Эпоха Первого Петра,
Пора надежд, пора свершений,
Пора исканий и сражений,
Полтавы славная пора.

Эпоха казней и бунтов;
И царь, не знающий покоя,

Всегда был твердою рукою
Корабль страны вести готов.

Петром забытая Москва
Боярский дух еще хранила,
А Императора пленила
Навеки темная Нева.

Не знал сомнений никогда
И легких не искал решений,
Ведь он был царь поры свершений,
Вела Петра его звезда.

И поднял новый Мономах
Рукою крепкой флаг Державы;

Пусть не всегда решения правы,
Но поражает их размах.

И в память Первого Петра
Пред Медным всадником солдаты
Кричали, словно Петр когда-то,
Громоподобное «Ура!».

* * *

Бояре, полно! Что вы спите?
У новой жизни ритм иной!
Основан флот, заложен Питер,
И Петр от побед хмельной.

На верфях стоятся фрегаты,
А ветер треплет паруса.
Да, мы талантами богаты,
И нам помогут Небеса!

Над Балтикой закат багровый,
Над Ладогой вечерний мрак.
Со шведом скоро бой суровый,
Но будет бит надменный враг.

Порывы резкие Борей
Уже не остановят нас.
И русский флаг, на мачте рея,
Надежду дарит в трудный час.

ВЫШЛА КНИГА

Зиновьев Н. А.

На Родине: стихи. Ростов н/Д: Ирбис,
2016. — 256 с.

Поэзия не имеет пространственных и временных ограничений, но она все-таки привязана к историческим событиям. Поэтому уместно будет сказать, что стихи сборника «На Родине» написаны с 1986 по 2016 годы. Написаны в России, претерпевшей на стыке двух тысячелетий небывалые потрясения, которые не могли не отразиться в душе поэта.

Это отражение, часто далекое от зеркального, и представлено в книге, которую вы держите в руках и которая, возможно, найдет отклик в вашем сердце.

Вячеслав АР-СЕРГИ

«УДМУРТСКОЮ ДОРОГОЙ НЕПРЯМОЙ...»

Вячеслав Ар-Серги (Сергеев Вячеслав Витальевич) — родился в 1962 г. в д. Новая Каз-маска Завьяловского р-на Уд-муртской Республики. Окончил Удмуртский университета. Про-шел путь от корреспондента ре-спубликанских газет и радио до гл. редактора журнала «Кизи-ли» («Звездочка»). Автор более 40 книг поэзии и прозы. Пере-водит произведения авторов на-родов Европы и Азии. Член СП СССР и РФ (с 1990 г.). Народ-ный писатель Удмуртии. Заслу-женный работник культуры Уд-муртской Республики. Лауреат республиканской литературной премии Комсомола Удмуртии им. Флора Васильева, Между-народной литературной премии «Югра» и др. Отмечен медаля-ми: «В память 1000-летия Каза-ни» и «Сергей Есенин». **Живет и работает в Ижевске.**

Земля, пробудись!
Юною девою
Мне покажись...

Земля, пробудись!
Белкою верткою
Ты кувыркнись...

Земля, пробудись!
В алой зари
Шаль запахнись...

В ритме сердечном —
Мои сапоги.
В звуке заветном —
Легки каблукки.

Тынгыр — тынгыр,
Тынгыр — топ!
Тынгыр — тынгыр,
Тынгыр — дробь!

В травы несмяты
С любимой зайду!
Конь мой косматый —
Целует звезду.

ОКТАБРЬ

Кисти рябин прихватило
Колким морозцем ночным.
Грустью в груди защемило... —
Дымком потянуло печным.

А в прошлом мы чинно уселись
За щедрым семейным столом —
Как будто бы птахи слетелись
Над домовитым гумном.

Вот в центре стола — перепечи
И шанежки горкой лежат,
Душевной беседы предтечи —
Пузатые рюмки стоят.

А вот и удмуртской гармошки
В окошко стучит перебор,
Хозяйской дочурки сапожки
Несутся скорей на угор.

Вот там плясунам-то — раздолье —
Осенние свадьбы звенят!..
Я помню фартовое счастье —
Девчонок глаза маяками горят...

...Но застыли рябинами в поле
Октябри мои в снежных дождях:
Лишь один все гуляет на воле —
С ним дружили мы в юных летах.

МОЯ МЕЧТА

Не босиком мечта моя ходила
Удмуртскою дорогой непрямой,
Из простенького жбанчика не пила
Удмурточки хмельной настой.

И на плотях она не плыла
За льдиной грозною весной,
И с копкою картошки не спешила
Под дождь осенний ледяной.

Она копеек сроду не считала
Средь своих банковских счетов,

Она со вздохом не смотрела
На фото южных островов.

Зато она всегда летала
Меж белых-белых облаков,
Меня с небес не замечала
Средь замолчавших чудаков.

Но слышу я мечту свою
В журчаньях наших родников...
Свою печаль веревочкой завью —
Ковчег мечты без парусов...

РОДНИК

Песенка

Чуть засветло уходят рыбаки
На берега неведомой реки,
А я останусь с родником,
Что зажурчал сегодня под холмом.

Кораблик бумажный по волнам пушу
И об ушедших светло загрущу:

Им не прожить без великой реки,
А мне по душе мал-мала родники.

Чистой воды я в кувшин наберу,
Песню для милой нежней подберу:
Хватит воды для любви с родника,
Пусть уж не мне гроыхает река.

ЗИМНЕЕ...

по С. А. Есенину

В руки взял, как поэта награду,
Я замерзший кленовый листок...
И не скрыться теперь за ограду —
Одиночества вышел весь срок.

Мне подпой, воробей, по зиме!
Моргни прорубью глаз, стынь-река...
Загрустят матерински по мне
Камы милой в лесах берега.

И ворона в логу подпоет,
А за нею синиц, снегирей хоровод...
И под валенком скрип! ветерок разнесет —
Песню Родины нашей метель обметет...

Но не холоден ей высоченный сугроб,
Под сугробом — наш дом!
Где по нотам кленовых листов мы поем —
И вдвоем, и втроем..., вчетвером.

ВЕТЕР...

слогом притчей Деда Кокана

Трепет бессонных ночей,
Нежность заветных речей,
Гнев своих сил молодых,
Наивность идей озорных:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

Годы трудов неоплатных,
Рассветов тугих, незабвенных,
Прощаний с людьми задушевыми,
Стычек с людьми окаянными:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

Строки мои полюбовные
Читали глаза равнодушные,
Песни мои незастольные
Пели певцы забубенные.

Камни с дорог, мною пройденных,
И вина бокалов — веселых, печальных,
Свое ожидание светлого дня,
Где сам отпустил бы грехи у себя:

Я бросил на ветер,
На ветер, на ветер
Родины милой моей...

ГОБУСТАН

Я стал валуном серо-желтым
В городе грустном, с виду суровом —
Солью морской иссушенным,
В память свою заключенным.

Песчинки любви сжаты в памяти той,
Песчинки прощаний и пепел костров,
Песчинки слезинки горючей, сухой,
Подвластные воле осенних ветров.

Оливы колышутся передо мной,
Чинар застывает чужою чертой,

Море поет камням упокой —
Как отходную их жизни простой.

Камнем я в темное небо гляжу,
Слышу дыхание соседних камней,
Рисунком на скальном себя награву —
Обличьем коня, что меня помудрей.

Он знает сквозь горы дорогу домой,
И каменный всадник будет попутчик
Ему к луговине, до боли родной —
Оживший уколом
верблюжьих колючек.

РЯБИНУШКА МОЯ

По мотивам удмуртских народных песен

Наше солнце сменяет Луна,
Нашу зиму сменяет весна.
Черный локон волос — седина
Обовьет, как крепка пелена.

А дорога лунная мне не тяжела,
У весны пробудная песня весела.
Черный локон блазнится
темной колеей,
Седина протравлена белой сулемой.

Мне восточный ветер восточку прислал,
Полыневый запах душу опростал.
К пепелищу родному память привела,
Без меня рябинушка сушью замерла.

Под веткою рябиновой лягу на снежок,
Не найду подушечку — положу ледок.
Пепелище родное мягко подо мной,
Одеяло теплое — ветер под Луной.

Хорошо забытому под звездой заснуть,
Память окаянную в поясок заткнуть.
Рябина индевелая апрель мой сторожит,
Про любовь обманную ветка шебуршит.

ВЫШЛА КНИГА

Муза Д. Е.

Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисл. С. Ю. Житенева; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. — 232 с.

Книга посвящена важнейшим вопросам нового этапа цивилизационного самоопределения России, происходящего на фоне множатых глобальных вызовов и угроз. В ней представлены разработки в области истории и теории русской цивилизации. Она включает взаимосвязанные тематические блоки: «Славянофильские рефлексии», «Каков он, евразийский соблазн?», «Украина, Новороссия и Донбасс», «Не милый сердцу Запад», «Империя», «Русское будущее», которые отражают специфику исторического опыта России, генерируемого не только внешними и внутренними проблемами, но и универсальными притязаниями ее исторических проектов.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.
Составитель А. Е. Селезнев*

*Продолжение. Начало в №№ 1,
2, 3, 4 за 2016 г., № 1 за 2017 г.

При большевиках инок Владимир подолгу на одном месте не задерживался. Как в пору молодости, до монашества, ездил по всей России. Причем, будучи изгнан из монастыря советской властью, продолжал носить подрясник до конца своих дней, что само по себе было подвигом.

Вместе с Марией Антоновной поехал он на богомолье в Киев. В то время город бурлил. Вот что писал одному из священников Харбинской епархии один из благочестивых богомольцев, посетивший Киев летом 1923 года: «Народу, богомольцев, видимо-невидимо. Русь Святая просыпается и опять стекается на поклонение. Пещеры и святые мощи посещаются и богомольцами, и любопытными. Богомольцы увеличивают свою мощь духа, а у любопытных чувство любопытства часто сменяется серьезной задумчивостью, явно свидетельствующей, что не обыкновенный музей видит он, а что-то другое, необычайное. В начале июля (июня? — сост.) начались и до сих пор продолжают массовые обновления икон, совершающиеся на глазах народа. В некоторых храмах чудесно озолотились старые почерневшие купола и блестят так ярко, что больно смотреть. Киев прославляется».

Инок Владимир и раньше не раз бывал здесь, только такого стечения народа не видел. Да и было на что посмотреть. В районе стародавних западных городских ворот, где теперь Львовская площадь, сходятся четыре улицы. Между двумя из них, Большой Житомирской и Сретенской, с XVII века стояла церковь Сретения Господня. Последний раз строительные работы на ней прово-

дились в 1850 году, после которых она сияла первозданной красотой, но за семьдесят бурных лет позолота купола потемнела, и храм приобрел вид старинного. И вдруг, с началом власти большевиков, когда над храмами живыми и рукотворенными возникла угроза гибели, купол Сретенской церкви начал обновляться сам собой. Молва об этом моментально разнеслась по городу, и к храму стали стекаться многотысячные толпы. В воспоминаниях многих киевских старожилов сохранились описания этого чуда. Но если впечатления православных можно отнести к мнению заинтересованных лиц, то свидетельство иудея, отнюдь не заинтересованного в проповеди христианства, должно быть названо абсолютно объективным.

«Моя дорога в Харбин, — писал он, — лежала через Киев, где поезд стоит целые сутки. Я решил осмотреть город, где был в первый раз, и разыскать своих знакомых, точного адреса коих я не знал. Пошел в адресный стол, заплатил миллион, но адреса так и не узнал. Решил походить по улицам. Это было 20 июня 1923 года. И вот на Житомирской улице я встретил огромную, многотысячную толпу; народу стояло так много, что, я думаю, не менее десяти тысяч человек. Толпа эта стояла чинно, без шума, что меня особенно поразило. Я сначала думал, это митинг, и хотел уже удалиться, но эта тишина меня остановила, и я тоже остановился, не зная, в чем дело. В этой толпе было много наших евреев, много было и христиан. Я стал смотреть на небо, но один еврей сказал мне, что нужно смотреть на церковь, на главный купол, который вот уже два дня как обновляется. Я тоже стал смотреть, и на моих глазах с купола сошла как бы пелена. Я стал спрашивать, мне наши евреи сказали, что и иконы под куполом были ранее старые, грязные, и тоже обновились. Действительно, иконы были как новые, только что нарисованные. Спустя несколько времени купол заблестел как солнце. Власти города, как мне сказали, производили обыск в церкви, думая, что здесь мошенничество, но ничего найти не могли. Вот это я видел сам своими глазами».

Немного позже здесь появились Мария Антоновна с иноком Владимиром. Обновление купола продолжалось, но ситуация вокруг этого события изменилась.

— Вон он ходит, — негромко сказал инок Марии Антоновне, глядя на купол, — кистью мажет.

...То, что не могли видеть ни власти, ни зеваки, ни даже богомольцы, было открыто его взору, как некогда святому Андрею во Влахернском храме. Мария Антоновна тоже не видела, кто этот «он» с кистью, но то, что купол вдруг заблестел новой позолотой, видела вместе со всеми.

Но не созерцанием чуда кончилось богомолье для инока Владимира. Большевики, не имея других аргументов кроме насилия, устраивали облавы на всех «сочувствующих» и беспаспортных, а Сретенский храм впоследствии разрушили. Разумеется, паспорта у инока Владимира не было, да и в любом случае его фигура в черном подряснике, как когда-то в Питере на Московской улице, по-прежнему оставалась хорошей мишенью, и его арестовали. Только теперь уйти из рук подросших «гаврошей» было куда как сложнее.

Отконвоировали его с толпой «подозрительных элементов» в здание, занятое киевским ЧК. Бедная Мария Антоновна, оставшаяся на свободе, в одиноком бессилии опустила на скамейку невдалеке. Киев — не Тосно,

здесь она никого не знала. Но даже если б и были знакомые, как подступиться с просьбой об освобождении монаха к вооруженным бандитам?

Как верный раб осталась она снаружи, ожидая неизвестно чего. Молилась ли она? Конечно. Верила ли в чудо освобождения дорогого «иночка»? Несомненно. Ведь только что своими глазами видела она одно чудо, и как же можно было после этого не надеяться на милость Божию? Но время шло, и длилось испытание ее веры.

Сколько бы крепкой вера ни была, только ждать от Бога исполнения конкретной просьбы, да еще немедленно, может далеко не каждый. И на Марию Антоновну навалилось отчаяние. Картины одна страшнее другой мелькали в ее сознании, как вдруг из ворот ЧК вышел... инок Владимир. Он шел обычной своей энергичной походкой, широко улыбаясь, глядя прямо в глаза Марии Антоновне, словно был уверен, что встретит ее здесь. Пospешив отойти на безопасное расстояние от страшного здания, Мария Антоновна засыпала его вопросами.

— Да Господь помог, послал сюда Георгия из Питера, — весело ответил он на все вопросы сразу.

История эта хранится в анналах потомков семьи Андреевых и вот уже не в одном поколении переходит из уст в уста.

Дело было так. Один из сыновей Александры Макаровны, Георгий, совсем юным решил пойти служить большевикам, да не куда-нибудь, а в ЧК. Сердце матери разрывалось от горя, но Георгий, скорее всего, сам не осознавал, куда собрался, и слушать доводы матери не хотел. Свою беду она выплакала иноку Владимиру, но вместо сочувствия, на которое, казалось, могла бы рассчитывать, вдруг услышала:

— Пускай идет. Он меня еще спасет.

Многие, знавшие инок, вспоминали, что он часто «блажил», говорил какими-то рифмованными фразами, которые потом странным образом исполнялись, но те «стихи» врезались в память Александре Макаровне еще и по особой причине, связанной с сыном.

Прошло несколько лет. Инок отправился на богомолье в Киев и был там арестован. Георгий в то же самое время ездил из Питера в киевское ЧК в командировку и, зайдя в кабинет к начальнику, оказался на допросе инок. Взглянув друг на друга, оба сделали вид, что не знакомы. Георгий стал обсуждать что-то с начальником, стараясь не смотреть на отца Владимира.

— Вот, набрали беспаспортных, — сказал чекист, кивнув головой в сторону инок. — И что мне теперь с этим «сокровищем» делать?

— Да что ты его держишь? И так он, видишь, еле ноги таскает, еще умрет тут у тебя, возись с ним потом. Лучше выпусти его.

Посмотрел тот на инок, рявкнул:

— Да иди ты отсюда...! — и выгнал его.

Невероятно! Действительно, чудо! Так легко вырваться из рук чекистов! Было иноку в то время шестьдесят лет, и особенной немощью среди арестованных он не выделялся, тем не менее, отпустили именно его.

Настоящим ангелом-хранителем был инок Владимир для Андреевых. Голод ли, болезнь ли — со всякой нуждой обращались к нему. Был, например, такой эпизод. Старшие дети нечаянно уронили крестницу инок, малышку Лизу, и у нее начал расти горбик. В один из дней зашел к ним отец Владимир, и Александра Макаровна поделилась новой бедой. Рассказывая, конечно,

плакала, держала Лизу на руках, а инок слушал ее как всегда веселый, улыбающийся. Взял младенчика, стал ее качать, баюкать, что-то ей говорить. Тут у матери слезы высохли, стала даже смеяться, глядя на «бородатую няню». Походил он с крестницей с полчаса по дому и вернул ей со словами:

— Ничего, Александра, не печалься.

А через месяц Александра заметила, что никакого горбика у девочки больше нет. Как потом вспоминали дети Елизаветы, красивую осанку она сохранила на всю жизнь.

Но не всегда однозначно можно было понять отца Владимира, и не все его пророчества обращались в радость.

Однажды он пришел к Александре Макаровне и сказал, чтобы она отдала свою дочь Марию в монастырь. Каково было решиться на это матери, если Марии тогда было всего три года? Да и время было уже советское, монастыри закрывали десятками, сотнями в год. Зная, что инок так просто слова не скажет и такова, видно, воля Божия о девочке, Александра Макаровна сама отвезла ее в один из действующих монастырей. Пробыла Мария там около двух лет, а в 1923 году мама забрала ребенка обратно.

Позже отец Владимир не раз заходил к Андреевым, но темы монашества для Марии больше не касался. Правда, как-то раз, когда Маше было уже лет восемь, инок зашел к ним, когда родителей не было дома. Обычно он ходил с саквояжем, в котором носил подарки, и в этот раз саквояж был при нем. Открыл его, достал оттуда две ночные сорочки с рукавами, помоллся и надел одну на Машу, потом снова помоллся и поверх этой надел вторую. Ничего не сказал, повернулся и ушел.

Вернувшись домой, Александра Макаровна увидела свою дочь в двух ночных сорочках, но долго над смыслом такого подарка не размышляла. Даже не вспомнив пророчества инок о монашеском пути для Маши, решила, что ей суждено будет дважды выйти замуж. «Две ночные рубашки — это два подвенечных платья», — решила она, а о том, что они могут означать два подряника, не подумала.

И правда, незадолго до войны Мария вышла замуж и была вполне счастлива, но недолго. С первых дней войны в 1941 году мужа призвали в армию, и в первом же бою он погиб. От этого брака у нее был ребенок, но в блокаду умер от голода. Казалось, Господь освободил ее от семейного бремени, и у нее появилась возможность «надеть вторую рубашку поверх первой», вспомнить пророчество инок и начать новую жизнь теперь уже только для Бога. Но о Боге Мария тогда не вспоминала. Спустя какое-то время она снова вышла замуж.

Во втором замужестве Мария прожила страшную жизнь. Еще на земле она узнала, что такое ад. Муж ей попался с разгульным нравом: пил, гулял, бил свою жену. От него у Марии было два сына, первый — полная копия отца внешне и по характеру: тоже пил, тоже бил свою мать. Второй родился психически больным. Старший брат его запугивал, и он, в конце концов, покончил с собой. Муж умер от пьянства, старший сын умер тоже отнюдь не «в мире и покаянии». Она осталась в полном одиночестве, но к концу жизни стала очень верующей, плакала и каялась, что неправильно прожила жизнь, не так, как предсказывал ей блаженный инок Владимир.

«Ошибки учат лучше наставлений», — говорили знающие люди, но жизнь прожита, и воспользоваться опытом собственных ошибок уже невозможно. Только если Промыслом Божиим предусмотрено, что в этом роду

должны быть монахи, они все равно появятся. Много лет спустя племянница Марии была пострижена в Великую схиму.

Все же чаще матери слышали от блаженного инока другие советы.

У Марии Андреевны Николаевой было четыре дочери, три из них вышли замуж по его благословению и были счастливы в браке. Но какой ценой давалось им это решение?

В день своих именин в 1920 году, — рассказывала Мария Андреевна, — инок Владимир приехал к нам в Парголово. Старшая дочь моя Лидия была девушкой на выданье, за ней ухаживал солидный немец, и когда инок Владимир заговорил о предстоящем ее замужестве, я сразу подумала о нем. Желая уточнить свое предположение, я спросила у инока об этом немец.

— Нет, — ответил он, — пусть выходит за православного по закону. И мы ему от дома отказали.

Через какое-то время отец Владимир вновь появился у нас, предсказал Лидии скорое хорошее замужество, и вскоре она познакомилась с Владимиром Орловским. Он тоже был немцем, но из обрусевших, не в одном поколении служивших Русскому престолу. Несмотря на лютеранское вероисповедание, он не раз бывал в Кронштадте на службах отца Иоанна Кронштадтского и, видно, под их впечатлением перешел в православие.

Брак этот действительно оказался счастливым. Инок Владимир стал посещать молодую семью, был их духовником, крестил одну из трех дочерей и за десять лет предсказал рождение сына. В этой семье впоследствии хранился архив инока, воспоминания о нем, какие-то его вещи, даже знаменитая палочка, которая из Иерусалима «сама пешком пришла».

Немного позже Ольга, третья дочь Марии Андреевны, тоже собралась замуж. Предложение ей делал богатый, но не православного исповедания молодой человек. Так ему Ольга нравилась, что он даже обещал «отказаться от веры отцов» и венчаться. Возражать против такого аргумента было сложно, и родители Ольги обратились за советом к блаженному иноку. Отец Владимир был категорически против этого брака и так же, как в случае с Лидией, обещал Ольге скорое счастливое замужество. По слову инока все и произошло.

С Александрой, младшей дочерью, у Марии Андреевны были самые большие волнения. Девушка увлеклась молодым человеком, готова была выйти за него замуж «хоть сегодня», и жених был настойчив. Саша ему нравилась, дело развивалось в сторону брака, но на дворе стоял 1937 год. Блаженный инок умер за десять лет до того, и посоветоваться им было не с кем. Трижды делал жених предложение, и трижды мать с дочерью ездили к иноку Владимиру на кладбище, скатывали две одинаковые по виду записки «да» и «нет», и после молитв Саша тянула. Все три раза выпало «нет». Но молодая кровь кипит, желание замужества моментами затмевают благоразумие, но все-таки, в послушание матери и блаженному иноку, жениху отказали.

В награду за послушание совсем скоро Саша познакомилась с молодым человеком, который ей понравился. Он сделал ей предложение, и снова мать с дочерью поехали на святую могилку. Снова советовались с иноком, но на сей раз ответ был положительным. Долго и счастливо жила Александра со своим мужем. Благословение на брак, полученное от инока и запечатленное в Таинстве венчания в церкви, перешло и на детей. Их у Александры с мужем было двое.

Игорь ИЗБОРЦЕВ ПАСХАЛЬНЫЙ СОН СТАРИКА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Рассказы

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 г. в Пскове. В 1984 г. окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ. Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

СЕРДЦЕ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Я не знаю, как его зовут, этого нищего, которого периодически встречаю на территории Псковского Кремля. Он всегда чисто, опрятно одет, распущенные длинные волосы достаточно ухожены, он всегда трезв и вежлив. Его можно застать бродящим у фундаментов Довмونتова города, стоящим в арке ворот, прячущимся в тени колокольни или протягивающим руку для подаяния у входа в собор.

Сегодня я опять его встретил у здания Консистории. Он поздоровался и начал извиняться — это такая манера просить подаяния, быть может, не очень его ранившая, сохраняющая видимость достоинства. У меня нашлось в кармане лишь несколько монет, я протянул ему их, он принял и замялся, будто что-то хотел сказать, но не находил слов. Эти несколько странных мгновений мы молча смотрели друг на друга... Не знаю, о чем думал он, а я с какой-то чудовищной скоростью летел в прошлое... Ведь я на самом деле много лет знаю этого человека. Мы почти ровесники, не помню, кто старше, кто младше, но это плюс-минус два-три года...

Было такое место в 70-е у Летнего сада, где собиралась молодежь, называлась оно «Раздача». В юности я там иногда бывал и встречал там этого человека, он в те времена ничем не отличался от прочих. Я даже как-то вроде бы общался с ним, беседовал... Но точно уже, увы, не вспомнить...

В начале 90-х я был молодым редактором епархиального журнала, председателем Приходского совета храма, а он — молодым нищим на территории Псковского Кремля. Не знаю, что его подвигло на такой шаг, что с ним произошло? Я легко

(конечно же, узнав его) принял его новое амплуа. Он тоже, без сомнения, меня помнил. Но мы делали вид, что в прошлом нас ничего не связывает, что мы если и знакомы, то недавно; что знакомство наше исчерпывается поданными и принятыми монетами... В середине нулевых я превратился в зрелого, сорокалетнего человека, с жизненным опытом и парой литературных премий. А он оставался все тем же нищим у Псковского Кремля, чуть пополневшим, но все также внимательно смотрящим на прохожих и оценивающим их возможную щедрость...

Минуло еще десятилетие, время крепко село мне на плечи, сковав мои движения, но подарив мне десяток литературных премий, звания академика в двух академиях и полдесятка внуков... А он все также стоял у Псковского Кремля и, кажется, совсем не постарел... (Возможно, у него были другие отношения с этим самым временем?)

Но мгновения нашего молчания истекли, и он вдруг сказал... То, что он сказал, было неожиданным для меня, и я потом долго думал над его словами, да и сейчас думаю... Он сказал:

— А вы знаете, ведь я тоже по-своему счастлив.

Почему? Зачем? Ведь я его ни о чем не спрашивал? Он, неимущий и, быть может, бездомный человек, чье имя я давным-давно забыл — счастлив? Он счастлив? А я? Я, приехавший на хорошей, дорогой машине из квартиры, где только что сделал неплохой ремонт? Все эти мысли быстро промелькнули в моем сознании... Но я не нашел слов, что бы ему ответить, я просто участливо ему кивнул и тем как бы разделил с ним его счастье...

Я ехал домой, я вез с собой его счастье, пытаюсь дать ему имя... Ничего не выходило... И лишь дома, когда я увидел жену, дочь, обнял внуков, я понял, что за имя у его счастья — такое же, как, впрочем, и у моего. Это мир и спокойствие на душе, это любовь, это когда никому не завидуешь и никому не желаешь зла... Это когда смотришь на икону и понимаешь, что Бог с тобой, что Он тебя любит и всегда хранит... Вот что это за счастье! Ему не нужны карманы, сундуки, сейфы, ему не нужны стены и крыши. Оно внутри тебя есть, оно в сердце, а сердце всегда с тобой...

СМЕРТЬ КУЧЕРА

К старости Григорий Онуфриевич сделался человеком крайне интеллигентным. Он даже кашлять научился очень деликатно, на французский манер. Так что супруга его, Клавдия Устиновна, однажды ему заметила:

— Гришенька, ты как-то по-другому стал теперь кашлять, совсем как наш покойный барин Василий Васильевич?

Ах, если бы она умела читать мысли и увидела бы, в каких вальсах и мазурках кружились в мужниной головешке слова и буквы (облаченные теперь исключительно во фраки и цилиндры) — удивлению ее не было бы предела... Но и то, что она слышала, немало дивило ее робкую душу. Отходя ко сну, Григорий Онуфриевич мог, например, вдруг резко откинуть с груди приткнутое супругой одеяло, протянуть к потолку руку и дрожащим голосом воскликнуть:

*Этот лавр был нимфою молящей,
В той скале дочь Тантала молчит,*

*Филомела плачет в темной чаще,
Стон Сиринги в тростнике звучит...¹*

А когда с конюшни доносилось лошадиное ржание, Григорий Онуфриевич по интеллигентному неспешно гладил сухой стариковской ладошкой воздух и со слезой в голосе шептал:

*Бог лучезарный, спустись! жаждут долины
Вновь освежиться росой, люди томятся,
Медлят усталые кони, —
Спустишь в золотой колеснице!²*

Простоватая Клавдия Устиновна мало разумела мужнины слова и лишь боязливо качала головой:

— Гришенька, Гришенька, бедненький мой, на конюшенку хочешь вернуться? Сердечко истосковалось? Только там уж давно новый кучер Петруха, покойного барина лакея сын, помнишь его, иль нет?

Но Григорий Онуфриевич не отвечал, он думал о чем-то своем — глубоко и очень-очень далеко: и от этой скромной, украшенной лишь истертыми домоткаными ковриками да пожелтевшими кружевными салфетками комнаты, и от изводящей себя щемящим чувством тревоги супруги, тихо плачущей и утирающей слезы краешком беленького головного платочка. А Григорий Онуфриевич, напротив, чуть заметно, лишь уголками губ, улыбался, и его похожие на серые моховые кочки брови то медленно поднимались вверх, то опускались вниз, словно танцую польский полонез. Постепенно дыхание его менялось, становилось ровным, глаза его смыкались и он засыпал. Клавдия Устиновна тут же семенила к его постели, оправляла подушку и крестила мужа мелким, частым крестом, словно солила.

А Григорию Онуфриевичу уже снился сон, похожий на все предыдущие, что снились ему с той поры, как слег он в этой последней своей болезни. Снился ему его покойный барин Василий Васильевич, улыбающийся, бодрый и молодой. Шли они, как обычно, на конюшню, осматривали лошадей, барин довольно хмыкал и хвалил своего старого кучера за усердие и старательность. И были эти слова для Григория Онуфриевича слаще меда, сердце его таяло, словно кусочек сахара в стакане вечернего чая... Потом они осматривали бричку, и Василий Васильевич со знанием дела сжимал обода колес и пробовал на крепость рессору. Иногда делал Григорию Онуфриевичу замечание, но очень по-доброму, улыбаясь и деликатно покашливая.

Закончив с делами, они отправлялись в барские покои, где на большом семейном столе уже пыхтел раскаленный самовар. Чай подавали в мейсенском фарфоре с пастушками и купидонами, и Григорий Онуфриевич испуганно ежился, чувствуя неуместность своего здесь пребывания. Но Василий Васильевич вел себя совсем по-братски, весело шутил, сдувая с налитого в чашку чая жар. Нахваливая пироги с брусничкой и яблоками, покачивал головой и, закатывая глаза, приговаривал:

— Ох, хорош, шельмец! Отведай, друг Григорий! Такие титовские на этот год уродились, век того не бывало!

¹ Шиллер Ф. Боги Греции, 1788.

² Шиллер Ф. Вечер, 1795.

Покончив с чаем, Василий Васильевич откидывался в кресле и читал из книги с красивым сафьяновым переплетом:

*Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной¹.*

Потом Василий Васильевич довольно жмурился и наставлял Григория Онуфриевича чем-нибудь нужным и полезным.

— Ты, брат Григорий, запоминай, что я читаю, — по-отечески ласково говорил он, — ан-нет, и пригодится? Не знаешь ведь, как жизнь-то повернется. Я ведь постиг твою кучерскую премудрость? Или не веришь? — Василий Васильевич испытующе заглядывал Григорию Онуфриевичу в глаза, да так внимательно, словно в самую душу смотрел. Последний смущенно отводил взгляд, а Василий Васильевич с деланным негодованием восклицал:

— Ну, не думал, брат Григорий! Не думал, что ты таков! Ведь мы с тобой вместе столь верст промчали! Сочтешь ли? Так позволь, я тебе докажу! У соседа нашего отставного премьер-майора Виталия Сергеевича Боровкова с часу на час бал начнется. Так что я сам сей момент снаряжу экипаж и домчу тебя, родимый брат мой Григорий, до боровковских Больших Прудов.

— Возможно ли это, барин? Помилуйте, увольте! — испуганно шептал теряющий голос Григорий Онуфриевич.

Но Василий Васильевич оставался непреклонным:

— А подать сюда фрак для друга моего Григория! — кричал он строгим голосом. — А для меня кучерский камзол!

Бегал по дому лакей Птолемей, давно покойный, но нынче, во сне, живой. Исполнял приказанное и метал смертельные, как весенние грозы, взгляды в сторону Григория Онуфриевича: мол, по Сеньке ли шапка?

Но что поделать супротив барской воли? Вскоре пара каурых несла их бричку с откинутым верхом в сторону усадьбы премьер-майора Боровкова. В кузове, на обтянутом кожей сидении, как петух на насесте, ютился Григорий Онуфриевич. А на козлах рядом с Птолемеем действительно восседал Василий Васильевич, оставшийся, правда, в подобающем его положению костюме...

А потом были менуэты, полонезы, мазурки. И во всем этом, словно видя сон во сне, участвовал оробевший, но еще более удивленный, Григорий Онуфриевич...

На обратном пути они с Василием Васильевичем, как заправские друзья, сидели оба вместе в кузове экипажа и слушали как кто-то (уж не понятно кто: то ли Василий Васильевич, то ли сам Григорий Онуфриевич?) читает веселые озорные стихи:

*От снега — холод, ночь — темна,
Без ног — не разгуляться,*

¹ Шиллер Ф. Кубок, 1797.

*Сияет на небе луна.
Едва ли логика нужна,
Чтоб в этом разобраться.
Но метафизик разъяснит,
Что тот не мерзнет, кто горит,
Что все глухое — глухо,
А все сухое — сухо¹.*

В этом месте Григорий Онуфриевич обычно просыпался. Некоторое время, приходя в себя, растерянно смотрел в потолок, слушая, как рядом на раскладной кровати ворочается во сне Клавдия Устиновна. Он крестился, читал Иисусову молитву и мучительно думал: сон это или воспоминание о бывшем? Изнуренная старостью и болезнью память мало ему помогала. Было или не было? Наваждение или явь? Он терзал себя этими мыслями до первого света, когда поднималась с постели исполненная заботой Клавдия Устиновна и тут же устремлялась к нему, ловя его дыхание и ощупывая лоб. И он, показывая, что живой, тут же начинал читать по памяти из той самой сафьяновой барской книжки, которая непонятным образом, не подчиняясь тлену времени, угнездилась в его голове, где все было повержено и разрушено, и лишь она невредимо существовала, побуждая постоянно обращаться к себе.

*Жизнь ушла из этих вяло
Свесившихся рук,
Не согнуть уж, как бывало,
Им упругий лук.*

*Он ушел для лучшей доли
В край бесснежный тот,
Где маис на тучном поле
Сам собой растет...²*

— Бог с тобой, Гришенька, — пугалась Клавдия Устиновна, — акстись, не кличь беду!

Но Григорий Онуфриевич по обыкновению молчал и опять погружался в мир грез из танцующих мазурки букв и слов...

Иногда по воскресеньям после обедни к ним заглядывал приходской священник отец Палладий, крестился на икону Богородицы, обводил цепким, проникающим всюду взглядом комнату и, ткнув широкой как лопата черной бородой в сторону Григория Онуфриевича, спрашивал:

— Что, не пора еще отходную читать?

— Не пора еще, батюшка, не пора! — переполошенной курицей вкочтала Клавдия Устиновна, — пусть еще поживет, родимый, пусть побудет с нами!

Однако всякая пора наступает, и всему приходит конец. Когда Григорию Онуфриевичу сделалось хуже, когда дыхание его участилось и стало рваться на части, Клавдия Устиновна сама побежала за отцом Палладием. Священник, исполняя свой пастырский долг, исповедал внезапно пришед-

¹ Шиллер Ф. Мудрецы, 1795.

² Шиллер Ф. Надовесский похоронный плач, 1797.

шего в себя Григория Онуфриевича и напутствовал Святыми Тайнами в последний путь, после чего начал читать отходную...

Григорий Онуфриевич же, опять впавший в безпамятство, ничего этого уже не слышал. Он стоял у дороги и смотрел на подъезжающую знакомую бричку, на козлах которой сидел его барин — один, без Птолемея. Василий Васильевич ловко правил двойкой каурых, улыбался и призывно махал рукой. Бричка медленно приближалась, и Григорий Онуфриевич приподнял ногу, готовясь на ходу взойти в кузов экипажа...

ПРАВДА О ХАРОНЕ

Говорили, что Харон явился в мир уже глубоким стариком, со всклокоченной седой бородой и огненными глазами. Сын ночи, рожденный в бездне Тартара, он навсегда был отлучен от света. Говорили, что в день рождения его дядя-отец Эреб подарил ему шест, изготовленный из зловещего мертвого дерева Аида. Говорят, что уже тогда вид Харона был так отвратителен, что даже его единоутробные братья Танатос и Гипнос брезгливо отводили от него взоры. От чувства омерзения к нему его сестра Клото разорвала нить его судьбы, а Антропос своими неумолимыми ножницами искромсала ее на мириады мельчайших частиц. Его жалкого, вечно грязного вида гнушались Эрида и Немезида. Его презирали Керы и Эринии. И лишь тени умерших, дробящиеся в тяжелых водах Ахерона, испуганно всматривались в его мрачный, бесприветный лик, напрасно выискивая в нем хотя бы искру благодарности за внесенный на берегу навлон из двух оболлов.

Так о нем говорили... Но на самом деле все было не совсем так. Он родился под тихую песнь ночи, и его мать Никта бережно пеленала его в мягкие полотна мрака. Его старший брат Эфир принес к его колыбели неистощимую амфору с молоком от коз, пасшихся на склонах Олимпа, Геспериды подарили ему корзину чудесных золотых яблок, а насмешливый Мом учил его красноречию. Детство его было безмятежно, он грыз яблоки из садов Гесперид, погружался с нимфой Стикс в воды священной реки Царства мертвых, слушал бесконечными ночами эпические саги, нашептываемые ему из бездны обожающей его бабкой Хаос, и чувствовал себя счастливым. Детство его было мирно и бестревожно, но коротко... Юность его неумолимо рассыпалась и тонула в мрачном чреве Тартара, где, тяжело вздыхая, ворочался Вечный мрак...

Харон не заметил, как стал стариком. Однажды взглянув на свое отражение в темном зеркале Ахерона, ужаснулся: волосы его поседели, на лоб и щеки, как черви, напоззли отвратительные морщины, нос искривился и обвис. Его крик тогда потряс беспросветные своды царства Аида. Харон возненавидел себя и весь мир. И именно тогда его дядя-отец Эреб вручил ему шест перевозчика и подвел к месту на берегу Ахерона, где стоял печальный, похожий на древнюю гробницу, челнок. С той поры и началась его настоящая жизнь — жизнь перевозчика мертвых, Харона, стража реки Ахерон.

ПАСХАЛЬНЫЙ СОН СТАРИКА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Отрывок из повести «Чужие пусть уходят»

Ночью трезвонили колокола и разливалось в необозримое далеко многоголосое пение:

— Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить.

Старик спал и, понимая, что это ему снится, все равно удивлялся. Пасха! Как поют? А людей, сколько людей собралось? Откуда в их приходе столько людей? Однако до вопросов ли было? Протоиерей Иоанн Белоцветов уж начал править пасхальную утрению:

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази его! — торжественно возвещал он. И старик, чувствуя, как замирает от переполняющих его чувств сердце, тихо сначала, но от мгновения к мгновению все более возвышая голос, запел:

— Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!

Он пел, почти не слыша себя, потому что и слева, и справа, и позади, и впереди весть о Воскресении Христовом возглашали сотни, тысячи голосов. Старик видел рядом с собой радостные лица — знакомые и незнакомые, но все равно — близкие, родные. Мелькали светлые женские платочки, простоволосые головы мужчин — старых и молодых, в гражданских костюмах и военных мундирах. Чудесно, как земные звезды, мерцали огоньки свечей, отделяя от ночных сумерек русло пасхального Крестного хода, который и не шел вовсе, а плыл над землей, как плывут облака, причастные более вечности, чем земной юдоли.

Протоиерей Иоанн стоял у церковных дверей с трехсвечником в руке, и собирающийся здесь же Крестный ход обтекал его морем горящих свечей, теперь уж точно уподобляя себя застывшему над погостом звездному небу.

— Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны! — с радостным торжеством восклицал священник и тысячи голосов отвечали:

— Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав.

Свеча в руке старика таяла, капли воска обжигали пальцы, и он удивлялся этому, потому что во сне обычно не чувствуешь боли. Но то был особенный сон, и старик радовался, но и трепетал сердцем, понимая, что сновидение в любой миг может оборваться и тогда его высадят с этого счастливого пасхального корабля на берег обыденности, в его комнату, на его постель...

Тем временем отверзлись церковные двери и пламенный поток Крестного хода с пением «Христос воскрес из мертвых...» хлынул внутрь храма. Покачивались утвержденные на высоких древках хоругви, благословляющие возносились над головами кресты и иконы, переполнялись свечами подсвечники, певчие выстраивались на клиросе, готовясь продолжить пасхальные песнопения... И Ангелы спускались с небес, чтобы стать им сегодня помощниками — в эту чудную пасхальную ночь!

Увы, для старика удивительная реальность сна все более и более истончалась, и он сам уже, словно превратившись в Ангела, смотрел на собрание молящихся откуда-то сверху, из-под церковных сводов; все слабее доносилось до него «Христос воскрес из мертвых...», пока совсем не исчезло, и он не выпал из этого счастливого бытия в полубытие повседневной жизни. Он проснулся.

Вячеслав ЛУТЫЙ
ПТИЦА
С ПЕРЕБИТЫМ
КРЫЛОМ

*Отчаяние и надежда
в поэзии
Анатолия Аврутина*

Вячеслав Дмитриевич Лутый — литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. М. Горького. Заместитель директора-главного редактора журнала «Подъем». Автор трех книг о современной литературе, лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живет в Воронеже.

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...*

Срок настанет —

*Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*

*И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез*

*не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.*

Иван Бунин

*...Я все стоял в холодном поле
И плакал времени в рукав.*

Анатолий Аврутин

Переживаемое Россией новое смутное время породило в литературе самые разные интонации — тоски и ярости, упования на Высшие силы, печали о земной жизни, утратившей смысл...

Нравственные ценности, еще вчера безусловные, теперь осмеяны и унижены. Вор и мошенник почитаются как энергичные люди, а бойкий сочинитель пользуется репутацией успешного писателя. В этих обстоятельствах в русской поэзии возникла неожиданная палитра художественных позиций. Авторы, прежде отличавшиеся друг от друга, в самых общих чертах, темой и стилистикой, будто рассредоточились по интонационному полю литературы. Их характеры, ожидания и скорбь, помноженные на индивидуальную речь и живую оригинальную форму, кажется, в полноте представили читателю все те чувства, которые испытывает и сам автор: от воспарения духа до отчаяния. Подобной широты высказываний наша поэзия не знала со времен революции и борьбы с крестьянством. Но и тогда в большей степени проявились, скорее, полярные представления о жестоком времени перемен.

Сегодня духовная составляющая в поэзии чрезвычайно широка,

и православное представление о мироустройстве все-таки доминирует во многих стихах. Отечественные поэты, как правило, избегают амикошонского отношения к Творцу, что так часто бывает у западных стихотворцев. Скорее встречается вопль современного Иова или горькая дума о скоротечности земной жизни, в которой не сохранить любви и дорогих примет. Это касается произведений в той или иной степени близких к русской поэтической традиции.

Для авангарда, который в наши дни распространился в литературе чрезвычайно широко, важны яркие краски, быстрая реакция читателя, броские слова, лишённые или, напротив, полные жалости, по преимуществу — к *alter ego* автора. Подобные стихи существуют в собственном замкнутом пространстве, они не рассчитаны на «всякого» читателя-современника. Их ценят гурманы и горячо поддерживают критики, склонные к «художественному сговору».

Поэтому особый интерес сегодня вызывают стихотворения, в которых можно обнаружить живую душу автора, способного ошибаться и не верить в Промысел, грустить о человеке — но потом брать себя в руки и становиться сильным. Так бывает со всеми, в разные минуты жизни. И то волшебное узнавание, о котором писал ещё Аристотель как о двигателе литературы, вступает в свои права, и поэт обретает верного читателя.

В настоящее время стихи Анатолия Аврутина публикуются практически во всех значимых русских толстых журналах. Автору присуждаются литературные премии, солидные поэтические альманахи не могут обойтись без его имени.

Вместе с тем загадка интонации и противоречивый образ лирического героя Аврутина требуют не то чтобы расшифровки, но внимания и взгляды критического ока.

Одни стихотворения кажутся написанными наперекор другим его вещам.

Горькая одухотворенность слога соседствует с видимой любовью к телесности мира.

Отчетливость памяти сменяется зыбкостью видений.

Обыденное, которое только сейчас было представлено вереницей стертых лиц, вдруг становится характерным, ни на что не похожим и дорогим.

Естественная и напевная речь порой может уступить место творческой игре мастера с литературной формой.

В подобных переменах сосредоточен живой нерв лирики Аврутина, ее тайное согласие с парадоксальностью русской жизни.

*Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осытаются несмело
На сердце поздние цветы.*

<...>

*И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?*

Одно из главных ощущений лирического героя — «светло и одиноко». Ни к чему он не может прикипеть сердцем до полного растворения себя самого.

В природе все происходит неспешно, «упоительно и постепенно»: течение воды, движение облаков, падение снега («Здесь чудится медленным птицы беспечный полет, // Светило в протоку стекает тягуче и рдяно»). И угадывается Небесный распорядок, влияющий на земную жизнь.

Однако в житейском укладе подобная мерность, кажется, граничит с апатией, и постепенно выветриваются устои, на которые опирается народная традиция. Так видится герою, который не в силах слиться с остальными людьми. Эта неспособность раствориться в окружающем — один из главных признаков его индивидуальности, своего рода трещина в поле его личности. Притом, что сердечное отношение к простому и униженному человеку никогда не покидает строки поэта:

*...Словно нищий, пойду, задыхаясь неслышимым пеньем,
В драный ворот сбирая студёные капли дождя.*

<...>

*Подарю на прощанье крестьянке простое колечко,
И уйду навсегда в тот простор, где лишь ветер и Бог...*

Мотив ухода в стихах Аврутина настойчиво повторяется. Он видоизменяется и может предстать, скажем, в образе осеннего увядшего стебля, за которым встает несчастная человеческая судьба («Вот и еще один стебель зачах <...> значит, так надо»). Другой сюжет связан с памятью о детстве, о матери — время отодвигает прошлое, драгоценное и теплое, и душа героя перемещается вперед, в сумерки, в неясность и одиночество. Всякий раз в подобных коллизиях высвечивается утрата некоего общего смысла существования — «бесцельная жизнь» («И наст глубок... И путь неведом... // И, в общем, некуда идти»).

У Аврутина отчетлив раскол между идеалом Руси и горемычным земным бытом. Его стихи наполнены множеством примет «нестроений», которые разрушают минувшее и делают будущее темным и непредсказуемым. Хотя его стихотворения в избытке дают примеры проявлений высокого в приземленном (шелмец, вымазавший ворота дегтем, просит девку дожидаться его и родить сына, но вернуться с войны ему не суждено), однако и все низкое неизменно присутствует рядом с высоким.

*И проклятье влажное вдыхая,
Болью распираем на ходу,
Помнишь — на Руси начало рая
В этом нескончаемом аду.*

*Где всегда не торена дорога,
Где всегда избенка без дверей,
Где над крышей хмурого острога
Небо — не бывает голубей...*

Поэт ищет смысл происходящему — и не может найти. Между тем подобные поиски напоминают о книжнике, который лишь в малой части спо-

собен постичь мудрость простеца. Хотя бы потому, что светлые страницы прошлого сочетались с тяготами и несчастьем, которые прошли стороной мимо юного ума, еще сильного надеждами на завтрашний день. Только старый человек тех давних лет мог соединить праздник и горе и понять, чем окрашен наступивший день («У времени странный отсчет — // Его понимают лишь старцы да малые дети»).

В поэзии Аврутина образы таких простецов всегда достойны сочувствия, однако лирический герой не может переступить черту книжности и принять бытие в его широте и надмирном значении. Ему нужен *земной* смысл, в котором будут стремления к небу и *земной* плач по Небесному Царству. Но само небесное, словно впаянное в реальную жизнь, не дается ему в руки. И они, фигурально говоря, идут рядом — поэт и Замысел Божий о человеке — никак не соприкасаясь («Ни нательных крестов, ни нательных рубах // Нет на душах, плывущих путем непременно»).

Здесь показательны частые оговорки, возникающие в стихах, — *около* главного («но не сердце, а около сердца»; «но не в доме, а около дома»; «не в вагоне, а возле вагона»; «но не с мамой, а около мамы»). То есть очевидна дистанция, которую герой не в силах преодолеть в настоящий момент. А ведь когда-то ее не было, и чувство сопричастности всему большому было живым и деятельным. Этот оттенок поэтической речи проявляется почти во всех стихотворениях и, по существу, оказывается «художественным произношением» автора.

У лирического героя чрезвычайно обострено чувство краткости жизни, интуитивное ожидание ее конца. Ему мнится тающая на глазах Родина, и это звучит в стихах постоянно, преломляясь в самых разных природных и житейских образах: «Сосенка шумит над обрывом, // А корни подмыло уже»; «Чей-то голос кличет Пересвета, // А в ответ: “Все наши полегли”».

Не он отдаляется от всего родного и реального, но они уходят от него — по видимости, в гибель. И тогда, будто за последнюю соломинку, герой хватается за мельчайшие детали уже прожитого и увиденного.

*Жизнь идет... Вторая половина.
Я же все привязан пуповинно*

*К уголку, что истины безмерней,
Где струится тихий свет вечерний.*

Есть одна важная особенность зрения героя — *alter ego* автора: «Я не умею не глядеть в упор». С этим свойством авторского взгляда определенно связано влияние, которое оказывает на душу поэта злоба мира. При взгляде *в упор* фоновая боковая картина, как правило, не замечается, и тогда приобретает дополнительный ассоциативный акцент сделанное вскользь признание: «Всю жизнь выходит на Отчизну // Оконце узкое мое». В таком случае широкий и объемный контекст выглядит относительно локальным и плоским, а выпуклость деталей, их зримая плотность все-таки остаются своего рода путевой приметой, когда дорога не воспринимается как нечто целое.

Впрочем, многие ли из критиков или читателей скажут, что им ведомы сроки и смыслы происходящего? Очевидно, тут все решает вера...

Аврутин старается увидеть духовную изнанку физики мира, однако реальное подчас как магнитом притягивает его. Но поэт всегда назначает ему более низкое место в своей внутренней, потаенной иерархии (известность на малой родине — живые приметы жизни — надмирная музыка):

*Чтоб вслед шептали:
— Наш он... Здешний... Местный...
Чтобы с годами сделались слышней
И веток перестук,
и хор небесный.*

Герой Аврутина выглядит удаленным наблюдателем, до которого долетают осколки происходящих бытийных битв. В нем сильно судейство и способность сделать шаг, чтобы попасть в горнило событий. Или же отстраниться от них совсем. Это свойство одинокой души, которой не дано раствориться в общем житии, но которая мучительно страдает от всего плохого, что бесцеремонно утверждается вокруг, — и жалеет сердечно все доброе, что претерпевает от наплывающего громадою зла.

Поэт удивительно просто и точно говорит о внутреннем смятении и духовной неопределенности практически каждого из нас: «Будто в храме стоишь иноверцем, // А креститься персты не идут».

Две ипостаси автора воплощены в стихах Аврутина: вдохновенно-неземная, оживающая через певческий голос, — и реальная, обладающая телом, именем и фамилией. Многие коллизии здесь вполне объясняются тем, кто перед нами — удрученный несбывшимися надеждами и постоянными неурядицами современник или та творческая сила, которая распрямляет его сгорбленный дух и устремляется ввысь, попирая пыль и грязь, прозревая слои времени и понимая сокровенные тайны, будто клады, укрытые родной почвой. Особую роль играет и собеседник поэта. В одном случае это обыденный человек, наделенный совестью и памятью, своего рода социальный атом, в другом — воспаленная душа, которой мало вещественного для того, чтобы быть в равновесии, она ищет смысл происходящего вокруг нее.

*Как это важно! — в ком ты отражен,
По чьим зрачкам твои струятся тени,
В чьих мыслях ты наивен и смешон,
И чья душа от слов твоих в смятенье.*

Внутреннее боровение насыщает строки Аврутина. Вот «телесный поэт» берется судить о земле по меркам неба, будучи сам порой вертопрахом, неумным любовником, частью богемы. Искушение справедливостью овладевает им в такие минуты. Кажется, что жизнь беспросветна, земля бесплодна, время — бесконечная осень с дождями и туманами. А перед глазами — «то ль во сне, то ль наяву — лица без конца <...> лица, лица — ни в одном не узнать лица». Взгляд, будто грузик на нитке, зацеплен за собственное одинокое сознание и скользит по кругу, по всему остальному миру, не находя отрады.

Но «поэт духа», в свою очередь, преодолевает тьму «смертной лжи» и «смертной муки», вслушивается в «звуки неясной музыки во мгле» и как будто взлетает выше туч — и видит синеву неба и золото солнца.

*Пусть все вокруг — не то, пусть мы давно не те,
Пусть слышим сквозь века лишь окрики и стоны,
Чей дух в себе несем, пока не на кресте?
Чью робкую мечту?.. Чей образ просветленный?..*

В электричке женщина читает письмо в полстранички, удивленно поднимая брови и прикрывая влажные глаза, — «и, чему-то веря, улыбалась и, не веря, хмурила лицо».

Пьяный мужичок, ночующий в бурьяне, днем «колокольню» возводит
венец за венцом, «любит по-старому мерить — верста да аршин» и доволен
жизнью,

*Хоть мерцает в зрачках укоризна:
«Кто заступник народный?..
Чего он опять не идет?..»*

Любовное влечение неотделимо от земной жизни, и многие стихи Аврутина посвящены «этой напрасности сладкой»:

Только услышать бы... Только взглянуть...
Только б коснуться украдкой...

*Душой к душе важней, чем телом к телу,
Хоть телом к телу — проще, чем душой...*

.....

*А женщина в реке купалась.
И что-то дрогнуло в груди,
Когда плыла она — нагая, —
Руками звезды раздвигая,
Плыла по Млечному Пути.*

Во всех жанровых картинах автор психологичен и точен в деталях, его мысль как будто согласна с сочетанием человека и пейзажа, в который он вписан, — будь то пейзаж природный, социальный, исторический... Изображаемый персонаж наделяется живым обаянием, он как будто «вынут» из реальности и продолжает свое житье-бытье в пространстве стихотворения.

Отдавая должное «телесному» миру, Аврутин все большее внимание с годами начинает уделять некоему внешнему взгляду на происходящее вокруг лирического героя. Авторское зрение улавливает неясные фигуры и отсветы; слух воспринимает шорохи и подземный гул; предметы и люди метафизически разъяты — так, что, находясь даже рядом, соприкосновение невозможно: «ты смотришь сквозь меня». Призрачно-тонкое пронизывает плотную действительность, «оставляя за плечами нечто, полное простора, нечто, полное печали»...

Душа героя отзывается и на сигналы здешнего мира, и на знаки запрельные, пробуждающие в ней тревогу и смятение:

- «кто там среди поля стоит...»;
- «кто это <...> виден вдали среди трав...»;
- «чьи это там голоса...»;
- «кто там рыдает впотьмах...»;
- «кто там кричит ни о ком...».

И одновременно возникает ощущение случайности всего происходящего в нашем осязаемом дне. Будто материализовался один из вариантов непостижимого бытия, не слишком удачный для человека. И теперь ему тянуть лямку собственного горемычного существования до смертного часа, исполненного тоски и обыденности: «так и брести мне с невидящим взглядом мимо невидящих глаз».

Это смутное переживание обозначает себя в авторских проговорах:

- «я **случайно** родился»;
- «я **случайно** подслушал»;
- «**шальное** перо»;
- «**какая-то** птица»;
- «**не слово**, а некий **скрежещущий звук**»;
- «**не речь**, а все то же **скрипучее слово**»;
- «**все те же** овраги»;
- «**все то же** в душе обостренное чувство вины»;
- «тоска и печаль **вновь остались** тоской и печалью»...

В подобном контексте исчезает все родное и единственное, реальность представляется истертой, надоевшей. Она пропускает сквозь себя астральную фигуру героя и тот наблюдает за событиями, но не участвует в них.

*Ты природу поешь, а тебя уже нету в природе,
Ты все бродишь по свету, не зная, что кончился свет.*

Здесь совсем нет авторского преодоления разъединенности «наблюдателя» и «наблюдаемого». Аврутин безжалостно рисует образы человека и земного мира, когда каждый из них движется по собственной траектории, изменить которую, кажется, невозможно.

Однако перед нами — уже не отвлеченный персонаж, а второе «я» автора. И отчаяние, которое таится в смысловой подкладке сумрачной поэтической картины, есть элемент общего высказывания поэта о времени, отчей земле и о себе.

У Анатолия Аврутина есть стихотворение о поколении, которое взялось перетряхивать недавнюю память, устанавливать новые вехи, обозначать иные цели, противоположные вчерашним. Но прошли годы, и теперь уже «нас не вспомнят <...> и мебель нашу выбросят из комнат, // Порывы осмеять не преминут».

*На оборотах наших фотографий
Прочтут со смехом наши письма.
И будут клочья сыпаться на гравий,
А память — тлеть в кострище дотемна.*

*А как еще? Чего же мы хотели,
Когда в огне чужую мебель жгли,
Когда чужой печалью шелестели
И клочья писем корчились в пыли.*

Порвалась связь времен, старая боль потеряла свое значение, и теперь понять прошлое можно, лишь вкусив из чаши личных страданий («Унижен и мал // Здесь каждый, кто смеет отравной воды не напиться...»). Нарастающее одиночество сжимает холодные объятия, и даже родина кажется неприкаянной землей, на которой человек обречен собственной горькой доле.

Не случайно у Аврутина появляются прежде невозможные сочетания слов: «забытая Отчизна», «стылая Отчизна», «страну поцелую в давно посиневшие губы», «уйти навсегда незамеченным ею <Отчизной>». Здесь родина фатально отделена от лирического героя и видится неким объектом, который живет по своей непонятной логике. Это — страшное для русского человека умозаключение, ввергающее его в состояние растерянности, когда абсурд оказывается единственным законом существования души и ее земных пределов.

В стихотворениях с такой интонацией сухая мысль и безоглядная эмоция тесно сплетены. А воля художника подчинена той последовательности событий, которая очень наглядна и как будто лишена таинственной небесной подсветки. Так родина иной раз неуловимо соединяется в авторской транскрипции с государством, и ей отсылается упрек, по существу, незаслуженный.

В стихах Аврутина угадывается духовное *трепетание* художественной воли автора. Вот герой стойчески преодолевает гибельность происходящего, а здесь — тоскливо покоряется и поет песню поражения и конца. Но при-

том ему всегда дороги людские судьбы, ласкающий слух говор, житейский уклад и удивительная вера простого человека в неизъяснимый на словах сокровенный смысл своего тяжелого жизненного пути.

*И оттого-то, меж тягостных строчек,
Чувствуешь, корчась, как все же велик
Каждый проселочек, каждый листочек,
Каждый невзрачный болотный кулик.*

Поэт, способный не только улавливать оттенки реальности, но и обладающий чувством духовной правды, преодолевает почти наркотическую горечь сумеречного взгляда на мир. Казалось, уже смирившийся с пагубой абсурдной жизни, он роняет строки, исполненные поразительной метафизики русского бытия, которые, не отменяя муки и боли, свидетельствуют о божественном предназначении родной земли: «Они солгали про историю, // Но у Отчизны — житие».

*Можно жилу порвать, но все держится тут на двужилье,
А сломаешь крыло — здесь от века взлетают без крыл...*

*И не знаешь опять, то ли каяться, то ли молиться,
Что за гул непонятный идет из-под сумрачных плит?..
То ли стонет земля, то ль какая-то хищная птица
Сквозь немытые стекла в глаза твои жадно глядит...*

В самом общем смысле стихотворения Анатолия Аврутина относятся к тому типу чувствования и высказывания, когда внешний мир пропускается автором через собственное лирическое «я» и уже затем — во многом «ояченный» — воссоздается в поэтическом сюжете. В этом случае неизбежно заведомое сужение реальности до очертаний и размеров авторского самосознания. Тогда как более обширная картина получается при «растворении» души поэта в окружающем многообразии, когда она как будто расширяется до необъятных границ мира и наблюдает его изнутри. Заметим, такое деление совсем не ведет к расстановке положительных и отрицательных оценок в поэзии. Но позволяет понять мотивы, которые владеют художником, а также его место среди предметов, людей, природы, истории...

Искренность и способность к жертве, милосердие и чувство долга, нежность к простому человеку и тяжелое бремя острого ума и зрения — вот черты облика лирического героя Анатолия Аврутина. Личностное начало способно раздвинуть любые рамки, в которые заключен тленный человек, потому что он создан все-таки по подобию Божьему. И в его воле не только уйти без следа, но и преодолеть инерцию смерти и абсурда.

*Все чистила перья какая-то странная птица,
И била о стекла своим перебитым крылом.
Как будто кричала, что, может, еще пригодится
В то жуткое время, что тоже пошло на излом.*

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

РАЗРУШЕННЫЙ ПАМЯТНИК ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Елена НАУМОВА

Белая пелена покрытых снегом полей усыпляла своим однообразием. Равнина казалась бескрайней. «Графские поля, — с гордостью произнесла глава сельского поселения Вошажниково Л. В. Антонова. — А за ними начинаются далекие графские леса», — и она протянула руку в сторону вытянувшихся сплошной стеной у самого горизонта могучих деревьев. Как мы узнали, «графскими» поля и леса называют с тех самых времен, когда здешние угодья стали собственностью одного из «птенцов гнезда Петрова», фельд-маршала, графа Бориса Петровича Шереметева. Он получил их в 1706 году за заслуги перед отечеством от самого Царя. Передача земель была зафиксирована в грамоте, копию которой нам показала Людмила Владимировна.

Пространство вокруг села Вошажниково — бывшей резиденции

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преполагает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Село Вощажниково

Людмила Антонова показывает жалованную грамоту

Шереметевых, до сих пор называют «графщиной», хотя последние хозяева уехали отсюда в 1917 году. Название же «Вощажниково» произошло от слова «вощина» — воск. Когда-то село славилось своими пасеками. Получали на них не только мед, но и воск, который использовался для производства свечей. Изготавливали их на двух существовавших в селе свечных заводах,

которые давно исчезли. Но зато почти на каждом приусадебном участке можно увидеть пчелиные ульи. Так что медовая традиция сохраняется.

Вощажниково расположено примерно в десяти километрах от районного центра Борисоглебского с его знаменитым монастырем. Недалеко от «графщины» и до Ростова Великого, что на озере Неро. Вощажниковское сельское поселение объединяет ныне 63 населенных пункта. Существовавший в советское время совхоз преобразован в ОАО СХП «Вощажниково», специализирующееся на молочном животноводстве. Местное стадо насчитывает четыре тысячи коров, от которых ежедневно получают 100 тонн молока. Его поставляют таким крупным фирмам, как «Данон» и «Валио». В окруженном «графскими» лесами поселении активно занимаются лесозаготовками. В Вощажниково есть своя пилорама. Так что работы местному населению хватает. Получают в среднем по 35 тысяч рублей. В города активно никто не рвется. Скорее, наоборот, здесь поселяются на постоянное место жительства из других регионов страны. Приезжие удивляются асфальтированной главной улице села и таким же тротуарам. Попадая сюда, сразу же обращаешь внимание на добротные дома, некоторые из которых построены в рамках реализации программы «Молодая семья». Есть в Вощажниково и своя больница, основанная еще при Шереметевых.

Но вот беда. Нет в селе хорошего школьного здания. Ныне существующее рассчитано на 140 детей, а учатся в нем 180 школьников. На рождаемость в селе не жалуются, а в школу ходят не только местные ребята. Некоторые живущие в райцентре школьники предпочитают ездить в Вощажниково. Побывав там, мы поняли, почему.

Школа разместилась в бывшем купеческом доме, мало приспособленном для занятий. Она переехала сюда аж в 1930 году, после того как сгорел приспособленный под школу один из корпусов шереметевской усадьбы. Под новую школу за графским парком уже выделена территория площадью в четыре гектара. Но строительство еще не началось, потому что не решен финансовый вопрос.

В нынешнем здании помещений для занятий не хватает. Оттого-то и выселили из отдельного флигелька школьный музей, рассказывающий об истории Вощажниково и окрестных деревень. Экспозиция разместилась сейчас в закуске у главного входа. А ведь музеем есть что показать. В нем хранится немало ценных экспонатов, посвященных истории рода Шереметевых. С 2003 года в школе проводятся ежегодные Шереметевские чтения. В село приезжают специалисты из Ростова, Ярославля, Санкт-Петербурга и Москвы. В своих докладах они рассказывают о выдающихся представителях рода.

В 2008 году Шереметевские чтения были посвящены 240-летию со дня рождения и 205-летию со дня смерти Прасковьи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой. Легендарная крепостная актриса, ставшая женой графа Н. П. Шереметева, родилась в одной из деревень, расположенных в окрестностях Вощажниково. Но в какой из них? Точного ответа нет. Одни исследователи считают, что Параша родом из деревни Березино, другие уверены, что ее родина — село Николо-Березники, но есть веские основания полагать, что будущая графиня появилась на свет в селе Уславцево, расположенном примерно в двух километрах от Вощажниково. Этой версии придерживается окончившая сначала вощажниковскую школу, а потом исторический фа-

Завуч Светлана Фадеева в музее воижажниковской школы

Все что осталось от часовни в Уславцево

культет Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Анна Елисеева. Среди документов, хранящихся в архиве Шереметевых в Санкт-Петербурге, ей удалось обнаружить бумаги, свидетельствующие в пользу рождения Парашы Ковалевой именно в Уславцево. В одном из писем проживавшая в Уславцево крепостная Анна Андреева, приходившаяся

крестной Параше Ковалевой, жаловалась графу Петру Шереметеву на обиды, нанесенные ей собственным племянником, дьяконом местной церкви, кстати, сохранившейся до нашего времени. В письме она упоминает, что молилась о здравии его сиятельства у мощей святителя Димитрия Ростовского. В ответном письме П. Шереметев¹, встав на сторону Анны Андреевой, требует от церковного начальства в Ростове наказать обидчика крепостной. Крестная и крестница, скорее всего, жили в одной деревне, коей и является Уславцево, считает заместитель директора вожажниковской школы по воспитательной работе С. В. Фадеева. В подтверждение выдвинутой версии упомянула о результатах собственных поисков. В сохранившейся до наших дней Исповедной росписи Уславцевского прихода от 1770 года ей удалось найти упоминание годовалой Прасковьи.

Рождественский храм

Результаты исследований, проведенных в вожажниковской школе, убеждают в достоверности красивого предания о первой встрече Николая Шереметева с юной крепостной на окраине Уславцева. Как следует из старинной песни «Вечор поздно из лесочку», которую, как говорят, любила петь П. Ковалева-Жемчугова, спешивший вечерней порой с охоты в сопровождении двух лакеев граф увидел у ручья, возле леса, юную красавицу, возвращавшуюся домой со стадом. Так началась великая любовь между всемогущим вельможей и его беззащитной и бесправной крепостной. Девушку взяли в барский дом. У нее обнаружили актерский и певческий талант. Первое выступление Прасковьи, получившей сценический псевдоним Жемчугова, состоялось на сцене театра в подмосковном имении Шереметева Кусково, где, кстати, служили и обучались различным ремеслам немало крестьян из Вожажниково. В короткое время П. Жемчугова превратилась в знаменитую актрису, обожаемую своим графом-покровителем. В 1801 году он обвенчался с ней. Но семейное счастье длилось недолго. В 1803 году, к неопишуемому горю супруга, Прасковья умерла. По повелению Шереметева

¹ Имеется ввиду отец Н. П. Шереметева, являющегося мужем П. Ковалевой.

Троицкий храм

на том самом месте, где он впервые увидел Прасковью, возвели часовню, ставшую символом их вечной любви. Конечно, ее нельзя сравнивать с грандиозным и великолепным Тадж-Махалом, построенным индийским властителем в память об умершей супруге. Но есть у этих памятников общее — их создала любовь.

Морозным декабрьским днем мы оказались возле часовни, вернее, ее остатков. Долгое время, всеми забытая, она стояла у самой дороги в Уславцево, пока, как рассказали нам местные жители, в нее не врезался пьяный тракторист. Теперь о вечной любви напоминают только горки битого кирпича.

Не сохранился и усадебный дом Шереметевых. Конечно же, он не был столь великолепным, как дворцы Шереметевых в Кусково и Останкино, но также вызывал восхищение приезжавших в Вожажниково знатных гостей. Имение процветало. Помимо гражданских построек его украшали великолепные храмы. Один — Рождественский — перестроенный в конце XVIII столетия, получил изящное пятиглавое завершение. Рядом с ним возвели колокольню со шпилем, очень напоминающим завершение собора Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Неподалеку красовался Троицкий храм, в росписи которого, судя по всему, принимал участие знаменитый Иван Аргунов — крепостной живописец Шереметева. Еще в Вожажниково открыли богадельню — здание с великолепными архитектурными формами; вырыли пруды, наполнив их рыбой; построили уже упоминавшиеся два свечных заводика.

Но, увы, время и люди не пощадили шереметевское великолепие. В советские годы в Троицком храме устроили продовольственный склад. Продукты для лучшей сохранности посыпали солью, которая безжалост-

но разрушала не только фрески, но и штукатурку. Поэтому сохранились лишь остатки настенной живописи, в том числе фрагменты украшавшего западную стену канонического «Страшного суда». Их восстанавливают, как рассказал нам священник храма отец Борис, силами реставраторов-энтузиастов, которые не получают за свою работу никаких денег. Что поделаешь! У местного прихода просто нет средств на масштабную реставрацию. Поэтому отца Бориса, как и художников-реставраторов, тоже можно назвать энтузиастом. Прежде всего благодаря его усилиям удалось восстановить тот самый высоченный шпиль, который при Шереметевых украшал Рождественский храм. Установка устремленного ввысь завершения стала памятным событием в современной истории Вошажникова. Чуть ли не все жители села — и стар, и млад, с волнением наблюдали, как высоченный кран поднял синего цвета шпиль и аккуратно установил на верхнем ярусе обезглавленной колокольни.

Много работы у отца Бориса. Ведь помимо обязанностей священнослужителя ему приходится решать массу других вопросов, уделяя особое внимание одновременно реставрации двух храмов. Помогают вера и творческий энтузиазм, которым батюшка, по его словам, проникся еще до того, как принял сан священника, в годы работы журналистом в центральных российских газетах. Беседуя с отцом Борисом, мы вспомнили о наших общих знакомых журналистах, в том числе о сотрудниках газеты «Труд».

Расставшись с Вошажниково, еще раз проехали мимо остатков часовни, и нам показалось, что в сумраке наступавшего вечера мелькнули две фигуры — мужская и женская.

Отец Борис в Троицком храме

Василий ДВОРЦОВ
ТРИДНЕВИЕ
ОТ ГОНЧАРОВА

Василий Владимирович Дворцов — родился в 1960 г. в Томске. Как художник и реставратор поработал во многих городах СССР. Автор четырех книг прозы, сборников стихов, пьес, множества публицистических статей. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии журнала «Москва» 2002 года за роман «Аз буки ведал...». Секретарь Правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

*Чистая Дево, радуйся!
И паки реку: радуйся!
Твой Сын воскресе тридневен от гроба
и мертвыя воздвигнувый;
людие, веселитесь!*

Из 9-й песни Пасхального канона

*Выше христианского идеала
нет ничего на свете. Ни одна
культура, ни одна цивилизация не
дала нам ничего выше, чем Христос.*

Иван Гончаров

Деятелей искусств принято называть «людьми творческими». Но в христианском понимании творческим сотворен всякий человек. Суть этого истинного и всеобщего творчества определил св. Василий Великий: «Человек — это животное, призванное стать Богом». То есть подлинное творчество — наше внутреннее развитие, возрастание нашей души от звериного к божественному. Именно плод такого творчества — фаворский свет человека преображенного — показал святой Серафим Саровский Мотовилову, земляку и ровеснику писателя Гончарова. Предназначение же искусства заставить детельствовать, описать это душевное устремление человека, его волевое продвижение к преображению, обожению, описать словом, кистью, резцом или смычком.

Цель христианской жизни в стяжании Духа Святаго. Цель христианского искусства об этом стяжании поведать. Цель искусства русского — в исповедании Православия.

Романная триада Ивана Александровича Гончарова «Обыкновенная история» — «Обломов» — «Обрыв» нагляднейше отражает царское присутствие Православия в русском искусстве, своей единородностью раскрывая мистическую сущность самой русскости — в литературе ли, музыке, живописи. Русскости — как христиански-духовного и

славянски-душевного содержания в любых, даже недавно заимствованных формах. Будь то византийская икона или китайский колокол, итальянская опера, французский балет или японская матрешка. Ведь русскость не «что», а «как»: принимая и изучая для себя новое, русскость, прежде всего, входит внутрь, погружается в суть, и затем, освоив, обжив — заполнив содержание своей жизнью! — просвечивает, источается, ароматится изнутри, не отторгая, не искажая эклектикой, а преобразуя внешнее. И тогда миру являются русская икона и русская опера, русская матрешка и русский балет.

Русский роман как жанровая форма — тоже заимствование, конструкцией и внешним оформлением он ничем из общеевропейского, а на сегодня и всемирно универсального, неотличим, и ничего тут никакие поместные темы и туземные подробности по сути не меняют. Вообще, география и история в литературном сюжете лишь отражают модные увлечения общества, временные идейные и вкусовые приоритеты читательской аудитории. Так что самая ванильно-чайно-перечная колониальная экзотика не делает английский роман индийским, а французский — арабским. Как мифологические сюжеты не превращают ренессансную новеллу в античный эпос.

Поэтому, когда начало отечественному роману некоторые литературоведы отчисляют от «Юрия Милославского» или «Капитанской дочки», понятно, что здесь ошибка принципиальная. Нельзя *русским романом* называть роман на русскую тему. Да, конечно, после уроков бонапартистского общеевропейизма возвращение русского общественного интереса к своему национальному, корневому, обусловили появление «Бориса Годунова» Пушкина, «Жизни за Царя» Глинки и картин Венецианова. Но это была еще только тема, только формальное прикосновение к национальному и самые первые пробы погружения в него. Конечно же, гениальные, но пробы. Ведь совершались они без опоры на духовные традиции народа, каждый раз личным страхом и риском.

Дело в том, что профессиональная русская литература зарождалась на выходе России из небывало затяжного для своей истории периода противостояния интересов правящей — и, значит, культурной элиты и Церкви. Петр I, под впечатлением бесед с Вильгельмом Оранским и прельстившись проектом Лейбница о коллегиях, в том числе и духовной, в жажде подчинения Русской Церкви государству, не просто упразднил Патриаршество (в 1723 году патриархи Константинопольский и Антиохийский признали Святейший Синод «во Христе братом!»), но, главное, искалечил ее духовную жизнь. Государевыми указами предписывалось, «чтобы в городах и уездах всякого чина мужского и женского пола люди» причащались каждый год и в храмах стояли с благоговением, иначе им грозил штраф. То есть Петр по-протестантски признавал за религией только морально-охранительную функцию, отрицая мистическую основу — собственно *веру*. Еще при жизни Патриарха Адриана Император своевольно воспретил строить новые монастыри в Сибири, а затем уже и по всей России. Старым же монастырям, сокращая число монашествующих, предлагалось обратиться в фабрики, училища, лазареты, инвалидные дома, то есть «полезные» государству учреждения.

Смертью Петра I начались и убийством Павла I закончились внешне славные, но внутренне кошмарные «времена временщиков», времена блудных дворцовых интриг и кровавых злодейств, когда, по словам митрополита Антония (Храповицкого), «Православие было лишено даже права

именоваться таковым, когда церковная иерархия и церковная жизнь были едва только терпимыми, когда открыть новый монастырь было труднее, чем какой-нибудь игорный притон». Лишившись религиозных скреп со своим народом, русское дворянство не только одеждой, но даже языком покидало Отечество. А утерев религиозные обязательства перед престолом, оно разлагалось в беспринципное алчное наемничество, чреватое царевубийственными заговорами. И только наполеоновский пожар прижег гниение этого симбиоза рабовладения и вольтерьянства, внешней грозой ткнув правящий класс в необходимость возвращения нации единства. Духовного, душевного, телесного. Да и то кому-то через кандалы и каторжанскую тачку.

Поэтому первые русские писатели — дворяне-аристократы и следовавшие за ними разночинные демократы не знали опоры на традиции русского православного духа, и каждый шел к влекущему его высокому, к истинному и идеальному по интуитивному наитию. Романтические мистики Жуковский, Дельвиг, Кюхельбекер и вдумчиво воцерковлявшийся Пушкин, тончайший религиозный мыслитель Крылов, формалист Кукольник и духовидцы Лермонтов и Гоголь... Баратынский, Бенедиктов, Одоевский, Языков, Загоскин, Марлинский... А. К. Толстой, Тютчев, Некрасов, Полонский, Фет... Все начинатели великой русской литературы, одаренные мистически и, несомненно, ведомые Божиим промыслом, стремились, каждый по-своему, к Богопознанию, по-своему искали Богообщения. И как же тяжело складывались их пути, начатые вне церковного опыта!

Преодолев Смуту с оккупацией и расколом, возрождающаяся Россия сделала выбор своего будущего, из коллапсирования старообрядческим моноэтническим царством выйдя в просторы наднациональной вселенско-православной империи. Имперскость требовала открытости, и, прежде чем экономической, технической или политической, открытости информационно-культурной. Так как взаимопонимание — основа межнациональных и межрелигиозных отношений. Стремительно расширяясь, прирастая территориями Сибири, Закавказья, Прибалтики и Черноморья, вступая в военно-торговые столкновения-соприкосновения с все новыми северными, южными, западными и восточными королевствами, ханствами и султанатами, Россия направо-налево вникала в неведомые науки и искусства. Притом, сознавая себя единственным в мире Православным государством, она не могла принимать, усваивать ничего нового, не проверяя, не испытывая на возможную опасность порчи для вероучения, сохранение которого до конца времен воспринималось русской судьбоносной задачей.

Возрастающим валом нахлынувшие в поствизантийскую культуру России постренессанские европейские формы живописи, музыки и литературы, с одной стороны, не могли не вызывать эстетических конфликтов меж формалистами-охранителями и формалистами-новаторами, но, с другой — и это главное! — вызывали всплеск интеллектуальной активности внутреннего освоения нововходящего. Характернейший пример — иконопись. Сколько было страстных схваток, сколько до сих пор продолжается глухих споров! Ведь здесь открывается понимание того, что канон внешний не столь принципиален, сколько догмат внутренний. Канон догмату слуга, и — *слуга не более господина*.

То же происходило и в словесности. Переход к силлабо-тоническому стихосложению, разделение литературных стилей, реформы орфографии

и грамматики, оды и сонеты, анекдоты и новеллы — каждое нововведение сопровождалось не просто десятилетними спорами о необходимости заимствования, то есть о формальном соответствии «их» «нашему», но определением — сможет ли новшество стать «нашим». Это были споры не об эстетике, не о благозвучии и точности словоупотребления, а о смысле языка, здесь сталкивались воззрения по поводу предназначения национального в общемировом и выносились суждения о роли священного в быту. *Нация формируется языком, общество выстраивается литературой.* И потому русская литературная критика, а точнее — наша национальная философия XIX века, светила-искрыла мыслями и палила-жгла чувствами ничуть не слабее богословия времен иконоборчества. Да, здесь уже не секли головы, не травили львами, но каторга и ссылка все также считались аргументами. Ибо предметом прений была Русская Идея.

Так вот, когда начало отечественному роману некоторые литературоведы отчисляют от «Юрия Милославского» или «Капитанской дочки», понятно, что здесь ошибка принципиальная. Обращение к русской теме, описание русской жизни русскими авторами в общеевропейских представлениях о художественности и учениях о жанрах, сюжетах, образах, стиховых и прозаических формах совершенно не обязательно уже литература русская. Необходимо рассудительное измерение и критическая оценка заимствованных учений с позиций Православия, отказ или принятие их, очень избирательное освоение с поправками относительно традиционных церковного мировоззрения и национального мировосприятия прежде, чем рисковать признанием своим национальным. Понятно, что малые формы осваивать проще и быстрее, и вот пишутся под «зеленой лампой» по-настоящему русские лирические и патетические стихи, создаются для «Литературной газеты» и «Московского наблюдателя» русские очерки о русском характере и с русским бытом. Однако эпическая высота романа требовала для «обрусения» некоего времени.

Необходимо уточнение: здесь категорически не утверждается, что, мол, некая литература лучше или выше иной! Речь идет о русской мировоззренческой специфике, об особенностях нашего национального самосознания, которые обуславливают особенности нашей национальной литературы. Прежде всего эти особенности исходят из различий православного и католическо-протестантского понимания личности. Мне уже неоднократно доводилось писать об этом, потому позволю самоцитирование: «Главный вопрос европейской христианской цивилизации — это вопрос о личности.

Только у последователей Христа есть реализованная во плоти идеальная Личность Богочеловека, только перед нами поставлена задача осознать Ее и перестроить себя в подражание Ей. “Аз есмь истина”, — свидетельствует о себе Иисус, и наша обязанность разгадать, уразуметь, что такое человек истинный. Личность — центр этого мира.

Но христианская мысль Православия и католицизма по-разному ищет понимания устройства человека, поэтому в истории европейской цивилизации осуществились два подхода к социальному устройству: общественный договор на Западе и соборность на Востоке. Западная мысль искала понимания Бога от антропологических моделей, а восточная шла к пониманию человека от боговидения, отсюда западные понятия личности-“персоны” не тождественны восточному понятию личности-“ипостаси”.

Греко-римская традиция оставила в наследство католицизму понятие “persona” — маска: в античности первые театральные представления были связаны с погребальными мистериями, где надевание маски означало вызывание умершего с помощью этрусского бога смерти Persu (маска — душа усопшего). Именно такое представление о личности как о социальной маске-роли или функции человека и разрабатывали западные христианские мыслители — дойдя до формулы Фомы Аквинского “persona est relatio”. Это близкое к понятию “кармы” воззрение и обуславливает принципиальную возможность “просчитывать” социальную значимость того или иного человека.

Согласно же восточной святоотеческой трактовке, изначально сотворенный человек — совершенная физическая, душевная и духовная личность, как Троиственный Бог, по образу Которого он и сотворен. Преподобный Нил Синаит даже говорил, что совершенный монах “всякого человека почитает как бы богом после Бога”. Но реального, исторического человека следует рассматривать как отпавшее от Бога существо с испорченной природой, и восстановление образа и подобия Божия в человеке — и есть восстановление его личности, обожение его природы, возможное благодатию Божией».

Отсюда понятно, почему европейская литература все свое внимание фокусирует на описании стойкого психотипа, яркого характера, в обстоятельствах, которые раскрывают этот характер, укрепляют его или ломают: европейская литература — повествование об уме и стойкости, о чувствах и стойкости, о воле и стойкости. Или же ломкости. Западная литература — мудрое, тонкое, сочувственное свидетельство о человеке-персоне, человеке внешне живущем, внутренне же неизменном.

А русская литература — жития человека внутреннего. Православно мыслящая русская литература, пребывая в принятых ею общеевропейских композиционно-жанровых формах и эстетико-стилистических рамках, главной целью или даже смыслом своего существования видит повествование о человеческой душе. О душе в ее земной бытности, о развитии, росте, болезнях и преображениях, об ее грехопадениях и поисках спасения в рассудочных лабиринтах. И встрече с Богом через страстные мытарства.

Русская литература — свидетельство тому, как сотворенное животным призвано стать Богом, наша литература есть показание Господнего желания (до искупительной Его Крестной жертвы: «Так возлюбил Бог землю, что послал Сына своего единственного...»), Божия желания восстановления искаженного образа и подобия Своего в человеке, воссоздания его, человеческой, личности в полноте адамового творения, обожения человеческой природы. И потому, от «Слова о полку Игореве» и — навсегда: главный, если и не единственный сюжет русской литературы — вариации евангельской притчи о Блудном сыне.

Выведя в поэмах, драмах и повестях галерею национальных характеров и типов, наполнив наше сознание Лизами и Татьянами, Онегинными и Чацкими, Тарасами и Печориными, отцы-основатели русской литературы начали осваивать и жанр романа. Но переход от портрета героя, портрета самого тонкого, мудрого и сочувственного — с изображением глубин и богатств его внутреннего мира, с мотивацией и обстоятельствами его поведения, со всеми силами и слабостями, что подвластно и большой поэзии, и малой прозе, переход к описанию не просто души, но души в динамике, психики как

процесса, требовал не просто таланта наблюдателя и исследователя, но дара и знания традиции православного духовнознания.

Ведь и «Капитанская дочка», и «Тарас Бульба», несмотря на русский сюжет и русских героев, еще совершенно одноприродны «Хроникам Карла IX» и «Жакерии», как «Тамань» или «Белла» сродни «Кармен». Изучив местный исторический материал, «Князя Серебряного» вполне мог бы написать Вальтер Скотт, а Диккенс — «Мертвые души». И здесь, опять же, ни в коей мере не судится о том, какой гений выше иного! Речь идет об общевропейском жанровом учении, о технических и эстетических формах и принципах литературного изложения. Ибо, повторяю, глубину проникновения в психологию героя определяют не география или этничность автора, а его мировоззренческие принципы, его принадлежность определенной религиозной традиции. Водораздел меж римским Западом и византийским Востоком в определении, что есть личность — *персона* или *ипостась*? — водораздел и в философии, и в эстетике.

Конечно же, *персона* в европейском искусстве *тоже имеет внутреннее развитие, но оно безблагодатно роковое*, прямолинейное — если герой не моральный столпник, если ему не хватает воли противостоять соблазнам и страстям, он неизбежно разрушается и гибнет. Для западного мышления формами — мир духооставлен, и возрождение, а тем более воскрешение души блудницы или разбойника, для безблагодатного католичества и рокового протестантизма невозможно в принципе. Индугенция — торговля с Богом, отрицание искупления вины раскаяньем. Отрицание принципиальное, как и Кальвиново «предопределение спасенности». И потому истории о чудесных перерождениях кающихся злодеев сжались-скукожились в Европе в сказочно несерьезный, детский жанр умильного рождественского рассказа.

Столпничество или неизбежность гибели... Русская литература начиналась Татьянами и Остапами, с одной стороны, Онегинными и Чичиковыми, с другой. При этом и Пушкин и Гоголь много говорили о планах преображения, перерождения своих мертвых духом героев, но ... «Евгений Онегин» остался незавершенным, второй том «Мертвых душ» сожжен — гении не могут фальшивить. А «Пиковая дама», «Портрет» и «Герой нашего времени» созданы совершенно в западноевропейском мышлении богооставленности мира, в ощущении его безблагодатности, — мира, в котором единственной метафизической силой осталось зло. Как и в «Обыкновенной истории».

О личном христианстве Гончарова, о его скрытном, но неотступном пути от мистико-философского одиночества к церковной соборности в деле спасения, хорошо и доказательно пишет В. И. Мельник, много лет посвятивший изучению этой — важнейшей для деятеля русской культуры — стороне жизни великого писателя: «Евангелие было для него настольной книгой, он знал его наизусть, оно было для него руководством к действию в каждом поступке, он его бесконечно цитирует в письмах, статьях, романах». Указывая на духовную неразделимость Гончарова-человека и Гончарова-писателя, Владимир Иванович совершенно верно объясняет ее Божественным промыслом, смыслом его собственного бытия, которым наделяется каждый из нас при сотворении: «Как у христианского мыслителя у Гончарова была своя “сверхзадача”. Она-то и придает его романам истинную глубину и религиозно-философскую масштабность».

Сверхзадачей — задачей сверху — Гончарову поставлено было *создание русского романа*.

Итак, Стендаль вполне мог бы стать автором «Обыкновенной истории». Ибо история, действительно, для своего времени — времени расцерковления высших слоев общества, вполне обыкновенная: это судьба души, беззащитной перед соблазнами. Беззащитной вне крепости религиозной традиции, вне ограды народности. «Без Меня не можете творить ничего» — не ориентированный на Христа, не ищущий Его постоянного в себе присутствия через личную молитву и общецерковную жизнь человек сам выставляет себя одиноко против зла мира. И, главное, он лишает себя смысла жизни — *стяжания Духа Святого* и в этом *становления Богом*. Внутренний мир не знающего смысла личного бытия Александра Адуева нетрудно подчиняем миром внешним, без особого сопротивления синхронизируется, срастается с ним, и поэтому обречен на распад. Не ищущий стать бессмертной *ипостасью* Адуев становится смертной *персоной*.

Да, дебютировавший литератор Иван Александрович Гончаров, в студенчестве увлекавшийся немецким эстетиком Винкельманом, зачитывавшийся Бальзаком, Жюль Жаненом и Эженом Сю, своей гениальной чувствительностью прозрел, услышал, осознал и сумел через конкретную судьбу создать портрет своего времени в своей стране. И так как роман точно передал душевную тревогу русского общества перед грядущим, смятение ума либерально-обезбоженного перед мышлением цинично-демоническим, он был принят публикой на ура.

Еще большие восторги вызвала вторая книга Гончарова «Обломов». Но вот конфуз, на этот раз читательский восторг обуславливался как раз полным непониманием автора. Либеральные настроения и «передовые идеи», захлестнувшие читающую Россию, не позволяли интеллигентствующим читателям увидеть в романе ничего, кроме пародии на консерватизм, обличительства всего патриархального, «рассейско-азиатского», застойного. «Обломовщина» была провозглашена главной причиной неуспешности сонного Отечества в сравнении с революционно буржуазно обновляемой Европой, а Штольц — указанным писателем новым героем, обязательно Отечество в Европу вводимым.

Однако, если хоть чуток отстраниться от неистовости первотолкователей, то вполне очевидно, что «Обломов» для Гончарова — прямое продолжение «Обыкновенной истории». Продолжение в мистической хронологии событий: Великая пятница общественного богоотступничества «Отпусти нам Варавву!» и богоубийства «Распи Его! Кровь Его на нас и наших детях!» продолжается Великой субботой неприятия Бога в этом мире.

Никакой Обломов не «обломок», ни в коем случае не герой притчи о закопанных талантах! Обломов — богатейшая жизнь внутренняя, не проявляемый вовне душевный стоицизм исполнения Заповедей Блаженства, это огонь любви и свет чистоты в тайной клетке сердца, это предстояние вечности, принципиально несводимое с внешней, суетливой рачительностью Штольца. В противопоставлении двух психотипов Гончаров выписывает не Марию и Марфу, разное проявлявших единую любовь ко Христу, тут прямое противопоставление понятия личности в Православии и католичестве-протестантизме. Обломов — субботний Христос, живой, активно творящий дух, рушащий державу ада и освобождающий Адама, но неподвижный мертвым телом — во

исполнение закона. По выражению аввы Исайи: «положили Его в гроб — совершать истинное субботствование», и это субботствование Гончаров писал в укор, изображал эту телесную недвижность в обличие, ибо не Бог отрекся от завета с миром, но мир отказался от Бога. Обломов — не востребованность, ненадобность русского Православия в онемечающейся России.

Лишь через десять лет об этом догадался Достоевский, начертав в записной книжке: «Обломов — Христос» и признавая Обломова предтечей своего Мышкина.

Но вот что еще: открытие Гончарова о деятельности души под бездейтельностью тела проросло в нашей литературе и процвело творчеством Чехова. Вселенскость внутренних переживаний героев и анемичность сюжета в рассказах, и, особенно, в драмах Антона Павловича достигли максимально возможного расхождения. Право, согласитесь: если бы «Дядю Ваню» писал Горький, то в финале дядя Ваня обязательно б застрелился, и Нина Заречная в «горьковском» варианте «Чайки», конечно же, утопилась. Или облила кого кипятком.

А что произошло с Гончаровым-писателем после феерического успеха его произведения у ничего не понявших читателей? Разочарование, депрессия, творческая обессиленность? Да, Гончаров замыкается на личной жизни, но он не просто порывает с прозападно-либеральной передовой общественностью, он серьезно и глубоко воцерковляется. Конечно же, не леность, не бытовые заботы и слабость здоровья затащили работу над «Обрывом» на двадцать лет. Шло сосредоточенное вызревание автора, шла подготовка, приуготовление его духа к главному делу жизни, к исполнению его сверхзадачи: созданию собственно русского романа. Романа-воскресения.

«Наутрие же в пяток поведоша Господа нашего Иисуса Христа на двор к Каиафе архиерею и возложиша на него великия железа на шию его и руце и приведоша его во двор Каиафе ...» — давным давно слушал маленький Ваня переписываемую в течение нескольких лет дедом Иваном Ивановичем книгу «Страсти Христовы». Детское впечатление — на всю жизнь, на всю жизнь врезались сопереживания предаваемому и мучимому Богу, смерти, похоронам, отчаянью учеников и восстанию Иисуса из мертвых.

Великие пятница-суббота-воскресение неразрывны. Еще целую Плащаницу с изображением Господа в гробе, мы поем «Поклоняемся Страстем Твоим, Христе, и Святому Воскресению» — мы поем уже поклон Воскресению! Как же можно было писателю-христианину поведать о смертности человека через грехопадение и умолчать об его воскресении в бессмертие? Это была бы даже не полуправда, а ложь, клевета на Творца *небу и земли, видимым же всем и невидимым*, напраслина на жертву Крестных мук, ведь, по словам святителя Феофана Затворника «...всцелость Христианства держится на догмате о Воскресении Христовом». А как поэтично изрек преподобный Феодор Студит: «Вся жизнь наша обращена лицом к Вечной Пасхе и ждет приближения ее!»

Великие и неразрывные пятница-суббота-воскресение: «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв».

Гончаров однажды сказал об «Обрыве»: «это дитя моего сердца». Дитя, плод... Один за одним выходили романы Тургенева, ширилась мировая слава Толстого и Достоевского, а Гончаров все отнекивался тысячами причин, все вздыхал и увиливал от ответа: когда, когда же выйдет его новая кни-

га? Увлекаемая новыми кумирами, публика начинала забывать так когда-то бурно приветчаемого ею автора. А он все таил, укрывал, вынашивая, растя в сердце свое дитя, свой плод.

Гончаров готовился, собирался к изображению возрождения, восхождения души со дна греха. Русскому православному писателю предлежало не повторить Дантово ренессансно-анатомическое исследование ада в сопровождении язычника Вергилия, а засвидетельствовать подъем души в соупствии Христу. Здесь нельзя было фантазировать, нельзя было придумывать или додумывать нечто как свое «личное мнение», здесь была необходима святоотеческая богословская традиция, возможно только церковное учение о спасении. От апостолов Православие несет эту полноту учения о внутреннем человеке, из века в век собирая, прикладывая, сохраняя богооткровения и развивая аскетику, соборно преодолевая ереси и лжеучения, кровью мучеников и страданиями исповедников выкупая заблуждения и смывая сомнения — только от него и через него должно судиться всем делам человека и человечества.

Не будем касаться отношений с перехватывающим или нет сюжеты и типы Тургеневым, но рядом с задуманным Гончаровым прошелся Достоевский, закончивший в 1866 году «Преступление и наказание». Прошелся по задаче близко, но по решению далеко — очень уж у него все было от головы, от философии, а, на самом деле, — от невоцерковленности, от непонимания невозможности протестантско-сектантского «самовоскрешения» души вне Церкви. Так и Толстой, в «Войне и мире» попытавшийся раскрыть тайну преображения человека перед лицом смерти или через страдания, и тоже не сумевший выйти за умозаключения психологии. Через много лет Лев Николаевич повторит попытку «Воскресением», уже много позже «Обрыва», и теперь уже в принципиальной своей антицерковности.

«План романа «Обрыв» родился у меня в 1849 году на Волге, когда я, после четырнадцатилетнего отсутствия, в первый раз посетил Симбирск, свою родину». В 1849! И только в 1869 году в пяти номерах журнала «Вестник Европы» долгожданное произведение публикуется. И — полное недоумение читающей публики... Салтыковы возникли — «старческое бормотание»: где же о демократии, о свободах и просвещении? Где новые бойцы и борцы за идеалы, за светлое для всех будущее? Ну, хотя бы прежнее обличение костного и темного?

Если некогда «передовое общество» возмутилось «Избранными местами...», обвинив Гоголя в разрушении эстетических договоренностей, норм художественности, законов беллетристики, то тут-то все правила литературы были соблюдены. Никаких назиданий, никакого менторства — и очень даже занимательный сюжет с яркими характерами и мастерски выписанными бытовыми подробностями. Что же для читателей было «не так»? «Не так» для читателей, чьи вкусы были сформированы Герценом и Белинским, Добролюбовым и Чернышевским, Салтыковым и Некрасовым, оказался сам вышедший, вызревший на свою сверхзадачу Гончаров! «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»... Уже не прохладной расцерковленностью, уже ледяным антихристианством накрывало Россию. Гордыня эпидемией поражала и молодых, и старых, уже невозможно стало представить «приличного человека», хотя бы из детства вспоминавшего «Не судите, да не судимы будете». Судить, винить-обвинять других — правительство, чи-

новничество, бар, буржуев, попов, кулаков, воров, полицию, дураков и дороги — да кого и что угодно, лишь бы не себя, стало «хорошим тоном». Проклятые вопросы русской интеллигенции ставили задающих их в красивую позу «в этом невиноватых», то есть безгрешных. Что там, газеты и клубные собрания, семейные обеды и музыкальные вечера не представлялись без критики и осуждения.

И вдруг «Обрыв».

Призыв к покаянию был первым призывом, первой проповедью Иисуса Христа: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие». «Как бы ни возвышенны были наши подвиги, но если бы мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны, и тщетны. При исходе души нашей мы не будем ни в чем обвиняемы так, как в том, что не плакали непрестанно о грехах своих», — предупреждал святой Иоанн Лествичник. И святитель Игнатий (Брянчанинов) разъясняет: «В покаянии совмещаются все заповеди Божии. Покаяние есть сознание своего падения, соделавшего естество человеческое непотребным, оскверненным и потому постоянно нуждающимся в Спасителе».

Христос победил смерть, но как ее побеждать христианам? Неотступностью от него: «Да не убо похитит меня сатана и похвалится, Слове, еже отторгнути мя от Твоей руки и ограда». Каким же образом душа не отступает, не отстает от Христа? Покаянием. *Постоянство нужды в Спасителе через постоянство покаяния* — это и есть направляющая и охраняющая сила душевных путей к вечности, это и есть способ спасения! И Гончаров освещает нашу литературу образом *Бабушки* — Татьяны Марковны Бережковой. Это ни в коем случае не просто очередной русский тип, это *единосущность русских типов*. Русских по Православию жизни, Православием жизни. В ней и через нее автор раскрывает русскому читателю, как именно «В покаянии совмещаются все заповеди Божии». Она — ключ, открывающий двери спасения всем остальным героям романа: ведь все виды путающих, безобразящих, уродующих любовь страстей — похотливо-животных ли, безумных, или же головных, пепелятся, исчезают дымом и тают воском от огня сердечного покаяния. Ведь ошибки, отступничества и нравственные болезни рубцуются, изглаживаются и врачуются *постоянной нуждой в Спасителе постоянно кающегося*: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Татьяна Марковна — герой покаянного воскрешения из мертвых, и этим она выше всех «старцев-философов» Достоевского.

Величие писателя Гончарова раскрылось в его православном смиренномудрии. Смиренномудрии, удержавшем его в профессии, в художественности, не позволившем ему вздуться до назидательного псевдоклерикализма, до менторского псевдопророчества. Гончаров сумел сделать свое дело, сумел исполнить свою сверхзадачу данным ему от Бога талантом и своим мастерством, утверждая, что «верная сцена или удачный портрет действуют сильнее всякой морали, изложенной в сентенции».

Но кто вокруг мог оценить соделанное? «За *Бабушку* меня особенно казнят...». Впрочем, намного раньше к покаянию выводил своего Годунова Пушкин, и уже тогда оказался вне понимания.

Что уж раболепствующая духу времени публика, когда умение не выходить за сложившиеся воззрения о художественности в литературе, умение, не меняя узаконенных внешних форм, наполнять их принципиально новым

содержанием, не понимали и собраты-писатели! Насколько же характерен отзыв Толстого о Достоевском: «Конечно, это настоящий писатель, с истинно религиозным исканием, не как какой-нибудь Гончаров». Религиозные — не искания, а находки! в «Обрыве» не воспринимались потому, что они совершенно, безотносительно полностью принадлежали учению Православной Церкви о спасении. Не принималось не «принципиально новое», нет, веком горделивых покорений природы гордо отрицалось «принципиально старое». То есть вечное. И *призрак* обретал материальность.

Цель христианской жизни в стяжании Духа Святаго. Цель христианского искусства об этом стяжании поведать. Цель искусства русского — в исповедании Православия. Итак, закончив романную триаду об умертвлении, суботствовании и воскрешении внутреннего человека, Иван Александрович Гончаров выполнил свою сверхзадачу, и с «Обрыва» общеевропейская форма классического романа наполнилась православным содержанием — с «Обрыва» началась история романа собственно русского.

Да, время меняет читателя, и вслед тому меняется литература. От новых писателей ждут и требуют изобретения или освоения новых форм. Но если эти писатели русские, все новое будет наполнено вечным. Истинным. Ведь *ни одна культура, ни одна цивилизация не дала нам ничего выше, чем Христос.*

ВЫШЛА КНИГА

Сергуненков Б. Н.

Сказки / Борис Сергуненков; Рисунки Коринны Претро. М.: НО «Издательский центр «Москвоведение», 2015. — 320 с.: ил.

Мы рады представить читателю новую книгу избранных сказок Бориса Сергуненкова. Богатые смыслом, неожиданные сюжетно, ироничные и философские сказки — плод его богатого жизненного опыта, глубокого природного таланта и особого склада ума. Они и для детей, и для юношества, и для взрослых; их стоит читать и обсуждать в семье. Иллюстрации к ним сделала Коринна Германовна Претро.

Андрей ТИМОФЕЕВ

«НОВЫЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» КАК БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрей Николаевич Тимофеев — родился в 1985 г. в городе Салавате республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Роман-газета» и др. Лауреат премии им. И. А. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), премии «В поисках правды и справедливости» (2015), премии им. А. И. Кузьмина журнала «Наш современник» (2016). **Живет в Москве.**

И тоска еще бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе, что любой несправедливый выкрик в свой адрес простишь критику...

В. Лихоносов

Новое поколение в литературе это не всегда радость обретения значительных произведений или авторов, обладающих полноценным художественным мировоззрением, — но всегда надежда. И потому, чтобы рассуждать о новом поколении, недостаточно, на наш взгляд, просто перечислить наиболее талантливых его представителей, проанализировать их достоинства и недостатки, сделать выводы об их сходстве или различии между собой. Важно сказать, на что же мы надеемся, т. е. ответить на вопрос, какой именно мы хотим видеть современную литературу, какими качествами она должна была бы обладать, какие задачи ставить, какие вопросы решать — иначе говоря, каким мы представляем себе ее идеальный образ. Такой подход вообще характерен для русской критики — например, В. Белинский и Ап. Григорьев, а в последние времена — В. Кожин, М. Лобанов, Ю. Селезнев не мыслили себе разговор не только о молодом поколении, но и вообще обо всей современной им литературе без проверки ее на соответствие суровому идеалу, который они держали в своем уме и своем сердце.

По этому пути попробуем пойти и мы.

Но для того, чтобы говорить об идеале, формировать в своем представлении не абстрактные его характеристики, а реальный, объективно существующий образ, необходимо понять, в какой точке исторического развития отечественной словесности мы находимся в настоящее время — как мы здесь оказались, куда движемся. Нельзя писать о современной

литературе, не осмыслив историю ее развития, не поняв внутренней логики, по которой это развитие происходит, ведь *«полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед»*¹.

В рамках этой статьи мы, конечно же, не будем покушаться на осмысление тысячелетнего пути русской литературы — лишь укажем на то, что отечественная критика занималась этим напряженным осмыслением и именно в нем (а не в простом разборе произведений современников) видела свое подлинное назначение. И мы теперь можем следовать по этому проторенному пути, обнаруживая основание духовно-нравственных исканий русской литературы в ее древних памятниках, таких как «Слово о Законе и Благодати» и «Повесть временных лет»; наблюдая, как русское народное самосознание впервые во всей целостности воплотилось в личности Пушкина; как напряженно и трагически искала русская литература возможность преодолеть *«пошлость пошлого человека»* в произведениях Гоголя; как пыталась *«при полном реализме найти в человеке человека»* в романах Достоевского; как спускалась на неведомую еще литературе глубину человеческого характера в диалектике Толстого; как приходила к потрясающей широте народного у Шолохова; как внезапно выражала то советское, что являлось частью подлинно русского, в лице Андрея Платонова и Леонида Леонова; как копила мудрости в военной прозе 60-х и выражала накопленное в «деревенской прозе». Развитие русской литературы — глубокий и сложный, но в то же время внутренне логичный процесс, и мы до сих пор находимся внутри этого процесса, хотя до конца и не отдаем себе в этом отчета. А значит, и идеальный образ современной литературы не может не быть как бы продолжением этой магистральной линии.

Но для того чтобы продолжать, нужно от чего-то оттолкнуться. Не могло быть Гоголя без Пушкина; Достоевского без Гоголя; Шолохова без Толстого — вот и современная литература не может появиться на пустом месте, не может не быть связанной с последним мощным явлением в русской литературе на сегодняшний момент — с «деревенской прозой» 60–80-х годов. Конечно, здесь под «деревенской прозой» мы подразумеваем вовсе не узко тематическую литературу о деревне и крестьянстве, а те наиболее значительные художественные произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, которые в первую очередь, по словам Валентина Распутина, *«занимались нравственным здоровьем человека — и человека настоящего, и человека будущего»*. У деревенского направления были и другие цели — выражение народного самосознания, развитие и обогащение языка художественной прозы, сохранение памяти об укладе народной крестьянской жизни, решение насущных общественных проблем, но поиск и утверждение нравственного идеала было целью первоочередной. И именно в этом современная литература призвана продолжать традиции своих предшественников.

Однако если в 60–80-х годах авторам деревенской прозы идеал виделся ясно и явно: *«добро и зло отличались, имели собственный четкий образ»*²,

¹ Герцен А. И. Дилетанты-романтики // Собр. соч. в 8-ми томах. М.: Правда, 1975. Т. 2. С. 586.

² Распутин В. Г. Пожар.

и лишь угадывались в людях, то что добро и зло вскоре перемешаются, что *«добро в чистом виде превратится в слабость, зло — в силу»*, то современные писатели получили в наследство от морока 90-х годов не только разрушенную страну, но и поврежденный нравственный облик человека. И это, безусловно, главный вызов, с которым новому поколению придется столкнуться.

Между «деревенской прозой» и сегодняшним молодым поколением — три десятка лет, вместивших перестроечное брожение, крушение страны, постмодернистский угар и медленное отрезвление — три десятка лет, во время которых у писателей и критиков традиционного направления почти не оставалось сил на осмысление, а хватало только на истощающую борьбу, необходимую для выживания русской литературы. Но задача нового поколения уже не бой во внешнем литературном и общественном процессе — не утверждение реализма над постмодернизмом, а патриотизма над либерализмом, задача нового поколения — поиск и осмысление внутреннего вместо внешнего, и в этом смысле — возвращение и подлинное наследование великим авторам русской литературы. Впрочем, может показаться, что мы считаем последние тридцать лет эдаким черным пятном, во время которого не происходило никаких особенных художественных достижений и открытий, это, конечно же, не так. Во-первых, в это время продолжали творить признанные классики «деревенской прозы»; во-вторых, писали свои лучшие произведения те, кого можно было бы назвать «младшими деревенщиками» — Владимир Личутин, Владимир Крупин и духовно близкие им — Николай Дорошенко, Петр Краснов, Вера Галактионова, Василий Дворцов; продолжали это направление в следующем поколении — Михаил Тарковский, Анна и Константин Смородиные; а в следующем — ближайшие предшественники героев нашей статьи — Ирина Мамаева и Дмитрий Новиков. Все эти авторы так или иначе черпали творческие силы в следовании традиции и пытались осмыслить тяжелое для страны и народа время, в котором жили; и они так же могут служить примерами для молодых авторов, входящих сегодня в литературу.

И вот теперь, оглянувшись назад и определив в прошлом те маяки, на которые нам необходимо ориентироваться, мы можем двинуться вперед и попытаться ответить на вопрос, какой же мы видим идеальный образ современной литературы, что ждем от нового поколения, какие надежды (может, чрезмерно смелые) на него возлагаем.

Итак, во-первых, современная литература, на наш взгляд, призвана пытаться проникнуть вглубь человека, осознавая и открывая всю сложность его душевного мира, всю бездну возможного падения и всю пронзительность раскаяния и милосердия. Ведь в центре русской литературы всегда были душа человека и тот нравственный компас, который позволял ему различать добро и зло. И речь идет не только об исследовании вечной неизменяемой природы человека, но и ответе на вопрос, что нового современная эпоха может открыть внутри нас, как она изменяет нас, и как мы сами можем изменяться и двигаться к извечному нравственному идеалу в новых исторических условиях.

Во-вторых, современная литература, на наш взгляд, призвана воплотить в своих произведениях народное самосознание, понять, как русский народ воспринимает современный исторический этап своего развития. Тра-

гедии 90-х годов уже было посвящено несколько серьезных художественных произведений, например, повесть Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» или повесть Николая Дорошенко «Запретный художник», но это был взгляд еще как бы изнутри, полный горечи и отчаяния, — возможно, более полное осмысление этой трагедии еще впереди. С другой стороны, в последнее время произошли страшные события на Донбассе, которые, несомненно, ждут своего автора. И может быть, идея русского мира, о которой так много сейчас говорят, будет восприниматься нашими потомками не просто поверхностным лозунгом, а началом мощного всплеска народного самосознания.

Понять, что нового современная эпоха открывает внутри нас и как русский народ в своей целостности воспринимает текущий этап своего развития — это значит, по большому счету, осмыслить свое время. Зачастую современная, особенно либеральная, критика представляет отражение своего времени — главной задачей литературы, однако понимает это отражение как запечатление сиюминутных тенденций, эдакого фотографического слежка с мгновенной ситуации, и не желает признавать, что тенденции эти потеряют актуальность через несколько лет — а вместе с ними почти наверняка утратят ценность и творчество писателя, который пытается эти тенденции схватить, и размышления критика о таком писателе. Подобный взгляд — поверхностен, он отражает отсутствие целостного мировоззрения. Напротив, понять, что в нравственном устройстве человека и в мироощущении народа есть характерного именно для сегодняшнего исторического момента, — значит разрешить вопрос об отражении своего времени максимально полно и глубоко.

И задача эта даже не узко литературная, но и в полном смысле общественная. Ведь сейчас мы приходим к пониманию того, что экономика, политика, военная мощь — все это ничто без человека, без антропологического идеала, обрести который невозможно без осознания себя частью своего народа. И задача русской цивилизации сейчас не только и не столько в том, чтобы вернуться к сильному справедливому государству, но, прежде всего, в том, чтобы показать этот идеал поступками, а в конечном счете — всей жизнью каждого русского человека. Эту задачу невозможно решить в той модели коллективистского государства, где в духе Великого инквизитора распределяются небольшие материальные блага взамен на покорность, которую предлагают сейчас многие, даже искренне желающие России добра и процветания, люди. Воспитание целостного мировоззрения наших соотечественников, обретение в каждом из них глубокой личности — вот что могло бы дать нам шанс. А воспитание целостного мировоззрения невозможно без искусства и, в частности, без литературы.

И, наконец, в-третьих, развал страны в начале 90-х годов прошлого века не только обернулся глубокой трагедией русского народа, не только дал нам небывалый опыт крушения и возрождения, но и высвободил тот мощный религиозный пласт, который находился у наших соотечественников в генах, воздействовал на них опосредованно, через русскую литературу и философию, но не мог быть осознан в полной мере в советское время. И теперь мы можем говорить о том, что у современной литературы есть и еще одна задача, даже сверхзадача, может, и невыполнимая практически, но чрезвычайно важная — это выразить христианское мировоззрение, по-

нять и показать человека, в душе которого с силой властвует христианский Идеал, но сделать это не в форме нравоучительной сентенции, а в форме живой жизни, воплощенной в слове. Это означало бы следующий шаг от предельной человечности русской литературы (и «деревенской прозы» как последнего мощного его воплощения) ко второму тому «Мертвых душ». И может быть, русской литературе и нужно было сначала заглянуть так глубоко в человека, как она смогла сделать в романах Достоевского и Толстого, а потом в полной мере осознать свою близость к народу, к его корням, в лучших произведениях XX века, чтобы, наконец, пережив очередную трагедию, развалившую страну изнутри, показать всему миру путь человека к христианскому Идеалу.

Допустим это; скажем об этом ясно, но осторожно; поймем умом, что обыкновенный грешный человек не может претендовать на то, чтобы вести кого бы то ни было к Идеалу; осознаем опасность *«говорить о грехе там, где надо говорить об ужасе, или о святости там, где надо говорить о красоте»*¹. И более не дерзнем рассуждать о том, что не можем вместить в себя — лишь сохраним в сердце этот образ как недостижимый Идеал *«воображаемой, возможной литературы»*, предоставив промыслительной силе определить, в какой мере этот Идеал достижим в реальном мире.

Авторы нового поколения в литературе, которых мы можем с некоторой долей условности назвать «новыми традиционалистами» (те, кому сейчас или меньше тридцати или немногим больше), заслуживают, конечно же, полноценной статьи о своем творчестве — с погружением в художественный мир каждого автора, с тщательным разбором наиболее серьезных произведений. Здесь же мы попытаемся лишь кратко сказать о некоторых из них.

Во-первых, это, конечно же, иркутский прозаик **Андрей Антипин**. О нем сейчас особенно много пишут в контексте его густого языка, отчасти наследующего языку Валентина Распутина. Но Антипин это не просто язык, это внутреннее следование той правде, на которой всегда держалась русская литература. В Антипине, как ни в одном другом молодом (а может, и вообще — ни в одном другом сейчас в России) авторе, есть, на наш взгляд, по-настоящему полноценное восприятие русского народа как единого целого. И это его самое сильное качество в полной мере воплотилось в его зрелой повести — «Дядька»².

В «Дядьке» «человеческая трагедия» мужика Мишки, ведущего бесцельную, пьяную неприкаянную жизнь, без семьи, без детей, без смысла существования, и так же бесцельно и нелепо умирающего, вдруг прорывает границы отдельной судьбы, выливаясь в единое горькое характерное. И оттого и повесть поднимается на невиданный еще для молодого писателя уровень обобщения; устремляется куда-то ввысь, туда, где великие русские писатели осмыслили народное начало как основу русской жизни.

«Братское сцепление» личного и народного определяется тем вековым и исконно родовым, что есть в «Дядьке», а именно — упрямым стремлением к высшей правде и невозможностью жить без нее. Наверно,

¹ *Антоний Сурожский, митрополит. Духовная жизнь. Фонд «Духовное наследие»*, 2013. 368 с.

² «Наш современник», № 9, 2013.

это в той или иной мере свойственно каждому человеку, но русскому — в большей степени, потому что именно русский человек без ощущения правды сразу же впадает в разгул и не может довольствоваться простой мещанской жизнью. И не от тяжести жизни погибают эти деревенские мужики, не просто от того, что пьют и гуляют, а от отсутствия главного, ради чего можно жить и отдать свою жизнь без остатка. И потому и «погано» наше время, что лишен русский человек своего идеала — в этом, наверно, главный вывод повести.

Подобно тому, как Андрей Антипин вольготно чувствует себя в народной языковой среде, прозаик из города Электросталь Московской области **Юрий Лунин** — прекрасно ориентируется в мире психологических деталей и тонких движениях души человека. Именно они и составляют предмет его напряженного изучения, и образуют в его произведениях ту едва уловимую художественную среду, в которой собственно и разворачивается главное движение рассказа.

В центре рассказа «Через кладбище»¹ — взаимоотношения между отцом и сыном. Последовательно воспроизводится прозаиком то, как сын во всем старается соревноваться с отцом, и в то же время хочет, чтобы отец был лучше, сильнее остальных взрослых. Главная же линия рассказа связана с образом кладбища, по которому отец и сын идут за грибами. Здесь первый раз просыпается в сыне жалость к отцу и страх его будущей смерти. Так кладбище становится уже не просто местом действия, но — образом того неведомого, болезни ли, старения или смерти, что подстерегает отца и от чего хочет оградить его сын.

Кончается рассказ внезапным «катарсисом»: *«Как-то сразу, без прелюдии первых осторожных капель, пошел крупный дождь; будто кто-то очень долго молчал и вдруг заговорил, спокойно и тоже надолго»*. После спрессованной «духоты» переживаний героя, его волнений и напряженного самокопания этот дождь приносит свежесть и освобождение. Это сделано не нарочито, без акцента, но действует очень сильно, удивительно готовя будущее «примирение» отца и сына и победу над кладбищенской грустью. Именно подобный психологизм и характеризует Лунина-прозаика. Там, где Андрей Антипин, например, дал бы один крупный и сочный образ, раскрывающий взаимоотношения отца и сына, Лунин останавливается и отслеживает их в мельчайших подробностях.

В иной манере работает прозаик из Москвы **Елена Тулушева**. Ей несвойственно подробно исследовать внутренний мир героя, ее умение — несколькими резкими штрихами нарисовать психологический портрет. Но главное, в рассказах Тулушевой есть то, что можно назвать «ударами» в литературе, — это детали такой художественной силы, в которых бытовое содержание как бы прорывается сгустком концентрированного бытия, подобно тому, как магма вырывается из земной коры при извержении вулкана. По сути «удары» это есть те же удачно подмеченные психологические детали, но обретающие силу обобщения, характеризующие уже не только состояние отдельно взятого героя, но и что-то важное в устройстве мироздания вообще.

¹ «Наш современник», № 10, 2016.

Характерный пример такого «удара» мы можем найти в рассказе «Слава»¹, где речь идет о будущем убийце, скинхede, воспитанном одинокой набожной матерью. Однажды в обмен на разрешение поехать в летний скаутский лагерь мать заставляет героя провести с ней два часа в церкви. И в этот момент с ним случается неожиданное. Конечно же, не какое-то религиозное откровение (это было бы психологической фальшью), просто Слава иначе начинает смотреть на свою мать: *«А потом он увидел ее... как-то по-новому увидел... она показалась совсем чужой и далекой, как из другого мира. В этом своем смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу — она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества»*. И здесь-то мы и узнаем о глубокой пропасти, отделяющей Славу и его мать друг от друга: *«Раньше ее слова вызывали боль и обиду. «Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!» — Ну да, конечно, на втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер! — он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, ударила в религию, променяв на нее, — он с горечью повторял это, растрavляя душу, — его, Славу, единственного сына»*. И в этом душевном, даже духовном разрыве между героем и матерью (поведение которой едва ли можно назвать по-настоящему христианским) и есть, возможно, подлинная причина Славиного скинхедства, его жестокости и, наконец, готовности убить человека. Вот на что замахивается Елена Тулушева. Этот эпизод очень большой художественной силы открывает нам путь к настоящему углублению в характер подростка Славы, а может, и во что-то важное, что таится в каждом человеке.

Кроме того, есть еще совсем молодые прозаики **Алена Белоусенко** из Тверской области и **Иван Маков** из Санкт-Петербурга, которые в своих рассказах пытаются не только раскрыть нам внутренний мир своих героев, но и показать их преображение.

Так, рассказ Белоусенко «Куколка»² начинается с того, что главный герой Сергей ждет своего друга Костю, который серьезно болен, но, не в силах побороть «нетерпение сердца», заставляющее его всякий раз чувствовать неловкость в присутствии друга, отменяет встречу в последний момент. В последнем же эпизоде рассказа, происходящем через несколько месяцев после первого, Сергей все-таки дожидается друга, и мы понимаем, что это обусловлено тем, что герой стал внутренне сильнее. Все это сделано без какого бы то ни было нравоучения, без единого намека на этическую сентенцию — в тонкости мельчайших эмоциональных переживаний героя. Впрочем, сам переход не показан прозаиком полноценно. То, что мы видим в рассказе, это, скорее психологическая подготовка к изменению, отслеживание постепенного размягчения сердца Сергея, приводящего к первому порыву на пути к изменению. Но все это происходит в таком нарастании напряжения в художественной ткани рассказа, что мы безошибочно угадываем — изменение героя обязательно произойдет.

¹ «Наш современник», № 3, 2014.

² «Наш современник», № 10, 2016.

В центре рассказа (или, по определению автора, поэмы) Макова «Жизнь последнего человека»¹ — движение от бытовых забот обыкновенного деревенского жителя Лени к смиренному принятию смерти. Сначала — холодное безразличие ко всему окружающему и бессильный ропот на Бога, выливающийся в настойчивые вопросы: «Зачем живу я». Потом — описание ночи, наполненной «порчей воспоминаний», во время которой на память Лене приходит все злое, что он совершал. А затем — умиротворение от собственной слабости, размышления о Сыне Божьем и, наконец, молитва от всего сердца.

Кажется, что Белоусенко и Маков могут пойти по пути раскрытия полноценного душевного (а может, со временем, и духовного) мира своих героев. Конечно, их рассказы не претендуют на выражение какой бы то ни было полноты христианского мировоззрения, но очень важны для нас, как первые ростки того нового, с чем мы связываем главные надежды современного литературного процесса.

Впрочем, авторы, творчества которых мы сейчас коснулись, это лишь некоторые представители талантливого молодого поколения, показавшиеся нам наиболее близкими к нашему представлению об идеальном образе новой отечественной литературы. Есть и другие. Это, например, лауреаты молодежной премии «Нашего современника» 2009 и 2011 годов москвичи **Анастасия Чернова** и **Олег Сочалин**. Дебютировавший в «Нашем современнике» в прошлом году с повестью «Темнеет рано»² автор из города Северодвинска **Антон Шушарин** и продолжающий Шукшинские традиции дивеевский прозаик **Антон Лукин**.

Это и петербургский писатель **Дмитрий Филиппов**, в чьем творчестве подлинно русское как бы борется с влиянием прилепинско-шаргуновского «нового реализма», и когда побеждает первое, получается, например, пронзительная повесть «Три дня Осоргина»³. Это **Евгения Декина** из города Прокопьевск Кемеровской области, чей рассказ «Сын Ваньки Пантелеева»⁴ мог бы служить примером текста, в котором совершается органическое преобразование героя, а повесть «Золотой корень»⁵ свидетельствует о желании охватить жизнь в ее широте, проникнув в душу разных героев. К тому же поколению «новых традиционалистов» можно отнести прозаиков **Наталию Мелехину** и **Ирину Богатыреву**, **Евгения Москвина** и **Бориса Пейгина**, **Кирилла Яблочкина** и **Константина Куприянова**.

Кто из этих авторов станет по-настоящему значительным русским писателем, покажет время. А сейчас мы можем лишь с замиранием сердца ждать — появится ли из куколки та прекрасная бабочка «воображаемой, возможной литературы», которую мы так жаждем и очертания которой уже сейчас находим в текстах молодых авторов. Обратимся же к их произведениям, испытаем радость открытия талантливого имени, посмотрим на мир их молодыми глазами, устремленными в будущее. И поймем, что надежда наша не напрасна.

¹ Русский литературный журнал «МолОКО», № 2, 2016.

² «Наш современник», № 10, 2015.

³ «Нева», № 1, 2014.

⁴ Русский литературный журнал «МолОКО», № 2, 2015.

⁵ «Октябрь», № 8, 2016.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенов Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodная.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezhha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми			
Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник		
	Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенов Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний			
Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика	Москвитин		
Саха (Якутия)	Сергей Владимирович	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 10.04.2017 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1704001.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.